

ТАЛЕРГОФСКИЙ АЛЬМАНАХЪ.

ПРОПАМЯТНАЯ КНИГА

**австрийскихъ жестокостей, изувѣрствъ и
насилій надъ карпато-русскимъ народомъ
во время всемірной войны 1914 — 1917 гг.**

Выпускъ первый.

**Терроръ въ Галичинѣ въ первый
періодъ войны 1914 — 1915 гг.**

== ЛЬВОВЪ, 1924. ==

=== Изданіе „Талергофскаго Комитета“. ===
ТИПОГРАФІЯ СТАВРОПИГІЙСКАГО ИНСТИТУТА
подъ управленіемъ А. И. ЯСЬНОВА.

ГАЛИЦКАЯ ГОЛГОФА.

Отходящая тьма предъ разсвѣтомъ особенно черна и грозна. Послѣднія судороги бури, проломные порывы шквала наиболее неистовы и злы. Побѣдный восторгъ достиженія, торжествующій прорывъ новой жизни и воли жертвенно искупаются раньше жестокой и жуткой мистеріей сугубыхъ томленій и мукъ. Искупительный путь къ Воскресенію ведетъ черезъ крестныя страсти Голгофы.

И такой именно страшной и мучительной крестной жертвой искупила и наша многострадальная родина—иастари нуждой прибитая и невбывнымъ горемъ повитая Прикарпатская Русь — свой долгожданный, но, увы, оказавшійся столь непродолжительнымъ и непрочнымъ, освободительный, воскресный миражъ 1914—1915 годовъ. Закаленная въ многовѣковой борьбѣ и неволѣ, привычная къ наилютѣйшимъ гоненіямъ и мукамъ, она, извѣчная страдальца-раба, подверглась тутъ такой бѣшеней облавѣ и травлѣ, такимъ чудовищнымъ издѣвательствамъ и пыткамъ, предъ которыми вчужѣ блѣднѣютъ самые мрачные и дикіе ужасы средневѣковыхъ изуверствъ и боевъ, которые превзойдены ужъ развѣ только нынѣшнимъ лютымъ кошмаромъ „чрезвычайныхъ“ застѣнковъ и норъ.

Въ смертельномъ предчувствіи близкаго паденія и бѣгства, въ судорожномъ страхѣ мрачнаго и поворнаго конца, обезумѣвшій врагъ пытался выместить на своей безвинной и безответной жертвѣ послѣднюю, отчаянную свою ярость, упырно упиться ея сиротскими слезами и кровью въ свой крайній, предъутренній часъ.

И упился тутъ ими онъ въ волю, сверхъ всяческой мѣры и краю! Залилъ, обогрѣлъ ими всю жалкую жертву-страну. Оплевалъ, осквернилъ скорбное лицо мученицы трупнымъ ядомъ своей кощунственной слюны. Опалилъ, прожегъ ее сплошь злобнымъ заревомъ бессмысленныхъ пожаровъ и костровъ. Разорилъ ея убогія, старыя хижины, ограбилъ или уничтожилъ злостно ея сѣренскій, нищенскій скарбъ. Поругалъ ея тихія, завѣтные святыни, звѣрски оскорбилъ ея чистую вѣру и народную честь. Завалилъ свой бѣглый, злопаметный путь безчисленными трупами ея лучшихъ, любимыхъ сыновъ. А тысячи, тысячи другихъ злобно повергъ въ свои цѣпкія тюрьмы, истязалъ ихъ и мучилъ нещадно, а затѣмъ и увлекъ за собою на своемъ предъисчерпанномъ бѣгу.

О, да будетъ же проклята въ мірѣ его гнусная, страшная память, пусть сгинетъ на вѣчныя вѣки этотъ дакій, безумный кошмаръ!

Но выставить и пригвоздить весь этотъ кошмаръ и ужасъ къ поворотному столбу исторіи все-таки желательно и нужно. Хотя-бы только для безстрастного и нелицеприятнаго суда грядущихъ временъ, хотя-бы для прославленнаго увѣковѣченія испытанныхъ тутъ нашимъ народомъ ужасныхъ мытарствъ, издѣвательствъ и мукъ. Для достойнаго и признательнаго запечатлѣнія на пропамятныхъ скрижаляхъ исторіи его сверхчувственного долготерпѣнія и вѣрнаго и устойчиваго героизма на искупительномъ крестѣ.

Воспринялъ нашъ доблестный мученикъ-народъ всю эту жестокою казнью и хулу, какъ и всѣ прежнія гоненія и козни подъ австрійскимъ ярмомъ, не за какую-нибудь дѣйствительную измѣну или другую опредѣленную вину, которыхъ тутъ въ общемъ, въ спокойномъ національно-культурномъ быту и трудѣ его, и не было, и быть не могло, а просто и исключительно только благодаря тому, что рядомъ, бокъ-о-бокъ, жила-цвѣла могучая, единокровная ему Россія, передъ которой дряхлая тюрьма народовъ — Австрія всегда испытывала самый злобный и неистовый страхъ. И въ этомъ-то суетномъ страхѣ, въ этой трусливой враждѣ ея къ Россіи, съ одной стороны, а въ русскомъ же обликѣ, сознаний и даже имени нашего влосчастнаго народа, съ другой, и слѣдуетъ, очевидно, признать ту главную, основную причину, тотъ внутренний двигатель зла, которые и вызвали нынѣ, въ безумномъ военномъ угарѣ, весь этотъ чудовищный, жуткій кошмаръ.

Словно въ дикомъ, равбойномъ разгулѣ, какъ въ безумномъ, кровавомъ бреду, разомъ ринулись на несчастную жертву, вдругъ сорвавшись съ правдныхъ своръ и цѣпей, какъ всѣ органы государственной стражи и власти, такъ и всякія темныя и враждебныя силы въ странѣ вообще.

Такъ, съ первыхъ-же сполоховъ бури, заранѣе обреченная на гибель, вся вѣрная національнымъ завѣтамъ, сознательная часть мѣстнаго русскаго населенія была сразу-же объявлена внѣ всякаго закона и цита, а вслѣдъ за этимъ и подвергнута тутъ-же безпощадной травлѣ и бойнѣ. По отношенію къ этимъ — по государственной логикѣ Австріи — завѣдомымъ и обязательнымъ „измѣнникамъ“ и „шпіонамъ“ — „русофиламъ“ — всѣ экстренныя мѣры воздѣйствія и мести стали теперь, внѣ обычныхъ нормъ и условій культуры и правопорядка, умѣстны, цѣлесообразны и хороши. Всѣ наличныя средства и силы государственной охраны и власти, вся наружная и тайная полиція, кадровая и полевая свора жандармовъ, а даже отдѣльные воинскіе части и посты, дружно двинулись теперь противъ этихъ ненавистныхъ и опасныхъ „тварей“ и стали бѣшено рыскать по несчастной странѣ безъ всякой помѣхи и узды. А за ихъ грозными и удобными спинами и штыками привольно и безудержно засуетился также, захлебываясь отъ торжествующей злобы, вражды и хулы, и всякій ужъ частный австрофильскій накипень и сбродъ, съ окающимъ братомъ-изавѣромъ — Каиномъ несчастнаго народа — во главѣ...

И это послѣднее уродливое явленіе, ужъ помимо самой сущности вещей, слѣдуетъ тутъ выдвинуть съ особымъ возмущеніемъ и прискорбіемъ на видъ, на поворотъ грядущимъ поколѣніямъ, на проклятіе отъ рода въ родъ! Потому что, если всѣ чужіе, инородные сограждане наши, какъ евреи, поляки, мадьяры или нѣмцы, и пытались тутъ всячески тоже, подъ шумокъ и хаосъ военной разрухи, безнаказанно свести со своимъ безпомощнымъ политическимъ противникомъ свои старыя споры и счета или даже только такъ или иначе проявить и выместить на немъ свой утарный „патріотическій“ пылъ или гнѣвъ вообще, то все-таки дѣлали все это, какъ ни какъ, завѣдомо чужіе и болѣе или менѣе даже враждебные намъ элементы, да и то далеко не во всей организованной и сплошной своей массѣ, а только, пожалуй, въ самыхъ худшихъ и малокультурныхъ своихъ низахъ, дѣйствовавшихъ къ тому-же большей частью по прямому наущенію властей или въ стадномъ порывѣ сфанатизованной толпы. А между тѣмъ, свой-же, единокровный братъ, вскормленный и натравленный Австріей „украинскій“ дегенератъ, учтя исключительно удобный и благопріятный для своихъ партійныхъ происковъ и пакостей моментъ, возвелъ всѣ эти гнусныя и подлые наветы, надругательства и козни надъ собственнымъ народомъ до высшей, чудовищной степени и мѣры, облекъ ихъ въ настоящую систему и норму, вложилъ въ нихъ всю свою пронырливость, настойчивость и силу, весь свой злобный, предательскій ядъ. И мало, что досыта, въ волю — доносами, травлей, разбоемъ — надъ нимъ надругался, гдѣ

могъ, что на муки самъ его предалъ и злостно ограбилъ до тла, но наконецъ даже, въ добавокъ, съ цинической наглостью хама, пытается вдругъ утверждать, что это онъ самъ пострадалъ такъ жестоко отъ лютой австрійской грозы, что это ему именно принадлежитъ этотъ скорбный, мученическій вѣнецъ... А дальше ужъ, въ злостномъ бреду и цинизмѣ, вѣдь, некуда, не съ чѣмъ идти!

Возвращаясь къ самимъ событіямъ, приходится прежде всего отмѣтить, что началось дѣло, конечно, съ повсемѣстнаго и всеобщаго разгрома всѣхъ русскихъ организацій, учреждений и обществъ, до мельчайшихъ кооперативныхъ ячеекъ и дѣтскихъ приютовъ включительно. Въ первый-же день мобилизаціи всѣ они были правительствомъ разогнаны и закрыты, вся жизнь и дѣятельность ихъ разстроена и прекращена, все имущество опечатано или расхищено. Однимъ мановеніемъ грубой, обезумѣвшей силы была вдругъ вся стройная и широкая общественная и культурная организованность и работа спокойнаго русскаго населенія разрушена и пресѣчена, однимъ изувѣрскимъ ударомъ были разомъ уничтожены и смяты благодатные плоды многолѣтнихъ народныхъ усилій и трудовъ. Всякій признакъ, слѣдъ, зародышъ русской жизни былъ вдругъ сметенъ, сбитъ съ родной земли...

А вслѣдъ за тѣмъ пошелъ ужъ и подлинный, живой погромъ. Безъ всякаго суда и слѣдствія, безъ удержу и безъ узды. По первому нелѣпому доносу, по прихоти, корысти и враждѣ. То цѣлой, гремѣщей облавой, то тихо, вырывочно, врозь. На людяхъ и дома, въ работѣ, въ гостяхъ и во снѣ.

Хватали всѣхъ сплошъ, безъ разбора. Кто лишь признавалъ себя русскимъ и русское имя носилъ. У кого была найдена русская газета или книга, икона или открытка изъ Россіи. А то просто кто лишь былъ вымѣченъ, какъ „русофилъ“.

Хватали, кого попало. Интеллигентовъ и крестьянъ, мужчинъ и женщинъ, стариковъ и дѣтей, здоровыхъ и больныхъ. И въ первую голову, конечно, ненавистныхъ имъ русскихъ „поповъ“, доблестныхъ пастырей народа, соль галицко-русской земли.

Хватали, надругались, гнали. Таскали по этапамъ и тюрьмамъ, морили голодомъ и жаждой, томили въ кандалахъ и веревкахъ, избивали, мучили, терзали, — до потери чувствъ, до крови.

И, наконецъ, казни — висѣлицы и разстрѣлы — безъ счета, безъ края и конца. Тысячи безвинныхъ жертвъ, море мученической крови и сиротскихъ слезъ. То по случайному дикому произволу отдѣльныхъ звѣрей-палачей, то по гнуснымъ, шальнымъ приговорамъ нарочитыхъ полевыхъ лже-судовъ. По нелѣпѣйшимъ провокаціямъ и доносамъ, съ одной стороны, а чудовищной жестокости, прихоти или ошибокъ, съ другой. Море крови и слезъ...

А остальныхъ потащили съ собою. Волокли по мытарствамъ и мукамъ, мучили по лагерямъ и тюрьмамъ, вновь терзая голодомъ и стужей, изводя лишениями и моромъ. И, словно въ адскомъ, чудовищномъ фокусѣ, согнали, сгрузили все это, наконецъ, въ лагерь пытокъ и смерти — приснопамятномъ Талергофѣ, по проклятому названію котораго, такимъ образомъ, и возглавляется нынѣ настоящій пропамятный альманахъ.

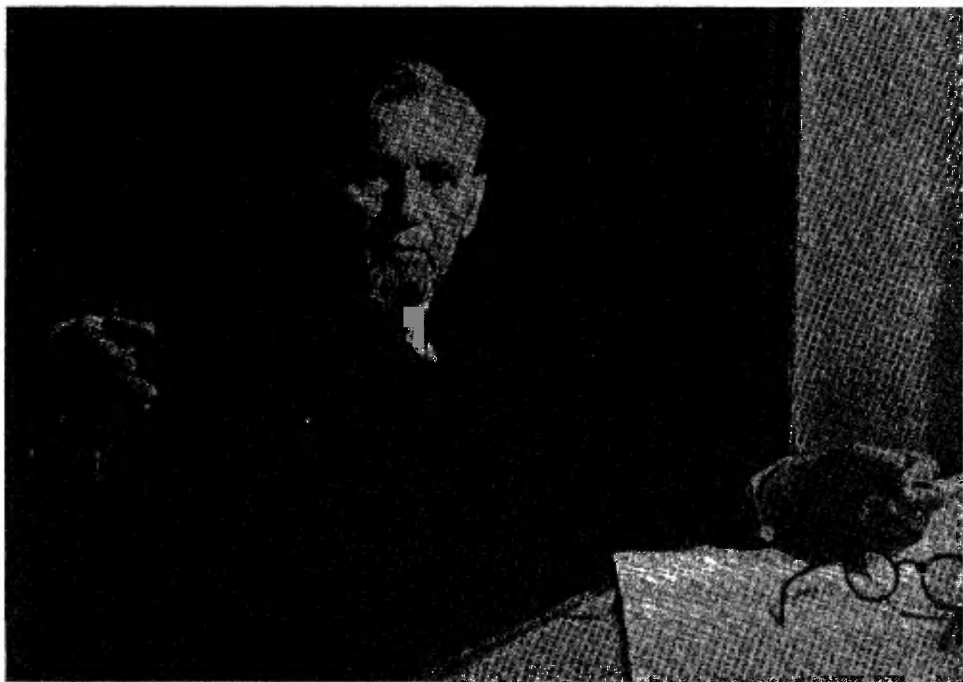
*

Печальная и жуткая это книга. Потрясающая книга бытія, искуса и мукъ многострадальной Галицкой Руси въ кошмарные дни минувшаго грознаго лихолѣтія. Прославленный памятникъ и скорбный помяникъ безвинно выстраданной ею искупительной, вечерней жертвы за Единую, Святую Русь!

Завѣтная, пропамятная книга. Конечно, пока-что она далеко еще не закончена, не полна. Еще много въ ней пробѣловъ и изъяновъ, а даже, можетъ быть, ошибокъ вообще. Цѣлые округи и періоды, многія подробности и черты — за отсутствіемъ свѣдѣній и справокъ — въ ней пока пропущены совсѣмъ. Нѣкоторые данныя, въ особенности — изъ современныхъ газетъ, недостаточно проверены и, можетъ быть, не точны и, смутны. И, наконецъ, въ ней вовсе нѣтъ еще надлежащей исторической цѣльности и призмы, нѣтъ стройности и глади вообще. Лишь сырой и отрывочный сборникъ черновыхъ матеріаловъ и датъ. Но все это нисколько не измѣняетъ самой сущности и вѣрности вещей. Но все-таки уже вполне сквозитъ и оживаетъ вся общая картина во всей своей ужасной яркости и широтѣ.

И эта жуткая и скорбная картина такъ грозно вопіетъ сама ужъ за себя!

Ю. Яворскій.

Выпускъ первый.

Д-р Василій Романович Ваврик.
Талергофецъ, извѣстный общественный дѣятель и писатель
1964.

КЛАДБИЩЕ ВОЗЛЕ ТЕРЕЗИНСКОЙ КРЕПОСТИ.
Здесь покоятся жертвы австро-венгерского террора времен 1914-1917 гг. и жертвы гитлеровских злодеяний времен II-ой Мировой Войны.

ПЕСНЬ ТЕРЕЗИНА

1914-1917 гг.

Ой, цісарю, цісароньку,
На що нас карбуєшь,
За яку провину в тюрмах
Мучишь і мордуєшь.

Ой, скажи нам, цісароньку,
Чим ми провинились,
За що в мурах і болоті
Ми тут опинились?

Предисловіе кь первому выпуску.

Предлагая благосклонному читателю первую книгу о страданиях русского народа Прикарпатья во время мирового пожара, мы должны предупредить его, что в этой книге будет отведено место только тому историческому материалу, который в воображении читателя должен нарисовать яркую и полную картину австро-мадьярского террора, творившагося над русским народом у него дома, в Галичинѣ, Буковинѣ и Угорской Руси, в самом начале великой войны, в 1914 году. Введем его пока в тот первый период войны, который в отношении Галичины ознаменовался послѣдним отходом австро-мадьярских войск за р. Сянь, и дальше за Дунаецъ. Дѣлаемъ это по слѣдующимъ соображеніямъ.

Однимъ изъ самыхъ важныхъ побуждающихъ обстоятельствъ является то, что этотъ периодъ, хотя и связанъ въ многихъ случаяхъ органически съ понятиемъ концентрационныхъ лагерей для русскихъ людей въ глубинѣ Австріи, въ общей сложности всѣхъ тяжелыхъ явленій безпощадной кровавой расправы и при той безбрежной широтѣ мучительной картины нечеловѣческаго издѣвательства и политическаго террора надъ неповиннымъ русскимъ народомъ, несравненно грандіознѣе и ярче въ исторіи обширнѣйшей мартирологіи карпатурскаго народа во время войны, чѣмъ са-

мая ужасныя минуты страданій десятковъ тысячъ русскихъ во всѣхъ концентрационныхъ австрійскихъ лагеряхъ. Талергофъ, Терезинъ, Вѣна и другія мѣста заключенія русскихъ страдальцевъ — это все-таки извѣстная система террора, въ нихъ были опредѣленныя условія, была своя форма, однимъ словомъ — все то, что легче даеся формально установить и опредѣлить. Ибо одно указаніе на характерныя явленія, съ особенной яркостью выдѣлявшіяся на фонѣ мученической жизни заключенныхъ, даетъ уже представленіе о цѣломъ комплексѣ тѣхъ факторовъ, благодаря которымъ приходилось страдать талергофцамъ или терезинцамъ физически и нравственно. А наоборотъ, весь ужасъ и мученія, перенесенныя русскимъ населеніемъ въ Австро-Венгріи, главнымъ образомъ, на первыхъ порахъ войны, т. е. до момента вытѣсненія русской арміей австро-мадьярскихъ войскъ за Дунаецъ и по ту сторону Карпатскаго хребта, не имѣли предѣла: это была сплошная полоса неразборчиваго въ средствахъ, бессистемнаго террора, черезъ которую прошло поголодно все русское населеніе Прикарпатья.

Черная гроза военнаго и административнаго австро-мадьярскаго террора, клокотавшая надъ русскимъ населеніемъ въ Галичинѣ, Буковинѣ и Угорской Руси въ этотъ первый периодъ войны, была

Настолько свирѣпа, что вполне подтвердила то мнѣніе, какое постепенно стало утверждаться за испытанными первыми приступами, а затѣмъ очутившимися въ концентраціонныхъ лагеряхъ въ глубинѣ Австріи, какъ о болѣе счастливыхъ...

Слишкомъ велики и безконечно жестоки были страданія карпато-россовъ въ этотъ первый періодъ войны на ихъ-же прадѣдовской землѣ, у нихъ-же дома. На нихъ мы должны остановиться ближе. Это тѣмъ болѣе необходимо, что съ каждымъ годомъ, отдѣляющимъ наши дни отъ того жестокаго въ исторіи русскаго народа времени, память о немъ начинаетъ тускнѣть и затираться въ народномъ сознаниі.

А къ тому-же, въ то время, какъ о ужасахъ концентраціонныхъ лагерей писалось сравнительно много въ началѣ войны въ русской, швейцарской, итальянской, французской и даже нѣмецкой (соціалистической) печати, а послѣ войны появились болѣе или менѣе обстоятельныя свѣдѣнія въ галицко-русскихъ и американскихъ печатныхъ изданіяхъ, — о австро-мадярскихъ звѣрствахъ надъ неповиннымъ ни въ чемъ русскимъ населеніемъ, находившимся подѣ властью Австріи, совершаемыхъ на мѣстахъ, писалось очень мало и къ тому-же случайно, отрывочно, а главное — противорѣчиво. Всѣ тѣ случайныя свѣдѣнія объ этомъ жестокомъ періодѣ, какія попадали въ печать, не могли претендовать на полноту и элементарную безпристрастность именно потому, что были современными и писались въ исключительно болѣзненныхъ общественныхъ условіяхъ, въ обстановкѣ непосредственнаго военного фронга. Современныя газеты сплошь и рядомъ нестрѣли по поводу каждаго отдѣльнаго случая этой разнузданной рас-

правы свѣдѣніями беззащитно тенденціознаго характера. Этой преступной крайностью грѣшила, за рѣдкими исключеніями, особенно галицкая польская и „украинская“ печать. Въ ней мы напрасно будете искать выраженія хотя-бы косвеннаго порицанія массовымъ явленіямъ безцеремонной и безпощадной, безъ суда и безъ слѣдствія, кровавой казни нашихъ крестьянъ за то только, что они имѣли несчастье быть застигнутыми мадярскимъ или нѣмецкимъ (австрійскимъ) полевнымъ патрулемъ въ полѣ или въ лѣсу и при допросѣ офицера-мадяра или нѣмца, непонимавшаго совершенно русскаго языка, пролепетали фатальную фразу, что они всего только „бѣдные руссины“. А что послѣ этого говорить о такихъ случаяхъ, когда передъ подобными „судьями“, по доносу въ больничествѣ случаевъ жалкаго „людца“ — мазепинца, цѣлыя села обвинялись въ открытомъ „руссофиствѣ“? Не рѣдко кончались они нѣсколькими разстрѣлами, а въ лучшемъ случаѣ сожженіемъ села. Широкая публика объ этомъ не могла знать подробно въ тѣ знойные дни всеобщаго военного угара, а еще меньше она знаетъ сейчасъ.

И поэтому ясно сказывается именно та необходимость, чтобы раньше, чѣмъ писать объ ужасахъ Талергофа, и на эту кровавую полосу страданій русскаго народа у подножья родныхъ Карпатъ бросить больше свѣта и попристальнѣе взглянуть на нее. Она настолько выразительна и, пожалуй, исключительна въ исторіи недавней военной мартирологіи Европы, что было-бы замѣтнымъ упущеніемъ съ нашей стороны, не остановиться на ней ближе въ отдѣльной первой книжкѣ, не указать на то, что не только предварило Талергофа и ему сопутствовало, но было куда ужаснѣе Талергофа. Объ этомъ и будетъ

говорить предлагаемая первая часть „Талергофскаго Альманаха“.

Въ этой книгѣ читатель найдетъ разнородный матеріалъ, правдиво и рельефно рисующій грозную картину страданій Галицкой и Буковинской Руси, а сложившійся изъ политико-общественныхъ очерковъ, статей, отрывковъ изъ дневниковъ разныхъ лицъ и, наконецъ, изъ беллетристическихъ рассказовъ и стихотвореній, написанныхъ на фонѣ переживаній обездоленнаго народа въ первомъ періодѣ войны. Отъ его вниманія не ускользнетъ тоже явное указаніе на то, кто изъ сосѣдей и даже родныхъ братьевъ сознательно прилагалъ свою руку къ этому страшному преступленію австрійскихъ нѣмцевъ и мадяръ надъ нашимъ народомъ.

И только въ послѣдующихъ выпускахъ „Талергофскаго Альманаха“ будемъ постепенно знакомить нашего читателя съ дальнѣйшей исторіей жестокаго мученія окраинной, Карпатской Руси, со всеми ея подробностями; посвятимъ серьезное вниманіе непрекращавшемуся ужасу надъ русскимъ народомъ и въ другихъ періодахъ войны, какъ тоже на чужбинѣ, вдали отъ родныхъ Карпатъ, вдали отъ прадѣдовской земли. Въ нихъ мы отведемъ достаточное мѣсто описанію мученическаго заточенія сознательнѣйшей части карпато-русскаго народа въ Талергофѣ, Терезинѣ и др. концентраціонныхъ лагеряхъ въ глубинѣ Австро-Венгріи и въ то-же время въ отдѣльномъ выпускѣ постараемся вернуться къ тому жуткому австро-венгерскому террору, какой съ половины 1915 года, послѣ отхода русскихъ войскъ изъ предѣловъ Карпатской Руси за р. Збручъ и Стирь, съ новымъ ожесточеніемъ бушевалъ повсемѣстно въ русской Галичинѣ и Буковинѣ.

Принимаясь за работу надъ составленіемъ „Талергофскаго Альманаха“, мы здѣсь въ общихъ чертахъ указали на порядокъ и схему нашего труда. Изъ этого читатель видитъ, что въ немъ не объ одномъ Талергофѣ будетъ рѣчь. Наша задача значительно шире и многостороннѣе. Почему и названіе нашей книги о страданіяхъ карпато-русскаго народа во время великой міровой войны является лишь символическимъ, относительнымъ. Оно заимствовано изъ одной лишь частности мартирологіи нашего народа, по своей яркости оказавшейся до извѣстной степени отличительнымъ, послѣвоеннымъ внѣшнимъ признакомъ для русскаго національнаго движенія въ Прикарпатіи. Характерная частности, указанная въ заглавномъ мѣстѣ нашей книги, должна быть глубоко-мысленнымъ идейнымъ символомъ для общей картины, рисуемой нами въ отдѣльныхъ выпускахъ „Альманаха“.

Никто не скажетъ, что наша задача легка. Она и тяжела, и глубокоотвѣтственна. Здѣсь мы должны охватить и передать отдѣльныя и знаменательныя явленія этого жуткаго для нашего народа времени и изъ обилия тысячныхъ случаевъ безчеловѣчнаго насилія соткать вѣрную и яркую памятную картину того, какъ страдалъ карпато-русскій народъ во время войны, подѣ игомъ б. Австро-Венгріи.

Наша задача тяжела еще потому, что она прежде всего отвѣтственна, какъ передъ лучшимъ будущимъ нашего народа, такъ тѣмъ болѣе передъ великой памятью его мученическаго героизма, проявленнаго имъ въ неравной борьбѣ съ безпощаднымъ и сильнымъ противникомъ за свои основныя права сознательной націи. Это обстоятельство и требуетъ отъ насъ, чтобы составленная нами мартирологія карпато-россовъ была

въ то-же время и книгой глубокаго національнаго воспитанія будущихъ поколѣній нашего народа.

Въ заключеніе необходимо замѣтить, что фактическій матеріалъ, собранный въ настоящей книгѣ, далеко еще не полный и не исчерпывающій вполне данную жуткую историческую картину, но въ этомъ виноваты, съ одной стороны, весьма скудные матеріальныя средства, которыми располагала въ дальномъ отношеніи редакция, съ другой-же—

достойная сожалѣнію инертность или запуганность самихъ участниковъ и жертвъ данныхъ историческихъ событій, не сознавшихъ своей обязанности передать и запечатлѣть ихъ письменно для памяти грядущихъ поколѣній. Эти невольные упущенія и изъяны будутъ пополняемы, въ мѣру полученія новыхъ свѣдѣній и матеріаловъ, въ дальнѣйшихъ выпускахъ книги, въ качествѣ особыхъ приложений, а, можетъ быть, даже въ видѣ отдѣльныхъ очерковъ и дополненій.

Виновники и мучители.

Великая война много горя принесла человечеству, больше горя, чѣмъ радости. Затяжная, упорная и жестокая, въ концѣ концовъ тяжелымъ свинцомъ легла она на душу всѣхъ народовъ, принимавшихъ въ ней прямое или косвенное участіе, и долго-долго будутъ помнить ее — лютую и нещадную...

Но особенно ужасной, неизвѣданно тяжелой оказалась война для окраинной западной Руси въ Галичинѣ, Буковинѣ и на бывш. Угорской, нынѣ Карпатской Руси. Огненной лавиной сплошного ужаса накатилась она на нашу землю, залила весь русскій край по ту и эту сторону Карпатскаго хребта и своей разрушительной стихіей на своемъ пути уничтожала все живое, смѣлое, открытое и хорошее

въ нашемъ народѣ. Злой и кровавый демонъ войны въ 1914 году хищно налетѣлъ на нашу мирную страну.

И съ первыхъ же ея дней начались мучительныя минуты горя и жестокихъ страданій карпато-русскаго народа, начался грозный періодъ въ его исторіи, періодъ великой мученической войны, началась насилія, началась короткая расправа Австро-Венгріи надъ русскимъ населеніемъ Прикарпатя, надъ лучшими его представителями.

Но кто въ состояніи описать этого ужаса исчерпывающе полно и правдиво, или хотя-бы въ смутномъ приближеніи къ живой, непреложной правдѣ?.. Это врядъ-ли смогли бы сдѣлать великіе таланты литературы и художества.

Еще не раздались первые выстрѣлы на полѣ брани между готовящимися къ ожесточенной схваткѣ, еще настоящая война фактически не началась, какъ безочеловѣчныя сотни и даже тысячи представителей нашего народа сгонялись со всѣхъ уголковъ Прикарпатя въ тюрьмы. Среди ужаснѣйшихъ условий, при отвратительнѣйшихъ издѣательствахъ и физическихъ насиліяхъ, закованные въ цѣпи, избиваемые жестоко солдатскими толпами австро-мадьярской арміи, уличной бѣснующейся толпой и не рѣдко сопровождающимъ конноемъ, неповинные и безъ ропота шли народныя мученики на дальнѣйшія муки. А въ то-же время другая часть ихъ благословляла Русь Трѣдиную, широкую, съ военныхъ висѣлицъ, или въ послѣднія минуты передъ разстрѣломъ, стоя на краю своей могилы.

Непрерывными рядами шель народъ-мученикъ въ тюрьмы, оставляя за собой кровавую тропу. А тамъ опять тоскливой вереницей, безшумно, сохраняя въ душѣ горячее чувство любви къ гонимой, терзаемой Родинѣ, къ своему народному идеалу, проходили другіе, чтобы принять мученическую смерть у густого дѣса висѣлицъ или отъ австро-мадьярскихъ пуль.

А было ихъ — тысячи, десятки тысячъ!..

Тутъ были и немощные старики, и женщины, и даже дѣти. Подавляющее большинство составляли крестьяне, но здѣсь тоже находилась и интеллигенція. Народное и національное горе всѣхъ сравнило. Но наконецъ-то — кто были эти мученики? За что ихъ терзали голодомъ, грубымъ физическимъ насиліемъ, за что издѣвались безчеловѣчно надъ ними? И кто были ихъ мучители и виновники мученій?!

И вотъ тутъ-то, при попыткѣ обратиться съ несложнымъ, казалось бы, отвѣтомъ, ясно чувствуется необходи-

мость глубже вникнуть въ толщу всѣхъ тѣхъ современныхъ условий и фактовъ, которые должны послужить основаніемъ для нашего отвѣта и которые играли рѣшающее значеніе въ этой величайшей мартирологіи нашего народа.

Мы всѣ чувствуемъ нашимъ инстинктомъ, нашимъ національнымъ чувствомъ, что положеніе карпато-русскаго народа въ эту войну было неизвѣданно тяжелымъ, глубокотрагическимъ. Для насъ, кромѣ того должно быть очевиднымъ, что это положеніе было исключительнымъ, а потому безпримѣрнымъ. Безпримѣрнымъ потому, что его нельзя сравнить съ положеніемъ Бельгійцевъ, подъ германской оккупацией, а даже Армянъ въ Турціи, хотя тѣ (особенно послѣдніе) страдали физически, можетъ быть, больше русскіхъ въ Австро-Венгріи.

Наша мартирологія не выросла изъ нѣкоторой органической необходимости, вытекающей изъ наличия такого обстоятельства, какъ война. Ея сущность заключается не столько въ самомъ фактѣ упорной и свирѣпой войны на территории русскаго Прикарпатя, сколько въ комплексѣ цѣлаго ряда другихъ исключительныхъ, особыхъ причинъ, раскрытіе которыхъ единственно даетъ возможность понять, почему она была такой жестокой и трагической. Въ то время, какъ насилія и терроръ въ Бельгіи или другихъ странахъ всецѣло объяснимы однимъ фактомъ — войной, здѣсь, въ отношеніи Прикарпатской Руси, этого недостаточно. Война тутъ была лишь удобнымъ средствомъ, а подлинныя причины, дѣйствительныя побужденія къ этой поворной казни зрѣли у кого-то въ умѣ и въ душѣ самостоятельно, какъ самодовлѣющая внутренняя нравственная сила, еще задолго до войны. Зная карпато-русскій народъ, его душевныя достоинства и пороки, зная нашего кре-

стьянина и интеллигента, принимавшихъ участіе въ общественной и политической жизни края передъ войной, нельзя ни на минуту допустить мысли, чтобы Австро-Венгрія, издѣваясь надъ десятками тысячъ заключенныхъ въ тюрьмахъ и лагеряхъ и сотнями посылая ихъ на висѣлицы и на разстрѣлы, — въ душѣ была убѣждена, что эти несчастные несутъ справедливое наказаніе хотя бы за попытку преступленія, наказуемаго уложеніемъ военно-полевого судопроизводства. Австрійскіе суды приговаривали весьма часто карпатороссовъ къ смертной казни не потому, что они были дѣйствительными преступниками, шпионами или явными изменниками. Австро-Венгріи, а потому, что этого заранее хотѣлъ кто-то, добивался кто-то, подло наускивая. Въ этомъ и заключается выразительная особенность нашей мартирологіи.

И теперь, отвѣчая прямо на вопросъ, кто такіе эти мученики, намъ уже легче будетъ сказать, кто ихъ мучители, кто виновники ихъ мученій?

Исключительнымъ объектомъ для австро-мадьярскихъ жестокостей надъ карпато-русскимъ населеніемъ во время войны, особенно въ началѣ ея, было — русское народное движеніе, т. е. сознательные исповѣдники національнаго и культурнаго единства малороссовъ со всѣмъ остальнымъ русскимъ народомъ, а практически — члены О-ва им. М. Качковскаго изъ Галичины, Буковины и Карпатской Руси.. Это то цѣлкое, сердцевиное ядро, тотъ сознательный элементъ нашего народа, который свято и бережно хранилъ основоположныя заветы единства національной и культурной души всего русскаго народа. Это та часть карпато русскаго народа, которая оставалась вѣрной великой своей исторіи и не изменила своему имени. И изъ-за этого ихъ мучили!.. Единственно про-

тивъ нихъ только была направлена вся сила австро-мадьярскаго террора.

Противники же этого убѣжденія пошли другой дорогой. Передъ ними открывалось другое, безпредѣльное поле. Ихъ ждалъ другой „подвигъ“. Часть карпато-русскаго народа, среди тяжелыхъ страданій, несла на алтарь своей общей Родины — Родной Руси — свою жизнь, а другая — творила позорное и лукавое дѣло сознательнаго братоубійцы Каина..

Роль этихъ народныхъ предателей, т. н. „украинцевъ“, въ эту войну общезвѣстна. Дѣтеныши національнаго изменника русскаго народа изъ подъ Полтавы, вскормленные подъ крылышкомъ Австріи и Германіи, при заботливомъ содѣйствіи польской администраціи края, въ моментъ войны Австріи съ Россіей, т. е. въ знаменательный въ исторіи русскаго народа моментъ собиранія исконно-русскихъ земель на западѣ, сыграли мерзкую и подлую роль не только въ отношеніи Россіи и идеи всеславянскаго объединенія, ставъ всецѣло по сторонѣ Австро-Венгріи, но въ особенности въ отношеніи безконечныхъ жертвъ австро-мадьярскаго террора и насилія надъ карпато-русскимъ населеніемъ.

Жутко и больно вспоминать о томъ тяжеломъ періодѣ близкой еще исторіи нашего народа, когда родной братъ, вышедшій изъ однихъ бытовыхъ и этнографическихъ условий, безъ содроганія души становился не только всецѣло по сторонѣ физическихъ мучителей части своего народа, но даже больше — требовалъ этихъ мученій, настаивалъ на нихъ.. Прикарпатскіе „украинцы“ были однимъ изъ главныхъ виновниковъ нашей народной мартирологіи во время войны. Въ ихъ низкой и подлой работѣ необходимо искать причинъ того, что карпато-русскій народъ вообще, а наше русское національное движеніе въ частно-

сти съ первымъ моментомъ войны очутились въ предѣлахъ Австро-Венгрии внѣ закона, въ буквальный смыслъ на положеніи казнимаго преступника. Это печальная истина. Въ ней не пужно убѣждаться кому либо изъ насъ. Она перушимо установилась въ памяти и сознании каждаго русскаго Галичанина. Буковинца и Угровуса.

Современники помнятъ еще главные переходы и черты внутренней борьбы между русскимъ національнымъ движениемъ и т. н. украинофильствомъ въ послѣднее время передъ войной. Эта борьба велась за утверждение въ нашемъ народѣ двухъ противоположныхъ, исключających себя идейно-национальных міровоззрѣній — съ русскимъ народомъ, съ Россіей, или противъ нихъ. Австрийскому правительству быть понятенъ смыслъ этой борьбы и оно не могло оставаться равнодушнымъ. Тѣмъ болѣе, что Австро-Венгрия вообще никогда не была равнодушной къ малѣйшимъ случаямъ, дающимъ ей возможность ослабить внутреннюю силу каждаго изъ славянскихъ народовъ, населявшихъ ее, путемъ насильственного воздѣйствія, выраженного краснорѣчиво въ государственной аксіомѣ: „divide et impera“. но кромѣ того, что особенно для нея, ея имперіалистическихъ цѣлей было важно, она сообразила, что извѣстный исходъ этой борьбы могъ бы ускорить осуществленіе ея заветной мечты — возвести на престолъ „des Fürstenthums von Kiev“ одного изъ Габсбурговъ. И неудивительно, что во время этой борьбы, между Австріей и вождями „украинцевъ“ установились отношенія обоюднаго довѣрія и преданности. Австрийское правительство довѣрило „украинцамъ“, какъ своимъ преданнымъ и иптимнымъ лакемъ, а въ свою очередь наши „украинцы“ вивжали отъ радости

по случаю такой ласки хлѣбодателей и изъ кожи лѣзли вонъ, чтобы всячески оправдать это довѣріе. И они старались...

Здѣсь не нужно прибѣгать къ помощи формальныхъ доказательствъ, чтобы указать, какими несложными и прозрачными средствами осуществляли „украинцы“ борьбу съ русскимъ національнымъ движениемъ. Эти средства слишкомъ извѣстны каждому изъ насъ. Ихъ легко найти въ каждомъ выразительномъ событіи общественной жизни Прикарпатя на протяжении послѣдняго десятка лѣтъ передъ войной. Клевета и доносъ, доносъ и клевета на своихъ национальныхъ противниковъ передъ благоволившей властью — вотъ ихъ повседневныя, испытанныя средства... идейной (!) борьбы съ „москвофильствомъ“. Фраза „москвофилы — враги габсбургской монархіи и „украинскаго народа“, эта упрощенная форма открытаго доноса и циничной клеветы на наше идейное движеніе, сдѣлалась существеннѣйшей потребностью довоеннаго „украинскаго“ общества. На нѣсколько лѣтъ до войны вся галицкая „украинская“ пресса восторженно повторяла основной смыслъ этой фразы на разные лады и при всевозможнѣйшихъ случаяхъ. „Украинцы“ повторяли ее на своихъ собраніяхъ, партійныхъ съѣздахъ и — мало того — „украинскіе“ депутаты вънскаго парламента и галицкаго и буковинскаго сейма съ театральнымъ жестомъ произносили съ парламентскихъ трибунъ. Вотъ нѣсколько характерныхъ и убѣдительныхъ случаевъ этой подлой работы.

Въ 1912 году, осенью, разыгралась на Балканѣ кровопролитная война. Ея событія находились въ тѣсной связи съ тяжелыми событіями великой европейской войны. Балканская война сдѣлалась причиной, съ одной стороны, сильнаго охлажденія австро-русскихъ

отношеній, а съ другой — въ сильной степени отразилась на положеніи и безъ того политически прибитаго карпато-русскаго народа въ Австро-Венгрии. На югѣ грохотала освободительная война между славянами Болгарами и Сербами, а также Греками, съ одной стороны, и ихъ вѣковыми поработителями — Турками, съ другой, а въ тоже время австрийская власть въ Галичинѣ и Буковинѣ сотнями арестовывала русскихъ Галичанъ и Буковинцевъ, мадьярское же правительство торопило съ инсценировкой многолюднаго политическаго процесса закарпаторусскихъ крестьянъ въ Мармарошъ-Сигетъ. Въ чемъ дѣло? Это станетъ понятнымъ, когда вспомнимъ, какъ въ то время, въ моментъ угрозы австро-русской войны изъ-за балканскихъ событий, вели себя прикарпатскіе т. н. „украинцы“. На это они сами дали отвѣтъ. И такъ, депутатъ австрийскаго рейхстага Смаль-Стоцкій на засѣданіи делегацій отъ 15 октября 1912 года, въ своей рѣчи заявилъ отъ имени „украинскаго“ парламентскаго клуба и „всего украинскаго народа“, что послѣ того, какъ „всѣ надежды „украинскаго народа“ соединены съ блескомъ Габсбургской династіи, этой единственно законной наслѣдницы короны Романовичей. — серьезной угрозой и препятствіемъ на пути къ этому блеску, кромѣ Россіи, является тоже „москвофильство“ среди карпато-русскаго народа. „Это движеніе — сказалъ онъ — является арміей Россіи на границахъ Австро-Венгрии, арміей уже мобилизованной...“

Въ томъ же смыслѣ высказались, отъ имени „всего украинскаго народа“ съ парламентской трибуны и депутаты Василько, Олесницкій, Окуневскій, Костъ, Леницкій и цѣлый рядъ другихъ. Не трудно заключить, насколько подобные доносы оказывали прямое вліяніе на

внѣрское отношеніе австро-мадьярской власти къ мирному населенію Прикарпатя. Ибо достаточно сказать, что, въ отвѣтъ на рѣчь Смаль-Стоцкаго въ делегаціяхъ, министръ Ауфенбергъ отвѣтилъ, что „тѣ, кто обязаны, силою прекратитъ русское движеніе въ Галичинѣ“.

Подобныя заявленія приходилось тоже очень часто читать и на столбцахъ галицкой „украинской“ печати. Такъ, на пр. въ іюлѣ 1912 г. газета „Діло“ заявляла, что „когда восточная Галичина станетъ „украинской“, сознательной и сильной, то опасность на восточной границѣ совершенно исчезнетъ для Австріи“. Поэтому ясно, что Австріи слѣдуетъ поддерживать „украинство“ въ Галичинѣ, такъ какъ, дескать, все то, что въ карпато-русскомъ народѣ не носитъ знамени „украинскаго“, является для нея (Австріи) весьма опаснымъ. „Къ уразумѣнію этого — читаемъ дальше въ той же статьѣ „Діла“ — приходитъ уже высшіе политическіе круги Австріи“... А тамъ, послѣ такого удачнаго дебюта, дальше все дѣло пошло еще лучше и чище. Какъ бы въ глубомысленное развитіе и разясненіе деклараціи доносчиковъ на засѣданіи делегацій отъ 15 октября, это же „Діло“ въ номерѣ отъ 19 ноября 1912 года писало буквально слѣдующее: „Москвофилы ведутъ измѣнительскую работу, подстрекая темное населеніе къ измѣнѣ Австріи въ рѣшительный моментъ и къ принятію русскаго врага съ хлѣбомъ и солью въ рукахъ. Всѣхъ, кто только учитъ народъ поступать такъ, слѣдуетъ немедленно арестовывать на мѣстѣ и предавать въ руки жандармовъ...“

Послѣ этого, кажется, уже нельзя быть болѣе откровеннымъ въ своемъ цинизмѣ.

Думается, что этих несколько цитат из заявлений парламентских представителей „украинцев“ и из главного их печатного органа в Галиции достаточно, чтобы иметь неопровержимые доказательства позорной Каиновой работы этих доносчиков и подстрекателей австрийского правительства против карпато-русского народа. Необходимо только иметь в виду, что таким способом т. н. „украинцы“ боролись с русским национальным движением еще и до 1912 года. В 1912 году они лишь сочли нужным не скрываться с этими средствами, а выступить открыто. И кроме того, что здесь приведено, только ярко выраженные, т. е. декларативные случаи их доноса и клеветы.

Само собой понятно, что подобный способ борьбы неминуемо должен был привести к глубокому печальному результату. Благодаря этой работе „украинцев“, австрийское правительство хватилось крайних репрессивных жестокостей по отношению русского национального движения в Галиции, Буковине и даже в Закарпатской Руси, где, кстати говоря, не было никакой народной организации, а только от поры до времени вспыхивало стихийное движение русских народных масс против мадьяризаторской политики правительства. И если в 1910 году по их настоянию австрийская администрация закрыла в Буковине все русско-народные общества и их имущество конфисковала, а в Галиции с этого времени начался открытый поход власти против русских буржуазии и русского языка, и если в 1912 году весь „подвиг“ этих услужливых лакеев завершился арестами только нескольких сотен русских Галичан и Буковинцев, то в 1914 году, во время войны,

эта Каинова работа „украинцев“ ввергла уже весь карпато-русский народ в пучину неслыханных ужасов, жестоких физических страданий.

Прежде всего и больше других они виновны в великой военной мартирологии нашего народа, не только как косвенные виновники, побуждавшие австро-мадьярское правительство путем клеветнических доносов к жестокой физической расправе над русским населением Прикарпатья, но тоже как непосредственные участники этого насилия. В нашей мартирологии не редки случаи физического издевательства и террора, чинимых многими из наших т. н. „украинцев“. А галицкие „украинские съезды“, заботливо организованные Австрией для борьбы с Россией, в надежде послать их в авангард войск, двинутых в Малороссию? Русское крестьянское население юго-восточной части Галичины хорошо помнит их кровавые насилия из-за национально-культурных убеждений: и тут виновники мучений и мучители выступают уже в одном партийном лице.

Некуда правды деть. „Украинцы“ сыграли постыдную, подлую роль в отношении карпато-русского народа. Это они сегодня сами сознают. Им стыдно за свою низкую работу. И поэтому то понятно, почему сегодняшние „украинцы“ с такой тщательностью и предупредительной заботливостью подыскивают редкие случаи, когда жертвой австро-мадьярского террора являлся тоже и „украинец“. Повторяем, таких случаев не много, и они в общей сложности всего того ужаса, какой творился повсеместно над карпато-русским народом, прямо-таки теряются. Но и это не просто делается, а с целью. Обращая внимание на факт, скажем,

повешения мадьярскими войсками „украинца“ священника Березовского или пребывания кого-нибудь из них в Талергоффе, они тем самым, посредством нескольких случаев, пытаются убедить кого-то, что, мол, и „украинцы“ в эту великую войну, чуть ли не наравне со сторонниками русского движения, были гонимы и преследуемы австрийским правительством и что уже поэтому маловероятно, чтобы они сами призывали это правительство к расправе над своим народом.

Но к чему эта их недалекая и лукавая хитрость? Кого она убедит? Приводимые „украинцами“ факты, если и должны послужить доказательством чего-либо, так именно той нерушимой, грустной правды, что и эти незначительные жертвы насилия, павшие по сторонам „украинцев“, были тоже пострадавшими их же гнусной и подлой хулы и беззастыдливой клеветы на русский народ Прикарпатья. Клеветца упорно на своих национальных противников, на большую часть карпато-русского населения, перед далекими и совершенно незнакомыми с местными условиями и правами австрийскими Немецами или жестокими Мадьярами, они заодно обвиняли и себя, весь народ. И поэтому то в начале войны, когда на русскую Галичину надвинулись несметные толпы вооруженных Немцев-крестьян из альпийских краев Австрии и сгорающих желанием жестокого реванша по отношению русских за 1848 год — Мадьяр, в высшей степени возбужденных своей патриотической и „украинской“ прессой против „преступного москвофильства“ русского Прикарпатья, как общего и преобладающего явления, — трудно было бы ожидать от свирепых при-

шельцев, чтобы они были в состоянии, в тех, конечно, случаях, где „украинцы“ почему-либо не могли непосредственно руководить террором и влиять на него, — строго различать в толще нашего народа „москвофила“ от „украинца“. Неприятная для „украинцев“ недоразумения при таких условиях были неизбежны. Но тем не менее нужно отдать им справедливость, что и таких недоразумений с ними было очень мало. Это редкие случаи, по сравнению с тем, что приходилось испытать сторонникам русского национального движения.

А кроме того, не следует упускать из виду еще одного обстоятельства, имевшего непосредственное отношение к понятию о том, что такое „украинская мартирология“ при Австрии. И так, в Талергоффе, с самого начала его возникновения, действительно находилось десяток-полтора тоже прикарпатских т. н. „украинцев“, попавших туда по недоразумению, которых уже никак нельзя было заподозрить в каких бы ни было, хотя бы отвлеченных, симпатиях к русскому народу, к России. И вот тут важно отметить то, что некоторые из них (как на пр. Жаровский, Ивашевич, из Перемышля и др.) в момент величайшего террора в лагере играли такую роль, что было бы затруднительным сказать: попали они в лагерь по недоразумению, случайно, или сознательно были посланы в качестве агентов австрийского политического сыска, для того, чтобы провоцировать заключенных, а потом, оклеветав, доносить на них приставленным властям? А такая уже „мартирология“ чести „украинцам“ не делает! Да и вообще нельзя и ни с тем несообразно говорить о какой бы ни было мартирологии „украинцев“, о заведомом

насилию Австро-Венгрии надъ ними во время войны, послѣ того, какъ національно-политическая идеология прикарпатскаго украинфильства органически была связана съ австро-нѣмецкимъ империализмомъ и приурочена къ его военнымъ успѣхамъ надъ Россіей, даже въ послѣдній моментъ передъ разваломъ Австро-Венгрии. И если сегодня они пытаются говорить объ этомъ, такъ, повторяютъ, единственно и исключительно потому, чтобы хотъ отчасти сгладить то жуткое и гадливое впечатлѣніе, какое вызвали они у всѣхъ культурныхъ народовъ своей Каиновой работой по отношенію русскаго народа Прикарпатья.

Но этотъ трюкъ не спасетъ ихъ передъ суровымъ судомъ нашего народа и судомъ безпристрастной исторіи. Слишкомъ много горя, кроваваго горя испытало русское. Прикарпатье по ихъ винѣ и настоянію. И въ данномъ случаѣ для нихъ было бы куда сообразнѣе и благороднѣе молчать и не касаться этого вопроса, если ужъ такъ-таки не хватаетъ моральныхъ силъ открыто и честно сознаться въ своемъ величайшемъ преступленіи, чѣмъ пытаются напрасно обфлелять себя такимъ депешенскимъ способомъ, сваливая теперь всю вину на покойника — Австро-Венгрію.

Но указать на „украинцевъ“, на ихъ роль, мы въ то-же время не можемъ не вспомнить и о другихъ, которые въ значительной, если не въ одинаковой съ „украинцами“ степени были тоже вдохновителями кроваваго австро-мадлярскаго террора надъ карпато-русскимъ народомъ во время великой войны. Этого требуетъ справедливость. А ими была значительная часть галицкихъ Поляковъ, главнымъ образомъ тѣхъ, которые къ своей національно-политической цѣли шли параллельной дорогой съ „ук-

раинцами“ и для которыхъ матеріальной базой для идейныхъ устремленій была Австро-Венгрия, а непремѣннымъ условіемъ — разрушеніе русскаго государства и обезсиленіе великаго русскаго народа. Здѣсь преобладающая часть галицкой администраціи всѣхъ ступеней, начиная съ намѣстника края и кончая розсыльнымъ при судѣ или жандармомъ въ глубокой деревнѣ, состоявшей преимущественно изъ Поляковъ, и сюда нужно отнести тоже тѣ круги польскаго общества, общимъ выразителемъ которыхъ во время войны явился Іосифъ Пилсудскій, организаторъ и вождь польскихъ легіоновъ для вооруженной борьбы противъ Россіи въ рядахъ австро-мадлярской и нѣмецкой армій. Подобно какъ и у прикарпатскихъ „украинцевъ“, болѣзненная ненависть къ Россіи, къ русскому народу, привитая австрійской школой, была основнымъ стимуломъ политической идеологии этихъ Поляковъ. Эта параллельность цѣлей, тождественность и общность влияющихъ политическихъ условий для той части галицкихъ Поляковъ и нашихъ „украинцевъ“ прошли красной непрерывной нитью черезъ всю общественную жизнь русской Галичины на протяжении нѣсколькихъ десятиковъ лѣтъ передъ войной и особенно ярко выступали въ отношеніи русскаго національнаго движенія въ такіе моменты, какъ 1912 и 1914 г. г.

Въ отношеніи русскаго движенія и его многочисленныхъ сторонниковъ значительная часть польскаго общества русской Галичины, подобно какъ и галицкіе „украинцы“, согрѣшила въ тѣ періоды не мало. Она вполне сошлась съ „украинцами“ на пунктѣ тупой ненависти къ русскому народу, къ его культурной стихіи, а заодно и къ нашему національному движенію, — на пунктѣ крайняго

руссофобства. И тутъ нужно искать причину того, что въ 1912, а особенно въ 1914 году, въ моментъ, когда австрійское правительство примѣняло нещадный военный и административный терроръ по отношенію нашего народа, польское общество не только было равнодушнымъ на всѣ жестокия физическія страданія, но даже больше — оно при всѣхъ случаяхъ помогало этому правительству косвенно и непосредственно, въ такой же, приблизительно, степени, какъ и „украинцы“.

Что это было такъ — нѣтъ особенной нужды доказывать. Это неоспоримое утвержденіе, противъ котораго никто изъ русскихъ Галичанъ, дѣйствительно прошедшихъ полосу страданій въ 1914 году, возражать не станетъ. Достаточно здѣсь указать только на то, что добрая половина чрезмѣрно ревнивыхъ исполнителей насильственной политики центральнаго австрійскаго правительства по отношенію галицко-русскаго народа въ 1914 году и задолго до него — были поляки, дѣйствовавшие въ данномъ отношеніи вполне сознательно, въ угоду своеобразной національно-политической идеологии, идеологии возстановленія исторической (Ягеллоновской) Польши при помощи Австріи на развалинахъ національной и политической Россіи. Краснорѣчивымъ выразителемъ взглядовъ этой части галицко-польскаго общества и польской администраціи въ край былъ злопамятный намѣстникъ Галичины М. Бобжинскій, заявлявшій, между прочимъ, въ 1911 году въ галицкомъ сеймѣ, что „я борюсь противъ „руссофильства“ потому, что оно является опаснымъ для государства, но борюсь съ нимъ и какъ полякъ, вѣрный польской исторической традиціи“. И дѣйствительно, Бобжинскій, и какъ намѣстникъ, и какъ полякъ, всѣми средствами старался уничтожить русское

національно-культурное движеніе въ Галичинѣ. Его угроза не могла остаться безрезультатной, тѣмъ болѣе, повторяемъ, что въ данномъ отношеніи онъ не былъ въ одиночествѣ среди галицкихъ Поляковъ, а являлся въ то-же время истолкователемъ опредѣленнаго убѣжденія большинства польскаго общества.

А галицко-польская пресса? Кто изъ насъ не читалъ ея постоянную гнусную травлю на русское движеніе, а въ началѣ войны, когда австрійскія военныя и политическія власти принялись насильственно, путемъ повсемѣстныхъ разстрѣловъ, висѣлицъ и тысячныхъ арестовъ, ликвидировать наше движеніе, — какъ веда себя она? Въ преобладающемъ своемъ большинствѣ она такъ же, какъ и „украинская“ пресса, только смаковала въ этихъ жестокостяхъ и поддоя клеветала на несчастныхъ жертвы австрійскаго кроваваго террора и въ припадочномъ истушеніи требовала дальнѣйшихъ жертвъ..

Да, русское движеніе среди карпато-русскаго народа, это стихійное и сознательное выраженіе единства великаго русскаго народа, проявленіе упорной силы влияния общерусской культуры на всѣ этнографическія разновидности въ русскомъ народѣ въ смыслѣ объединенія, показалось для кое-кого слишкомъ опаснымъ. Для Поляковъ въ ихъ стремленіи къ возстановленію старой Польши, а для тѣхъ слѣпцовъ изъ нашего народа, которые окончательно повѣрили въ новыя сказки про обособленность и обособленность малорусскаго племени отъ прочаго русскаго міра, въ стремленіи создать при помощи Австріи и Германіи „велику незалежну Украину“. И по отношенію нашего народа между одними и другими установилось полное единопіе. Единая ненависть, единое желаніе уничтоженія.

При таких условиях жестокая мартирология нашего народа во время, а в особенности в начале русско-австрийской войны была неизвестной. И она тяжелым, убийственным ураганом пронеслась по обездоленному русскому Прикарпатыю...

Вот они — главные виновники мартирологии карпато-русского народа! Благодаря им — то Прикарпатская Русь сделалась беззащитной жертвой жестокого австрийско-магьярского террора во время войны. Именно они сознательно и неуклонно делали все, чтобы эта мартирология совершилась, ибо она была им нужна в их национально-политических расчетах, также как это было нужно и австрийскому правительству. И на них прежде всего падает тяжелая нравственная ответственность за совершенную Австро-Венгрии казнь над русским народом Прикарпаты, ответственность, вытекающая из различных точек зрения.

В первую очередь и больше других виноваты т. н. „украинцы“ тем, что их позорная работа по отношению сторонников общерусского национального движения в Прикарпаты была работой преступных братьев, работой Каина. С них прежде всего должно взыскаться в нравственном отношении. А затем, такую же ответственность несет вышеотмеченная часть польского общества. Она в данном отношении грешила против своих родственников соседей, а там — и сущности общеславянского объединения. И только после этого, как одни, так и другие являются ответственными с общечеловеческой точки зрения.

Правда, к числу этих виновников, а отчасти и мучителей, нельзя не причислить подавляющего большинства австрийского, а в первую очередь галицкого еврейства, оказывавшего австрийскому правительству в его насилиях и издевательствах над нашим народом при всех их разновидностях весьма значительную помощь. Это верно по существу. Но, с другой стороны, это уже не так удивительно и необычайно, в особенности, если принять во внимание исключительную предрасположенность местного еврейства к австрийскому правительству и то, что это все таки — евреи, действующие обыкновенно из корыстолюбивых побуждений.

А ведь ты — свои братья и близкие родственные соседи...

И вот в этой-то причастности т. н. „украинцев“ и Поляков к мартирологии нашего народа и заключается ее особенность и исключительность. В ней поэтому есть то, чего не было во военной мартирологии другого народа.

Против русского народа в Прикарпаты с самого начала войны направились положительно все, чтобы убить в нем все живое, чтобы грубым насилием и жестоким мучением поколебать в нем и разрушить многовековые устои его национальной и культурной жизни, чтобы из души его вытравить глубокозасевшее сознание о его национальной правде.

Но напрасными оказались все их кровавые усилия...

М. А. Марко.

ДОКУМЕНТЫ

I. Предвоенная травля на русских Галичан.

I. Списки политически-неблагонадежных.

Еще задолго до мировой войны австрийскими старостами велись списки „неблагонадежных в политическом отношении“ лиц. Разумеется, такими „политически неблагонадежными“ лицами были исключительно приверженцы русской идеи.

Приводим для образца в оригинале один из таких списков. (См. след. стр.). В ниже приведенном документе вот что замечательно: в графе 8 — „Больше подробных сведений о неблагонадежности или подозрительности“ — жандармы отмечали „преступления“ наших людей. Такими „преступлениями“ были: „бродить в Россию“, „агитаторы и поклонники кандидатуры Маркова в парламент“, „председатель руссофильской партии“, „председатель Русской Дружины“ или просто „руссофилы“. Это те проступки, которые влекли за собой резолюции старост в род их, какия мы находим в нижеприведенном документе в графе 9: „Заключение, как с ним (т. е. с лицом, попавшим, благодаря этому страшным удикам, на черную доску) поступить в случае аларма (тревоги) или мобилизации“. И жандармы относительно каждого такого лица выводили свои заключения: „Зорко следить, в случае чего — арестовать“, „выслать в глубь страны“ и т. д.

Дальше мы наталкиваемся здесь на один очень любопытный факт. В графе 10 приведенного документа относительно Ивана Сороки, войта из Раднева, читаем, что он „ревностный руссофил“ и потому за ним следует „зорко следить, в случае чего — арестовать“, а в рубрике „Примечаний“ он отмечен, как „волостной старшина (войт) в служебном отношении безупречный, исправный и т. д.“ То же об Иване Мыскове, волостном писаре в Радневе. В списках он значится, как „главный двигатель руссофильской пропаганды“, что также, как в отношении войта, вызывает необходимость зоркой за ним слежки и в случае необходимости ареста, несмотря на то, что в рубрике „Примечаний“ жандармерия отмечает, что „как волостной писарь, он исправный и безупречный“.

Следовательно, служи верно своим палачам, будь их рабом, они тебя за это похвалят, признают твою служебную полезность и незамысловатость, но то, что ты „руссофил“, ставят ни во что — все твои общественные заслуги и уже заблаговременно, когда еще староста сердечно треплет тебя по плечу, как „рогзядного војта“, или когда заглядывает к тебе по обязанностям жандарма и ты принимаешь его, как своего доброжелателя, обрекает тебя на тюрьму и виселицу.

VERZEICHNIS

politisch unverlässlicher Personen. *)

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Zl.	Vor und Zuname	Geburtsjahr	Ständiger Wohnort	Stand eventuell Kinder	Sonstige Verwandte	Beschäftigung	Nähere Angaben warum unverlässlich bzw. verdächtig	Antrag was mit ihm im Alarm- bzw. Mobilisierungsfälle zu geschehen hätte	ANMERKUNG
1	Gabriel Mulkiwicz	1871	Kamionka	verehelicht, 4 Kinder	in Kamionka keine	Schmied	russisch gesinnt, besucht Russland bes. tätiger Agit.	Scharf beobachten eventuell verhaften !!	
2	Dr. Ladislaus Stupnicki	1881	„	ditto 3 Kinder	—	Arzt	Obmann der russosilen Partei	in das Innere des Landes abschleichen !	
3	Roman Stupnicki	1890	„	—	Vater wie sub 2, Mutter u. 2 G. schw.	Hörer der Rechte in Lemberg	Agitator u. Verfechter der Markowschen Kandid. in d. Reichst.	scharf beobachten (wenn möglich inseeistrieren) eventuell in inneren des Landes unterbringen	
4	Johann Hatuszko	1882	Chreniów	verehelicht, 2 Kinder	Brüder u. Schwäger	Tagelöhner	Obmann der Vereines „Kuskaia Druyna“ Eifrige Anhänger u. Hauptverfechter des Chreniów Propaganda	scharf beobachten eventuell verhaften !	
5	Dmytro Pecuch	1880	„	Frau u. 1 Kind	Vater u. Brüder	Gemeindegemeinschreiber	—	ditto	
6	Johann Panas	1883	HNr 103	—	Mutter, Schwester u. Bruder	Tagelöhner	—	ditto	
7	Johann Muzyk Sohn des Hryńko	1880	HNr 964	—	—	ditto	—	ditto	
8	Simeon Święcicki	1882	Ubinie	Frau u. 4 Kinder	—	pensionierter Schullehrer	eifriger russosiler Agitator	streng überwachen event. in das Innere des Landes abschleichen.	
9	Julius Zielski	1886	„	1 Sohn 3 Töchter	—	gr. kth. Pfarrer	Russosile	ditto	
10	Johann Soroka	1870	Rzepniów	4 Kinder	Brüder u. Verwandte	Gemeindegemeinschreiber	eifriger Russosile	streng überwachen event. verhaften	In der Anweisung als Gemeindevorsteher ohne Anstand, praktisch u. riguros als Gemeindevorsteher
11	Johann Mysków	1876	„	Frau u. 2 Kinder	Vater, Bruder u. 2 Schwestern	Gemeindegemeinschreiber	Haupttriebfeder der russischen Propaganda	ditto	Anstand

12	Johann Kozak		„	—	Eltern	Gehilfe bei der Grundwirtschaft	eifriger Russosile	wehrpflichtig (Landw.) streng überwachen ev. verhaften	
16	Ilko Romanów Sohn des Oleksa	1877	Dziadów HNr 70	3 Kinder	zahlreiche Verwandte loco	Grundwirt	fanatischer Anhänger der russischen Staatsidee u. Agit.	scharf beobachten eventuell verhaften	
17	Ilko Koszyński	1870	Huta polonica HNr 10	Frau u. Kind	ditto	ditto	eifriger Agitator — der Spionage verdächtig	verhaften	unternimmt verdächtige Ausflüge nach Lemberg
21	Kiry'lo Prytuła		Polonizna HNr 56	Frau u. 4 Kinder	ditto	ditto	radicaler Russosile u. Agitator	streng überwachen eventuell arrelieren	unternimmt wiederholende Reisen nach Russland.
23	Michael Babirecki	1882	gebürtig in Huta polonica	—	Verwandte (Brüder) in Huta pol.	Angeblich Gutswertwer in Bladaczkiw (Russland)	der Spionage verdächtig — kommt zuifers aus Russland nach Huta polonica	scharf u. anhaltend beobachten und arrelieren	
24	Stefan Pechnik	1884	Polonizna HNr 115	—	Vater Timofej u. Geschwister	Weber u. Gehilfe bei der Landwirtschaft	eifriger u. tätiger Anhänger der russosilen und schismatischen Propaganda	verhaften	sehr verdächtig hat einige Gymnasialklassen
25	Johann Łozński	1884	Horpin	3 Kinder	—	gr.-kth. Pfarrer	eifriger Russosile	beobachten — event. in das Innere des Landes zurück-schieben	
26	Hryńko Koszycki	1870	Sokolów HNr 8	Frau u. 3 Kinder	zahlreiche Verwandte in der Ortschaft	Grundwirt	fanatischer Agit. durch u. durch rus. gesinnt gleisnerisch und solan	verhaften	gefährlich! versteht auf die Gesinnungen Einfluss zu üben
27	Fed'ko Koszycki		ditto HNr 72	Frau u. 4 Kinder	ditto	ditto	eifriger Agitator Russosile	scharf beobachten event. verhaften	Obmann des russof. Vereines „Russk. Druz.“
54	Johann Jasków	1886	Sokole	—	ditto	Grundwirt Reserve Kor. parol 801 R.	scharf beobachten, 'event', verhaften oder einreihen		
56	Teodor Jasków Sohn des Stefan	1889	ditto	—	ditto	Gehilfe bei der Landwirtschaft	scharf beobachten event. verhaften		
57	Wasil Zabaj		ditto	2 Kinder	—	Schmied	russosiler Agitator	streng überwachen	Kurj — gewesener Inseeistrierungsührer
60	Aleksander Kurij	1878	Busk	Frau u. zwei Kinder	Familie der Ehegattin	gewesener Handlungsgeldhilfe gegenw. Grundb.	radicaler Russosile u. Agitator	streng überwachen respective verhaften	mit Kurj verkehrt der absolvierte Techniker Kazimierz Markiewicz aus Zwiast in Wolynien (Russland)

Kamionka, 21. Dezember (1913 ?).

Der kk. Statthalterrat

D Ü L T Z.

*) Въ виду значительнаго разбра документа помѣщаемъ его въ извѣщеніи.

2. Борьба съ этимологическимъ правописаниемъ.

Изъ Лемковщины получено нами слѣд. письмо:

Чтобы запечатлѣть въ памяти русскаго народа неравную борьбу за русскій языкъ и этимологическое правописание на самыхъ крайнихъ западныхъ рубежахъ Червонной Руси, предлагаются нѣсколько документовъ, касающихся этой борьбы.

Въ началѣ всеобщей мобилизаціи я былъ военными властями изъ моемъ

18 пѣх. полку въ Перемысли арестованъ и отведенъ въ гарнизонную тюрьму, а при отходѣ моего полка на русскій фронтъ меня обратно отвели въ полкъ и я, конечно, подъ надзоромъ всей компани, пошелъ воевать. После трикратныхъ аудиторскихъ допросовъ на фронтѣ и нѣсколькихъ сраженій съ русскими отступающими отрядами, я былъ ночью 15 августа ст. ст. 1914 г. взятъ въ русскій плѣнъ, что и было моимъ спасеніемъ...

A. K. Хома.

Wydział Rady powiatowej
w NOWYM SĄCZU.

L. 3469.

Do

PANA ANDRZEJA KONRADA CHOMY, PISARZA GMINNEGO

w ŻEGIESTOWIE.

Wydział powiatowy na posiedzeniu dnia 6. września 1913. uchwalił udzielić Panu nagany z powodu niewłaściwości w urzędowaniu Pańskim jako pisarza gminnego, skonstatowanych wedle wyników dochodzenia, a w szczególności z powodu prowadzenia wewnętrznego urzędowania w języku przeładowanym naleciałościami języka rosyjskiego i wedle urzędownie nie uznanej pisowni etymologicznej, — niestosowania się do zarządzeń Naczelnika gminy, samowładnego wystosowania pisma imieniem Zwierzchności gminnej bez wiedzy Naczelnika gminy, — wreszcie z powodu zaniedbania sporządzenia na czas listy pospolitaków.

O czym się Pana zawiadamia z tem, że w razie powtórzenia się podobnych niewłaściwości będzie przedłożony c. k. Starostwu wniosek na usunięcie Pana z urzędu pisarza gminnego w tamtejszej gminie.

Sekretarz:
(KOBAK)

Prezes Rady powiatowej:
(WITTIG).

Wydział Rady powiatowej
w NOWYM SĄCZU.

L. 3469.

O D P I S.

Nowy Sącz dnia 17. września 1913.

Do

C. K. STAROSTWA

w NOWYM SĄCZU.

Oдноśnie do tamtejszego pisma z dnia 23/1 1913. L. 3541/8. donosimy przy dołączeniu .%/. aktów tutejszych dochodzeń dyscyplinarnych, że Wydział powiatowy na posiedzeniu z dnia 6/9 1913. uchwalił: 1) zakomunikować c. k. Starostwu, iż nie znajduje podstawy do przedstawienia wniosku na usunięcie Konrada Andrzeja Chomy z urzędu pisarza gminnego w Żegiestowie i że należy jedynie wydać zarządzenia, zmierzające do tego, by urzędowanie wewnętrzne urzędu gminnego w Żegiestowie było prowadzone stosownie do obowiązujących przepisów w języku krajowym i w pisowni urzędownie uznanej, 2) udzielić wymienionemu wyżej pisarzowi gminnemu nagany z powodu skonstatowanych w dochodzeniu niewłaściwości w urzędowaniu.

O wydanych ze swej strony zarządzeniach zechce c. k. Starostwo zawiadomić Wydział powiatowy.

Prezes Rady powiatowej
Wittig, wr.

Sekretarz.
Kobak, wr.

L. 3469.

Nowy Sącz dnia 17. września 1913.

ZWIERZCHNOŚCI GMINNEJ

w ŻEGIESTOWIE

do wiadomości z poleceniem doręczenia przyległego ./. pisma adresatowi Andrzejowi Konradowi Chomic, tamtejszemu pisarzowi gminnemu, za dowodem doręczenia ./. który tu odesłać należy.

Zarazem poleca się Zwierzchności gminnej, aby przestrzegała, by urzędowanie wewnętrzne tamtejszego urzędu gminnego, stosownie do obowiązujących przepisów, prowadzone było bezwarunkowo w języku krajowym i wedle pisowni urzędownie uznanej.

Sekretarz :
(KOBAK).

Prezes Rady powiatowej :
(WITTIG).

1.. 159/pr

Nowy Sącz dnia 31. lipca 1914.

Do

Pana Chomy, pisarza gminnego

w Żegiestowie.

Na podstawie §§ 2 i 3 ustawy z 5. maja 1869, dz. u. p. Nr. 66. i rozporządzenia całego Ministerstwa z 26. lipca 1914. dz. u. p. Nr. 154, zakazuję Panu wydać się z Muszyny aż do odwołania.

Od tego zakazu wolno wnieść rekurs do ck. Namiestnictwa, który podać należy w ck. Starostwie w dniach 14. licząc od doręczenia. Rekurs niema mocy wstrzymującej.

Ck. Radca Namiestnictwa i Starosta

Ihrabia KOS.

3. Поиски за шпионами.

Переписка между Львовомъ, Станиславовомъ и Черновцами въ дѣлѣ: Діаковский. Билинскій — Ивануса.

На доносъ жандарма — Эмилиана Пасканиука изъ Черновца, что будто некоторыя личности изъ Чорткова находятся въ близкихъ сношеніяхъ съ гр. Бобринскимъ, (жандармъ слышалъ фамиліи: Діаковский, Билинскій, Ивануса), — дѣлаетъ черновецкое Landesgendarmerie-Kommando очередной доносъ во Львовъ. Львовское отдѣленіе генер. штаба при 11 корп. посылаетъ названный доносъ для проверки въ Станиславовъ, замѣчая: „строго до-вѣрочно и незамѣтно про-извести слѣдствіе!“ Станиславовскій штабс-офицеръ докладываетъ окончательно львовскому ген.

штабу слѣдующее: 1) Діаковский — считался здѣсь неопаснымъ; 2) о. Билинскій де Салесса состоятъ приходникомъ въ Шмалковцахъ, Чортковского уѣзда, потомъ были препровождены въ Станиславовъ, а окончательно перемѣщены въ Доброполе; онъ является однимъ изъ опасѣйшихъ русскихъ агитаторовъ; 3) судья Ивануса — сознательный руссофильскій агитаторъ, какъ судья — былъ изъ-за партійной нетерпимости дисциплинарнымъ путемъ наказанъ и т. д.

Ивануса и Билинскій — утверждаютъ со всею увѣренностью станиславовскій штабс-офицеръ — получали русскія деньги (russisches Geld) для агитационныхъ цѣлей. Переписку приводимъ въ подлинныхъ документахъ.

K. k. Landesgendarmeriekommando № 13.

Abteilung Czernowitz № 1.

E. № 24 res.

Posten zu Nowosielitza-Bahnhof № 16.

Deakowski, Bilinski de Salessa

und Iwanussa der Spionage verdächtig.

An das

k. k. Landesgendarmeriekommando № 13

Nowosielitza Bhf. am 13 Februar 1914.

in Czernowitz

Am 13. Februar 1914 geriet Gend. Postenführer Emilian Paskaniuk am Bahnhofs Czernowitz mit einem zirka 28—30 Jahre alten, den besseren Ständen angehörenden Manne in ein Gespräch über den Marmarosszigeter Prozess.

Im Verlaufe desselben erzählte der Mann dem Paskaniuk, dass einige Persönlichkeiten aus Czortkow schon seit längerer Zeit mit dem Grafen Bobrinski in brieflicher Verbindung stehen und auch öfters Geld von demselben, vermutlich zu Spionage oder irgendwelchen Propagandazwecken, erhalten, und zwar:

Deakowski, Komissär der kk. Bezirkshauptmannschaft Czortkow,
Bilinski de Salessa, gr. kat. Pfarrer in Czortkow und
Iwanussa, Richter in Czortkow.

Wo und was dieser Mann ist und von wo er sei, wisse Paskaniuk nicht, jedoch gibt er an, dass als er noch beim Militär in Czernowitz diente, er denselben öfters in Czernowitz gesehen habe.

Die Meldung wurde dem kk. Landesgendarmeriekommando № 13 und dem kk. Gendarmerieabteilungskommando № 1 in Czernowitz erstattet.

WOPATA, Wachmeister.

K. K. LANDESGENDARMERIEKOMMANDO № 13.

PRÄS. CZERNOWITZ, am 15/2 1914.

ad K. N 31 res R. A. ./. BLG.

Generalstabsabteilung des k. u. k. 11. Korps

in

Czernowitz, am 16. Februar 1914.

Lemberg.

Wird zur Kenntnis übermittelt.

(Подпись неразборчивая.)

K. u. k. Generalstabsabteilung des 11. Korps.

Präs. Lemberg, am 19/2 1914.

K. Nr. 261. ./. Bign.

An

den exponierten Gendarmerie-Stabsoffizier

in

Lemberg, am 19/2 1914.

Stanislaw.

Es wird d. h. ersucht, die umstehend gemachten Angaben überprüfen lassen zu wollen und das Erhebungsergebnis anher mitteilen zu wollen.

Die Erhebung wäre streng vertraulich und unauffällig durchzuführen.

g. g. R.

Präs. Stanislaw am 20/2 1914

k. k. exponierter Stabsoffizier

E. Nr. 54 res. Adj. mit Beilag.

An die

k. u. k. Generalstabsabteilung des 11. Korps

in

Czortkow. am 10. März 1914.

LEMBERG.

Ein Kommissär namens DEAKOWSKI ist hier unbekannt und existiert ein solcher diesen Namens überhaupt nicht. Sollte jedoch ein gewisser Cyryl DIAKOWSKI gemeint sein, dann melde ich, dass dieser vor einem Jahr nach Lemberg als Finanzrat versetzt wurde. Derselbe galt jedoch hier als ungefährlich.

Der gr. kat. Pfarrer BILINSKI DE SALESSA war nie in Czortkow, sondern in Szmankowce, Bez. Czortków. Derselbe kam vor ca. drei Jahren als Kanonicus nach Stanislaw, wurde jedoch von dort nach einiger Zeit nach Dobropole versetzt. Derselbe gilt als einer der gefährlichsten ruthenischen Agitatoren.

Der Richter Iwanussa ist seit mehr als Jahresfrist von Czortków abtransferrt; ist ein überzeugter russophiler Agitator, galt als sehr parteiischer Richter, und ist mir auch bekannt, dass er wegen seiner Parteilichkeit, die auf nationaler Basis fußte, im Disziplinarwege bestraft wurde.

Dass Iwanussa wie Bilinski russisches Geld zu Agitationszwecken erhält, gilt als sicher!

Подпись неразборчивая.

DI. E. No. 54 res, Adj. Gesehen!

K. k. Exponierter Stabsoffizier in Stanislaw

Stanislaw am 11. März 1914.

Exponierter Stabsoffizier beurlaubt.

W—K.

Подпись неразборчивая.

K. u. k. Generalstabsabteilung des 11. Korps

Präs. Lemberg, am 14/3 1914.

K. Nr. 261 ./. Bign.

S—V.

II. Военный терроръ.

I.

Мѣры противъ „руссофильской“ пропаганды.

Президіумъ ц. к. Намѣстничества.

Львовъ, 8 августа 1914.

№ 18385/пр.

Руссофильская пропаганда.

Циркуляръ.

Всѣмъ госп. ц. к. старостамъ и ц. к. директорамъ полиціи во Львовѣ и Краковѣ.

Настоящія напряженныя отношенія между нашей имперіей и Россіей требуютъ энергичной борьбы съ москвофильскимъ движеніемъ, не скрывающимъ своихъ симпатій къ Россіи.

Такъ какъ сторонники и организаторы этого враждебнаго государственнаго движенія могутъ въ серьезный моментъ нагубно повліять на дѣйствія нашихъ вооруженныхъ силъ, слѣдуетъ немедленно принять соотвѣтствующія мѣры, чтобы энергично раздвинуть это движеніе всѣми находящимися въ распоряженіи средствами.

Также противъ всякихъ руссофильскихъ выступленій и публичныхъ манифестацій, или на собраніяхъ, или въ печати, или инымъ какимъ-либо образомъ, слѣдуетъ безопасно выступить, прибѣгая ко всѣмъ законнымъ средствамъ,

а въ особенности къ самому широкому примѣненію средствъ экзекуціи и съ виновниками поступать безъ всякаго снисхожденія.

Объ этомъ увѣдомляю господина старосту (г. директора), согласно рескрипту ц. к. Мин. Вн. Дѣлъ отъ 1 авг. 1914 г. № 9140 М. I. для точнаго исполненія, при чемъ указанія, данныя мѣстными циркулярами отъ 25 іюля 1914 г. № 150/д и 26 іюля 1914 г. № 17707 (пр.), относительно предотвращенія сербскихъ покушеній, сербофильской пропаганды и южно-славянскаго движенія студентовъ, слѣдуетъ примѣнять по аналогіи и при подавленіи руссофильскихъ стремленій и манифестацій.

Принятая по министерскому распоряженію отъ 25 іюля 1914 г. Вѣсти госуд. зак. № 158 іріостановка ст. 8, 9, 10, 12 и 13 основнаго закона отъ 21 дек. 1867 г. Вѣстн. гос. зак. № 142, даетъ Вамъ возможность принять усилшныя мѣры въ рамкахъ закона отъ 5 мая 1869 г. Журн. госуд. зак. № 67, для подавленія этого враждебнаго государствену движенія.

О всѣхъ въ этомъ дѣлѣ наблюденіяхъ и возможныхъ мѣрахъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ слѣдуетъ безотлагательно мнѣ доносить.

За ц. и к. Намѣстника

Гродзицкій.

II.

Увозъ изъ Львова арестованныхъ „руссофиловъ“.

Президіумъ ц. к. Дирекціи полиціи во Львовѣ, отправлено 28 августа (н. ст.) 1914 г. № 4926.

Въ Президіумъ ц. к. Намѣстничества.

Уже нѣсколько разъ я имѣлъ честь обратить вниманіе ц. к. Н. на необходимость вывести изъ Львова арестованныхъ опасныхъ для государства москвофиловъ, которые, въ числѣ около 2000, съ большимъ трудомъ размѣщены въ мѣстной тюрьмѣ, въ тюрьмѣ мѣстнаго краевого уголовного суда и въ полицейскомъ арестномъ домѣ.

Уже само размѣщеніе, въ виду недостатка мѣста, по санитарнымъ соображеніямъ угрожаетъ взрывомъ эпидемическихъ болѣзней и въ еще большей степени становится опаснымъ въ виду возможности вспышки бунта, вслѣдствіе возмущенія тѣхъ заключенныхъ, которые уже теперь высказываютъ громкія угрозы, что они, молъ, посчитаются

съ этими угрозами, въ случаѣ неблагопріятной переменѣ военныхъ обстоятельствъ, навѣрное могли бы отразиться кровавой рѣзаней на польскомъ населеніи города.

Поэтому настоятельно прошу ц. к. Н. безотлагательно приступить къ увозу этого крайне опаснаго для государства и общества элемента изъ Львова въ глубь страны.

Львовъ, 27 августа 1914 г.

Рейхендсбергъ.

III.

Доносъ на святоюрскихъ священниковъ.

Львовъ, 24 авг. 1914 г.

Ц. и к. Плацъ-Командантству

во Львовѣ.

Питая безграничную симпатію къ австрійскимъ вооруженнымъ силамъ и видя, что, вслѣдствіе безчестной измѣны нашихъ москвофиловъ, не одна сотня нашихъ невинныхъ солдатъ уже пролила свою кровь и еще далѣе должна будетъ проливать, не могу утаить своихъ наблюденій, къ которымъ я припелъ послѣ долгаго опыта, чтобы этихъ поразительныхъ тайнъ не открыты Высокому Плацъ-Командантству еще во время, чтобы этимъ самымъ обратить вниманіе властей въ сторону, откуда для государства можетъ получиться неисчислимый вредъ. Итакъ: До нынѣ несчастьемъ государства, какъ въ этомъ уаѣдились, являются москвофилы, которые не скрываясь, лѣзутъ къ москалямъ, т. е. къ Россіи, а лучшимъ доказательствомъ этого являются пылкія арестованія и переполненіе тюремъ такими личностями.

Кто далъ толчокъ къ измѣническому поведенію? Именно москвофильскіе священники, которыхъ наше правительство всегда поддерживало и все имъ позволяло. До сихъ поръ арестовано очень много такихъ индивидуумовъ, однако не всѣ еще, ибо тѣ, которые собственно дали толчокъ къ измѣническому поведенію, остались до настоящаго времени на свободѣ, чтобы быть въ состояніи доставлять москалямъ сообщенія, которыя просто пагубны для плановъ нынѣшней войны.

Поэтому я обращаю внимание Высокаго Плацъ-Комендантства на священниковъ и даже канониковъ москвофиловъ мѣстнаго львовскаго митрополитскаго капитула, духомъ и тѣломъ преданныхъ Россіи и имѣющихъ въ своихъ квартирахъ очень много компрометирующаго и уличающаго ихъ матеріала, въ случаѣ, если бы у нихъ былъ произведенъ неожиданный обыскъ.

Приведу фамиліи этихъ священниковъ: о. Андрей Бѣлецкій, о. Мартинъ Пакѣжъ, о. Александръ Бачинскій, а также зять о. Бѣлецкаго о. Дорожницкій: всѣ они живутъ и скрываются въ стѣнахъ св. Юрія во Львовѣ, такъ какъ тамъ для нихъ безопаснѣе всего. Эти выше указанные фамиліи очень хорошо известны россійской охранѣ, съ которою они вели переписку до послѣдняго момента.

Высокое комендантство изволитъ заняться этими личностями, и тогда еще болѣе убѣдится въ правильности, когда при обыскѣ найдетъ основанія для этого.

Съ глубочайшимъ уваженіемъ

Алоизій Вожиковскій.

IV.

Приказъ военной Коменды во Львовѣ.

(„Прив. Русь“, № 1479/1480 отъ 23 ноября 1914 г.).

Сообщаемъ переведенный съ нѣмецкаго текстъ распоряженія австрійской военной коменды во Львовѣ, на основаніи котораго разстрѣляно и повѣшено множество русскихъ галичанъ. Документъ найденъ въ письменномъ столѣ директора львовской полиціи.

Ц. и к. Военная Коменда во Львовѣ.
К. Н. 283.

Д.

**Строго
секретно.**

Въ
Президіумъ ц. к. Дирекціи Полиціи
во Львовѣ.

Львовъ, 15 августа 1914 г.

Къ свѣдѣнію.

Госбманнъ.

(На обратной сторонѣ).

Президіумъ ц. к. Дирекціи полиціи
во Львовѣ.

Поступило 18 августа 1914 г.

№ 4509.

Къ свѣдѣнію.

(Нѣсколько нечеткихъ подписей).

(Внутрь)

Ц. и к. Военная Коменда во Львовѣ.
К. Н. 283.

Ц. к. Краевой Обороны Дивизионный Судъ
въ ...

Подлинувшіяся на восточной границѣ, въ районѣ Белзскъ—Сокаль—Подволочискъ—Гусятинъ, русскія войска произвели на руссофильское населеніе Восточной Галичины, находившееся уже издавна въ измѣническихъ сношеніяхъ съ Россіей, огромное впечатлѣніе.

Государственная измѣна и шпионство, съ одной стороны, а терроръ по отношенію къ нерусскому населенію тамъ, гдѣ оно находится въ меньшинствѣ, съ другой (Сокаль, Залозцы, Гусятинъ), множатся самымъ опаснымъ и прямо угрожающимъ образомъ. Если немедленно не будутъ приняты самыя строгія мѣры, то районъ военныхъ дѣйствій въ Восточной Галичинѣ и Буковинѣ можетъ вслѣдствіе преступныхъ замысловъ руссофильскаго населенія ока-

заться въ серіозной опасности, наступленіе же и начальныя военныя дѣйствія могутъ быть значительно затруднены. Скорое наказаніе является крайне необходимымъ, какъ острастный примѣръ однимъ и въ доказательство другимъ, что австрійское правительство имѣетъ власть и силу для того, чтобы наказать виновныхъ и охранять невинныхъ.

Эти примѣры смогутъ только тогда оказать свое дѣйствіе, когда они будутъ производиться на глазахъ тѣхъ, кто были свидѣтелями выше названныхъ преступленій.

Казнь хотя бы даже, напримѣръ, ста человѣкъ во Львовѣ произвела бы на населеніе Залозецъ, сильныя нервы котораго требуютъ сильныхъ впечатлѣній, гораздо меньшее дѣйствіе, чѣмъ казнь хотя бы только двухъ лицъ въ самыхъ же Залозцахъ.

Военная коменда приказываетъ поэтому:

1. Исполненіе приговоровъ за всѣ предусматриваемыя исключительными постановленіями преступленія, подлежащія военному суду, строжайшее наказаніе которыхъ является необходимымъ, какъ устрашающій примѣръ, должно происходить тамъ, гдѣ преступленія были содѣяны.

2. Во всѣхъ этихъ случаяхъ должно примѣняться сокращенное судопроизводство, чтобы наказаніе по возможности скоро, буквально по пятамъ (auf dem Fusse), слѣдовало за преступленіемъ.

3. Производство слѣдствія во всѣхъ этихъ случаяхъ должно быть поручено судьямъ, которые, съ одной стороны, благодаря своему опыту, дадутъ ручательство, что они успѣютъ разобраться въ исключительныхъ отношеніяхъ и освободить себя отъ ненужнаго формализма, съ другой же стороны, будучи лишенными всякой чув-

ствительности, имѣть въ виду одно только благо государства.

4. Этого рода дѣла должны быть поручены установленному львовскимъ судомъ краевой обороны аудиторю, секретарю суда и лейтенанту запаса Гехту и установленному коломыйскимъ судомъ краевой обороны адвокату и оберъ-лейтенанту запаса д-ру Рихтъ или другому аудитору, который отнѣчалъ бы выше указанными требованіямъ.

5. Въ трудныхъ, не совсемъ ясно представляющихся (nicht ganz klar darliegenden) случаяхъ преступленія, можно, для ускоренія слѣдствія, потребовать отъ военной коменды содѣйствія полицейскаго чиновника.

Сіе препровождается въ Дивизионный Судъ Краевой Обороны во Львовѣ и Коломыѣ, въ Президіумъ Дирекціи полиціи во Львовѣ и Черновцахъ, командированному штабсъ-офицеру во Львовѣ и Станиславовѣ и въ краевое жандармское Управление № 13.

V.

Полицейскія мѣропріятія.

(„Прив. Русь“ № 1483, 1914 г.).

Президіумъ ц. к. Дирекціи полиціи
во Львовѣ.

Поступило 25 (и. ст.) августа 1914 г.
№ 4876.

Ц. и к. Военному Коменданту, здѣсь.

Въ послѣднее время многія лица, заподозрѣнные въ государственной измѣнѣ, шпионствѣ и другихъ враждебныхъ государству дѣйствіяхъ, были отданы подъ военный судъ, а задержанія этихъ лицъ въ военной тюрьмѣ на время войны требуютъ особые интересы государства. Поэтому честь имѣю просить повліять

въ этомъ смыслѣ на военные суды и въ особенности дѣйствовать въ томъ направленіи, чтобы тоже въ такихъ случаяхъ, въ которыхъ военно-судебное слѣдствіе, въ виду отсутствія соотвѣтственнаго матеріала, должно быть приостановлено, обвиняемые не отпускались на свободу, а наоборотъ препровождались въ ц. к. дирекцію полиціи для дальнѣйшихъ полицейскихъ мѣропріятій.

Львовъ, 28 августа 1914 г.

Рейхендерф.

VI.

Изъ секретнаго рапорта ген. Римля.

Первымъ комендантомъ г. Львова послѣ отступленія русскихъ войскъ былъ генералъ-майоръ Фр. Римль, который до войны служилъ здѣсь въ продолженіе четырехъ лѣтъ въ качествѣ начальника генеральнаго штаба 11. корпуса. По происхожденію нѣмецъ, имѣлъ онъ широкія связи въ мѣстномъ польскомъ обществѣ, что способствовало ему въ работѣ на новомъ отвѣтственномъ посту коменданта города. По истеченіи мѣсяца управленія городомъ сообщилъ онъ рапортомъ главнокомандующему арміей тѣ отношенія, которыя были на лицо во Львовѣ. Рапортъ этотъ имѣетъ названіе: „Впечатлѣнія и наблюденія, собранныя мною послѣ освобожденія Львова, въ качествѣ коменданта города. 22 іюня — 27 іюля 1915 г.“.

Послѣ общихъ замѣчаній о настроеніи населенія, слѣдуетъ специальное изложеніе объ отношеніяхъ въ политическихъ партіяхъ, обоснованное на весьма точныхъ информациахъ.

Мнѣніе столь авторитетнаго лица должно было повліять на отношеніе австрійскаго правительства къ от-

дѣльнымъ партіямъ и лицамъ, потому считаемъ, что перепечатаніе выдержекъ изъ этого рапорта послужитъ до нѣкоторой степени разъясненіемъ нашей мартирологіи.

Пропуская несущественныя положенія, приведемъ лишь непосредственно насъ касающіяся соображенія генерала Римля:

„Гал. Русскіе раздѣляются на двѣ группы: а) руссофиловъ (Russofil. Staatsfeindliche und Hochverräter) и б) украинофиловъ (Oesterreicher).“

Русской партіей руководитъ депутатъ Марконъ; принадлежатъ къ ней д-ръ Дудыкевичъ, Семенъ Вендасюкъ, Колдра, д-ръ Глушкеничъ, д-ръ Сохоцкій, Малець и др. Ихъ стремленія общезвѣстны: окончательное соединеніе съ Россіей и православіемъ.

Еще до объявленія войны эта партія занималась измѣной, на что я неоднократно безрезультатно обращалъ вниманіе.

Военныя событія были лучшимъ доказательствомъ, что эта партія еще въ мирное время работала сообща съ врагомъ въ направленіи созданія благоприятныхъ условій къ соединенію Вост. Галичины съ Россіей (см. брошюру „Das Galizien der Gegenwart“).

Во Львовѣ организовалась русская радикальная партія подъ руководствомъ д-ра Дудыкевича въ „Народномъ Союзѣ“, съ цѣлью служить русскому правительству, подъ покровительствомъ гр. Бобринскаго, при руссификаціи края и распространеніи православія.

Въ составъ „Народнаго Совѣта“ входили также австрійскіе государственные чиновники, какъ напр. совѣтникъ лѣсп. вѣдомства Казиміръ Тиховскій, госуд. прокуроры Третьякъ и Сивулякъ. Въ виду изложеннаго липшими являются дальнѣйшія доказательства, что рус-

скіе (russofil.) являются государственными измѣнниками; слѣдовало бы ихъ не содрогаясь уничтожить. Если вообще возможно русскихъ (russofil.) исправить (вмѣстѣ съ партіей Грабскаго), то это возможно единственно при примѣненіи средствъ безпощаднаго террора.

Проявляющіеся часто взгляды на партіи и лица („умѣренный руссофилъ“) принадлежатъ къ области сказокъ; мое мнѣніе подсказываетъ мнѣ, что всѣ „руссофилы“ являются радикальными и что слѣдуетъ ихъ безпощадно уничтожить.

Украинцы являются друзьями Австріи и подъ еяльнымъ руководствомъ правительственныхъ круговъ могутъ слѣдаться честными австрійцами. Пока что украинская идея не совсѣмъ проникла въ русское простонародье, тѣмъ менѣе замѣчается это въ російской Украинѣ.

При никакъ уровнѣ просвѣщенія украинскаго мужика не слѣдуетъ удивляться, что матеріальныя соображенія стоятъ у него выше политическихъ соображеній. Воспользовались этимъ Россіею во время оккупации и такимъ образомъ перенесли нѣкоторые украинскіе общины въ руссофильскій лагерь.

Слѣдуетъ, однако, признать украинцамъ, что такіе случаи были рѣдки и что въ концѣ концовъ украинцы остались вѣрными австрійскому царствующему дому“.

Изъ „Gazet-ty Porann-ой“ 1919 г. NN. 4574, — 75, — 77.

VII.

Объявленія военныхъ судовъ.

1. Три смертныхъ приговора.

(Изъ официальной „Gazet-ty Lwowsk-ой“).

Приговоромъ суда ц. к. Львовскаго военнаго коменданта въ Мукачевѣ, отъ 30 сентября 1914 года К. 183,—14 признаны:

1) Романъ Березовскій,

гр-католическій настоятель прихода изъ Протесовъ, Жидачевскаго уѣзда, рожденный 26 сентября 1874 г. въ Ванятичахъ. вдовецъ, отецъ 3 дѣтей, не бывшій раньше подъ судомъ;

2) Левъ Кобылянский,

громадскій писарь изъ Сенечола, Долинскаго уѣзда, рожденный 27 января 1857 г. въ Надворнѣ, гр-католикъ, вѣроисповѣданія „холостой“, не бывшій раньше подъ судомъ;

3) Пантелеймонъ Жабякъ,

крестьянинъ, рожд. въ 1867 г. въ Сенечолѣ, женатый, отецъ 5 дѣтей, не бывшій подъ судомъ;

виновными въ преступленіи шпионства по 321 ст. уголовного закона, выразившагося въ томъ, что названные, а именно: Романъ Березовскій въ послѣднихъ числахъ августа и первыхъ числахъ сентября 1914 г., а Левъ Кобылянский и Пантелеймонъ Жабякъ въ первыхъ числахъ сентября 1914 г., во время военнаго положенія Австро-Венгріи въ виду Россіи, т. е. во время войны, по взаимному соглашенію старались узнать о силахъ и состояніи арміи въ краѣ, объ ея намѣреніяхъ, планахъ, расположеніи и движеніи, а также о состояніи предметовъ, относящихся къ военной оборонѣ государства, съ цѣлью сообщать объ этомъ непріятелю, — и приговорены за это, на основаніи § 444 уголовного судопроизводства, къ **смертной казни** чрезъ повѣшеніе.

Приговоръ приведенъ въ исполненіе.

(„Прив. Русъ“, 1914 г. № 1479).

2. Новосандецкая расправа.

L. 595/mob.

OBWIESZCZENIE.

Wyrokiem doraźnym Expozytury c. i k. Sądu wojennego w Nowym Sączu z dnia 28. września br. K. 1/14. zostali: Piotr Sandowicz, w Żegiestowie urodzony, 56 lat liczący, greckokatolickiego obrządku, żonaty, proboszcz w Brunarach, i Antoni Sandowicz, w Roztoce wielkiej urodzony, 27 lat liczący, greckokatolickiego obrządku, stanu wolnego, słuchacz Akademii, zamieszkały w Brunarach, za zbrodnię zdrady stanu po myśli §. 334:c. kodeksu karnego wojskowego (par. 58:c. kodeks karny cywilny) na śmierć przez rozstrzelanie zasądzeni.

Wyrok został w dniu 28. września 1914. w Nowym Sączu wykonany, co podaje się do publicznej wiadomości.

Nowy Sącz dnia 3. października 1914.

Z C. K. STAROSTWA.

Первый периодъ австрійскаго террора въ Галичинѣ.

Бережанскій уѣздъ.

Въ Бережанскомъ уѣздѣ, по имѣющимся свѣдѣніямъ, были арестованы слѣдующія лица: священ. Александръ Чубатый съ женой изъ с. Жукова; священ. Мих. Горчинскій изъ Бодотны; священники Влад. Коновалецъ изъ Малехова и Вавъ изъ Заланова; священ. Григорій Качала изъ с. Лѣсникъ; чиновникъ табачн. фабрики Исидоръ Цыбикъ; священ. Іоаннъ Потерейко изъ Мельничъ и много другихъ, фамиліи которыхъ остались невыяснены.

Вотъ что рассказываетъ о своемъ арестованіи о. Григорій Качала: Меня арестовали 4 августа 1914 г. Въ полѣ нашелъ меня лежащаго въ травѣ неизвестный мнѣ фельдфебель и сельскій стражникъ и велѣли мнѣ идти домой, гдѣ долженъ ждать меня какой-то австрійскій офицеръ.

Вмѣсто офицера встрѣтилъ я дома жандарма. Во время обыска жандармъ взялъ почему-то чешскій проповѣдническій журналъ „Kazatelna“ и составилъ протоколъ, а затѣмъ увелъ къ уѣздному старостѣ въ Бережанахъ.

Комиссаръ староства заявилъ, что имѣется доносъ, будто бы я пугалъ своихъ прихожанъ страшнымъ голодомъ, который возникнетъ во время войны.

По пути изъ староства въ тюрьму, на мою просьбу, мы зашли въ окружной судъ.

Прокуроръ прочелъ протоколъ и, подписавъ жандарму книжку, отправилъ его, замѣтивъ:

— Мы зъ księdzem już sami zrobimy porządek.

Послѣ ухода жандарма прокуроръ пригласилъ меня садиться и сказалъ:

— My tych aresztantów mamy już bez liku; ktoś tam na drodze rozglądał się inny kiwnął ręką lub głową, inny znowu siadł pod krzakiem dla załatwienia., a żandarm by to zoczył, zaraz każdego chwytą i dostawia tutaj jako podejrzanego szpiega. Dalej już niema gdzie pomieścić tych aresztantów. Ja tutaj w papierach żandarma nie znajduję nic karzygodnego, a więc mogę księdza puścić do domu. Radzę tylko chować się przed żandarmami.

Со страхом пробрался я между патрулями ночью, как вора, домой, но на другой день явился тот же жандарм с пятью другими и забрал меня прямо в бережанскую тюрьму. В тюремной канцелярии объявили мне приказ львовского дивизионного суда об аресте, после чего отправили на вокзал.

Тут я встретился с благочинным из с. Мозоловки о. Томовичем, также в обществе жандарма.

Во Львовѣ въ какой-то канцелярии, не то военной, не то тюремной, фельдфебель-еврей отнял у насъ всѣ „опасныя“ вещи, какъ часы, портмоне съ деньгами, брачныя кольца и т. п., давая намъ во время этой операціи наставленія, что молъ не сѣдуетъ священникамъ-духовнымъ пастырямъ заниматься шпионажемъ, что онъ этого не надѣялся и пр.

Нѣкій молодой украинофилъ, служащій этой канцеляріи, угрожалъ намъ висѣлицей, пока фельдфебель бережливо пряталъ, какъ доказательство измѣны, отобранныя у насъ мелочи.

Былъ здѣсь также свящ. Дуркотъ съ двумя сыновьями.

На третій день перевели насъ въ большую камеру, въ которой помѣщалось уже 48 человекъ, между ними вна-

комые священники Савула, Пилипецъ, Билинскій.

Меня и свящ. Баковича изъ Лѣсеничъ допрашивалъ д-ръ Станиславъ Загурскій (или Загоржинскій); хотя нашъ слѣдователь хвастался во время допроса, что онъ львовскій адвокатъ, но своимъ обращеніемъ онъ былъ похожъ болѣе на австрійскаго капрала или стараго дяльку, обучающаго новобранцевъ и всячески старающагося показать имъ свою власть и превосходство.

Панъ Станиславъ бросался на меня съ кулакомъ, угрожая смертью и стараясь страхомъ заставить меня признаться, что я занимался пропагандой православія; но, получивъ отъ меня въ десятый разъ отвѣтъ, что я никакой пропагандой вообще не занимался, а только однажды прочелъ въ церкви посланіе митрополита Шептицкаго о православіи безъ всякихъ комментариевъ, — онъ распорядился отвести меня обратно въ камеру. Тутъ слѣдуетъ замѣтить, что о. Баковичъ, весьма нервный и больной, сошелъ послѣ этого съ ума и умеръ въ Талергофѣ.

Жизнь въ тюрьмѣ была незавидная.

Кажется, 2-го сентября я уѣхалъ съ вторымъ транспортомъ въ Талергофъ; не помню даже хорошо, съ кѣмъ ѣхалъ, потому что всѣ мы были истомлены жаждою и голодомъ.

Въ нашемъ вагонѣ ѣхало 85 человекъ, кромѣ конвоя, который довольно удобно расположился по серединѣ теплушки, занявъ одну треть всего помѣщенія и отталкивая насъ прикладами на право и на лѣво въ углы вагона.

Ѣхали мы пять сутокъ, получивъ за все время путешествія развѣ чай съ ромомъ, а развѣ рисовый супъ.

По пути на вокзалъ били прикладами, куда попало. Меня ударили въ бѣдро; счастье, что я тогда несъ шинель свящ. Петровскаго изъ Рыкова. Помню

также, что, когда мы грузились во Львовѣ на главный вокзалъ, полицейскій ударилъ свящ. Марицкаго дважды саблею плашмя по шеѣ. Тотъ упалъ, и уже товари-

щи изъ его четверки вынесли его на рукахъ изъ вестибюля по лѣстницѣ въ вагонъ.

Свящ. Гр. Качала.

Бобреецкій уѣздъ.

Сейчасъ послѣ объявленія мобилизаціи въ 1914 г. начались аресты виднѣйшихъ русскихъ дѣятелей въ уѣздѣ. Насколько можно было установить, число арестованныхъ достигло до начала военныхъ дѣйствій 195 человекъ.

Въ особенности пострадало русское населеніе отъ австрійцевъ въ то время, когда уже стали развертываться военныя дѣйствія въ Вост. Галичинѣ. Терроръ былъ до того страшный, что населеніе сидѣло безвыходно дома, чтобы не попадаться на глаза австрійскимъ палачамъ.

Въ м. Новыхъ Стрѣлисахъ солдаты закололи Григорія Вовка, стоявшаго въ своемъ саду и смотрѣвшаго на проходившія австрійскія войска.

Трупъ убитаго крестьянина солдаты внесли въ хату, которую затѣмъ сожгли вмѣстѣ съ покойникомъ.

Въ с. Бортникахъ жандармы арестовали и увели четырехъ 10-лѣтнихъ мальчиковъ за то, что они смотрѣли на проѣзжавшій поѣздъ.

Въ первыхъ дняхъ августа 1914 г. былъ арестованъ о. Иванъ Ясковъ, мѣстный настоятель прихода, мобилизованный въ качествѣ военнаго священника. Его возвратили съ фронта и посадили въ тюрьму въ Коломыжъ, послѣ перевели въ военную тюрьму въ Вѣнѣ, оттуда перевели въ Дрозендорфъ, а наконецъ отправили въ Талергофъ.

Кромѣ него арестовали въ Бортникахъ Юсіфа Слюзара, черезъ нѣсколько дней войта Федора Сенева, Андрея Даен-

дровскаго, Семена Хоменка, а въ концѣ августа Евгенію Пахтингеръ. Арестованныхъ перевозили поодиночкѣ въ тюрьму въ Бобрѣ, а отсюда вмѣстѣ съ львовскимъ транспортомъ сослали въ Талергофъ.

Всѣ упомянутыя лица вернулись домой наканунѣ развала Австріи, кромѣ Андрея Даендровскаго, почившаго „подъ соснами“ въ Талергофѣ.

Въ с. Волощинѣ мадьяры привязали къ пушкѣ Ивана Терлецаго и еще одного 80-лѣтняго старика и поволокли такимъ образомъ съ собой. Судьба ихъ неизвѣстна.

Австрійцы, въ особенности мадьяры и нѣмцы, не считались и съ религіозными чувствами нашего народа. Они врывались въ церкви, грабили ихъ и устраивали тамъ настоящія оргіи. Къ подобнымъ фактамъ, имѣвшимъ мѣсто и въ другихъ уѣздахъ, можно прибавить также случаи оскверненія и грабежа церквей въ Бобреецкомъ уѣздѣ. Послѣдніе имѣли мѣсто въ селеніяхъ Гриневѣ, Суходолѣ, Островѣ и въ м. Новыхъ Стрѣлисахъ

Гал. „Прикарп. Русь“ № 1456,
31 окт. (18 ноября) 1914.

С. Водники. (Разсказъ крестьянина Михаила Ив. Звѣрка, старика 74 лѣтъ).

— Меня арестовали 24 августа 1914 г. по доносу одного изъ односельчанъ за то, что я читалъ газету „Русское Слово“. На разсвѣтѣ явился ко мнѣ на домъ австрійскій жандармъ Кобринъ и, арестовавъ меня безъ обыска, отвелъ въ м. Звенигородъ въ полицію, гдѣ из-

дѣвались надо мной вмѣстѣ съ комендантомъ Ковальскимъ. Изъ Звенигорода отправили этапнымъ порядкомъ въ Старое Село на желѣзную дорогу.

Тутъ полицейскій избилъ меня и моего спутника - арестанта Ивана Наконецнаго до крови. Во Львовѣ прѣѣхали мы подъ сильной охраной въ праздникъ Успенія и насъ помѣстили въ тюрьмѣ „Бригидкахъ“ по Казимировской улицѣ.

Во Львовѣ сидѣлъ я вмѣстѣ съ другими русскими галичанами цѣлую недѣлю, а тамъ погрузили насъ въ товарные вагоны и подъ пломбой отправили на западъ. По пути въ Перемышль дали намъ на обѣдъ бочку воды.

Изъ Львова въ Талергофъ ѣхали мы съ понедѣльника до пятницы. Въ вагонахъ, рассчитанныхъ на шесть лошадей или же сорокъ человекъ, находилось по 80 и больше людей. Невозможная жара и страшно спертый воздухъ въ вагонахъ безъ оконъ, казалось, убьетъ насъ, пока доѣдемъ къ мѣсту назначенія, въ Талергофскій адъ.

Физическія мученія, которымъ насъ подвергли австрійскія власти въ началѣ нашего ареста, были злонамѣренны. Чтобы усилить ихъ, намъ никоимъ образомъ не разрѣшалось елазить съ вагона, дверь была наглухо заперта, даже естественныя надобности приходилось удовлетворять въ вагонѣ.

С. Букавина. 19 августа 1914 г. въ с. Букавинѣ австро-мадьярскія войска, отступая передъ русскими, разобрали на рѣкѣ мостъ, желая такимъ образомъ задержать наступленіе врага. Затѣмъ вошли въ село, гдѣ на самомъ краю находилась усадьба 55-лѣтняго крестьянина Михаила Кота, получившаго при-

казъ переселиться съ семьей въ самую деревню. въ виду возможнаго обстрѣла перехода черезъ рѣку русскими войсками. Упомянутый крестьянинъ, подчиняясь военному приказанію, насѣхъ отвезъ свое семейство въглубь села, а самъ вернулся еще домой, чтобы вывезти самое необходимое изъ своихъ пожитковъ. Увидѣвъ свое хозяйство совершенно разграбленнымъ австрійцами, обратился къ офицеру съ просьбой — хотя частично возмѣститъ ему изъ казенныхъ суммъ причиненный войсками убытокъ. Въ отвѣтъ на его просьбу послѣдовалъ грубый окрикъ офицера и громкій смѣхъ солдатъ, зарѣзавшихъ еще въ добавокъ двѣ его свиньи, послѣ чего они ушли дальше. А черезъ нѣсколько минутъ подѣхало къ загородѣ нѣсколько мадьярскихъ кавалеристовъ. Спросивъ стоявшаго подъ воротами еврея — нѣтъ ли здѣсь „русифиловъ“? и получивъ отъ него какой-то отвѣтъ на нѣмецкомъ языкѣ, мадьяры тутъ-же застрѣлили Михаила Кота безъ всякаго допроса и суда. Свидѣтелями этого дикаго произвола были крест. Никита Ворона и еврей Исаакъ Гастень. Убитый, сознательный и просвѣщенный русскій человекъ, оставилъ жену и шестеро дѣтей.

Сообщающій эти строки находился въ то время съ подводой въ военныхъ обозахъ. Въ 1915 году, послѣ отступления русской арміи, былъ арестованъ и отвезенъ германцами въ стрійскую тюрьму, откуда послѣ полуторамѣсячнаго заключенія былъ сосланъ въ Грацъ, а затѣмъ въ Талергофъ. Причиной ареста послужили наговоры настоятеля прихода изъ с. Молотова, „украинца“ Виктора Соколовскаго.

Василій Котъ

Богородчанскій уѣздъ.

„Львовскій Вѣстникъ“, по точно установленнымъ документамъ, сообщилъ слѣдующія данныя объ австрійскихъ звѣрствахъ надъ несчастнымъ русскимъ населеніемъ Галичины.

Наиболѣе пострадавшими надо считать мѣстности, которыя расположены вблизи Карпатъ, гдѣ все время велись ожесточенные бои. Населеніе вблизи горъ чрезвычайно бѣдствуетъ, какъ отъ голода, такъ и отъ внезапныхъ налетовъ мадьяръ, а отчасти и польскихъ стрѣльцовъ. Они вторгаются въ села и деревни, безчинствуютъ, грабятъ мирное населеніе, отнимаютъ все, что только покажется имъ пригоднымъ для своихъ надобностей и, въ довершеніе всего, при каждомъ налетѣ забираютъ мужское населеніе и уводятъ его въ горы.

Въ **Порогахъ** они угнали весь крестьянскій скотъ и увели съ собой въ горы болѣе 400 мужчинъ.

Въ **с. Разсольномъ** увели 140 человекъ. Была сдѣлана попытка напасть и на **Солотвину**, но въ это время подошли наши казаки и прогнали грабителей. О предметахъ продовольствія и говорить нечего: мародеры обшариваютъ каждый уголокъ дома, все, что только

попадаетъ подъ руку, забираютъ и уносятъ, и протестовать противъ этого не приходится изъ боязни поплатиться жизнью, какъ это и имѣло мѣсто въ нѣкоторыхъ случаяхъ.

Однако, въ **м. Солотвины** они заплатились сами за свои безчинства.

Однажды польскіе стрѣльцы, не дозрѣвая близости козаковъ, ворвались въ селеніе и начали грабить и избивать жителей. Объ этомъ тотчасъ узнали казаки, которые и поспѣшили на выручку жителей. Стрѣльцы, испугавшись, не успѣли всѣ убѣжать, и многіе изъ нихъ начали прятаться въ домахъ и оттуда стрѣлять по козакамъ. Однако, послѣ непродолжительной перестрѣлки, они должны были уступить натиску козаковъ и часть ихъ сдалась, а часть погибла отъ пуль.

Мадьяры совершенно не считаются съ вопросомъ о дѣйствительности симпатій населенія къ русскимъ. Во многихъ случаяхъ они убивали людей, совершенно далекихъ отъ какихъ-либо политическихъ воззрѣній и только потому, что тѣ или протестовали противъ насилій, чинимыхъ надъ ними, или же не умѣли говорить по мадьярски.

Борщевскій уѣздъ.

С. Волковцы. Въ злопамятномъ 1914 г., въ августѣ мѣсяцѣ, начались аресты русскихъ людей въ Борщевскомъ уѣздѣ. Я былъ въ то время по своимъ дѣламъ въ уѣздномъ старостѣ, гдѣ одинъ изъ знакомыхъ чиновниковъ показалъ мнѣ телеграмму львовскаго намѣстничества, гласившую: „арестовать всѣхъ руссофиловъ, хотя бы только подозрѣваемыхъ“.

Въ виду скорого наступленія русскихъ войскъ австрійцы не успѣли арес-

товать всю интеллигенцію въ уѣздѣ. Пострадали только свѣщ. Курыловичъ изъ Волковецъ и его семья, состоящая изъ жены, двухъ сыновей и зятя Богдана Драгомирецкаго, кромѣ того свѣщ. Смольный изъ с. Пановецъ. Послѣдній сумѣлъ оправдаться и былъ отпущенъ на свободу.

Сильно потеряло крестьянство въ Борщевскомъ уѣздѣ. Было арестовано нѣсколько десятковъ человекъ въ с.

Пановцы и Худиковцы. Арестованных отправили через Станиславов на Венгрию. На пограничной ст. Лавочное бросились на нас эшелон „украинские січовики“ съ цѣлю переколоть ненавистных „измѣнниковъ“, во благодарн энергіи эскорта мы уцѣли.

Для лучшаго представленія того безправства, которое примѣнялось австрійскими властями въ Галичинѣ, слѣдуетъ разсказать характерный примѣръ. Именно, въ сентябрѣ 1914 г. австрійскій ландштурмъ и жандармы отступили за Днѣстръ на Буковину, гдѣ обнялъ надъ ними командованіе жандармскій офицеръ, румынъ Трубой. Однажды привели къ нему трехъ людей изъ Коссова, крестьянина, еврея и нѣкогого ресторатора, обвиняемыхъ въ измѣнѣ.

Трубой безъ допроса и суда командовалъ повѣситъ несчастныхъ.

Подозрѣваемыхъ разстрѣливали гдѣ попало, даже въ поѣздахъ.

Приведу второй, не менѣе ужасный случай, разсказанный моимъ братомъ, генералъ-аудиторомъ Курьловичемъ, членомъ военнаго трибунала въ Вѣнѣ.

Однажды — разсказывалъ братъ — я нашелъ на столѣ у себя въ канцеляріи обыкновенную карточку, писанную карандашомъ. Это былъ рапортъ одного изъ моихъ подчиненныхъ, въ которомъ онъ сообщалъ, что, переѣзжая изъ Перемышля въ Медіку, застрѣлил въ вагонѣ второго класса опаснаго руссофила.

Разстрѣлянный былъ, конечно, русскій галичанинъ.

Н. М. Курьловичъ.

Бродскій уѣздъ.

Я была арестована полицейскимъ агентомъ, который отвелъ меня въ пустой домъ мѣстнаго купца Розенталя, гдѣ уже находилось нѣсколько человекъ изъ Бродовъ. Спали гдѣ кто могъ; вмѣсто постели служили купеческія книги. Изъ дому увели меня покураженной. Такъ просидѣла я здѣсь двѣ недѣли въ голодѣ и холодѣ. Родные приносили теплую одежду и пищу, но не были къ намъ допущены карауломъ. Не оставалось ничего другого, кромѣ всегдшной надежды, что страданія наши кончатся и меня отпустятъ на свободу.

Послѣ недѣльнаго пребыванія въ бродской казармѣ отправлено всѣхъ арестованныхъ во Львовъ, гдѣ мадяры, проводивъ нашу партію цѣлый день по городу отъ одной тюрьмы къ другой, помѣстили насъ наконецъ въ тюрьмѣ по улицѣ Баторія. Черезъ недѣлю мы были переведены въ „Бригидки“. Здѣсь при-

шлось мнѣ заболѣть; у меня пошла носомъ кровь, почему меня и отправили въ городскую больницу, гдѣ я пролежала спокойно два мѣсяца. Оправившись немного, я вернулась обратно въ тюрьму, а отсюда уѣхала вмѣстѣ съ другими русскими людьми въ Талергофъ.

Анна Ф. Суцинская.

Въ **Старыхъ Бродахъ** былъ арестованъ упр. школы Чердарчукъ Василь. Въ **Гаяхъ** Старобродскихъ — Мартинюкъ Тимофей, Каминскіе Акимъ и Анна, Чорнобай Александра, Литвинъ Петръ, Кушпета Николай, Щедрикъ Марія, Коряйчукъ Прасковія, Проказюкъ Ксенія, Котельницкая Ксенія, Рыплянскій Петръ, Святюкъ Иванъ, Кушпета Антонъ. Въ **с. Бучина** были арестованы Чорній Стефанъ, Сѣчкарукъ Теодоръ, Галадюкъ Николай, Рудакевичъ Теодоръ. Папковецкій Стефанъ и Ковальчукъ Онуфрій.

Бучацкій уѣздъ.

Въ газетѣ „Прикарпатская Русь“ (1915 г. № 1523) помѣщенъ списокъ русскихъ людей, арестованныхъ въ свое время австрійскими властями въ Бучацкомъ уѣздѣ. Въ самомъ гор. Бучачѣ были арестованы 15 человекъ, въ томъ числѣ д-ръ Вл. Ос. Могилянскій, его жена и сынъ-гимназистъ, судья Ѳ. М. Костецкій и др.

Въ **с. Нагорянкѣ** были арестованы 3 крестьянина, въ **с. Медвѣдовцахъ** о. Іоаннъ Ульванскій, въ **с. Ковалевкѣ** о. Ник. Красицій, въ **с. Гр. горозѣ** о. Ром. Копыстьянскій, въ **Озерянахъ** о. Іоаннъ Андріашъ, въ **с. Баришѣ** о. Вас. Козловскій, въ **с. Соморохахъ**, **Ковалевкѣ** и **Коропцѣ** по одному крестьянину, въ **с. Соколовѣ** с. Н. Илевичъ, въ **с. Друбнѣ** учитель Г. Н. Задорожный и нѣсколько крестьянъ.

Домъ д-ра Могилянскаго въ Бучачѣ былъ сожженъ и сравненъ съ землей, причѣмъ даже каменная ограда вокругъ дома была разрушена и уничтожена до тла, а въ большемъ фруктовомъ саду не осталось ни одного дерева, все было вырублено и унесено громадами.

Аресты „місцевскихъ агентовъ“ *).

„...Військові власти підприняли цілий рядъ репресійнихъ і превенційнихъ середниківъ, які проявились передовсімъ в арештованню московськихъ агентів і шпівівъ та

в розв'язанню русофільськихъ товариствъ. Середъ того арештовано такожимало „старорусинівъ“ в Бучачі й околиці. В першій мірі опинився під ключемъ зв'язний д-р Могилянський... Переведена в него в домі строга ревізія мала дати такъ обтяжуючий і компрометуючий матеріял. що слідуєчого дня арештовано такожъ його жінку і сина. Разомъ з Могилянськимъ постигла однакова доля судію Костецького і начальника пошти в Нагорянці Кисілевського... Попри сихъ головнихъ провідниківъ русофільського руху, чи радше зради і шпівонажі, арештовано рівножъ кількохъ священниківъ, о. Кузика з Осівців, о. Ульванського з Медведівців та чимало міщан і селян. В тій мірі поводитися власти з такою осторожністю і строгістю, що попалися в арештъ люде, які ніколи не брали участі в русофільській життї, ані навіть не були русофилами, а хіба оставали в родинній зв'язі з попередньо арештованими. Всіхъ арештованихъ вивезено на разі до Коломиї. Розв'язано в цілімъ поніті всі русофільські товариства...“

„Діло“ 1914 г. № 180.

С. Коріпецъ. Наше село не минала обща судьба, постигшая всѣ русскія селенія въ Галичинѣ. Арестовано у насъ члена и основателя читальни им. М. Качковского, крестьянина Пана Ив. Мельника. 61-лѣтняго старичка.

Павелъ Ивановичъ былъ главнымъ нервомъ въ нашей деревнѣ и несмотря на то, что самъ былъ неграмотнымъ, много поработалъ надъ просвѣщеніемъ нашей молодежи. Мельника заподозрѣно въ измѣнѣ и шпівонствѣ и послѣ ареста выслано его въ Талергофъ, откуда онъ вернулся домой совершенно больнымъ 20 октября 1918 г.

Василь М. Андешинъ.

*) Предлежація строки взяты изъ украинофільской газеты „Діло“, которая была въ 1914 г. главнымъ інформаціоннымъ факторомъ австрійской полиціи и австр. военныхъ властей. Подъ „московскими агентами, шпівонами, старорусинами“ — надо понимать русское население Галичины, стоящее на почвѣ культурнаго и національнаго единства всего русскаго народа, которое по милости „Діла“ и компаніи претерпѣло опасную мартирологію.

Городецкий уездъ.

Городокъ. Корреспондентъ „Утра Россіи“ Мих. Ратовъ передаетъ разсказъ одного крестьянина изъ Городка про ужасы, какіе творили австрійскія власти при приближеніи русскихъ:

„Вотъ видите, на этихъ деревьяхъ передъ окнами висѣли ваподоврѣнные въ „русофильствѣ“. Такъ прямо на деревьяхъ вѣшали. Сутки повисятъ, снимутъ — и другихъ на нихъ же вѣшаютъ. Много ужасовъ набралось. Здѣсь вотъ обломанная вѣтка. Повѣсили одного, обломилась, подтянули его повыше. А тутъ за угломъ учителя разстрѣляли. Поставили къ стѣнѣ, а напротивъ 5 солдатъ съ ружьями. Дважды дали залпъ, хоть онъ и упалъ, — хотите посмотрѣть?“

Пошли. На стѣнѣ выбито нѣсколько дыръ отъ ружейныхъ пуль.

И трудно себя представить, что на этомъ самомъ мѣстѣ, гдѣ мы стоимъ, разыгралась такая ужасная трагедія. Здѣсь, на этомъ мѣстѣ, со связанными назадъ руками, подкошенный пулями, свалился несчастный — по доносу шпіона.

А шпіоновъ развели австрійскія власти массу. На заборахъ, стѣнахъ — всюду висѣли объявленія съ расцѣнками: за учителя — столько-то, за священника — столько-то, за крестьянина цѣна ниже и т. д.

И достаточно было одного гололовнаго доноса, чтобы несчастнаго схватили и бросили въ тюрьму либо предали казни.

Много страшныхъ вещей разсказывать намъ хозяинъ...“

(„Прик. Русь“, 1915, № 1521.)

Расправа.

(Сообщ. И. Н. Воека).

Послѣ сраженія у Краснаго австрійцы отступили за Львовъ на линію Городокъ-Яворовъ. Я стоялъ со взводомъ въ деревнѣ Подзамче, вблизи Городка. Два дня уже продолжался бой и положеніе австрійцевъ становилось все болѣе критическимъ. На третій день, когда мы, пользуясь временнымъ затишьемъ, отдыхали, привели къ намъ нѣсколькихъ плѣнныхъ русскихъ солдатъ, а вмѣстѣ съ ними 60 мѣстныхъ крестьянъ и около 80 женщинъ и дѣтей. Крестьяне оказались жителями селъ Цунева, Оттенгаузена и Подзамча.

Мнѣ приказали конвоировать узниковъ. По дорогѣ я узналъ отъ солдатъ-мадьяръ, что арестованные ими крестьяне „русофилы“...

Мнѣ сдѣлалось страшно, хотя я и не зналъ, какая судьба ожидаетъ моихъ единомышленниковъ. По дорогѣ подошелъ къ одному крестьянину, сѣдоглавому старику съ окровавленнымъ отъ побоевъ лицомъ, какой-то еврей и со всего размаха ударилъ его въ лицо. Съ негодованіемъ я заступился за беззащитнаго крестьянина и оттолкнулъ еврея. Въ этомъ моемъ поступкѣ мнѣ пришлось впоследствии оправдываться передъ моимъ начальствомъ.

Наконецъ, мы пришли на мѣсто, которое я буду помнить до конца моей жизни. Чистое поле, на которомъ вокругъ одинокаго дерева толпились солдаты. Тутъ-же стояла группа офицеровъ. Насмѣшки и крики, въ родѣ „русскія собаки, измѣнники“, посыпались по адресу ожидавшихъ своей участи крестьянъ.

Видъ сѣдыхъ стариковъ, женщинъ съ грудными дѣтьми на рукахъ и плачущихъ отъ страха, голода и усталости дѣтей, цѣплявшихся за одежду своихъ матерей, производилъ такое удручающее впечатлѣніе, что даже у одного изъ офицеровъ-нѣмцевъ показались на глазахъ слезы. Стоявшій рядомъ лейтенантъ, вѣсивъ слезы у товарища, спросилъ: „Что съ тобой?“ Тотъ отвѣтилъ: „Ты думаешь, что эти люди виновны въ чемъ нибудь? Я увѣренъ, что нѣтъ“. Тогда лейтенантъ безъ малѣйшей заминки сказалъ: „Вѣдь-же это руссофилы, а ихъ слѣдовало еще до войны всѣхъ перевѣшать“.

Одинъ изъ несчастныхъ, парень лѣтъ 18-ти, пробовалъ было бѣжать. Въ догонку послали ему пулю. Но его можно считать счастливымъ, потому, что остальныхъ ожидало еще худшее.

Мужчинъ отделили отъ женщинъ и дѣтей и выстроили въ рядъ вблизи дерева. Женщинъ-же и дѣтей поставили въ сторонѣ подъ карауломъ. Я ожидалъ, что ихъ будутъ судить.

Но... нѣсколько минутъ томительнаго ожиданія — и началась казнь... Солдатъ-румынъ подводилъ одного крестьянина за другимъ къ дереву, а второй солдатъ-мадьяръ, добровольный палачъ, вѣшалъ. Съ жертвами обращались самымъ нечеловѣческимъ образомъ. Завладывая петлю, палачъ билъ ихъ въ подбородокъ и въ лицо. До сихъ поръ я не въ состояніи говорить объ этой казни безъ содроганія. Достаточно будетъ сказать, что всѣхъ вѣшали одной и той же петлей. По истеченіи пяти минутъ повѣшеннаго снимали и тутъ-же, по приказанію присутствовавшего врача, прикалывали штыкомъ.

Женщинъ и дѣтей австрійцы ставили быть свидѣтелями страшной смерти.

Крестьяне умирали спокойно.

Трупы повѣшенныхъ сложили въ общую могилу и сравняли съ землей, чтобы отъ нея и слѣда не осталось.

Послѣ разсказаннаго событія меня отправили съ частью на Венгрію, гдѣ пришлось видѣть подобныя же картины на Угорской Руси. Напр. въ селѣ Веречкѣ, Берегскаго комитата, арестовано по доносу мѣстнаго еврея 73 крестьянъ, а расправа была обычная — петля...

(„Прик. Русь“, 1914 г. № 1442).

С. Дубровица. Жители села Дубровицы знали уже въ первыхъ дняхъ мобилизаціи о предстоящихъ арестахъ русскихъ людей.

Сообщилъ объ этомъ своему приходнику о. Ильѣ Лаголю Левъ Порохнавецъ (погибъ на итальян. фронтѣ), взятый на военную службу и опредѣленный въ жандармскій отрядъ, стоявшій въ сосѣдней деревнѣ Позина. Узнавъ случайно, что комендантомъ полученъ приказъ изъ львовскаго штаба корпуса арестовать свящ. Лаголу, онъ, подвергаясь самъ большой опасности, рѣшилъ предупредить о. Лаголу о грозящемъ ему арестѣ.

Однако, уже поздно было думать о бѣгствѣ. 14 августа явились на приходство семь жандармовъ и приступили къ самому тщательному обыску, во время котораго комендантъ, саркастически улыбаясь, сказалъ по польски: „Ищу царскаго портрета, рублей, винтовокъ и бомбъ, ибо знаю, что русскіе все это привозили на аэропланахъ“.

Увидѣвъ портретъ Толстого, комендантъ весьма обрадовался и взялъ его, какъ доказательство „государственной измѣны“.

Арестовавъ о. Лаголу, жандармы отвели его въ с. Позину, гдѣ заперли его вмѣстѣ съ сельскимъ старостой Ва-

силимъ Цяпаломъ, въ здании школы. Между тѣмъ за стѣной въ другой комнатѣ шелъ допросъ лжесвидѣтелей-мазепинцевъ изъ с. Позина и лѣснаго сторожа, поляка Домарацкаго, изъ села Рокитна.

Послѣ обѣда отправлено обоимъ арестованныхъ подводой во Львовъ. По пути чуть не растерзавъ ихъ отрядъ упражнявшихся въ Брюховичахъ солдатъ. Однако, главное было впереди. Переходя черезъ предмѣстье Замарстиновъ, наткнулись на толпу, обкидавшую арестованныхъ камнями, а какой-то еврей ударилъ о. Лаголу по головѣ.

На мѣстѣ, въ военной львовской тюрьмѣ, прочли составленный въ Позинѣ жандармомъ протоколъ. Въ которомъ, между прочимъ, говорилось, что священникъ Лагола уговаривалъ военнопленныхъ прихожанъ на исповѣди — не стрѣлять въ русскихъ.

Затѣмъ заперли свящ. Лаголу въ одиночную камеру, а послѣ 2-недѣльнаго заключенія отправили съ транспортомъ земляковъ въ Талергофъ.

Въ день ареста свящ. Лаголы приходилъ житель с. Дубровицы Евстахій Кутный черезъ с. Брюховичи, который, услышавъ, что кучка мазепинцевъ злобно разсуждаетъ объ арестѣ о. Лаголы, вступилъ съ ними въ споръ, за что сейчасъ тутъ-же былъ арестованъ и увезенъ въ далекій Терезинъ.

Подобная же участь постигла также и нѣсколькихъ другихъ русскихъ крестьянъ изъ с. Дубровицы, причемъ часть ихъ умерла въ заточеніи или отъ послѣдствій послѣдняго — уже дома.

Кромѣ того въ львовскихъ „Бригидкахъ“ былъ повѣшенъ Адамъ Матовскій, за то, что указалъ дорогу разбуdivшему его казачьему разбѣду.

Послѣ возвращенія австрійцевъ въ 1915 г. былъ сдѣланъ доносъ, что цер-

ковь въ Дубровицѣ сооружена на „московскіе рубли“. Въ этомъ дѣлѣ допрашивалъ нѣсколькихъ лицъ полковникъ перемышльскаго штаба корпуса, послѣ чего былъ присужденъ къ смертной казни замѣститель мѣстнаго сельскаго старосты Яковъ Бѣликъ, однако, исполненіе приговора было затѣмъ отложено, такъ какъ Бѣликъ сослался на свое участіе въ усмиреніи боснійскаго мятежа въ 1878 г., чѣмъ частично поколебавъ достовѣрность доноса, а затѣмъ уже при вторичномъ разслѣдованіи успѣлъ совершенно оправдать себя отъ этого недѣльнаго обвиненія.

Въ с. **Злужы** были разстрѣляны австрійцами 5 крестьянъ: Иванъ Коваль, Иванъ Михайлишинъ, Станиславъ Дахяновичъ, Григорій Снѣда, Василій Стецкиъ.

Въ с. **Портѣчи** возлѣ Янова: И. Байцаръ, Ф. Ильчишинъ, Н. Кроль, С. Шведтъ, М. Кроль и Ф. Оробѣй.

Въ с. **Зушицахъ** было арестовано 40 человекъ, 16 изъ которыхъ повѣшено въ Каменобродѣ.

Въ с. **Повѣтнѣ** австр. солдаты, загнавъ рядъ жителей въ церковь и державъ ихъ тамъ четверо сутокъ, отправили ихъ послѣ въ Судовую Вишню, гдѣ ихъ спасли отъ смерти русскіе казаки.

Особенно злѣрски относились австрійцы къ русскому населенію послѣ первыхъ сраженій, кончившихся побѣдой русскихъ войскъ. Всю свою злобу старались выместить на мирномъ населеніи края. Очевидцы разсказывали, что австрійцы, отступая подъ нажимомъ русской арміи, просто мѣтили свой путь отступления повѣшенными русскими крестьянами. Свидѣтельствуетъ объ этомъ, между прочимъ, сотрудникъ львовской газеты „Wiek Nowy“, ѣхавшій изъ Городка во Львовъ уже послѣ отступле-

нія австрійцевъ и видѣвшій чуть-ли не на каждомъ придорожномъ деревѣ висѣвшихъ крестьянъ...

Въ м. **Городкѣ**, какъ сообщаетъ свящ. Осипъ Яворскій, австрійцы повѣсили, уже послѣ занятія русскими Львова. 14 мѣщанъ. Здѣсь же австрійцы разстрѣляли войта изъ села **Цунева**, однако, смерть невиннаго не удовлетворила еще кровожадныхъ австрійскихъ „патріотовъ“ : мѣстные евреи злѣрски надругались надъ его трупомъ, закинувъ ему петлю на шею и волоча его по городу.

Въ числѣ арестованныхъ городецкихъ мѣщанъ были также отецъ и братъ извѣстнаго нашего писателя Д. Н. Вергуна, Николай и Григорій Вергуны, причемъ домъ ихъ былъ разрушенъ до основанія. Судью Крыницкаго австрійцы арестовали съ цѣлой семьей, но, отступая, отпустили его старушку-мать съ внуками домою, а самого съ женой увезли на западъ.

(„Прик. Русь“, 1914 г. № 1428.)

Въ с. **Великополѣ** было арестовано 70 крестьянъ, но во время случившагося какъ-разъ боя передъ домомъ разорвалась шрапнель, въ виду чего австрійцы-караульные разбѣжались, такъ что смогли бѣжать и арестованные.

Въ томъ-же селѣ закололи мадьяры Ивана Олѣярника, П. Чабана (получилъ

восемь колотыхъ ранъ, причемъ обѣ руки оказались у него переломленными), С. Бенду, В. Яцка, Марію Кметъ и В. Кметя.

На поляхъ Великополя закололи австрійцы трехъ крестьянскихъ мальчиковъ изъ с. Мальчикъ. Отступая изъ Великополя, австрійцы захватили съ собой много мѣстныхъ жителей, въ томъ числѣ также шестнадцать 10—16 лѣтнихъ мальчиковъ и дѣвочекъ. Всѣхъ ихъ освободили русскія войска въ с. Галичановѣ.

Въ м. **Каменобродѣ** повѣсили или разстрѣляли австрійцы 55 человекъ. Прибывшія туда русскія войска похоронили убитыхъ.

Въ с. **Ставчанахъ** были во время отступления захвачены австрійцами мѣстные крестьяне М. Струминскій, Р. Данилишинъ, Н. Яроть, П. Кусиѣсъ, а также Н. Дѣдухъ, О. Тузякъ и А. Рейтера изъ с. Полянокъ. Въ томъ же селѣ австрійцы сожгли нѣсколько десятковъ крестьянскихъ хатъ.

Въ с. **Нашковичахъ** былъ арестованъ (21 августа) студентъ В. А. Санрукъ, который затѣмъ былъ отправленъ въ Талергофъ. (В. А. былъ 27 іюля 1915 г. зачисленъ въ армію и отправленъ на фронтъ. Примѣч. ред. „Т. Альм.“)

(„Прик. Русь“, 1914 г. № 1435.)

Гусятинскій уѣздъ.

С. Тудоровъ. Мои воспоминанія начинаются съ августа мѣсяца 1914 г. Однажды послѣ Богослуженія я вышелъ изъ церковной ограды и направился домой. Возлѣ волостной канцеляріи я увидѣлъ телѣгу, окруженную народомъ и австр. солдатами. Нехорошее предчувствіе зашевелилось у меня въ душѣ.

Поспѣшивъ къ себѣ въ домъ и позавтракавъ, вышелъ я на дворъ, но тутъ уже встрѣтился съ двумя жандармами, заявившими мнѣ, что будутъ производить обыскъ. При обыскѣ найдено около полтора десятка книжечекъ изд. О ва им. М. Качковскаго, что и послужило причиной моего ареста.

Вначалѣ я думалъ, что конвойные отвезутъ меня въ уѣздное староство въ Копычинцахъ. Вскорѣ, однако, убѣдился, что дѣло не такъ скоро кончится, когда изъ Копычинецъ погнали меня черезъ Сухоставы въ Чортковъ. По дорогѣ пришлось не мало вытерпѣть отъ проходящихъ войскъ, которыя при встрѣчѣ съ „россійскимъ шпиономъ“ всячески старались показать свой „патріотизмъ“ и выместить на немъ всю свою влобу.

Сухоставскій сельскій староста, мазапинецъ, первымъ долгомъ вспомнилъ о „рубляхъ“, за которые я будто бы продалъ Австрію.

Я утѣшалъ себя единственно тѣмъ, что злая судьба постигла не только меня одного, а и многихъ другихъ земляковъ, что вмѣстѣ съ другими дѣгче будетъ сложить голову но имя правды и мечты, взлетѣнной вѣками.

Въ Чортковѣ подѣ ночью отвели меня на вокзалъ, гдѣ я встрѣтился съ свящ. Ковчемъ изъ Лисовецъ, также арестованнымъ по подозрѣнію въ „шпионствѣ“.

На слѣдующій день утромъ прибыли мы въ Станиславовъ. Сначала помѣстили насъ въ тюрьмѣ „Дуброва“, а черезъ нѣсколько часовъ перевели въ военную тюрьму.

Тутъ встрѣтился я со старыми знакомыми, о. Боднаркумъ изъ Братковецъ, съ избитымъ до полусмерти о. Бабіемъ изъ Товстобабъ, о. Андрипинимъ изъ Оверьянъ и о. Кульчицкимъ. Они сидѣли уже нѣсколько дней. Въ общемъ въ камерѣ № 44 было насъ 14 человекъ, каковое число ежедневно увеличивалось. За исключеніемъ казеннаго хлѣба, пищу покупали мы на собственные деньги. Ежедневно выпускали насъ на 1/2 часа на прогулку въ тюремномъ дворѣ.

Съ распространеніемъ слуховъ о занятіи русскими войсками Нѣжнева, въ

тюрьмѣ пошли сѣйшія приготовленія къ высылкѣ узниковъ на западъ. Прежде всего къ намъ перевели всѣхъ политическихъ изъ „Дубровы“, между которыми нашлись также знакомые, какъ о. Кузыкъ изъ Оссовецъ, о. Богачевскій изъ Говилова и родной мой братъ Емилианъ.

Арестанты, большей частью интеллигенты, мужчины и женщины разныхъ возрастовъ, едва помѣстились въ тюрьмѣ, заполнивъ всѣ камеры. Число жильцовъ нашей камеры увеличилось съ 14 до 100 человекъ.

Вечеромъ насъ, въ количествѣ нѣсколькихъ сотъ человекъ, вывели на шоссе и, среди злобной брани и издѣвательствъ со стороны собравшейся толпы и солдатъ, подѣ градъ камней, отравили на желѣзную дорогу.

Нашъ эшелонъ направили на Делятинъ—Кэрешмезе. Въ Сиготѣ, по ту сторону Карпатъ, присоединили къ намъ православныхъ священниковъ-буковинцевъ. Ъхали мы подѣ сильной охраной въ товарныхъ вагонахъ.

Подвергаясь на каждой остановкѣ оскорбленіямъ и нападеніямъ со стороны враждебной толпы, собиравшейся на станціяхъ поглядѣть на „шпионовъ“, которыхъ ежедневно вызвали тысячами въ глубину Австріи, мы прѣѣхали въ Будапештъ. Послѣ краткаго отдыха эшелонъ двинулся черезъ Прессбургъ въ Вѣну, откуда черезъ Альпы прибыли въ Талергофъ.

Не всѣ перенесли тяжелое ожиданіе неизвѣстности, побои и дикое обращеніе. На другой же день послѣ нашего прибытія, по сосѣдству съ мѣстомъ привала, появилась свѣжая могила съ маленькимъ крестомъ, а черезъ день прибавилось еще нѣсколько.

Арестованные умирали вдали отъ семьи, не чувствуя за собой ни малѣй-

шей вины, умирали за любовь къ русскому имени, къ своему народу.

Послѣ долгихъ мытарствъ, страданий и принудительныхъ работъ въ Та-

лергофѣ, меня освободили въ мартѣ мѣсяцѣ 1915 г., разрѣшивъ мнѣ проживать подѣ надворомъ полиціи въ Вѣвѣ.

Свящ. Теофілъ Соневицкій.

Добромилъскій уѣздъ.

Гор. Добромилъ. Изъ мѣстной русской интеллигенціи не осталось въ Добромилѣ къ началу войны почти никого. Вообще арестовали австрійцы въ Добромилѣ 41 человекъ. Въ числѣ другихъ были арестованы мѣстный настоятель прихода о. Владиміръ Лысякъ, секретарь город управы Петръ Тѣханскій и адвокатъ д-ръ Мирославъ Ильницкій. Характерно, что тутъ-же былъ арестованъ также самъ уѣздный староста-полякъ Іосифъ Лянге за то, что будто бы слишкомъ вяло принялся за истребленіе „руссофиловъ“ въ уѣздѣ.

Вообще въ Добромилъскомъ уѣздѣ, какъ вездѣ, не обошлось безъ казней и разстрѣловъ русскаго населенія. Центральнымъ мѣстомъ для этихъ казней было село Кузьмино. Сюда приводили арестованныхъ со всей окрестности и здѣсь же вѣшали. Висѣлицы были устроены очень просто. Въ стѣну одного крестьянскаго дома вбили рядъ желѣзныхъ крюковъ, на которыхъ вѣшали и вѣшали несчастныя жертвы. Въ общемъ казненно здѣсь 30 человекъ, въ томъ числѣ 20 изъ с. Бирчи.

Среди замученныхъ такимъ образомъ жертвъ удалось въ послѣдствіи опознать четырехъ крестьянъ изъ с. Тростянца — Кассіана Матвѣя, Евстахія и Ивана Климовскихъ и пастуха Дулу.

Въ с. Квасининѣ застрѣлили австр. офицеръ крестьянина Павла Коростенскаго за то, что тотъ не могъ указать ему, куда пошли русскія войска.

(Прим. Русъ 1914 г., № 1493).

С. Крецовъ. 11 августа 1914 г. былъ арестованъ въ с. Крецовѣ свящ. Владиміръ Венгриновичъ, который описываетъ свои переживанія слѣдующимъ образомъ :

Послѣ предварительнаго трикратнаго обыска на приходствѣ и въ церкви, я очутился подѣ арестомъ. Комиссаръ уѣзднаго староства въ сопровожденіи жандармовъ и солдатъ просмотрѣлъ всѣ закоулки, перетрясъ всѣ церковныя ризы, затѣмъ домашнюю библиотечку, сельскую читальню, а даже погребѣ псаломщика и лавочника Андрея Мишишина. Мнѣ было объявлено, что ищутъ россійскій флагъ, который будто бы былъ вывѣшенъ на церкви въ день поминальнаго богослуженія по эрцгерцогу Фердинандѣ. Во время обыска допрашивали также объ изображеніяхъ Почаевской Богоматери, которыми я будто-бы надѣлялъ своихъ прихожанъ, отправляющихся на войну. Вмѣнялось мнѣ въ вину также то, что придорожные столбы указатели въ Крецовѣ были выкрашены въ зеленый цвѣтъ съ золотыми надписями, что, по мнѣнію представителей власти, заключало въ себѣ преступленіе государственной измѣны. Эти „вещественныя доказательства“ были забраны вмѣстѣ со мной въ Сянокъ. Въ мѣстномъ уѣздномъ староствѣ допрашивалъ меня комиссаръ относительно моего „руссофилизма“. Считаая себя русскимъ, я подиктовалъ въ протоколъ, что признаю культурное и національное единство всего русскаго народа, несмотря на политическую при-

надлежность отдѣльныхъ его частей къ разнымъ державамъ. Послѣ допроса я очутился въ тюрьмѣ, ожидая рѣшенія добромилскаго старосты. Добромилскій староста Лянге былъ противникомъ арестованій нашихъ людей, зная великолѣпно, что причиной преслѣдованій являются не какія-нибудь ихъ преступленія, а политическія соображенія административныхъ и военныхъ властей. Послѣ недѣльнаго заключенія я былъ отпущенъ на свободу, а староста Лянге за свое человеческое обращеніе съ населеніемъ былъ отданъ подѣ суду и долго просидѣлъ съ нашими людьми въ вѣнской тюрьмѣ.

Вторично былъ я арестованъ жандармомъ „украинцемъ“ Онуферкомъ изъ Кривчи подѣ Перемышлемъ. Послѣдній увезъ меня изъ дому въ день Успенія Пр. Богородицы въ 6 ч. утра, не разрѣшивъ отслужить обѣдню и взять съ собою на дорогу нѣкоторыя книги и зонтикъ.

Въ полицейскомъ арестѣ въ Перемышлѣ сидѣлъ я вмѣстѣ съ нѣкимъ крестьяниномъ-портнымъ изъ Пикуличъ. Когда насъ переводили въ тюрьму при окружномъ судѣ, онъ съ замѣчательною настойчивостью затребовалъ возвращенія отобранныхъ у него книгъ и бюста Ивана Наумовича, ввѣтыхъ въ его домѣ во время обыска. Держа отвоєванные такимъ образомъ свои драгоцѣнности крѣпко при груди упомянутой портной толпы въ зданіе суда. Тотъ-же крестьянинъ-патріотъ умеръ отъ сыпного тифа въ Талергофѣ и былъ погребенъ въ одинъ день съ покойными Павловскимъ изъ Галича и врачомъ Дорикомъ.

По пути въ Талергофъ нашъ поѣздъ задержался нѣкоторое время въ Новомъ Санчѣ. Что тамъ дѣлала нахлынувшая толпа съ препровождаемыми въ ссылку — трудно описать! Въ одномъ

вагонѣ со мной находился десятокъ священниковъ, а между ними престарѣлый о. Іосифъ Черкавскій, умершій позже въ Талергофѣ. Отецъ Іосифъ лежалъ на полу товарнаго вагона. Вдругъ выпрыгиваетъ въ вагонъ фельдфебель съ обнаженной пашкой, бросается на лежащаго старика и заноситъ надъ его головою каблукъ, угрожая разозжить голову. Охрана молчала, съ удовольствіемъ наблюдая вѣрскую картину.

Въ одномъ изъ мѣстечекъ на Венгріи, когда стража и большинство арестантовъ спало, я, проснувшись и услышавъ, что рядомъ съ вагономъ продаютъ вино, попросилъ дежурнаго караульнаго достать бутылку вина. Расплатившись за товаръ, я первымъ долгомъ угостилъ дежурнаго. Вино развязало ему языкъ. Оглядываясь кругомъ, нѣтъ ли непрошенныхъ свидѣтелей, солдатикъ сказалъ мнѣ шопотомъ слѣдующее:

— Отче, я также русскій. Тяжело мнѣ смотрѣть на ваши мученія, тѣмъ болѣе, что самъ являюсь невольнымъ участникомъ вашихъ страданій. Но вамъ бы волосы дыбомъ стали, когда бы вы узнали тѣ инструкции, которыя дало намъ во Львовѣ наше начальство!

Возвратившись въ маѣ мѣсяцѣ 1917 г. изъ Талергофа въ свой приходъ, я узналъ о слѣдующихъ печальныхъ событіяхъ, постигшихъ двухъ моихъ прихожанъ. Именно, во время оккупации русскими войсками Галичины управляющій крецовскимъ помѣстьемъ спрятать въ сосѣднемъ лѣсу помѣщичьихъ лошадей. При допросѣ, гдѣ спрятаны барскія лошади, указалъ крестьянинъ Николай Кокитко, 40 лѣтъ, родомъ изъ Ляхавы, ихъ мѣстонахождение. Когда-же русскіе отступили изъ Галичины, Кокитка потянули передъ военный судъ въ Сянокъ, откуда онъ уже не вернулся болѣе, оставивъ дома жену и шестеро дѣтей. Оче-

видно, онъ былъ убитъ. Другой крестьянинъ, Петръ Ткачъ изъ с. Крецовской Воли, вышелъ во время отступленія русскихъ въ поле — посмотреть на убытки, причиненные переходящими войсками. Подоспѣвшіе австрійцы, замѣтивъ его, арестовали и затѣмъ повѣсили его на вербѣ при дорогѣ. Трупъ висѣлъ въ продолженіе пяти сутокъ.

Въ двѣ недѣли послѣ моего арестованія были арестованы и сосланы въ Талергофъ мѣстная учительница Оекла М. Лисовская-Бедзъкъ и 15 крестьянъ.
Сеницъ. Ва Венгриновичъ.

С. Тарнава. Изъ записокъ о. Г. А. Полянскаго. 7-го августа 1914 г. находился я съ женой и внучкой въ саду воевъ приходского дома, когда во дворъ къ намъ заѣхала повозка съ жандармомъ и четырьмя солдатами; черезъ нѣсколько минутъ послѣ нихъ явился также мѣстный войтъ. Жандармъ кратко заявилъ, что имѣетъ порученіе отъ уѣзднаго начальства проинформировать у меня тщательный обыскъ. Перерывъ всѣхъ комнатъ, жандармъ отобралъ кипу разныхъ писемъ и опечаталъ ихъ приходской печатью, а затѣмъ отправился на чердакъ въ поискахъ за дальнѣйшими уликами моей неблагонадежности. Къ великой своей радости онъ нашелъ на чердакѣ-самодѣльный глобусъ грубой работы и велѣлъ солдату взять его въ уѣздное староство, какъ доказательство „шпіонской“ работы. Затѣмъ велѣлъ мнѣ собираться въ дорогу.

Въ Добромилѣ я былъ заключенъ въ отдѣльную, довольно чистую камеру при мѣстномъ судѣ. Вотъ гдѣ я очутился на 41-омъ году служенія церкви и народу. Имѣя чистую совѣсть и сознавая свою правоту, я былъ убѣжденъ, что причиной моего ареста явились мои взгляды на національное единство русскаго народа и та культурная работа,

которую я велъ среди народа въ продолженіе своей жизни. Это успокаивало меня до нѣкоторой степени, но съ другой стороны, я сильно беспокоился за судьбу своихъ дѣтей и внуковъ. Также беспокоила меня мысль, какъ подѣйствуетъ извѣстіе о моемъ арестѣ на моего отца, 95-лѣтняго старика-священника, и что сдѣлаютъ власти съ моими четырьмя братьями-священниками?

Утромъ я былъ вызванъ въ канцелярію суда для свиданія съ пріѣхавшей женою. Жена передала мнѣ привезенную постель и бѣлье и сообщила, что разлука наша будетъ, по всей вѣроятности, продолжительной, такъ какъ въ мой приходъ пріѣхалъ уже замѣститель — въ лицѣ добромилскаго законоучителя, назначеннаго на мое мѣсто временнымъ настоятелемъ прихода. Видно, зналъ епископъ, что я буду арестованъ, и заблаговременно назначилъ на мой опустѣвшій приходъ новаго священника.

Въ добромилской тюрьмѣ обращались съ узниками по-человѣчески. Въ частности мнѣ было разрѣшено читать книги и газеты. Въ Добромилѣ просидѣлъ я недѣлю.

13 августа въ камеру вошелъ надзиратель съ тѣмъ-же жандармомъ, который меня арестовалъ, и велѣлъ мнѣ собираться для слѣдованія въ Перемышль. На вокзалѣ оставили меня въ закрытой повозкѣ во избѣжаніе извѣстителей со стороны уличной толпы. Жандармъ сѣлъ рядомъ со мною, а на козлахъ примѣстился солдатъ съ отнятымъ у меня глобусомъ въ рукахъ. Впоследствии уже рассказывали мнѣ, что по городу ходила вѣсть, будто бы я начерталъ на этомъ глобусѣ раздѣлъ Австріи.

Въ восемь часовъ вечера пріѣхали мы въ Перемышль. Въ канцеляріи военной тюрьмы фельдфебель отнялъ у меня всѣ вещи, имѣвшіяся у меня въ карма-

нахъ. послѣ чего велѣлъ отвести меня въ камеру № 25, гдѣ уже находилось болѣе двадцати человекъ, почти все знакомые. Находилось здѣсь нѣсколько священниковъ, знакомый адвокатъ изъ Сянока, студенты Климъ и Грицькъ, помѣщикъ Товарищій и др. И все время перемышльская военная тюрьма постепенно наполнялась все новыми, заподозрѣнными въ государственной измѣнѣ, русскими людьми со всѣхъ концовъ Галичины.

Харчи были военные. Вначалѣ трудно приходилось ѣсть, ибо не было ни ложекъ, ни ножей, и лишь со временемъ мы приобрѣли на свои деньги семь ложекъ, а посредствомъ цыгана-арестанта добыли нѣсколько ножиговъ. Этотъ-же цыганъ снабжалъ заключенныхъ табакомъ, карандашами и бумагой. За отсутствіемъ спичекъ курильщики пользовались стеклами отъ очковъ для зажиганія папиросъ отъ солнечныхъ лучей. Во время прогулокъ во дворѣ тюрьмы я встрѣчался съ многими знакомыми и друзьями. На прогулку выводили вмѣстѣ съ нами также двухъ солдатъ, убившихъ въ Пикуличахъ еврейскую семью. Повидимому, насъ держали здѣсь наравнѣ съ простыми равбойниками.

Немало удивился я, когда къ нашей компаніи присоединили также нѣсколькихъ украинифилловъ, напр. свящ. Ив. Сорокевича изъ Уйковичъ и адвоката, „украинскаго“ организатора изъ Мостиска д-ра Д., который самъ искренно недоумѣвалъ по этому поводу:

— Представьте себѣ, я председатель, одиннадцати „украинскихъ“ обществъ и организаторъ „Сѣчей“ въ Мостискомъ уѣздѣ — и меня дерзнули арестовать!...

Однако, черезъ недѣлю его отпустили на свободу вмѣстѣ съ остальными, арестованными по недоразумѣнію украинифилами.

Наконецъ я дождался вопроса передъ

военнымъ судьей. Трижды вызывали меня туда, предъявляя мнѣ самыя нелѣпыя обвиненія. Всѣ вопросы военного аудитора сводились къ тому — „русофилъ“ ли я?, а какъ доказательство этого ставилось мнѣ въ вину то, что я состоялъ членомъ многихъ русскихъ просвѣтительныхъ и экономическихъ обществъ во Львовѣ. Также и злоупотребный глобусъ являлся вѣскимъ доказательствомъ моей виновности, хотя я и разъяснилъ судѣ, что онъ сдѣланъ мною для лучшаго и нагляднаго объясненія исторіи ветхаго завѣта своимъ прихожанамъ. Впрочемъ, въ концѣ концовъ судья, повидимому, убѣдился въ моей невинности, ибо, когда впоследствии послѣдовали на меня доносы со стороны двухъ моѣхъ прихожанъ, а затѣмъ еще доносъ со стороны нѣкоего Ивашкевича, сидѣвшаго вмѣстѣ съ нами въ тюрьмѣ, онъ не придавалъ этимъ доносамъ большого значенія и, послѣ краткаго вопроса меня и свидѣтелей о. Максимовича и г. Товарищкаго, оставилъ меня уже въ покоѣ. Тѣмъ не менѣе доносъ Ивашкевича явился причиной моего заключенія въ одиночной камерѣ. Въ частности онъ, чтобы заслужить признательность властей и добиться скорѣйшаго освобожденія, обвинялъ меня въ полученіи отъ русскаго правительства „рублей“, а также въ томъ, что я, подъ предлогомъ поѣздки къ моей сестрѣ въ г. Красноставъ въ Россію, имѣлъ какія-то подозрительныя сношенія съ русскими военными властями.

Одиночная камера, въ которую я былъ теперь переведенъ, была куда удобнѣе комнаты № 25. Въ ней находились, кромѣ наръ, столъ, скамейка и стулъ, а главное, не было клоповъ. Проводилъ я время въ чтеніи, а также въ составленіи записокъ, каторыя я писалъ обгорѣвшей спичкой и разжиженнымъ шоколадомъ.

Въ военной тюрьмѣ въ Перемышлѣ просидѣлъ я въ общемъ 5 недѣль, въ томъ числѣ 3 недѣли въ одиночномъ заключеніи. Четыре недѣли караулили насъ солдаты, послѣ чего ихъ смѣнили львовскіе городовые. Послѣдніе допекали намъ до крайности: каждыя 5-10 минутъ открывали глазокъ въ двери и заглядывали въ камеру; одинъ изъ нихъ, когда я молился, врывался въ камеру и съ грубой руганью отнималъ у меня молитвенникъ, если же я отдыхалъ или читалъ, язвительно увѣщевалъ меня молиться, такъ какъ это болѣе приличествуетъ мнѣ, какъ священнику, чѣмъ шпионство, которое вотъ привело меня въ тюрьму...

За двѣ недѣли до моего отъѣзда изъ Перемышля образовался у меня на ногѣ нарывъ, въ виду чего меня отправили къ тюремному врачу, а тотъ перевелъ меня въ военный госпиталь для операции. Однако, дежурный военный врачъ, влобно смѣривъ меня глазами, крикнулъ:

— Что? Попа, предателя, шпиона лѣчить? Ни за что въ свѣтъ! У меня довольно работы съ ранеными воинами-патріотами. Убирайся вонъ! — И только на слѣдующій день я получилъ медицинскую помощь въ другомъ, частномъ лазаретѣ саперовъ.

Послѣ этого оставаться въ тюрьмѣ пришлось мнѣ уже недолго. 17-го сентября, во время обѣда, вабили тревогу. Были настежъ открыты всѣ камеры, и всѣмъ намъ, политическимъ арестантамъ, было приказано скорѣе собираться къ выѣзду изъ Перемышля. Въ тюрьмѣ возникло небывалое движеніе. Во дворѣ стали строиться: во главѣ духовенство, затѣмъ мірская интеллигенція, студенты, крестьяне, а въ концѣ эшелона — женщины-арестантки. Всѣхъ насъ было свыше восьмисотъ человекъ. Между рядами

сталъ бѣгать незнакомый фельдфебель, нанося направо и налево удары по чѣмъ попало. Я отдѣлался легкой пощечиной. Больше всѣхъ попало лицамъ полнаго тѣлосложенія. Увидѣвъ передъ собой священниковъ Куновскаго, Семёнова и Р. Крушинскаго, бѣшеный фельдфебель набросился на нихъ. Тогда о. Крушинскій сталъ звать на помощь, жостъ чего изъ канцеляріи выбѣжалъ офицеръ и запретилъ фельдфебелю бить насъ. Побои прекратились, но зато усилилась отборнѣйшая брань. Тутъ уже всѣ тюремные сторожа дали волю своему австрійскому „патріотизму“, такъ что у всѣхъ насъ, въ особенности у женщинъ, просто вянули уши.

Послѣ провѣрки мы подошли подъ конвоемъ къ готовому уже поѣзду. Я и священники Н. Миланичъ, Е. Гомза, Ө. Сапрунь, Р. Крушинскій, М. Раставецкій, А. Куновскій и др. вошли въ товарный вагонъ. Въ общемъ помѣстилось насъ вмѣстѣ 35 человекъ, а на свободномъ мѣстѣ посерединѣ вагона размѣстилось пять караульныхъ солдатъ-крестьянъ изъ зборовскаго уѣзда; это были славные и добрые люди, по убѣжденію — наши единомышленники, всячески намъ помогавшіе и защищавшіе насъ въ пути отъ напастей и издѣвательствъ со стороны встрѣчной разъяренной толпы. Выѣхавъ изъ Перемышля, мы увидѣли вокругъ города свѣжіе окопы и военныя укрѣпленія, а также на нѣкоторомъ разстояніи горящія скирды хлѣба, изъ чего мы заключали, что русскія войска находятся недалеко..

Куда насъ везли — мы не знали, — и только далеко уже за Перемышлемъ узнали отъ караульныхъ солдатъ, что насъ отправляютъ въ какой-то не извѣстный, далекій Талергофъ...

Свящ. Генрихъ Поланскій.

Долинский уезд.

Во время вторичного вторжения австрийцев в долинский уезд, в первой половине октября 1914 г., были арестованы ими в с. Княжолукѣ, по доносу мѣстных мазепинцевъ, 5 крестьянъ и одна крестьянка. Одинъ изъ арестованныхъ далъ доносчику 100 коронъ и послѣ этого былъ отпущенъ на свободу, всѣ же остальные были повѣшены в с. Выходѣ, подъ мостомъ. Имена повѣшенныхъ: Матвѣй Петрикъ Иванъ Гайнюкъ, Осипъ Фединякъ, Дорофей Сосникъ и Елена Коверданъ.

Двумя жандармами, полякомъ Холеной и „украинцемъ“ Винницкимъ, былъ предложенъ властямъ списокъ лицъ, которыхъ слѣдуетъ повѣсить. На первомъ мѣстѣ въ списокъ стоялъ настоятель мѣстнаго прихода С. Т. Рудъ. Однако, въ виду прихода русскихъ войскъ, австрийцы

не успѣли исполнить своихъ замысловъ. („Прик. Русь“, 1914 г., № 1493).

Въ г. Долинѣ австрийцами былъ схваченъ крестьянинъ Иванъ Шимковъ, которому, послѣ продолжительнаго допроса и издѣвательствъ, объявили, что онъ приговаривается къ смертной казни за „предательство“. Но затѣмъ „сжалились“ и предложили уплатить 100 коронъ (30 рублей) штрафа „за измѣну“, и „онъ будетъ помилованъ“. Къ счастью Шимкова, у него нашлась требуемая сумма и онъ былъ отпущенъ. Односельцы же его — Иванъ Гайнюкъ, Елена Коверданъ, Матвѣй Петрикъ, Дорофей Сосникъ и Осипъ Фединякъ, по видимому, не имѣвшие въ своемъ распоряженіи требуемой суммы, были **всѣ повѣшены**.

(„Львовскій Вѣстникъ“).

Дрогобычскій уездъ.

Въ г. Дрогобычѣ арестовали австрийцы служащаго город. управы Степана Кушнѣра, городского Ивана Кушнѣра, ремесленниковъ братьевъ Лесковыхъ, мѣщанина Яхна и болѣе десятка другихъ русскихъ людей.

Въ с. Стебникѣ былъ арестованъ жандармами священ. Петръ Ив. Лазурко; онъ былъ затѣмъ отвезенъ въ Перемышль, гдѣ предсталъ передъ военнымъ судомъ, но былъ оправданъ, причемъ судья сказалъ ему при освобожденіи: „Происходитъ что-то невозможное; слышится обвиненія, а все основывается на однихъ сплетняхъ и ложныхъ, часто анонимныхъ, доносахъ“. Впрочемъ, впоследствии оказалось, что жандармы арестовали о. Лазурку безъ какого бы то

ни было приказа, по собственному побужденію.

Тѣмъ не менѣе о. Лазурко остался недолго на свободѣ. Черезъ нѣсколько дней вторично явились къ нему жандармы и, арестовавъ его, вывели вглубь Австріи. Вторичный арестъ послѣдовалъ послѣ доноса мѣстныхъ поляковъ, что о. Петръ распространяетъ православіе.

Кромѣ того тогда же были арестованы: инженеръ Михаилъ А. Ивасевка, Петръ О. Сушкевичъ съ двумя сестрами и Иванъ Сушкевичъ. Последняго арестовали за то, что во время обыска нашли черновикъ письма, въ которомъ находилось положеніе: „Теперь деньги летятъ ко мнѣ, какъ воробы“, въ чемъ жандармы усмотрѣли явное доказательство, что онъ получаетъ рубли.

Въ Стебникѣ же были арестованы также: псаломщикъ Степанъ Стинавка, рабочій Михаилъ Дмитровъ, столяръ Иванъ Дуцякъ и сельскій староста Ілля Дмитровъ; у послѣдняго забрали, какъ corpus delicti, икону св. Николая. Крестьянинъ Матвѣй Хоминъ съ сыномъ былъ арестованъ по доносу поляка, управителя народной школы, съ которымъ Хоминъ раньше судился. Подъ арестъ попалъ также помѣщикъ Терлецкій, но онъ сумѣлъ добиться освобожденія.

Всѣхъ арестованныхъ погнали мадьяры за Карпаты.

Въ с. Уличномъ былъ арестованъ священ. Антоній Вербицкій съ сыномъ гимназистомъ; хотя военный судъ въ Перемышлѣ оправдалъ обоихъ отъ всякаго обвиненія, но въ скоромъ времени они были арестованы вторично и высланы на западъ.

Въ Старомъ Кривинѣ былъ арестованъ священ. Скородинскій, гостившій у него совѣтникъ намѣстничества Кокуровичъ и крестьянинъ Свинъ.

Въ с. Унятичахъ были арестованы нѣсколько крестьянъ и помѣщикъ Антоній Крыськовъ, а въ с. Нагуевичахъ священ. Михаилъ Еднакій.

(„Прик. Русь“, 1914 г., № 1499).

4-го октября 1914 года ворвался австрийскій разѣздъ въ села Медвѣжу, Унятичи и Попели. Въ Медвѣжѣ солдаты арестовали крестьянъ Н. Савяка, Ф. Гавриша и Марію Кональ и увели ихъ съ собой. Въ с. Нагуевичахъ солдаты арестовали крестьянъ Ив. Коника и Ашу Дрогобыцкую, а изъ с. Попелей привели войта и всѣхъ ихъ поимѣнно передъ схватой крестьянина Лялюка.

(„Прик. Русь“, 1914 г., № 1451)

Г. Дрогобычъ. Въ началѣ войны я служилъ податнымъ инспекторомъ въ м. Подбужѣ, дрогоб. уѣзда. За время съ 1 августа по 15 сентября 1914 г. былъ четыре раза арестованъ по доносу мѣстными жандармами. Въ послѣдній разъ слѣдствіе продолжалось двое сутокъ, но я все-таки былъ освобожденъ изъ-подъ ареста, благодаря, главнымъ образомъ, вахтмейстеру жандармеріи Дайголосу, проживающему нынѣ въ Рудкахъ, который лично поручился за меня и за мою „благонадежность“. Тѣмъ не менѣе я былъ поставленъ подъ надзоръ жандармеріи, а затѣмъ мнѣ было приказано эвакуироваться изъ Дрогобыча. Жилъ я нѣкоторое время въ Бѣлой и Моравскомъ Преронѣ, а вернулся домой только въ августѣ 1915 г.

Но тутъ я опять былъ арестованъ по доносу мѣстныхъ „патріотовъ“ и отправленъ въ Перемышль передъ военно-полевой судъ, которымъ, однако, былъ окончательно оправданъ и возобновленъ въ своихъ правахъ.

Александръ Горницкій.

С. Уличное. Утромъ 24 августа 1914 г. направился я въ церковь для совершенія богослуженія. Подъ церковью подошелъ ко мнѣ вахтмейстеръ, украинофилъ Пастушинъ, съ приказомъ: — Вернитесь, отче, домой сейчасъ будетъ у васъ обыскъ. Я уже послалъ за войтомъ и командантомъ жандармеріи.

Послѣ краткаго препирательства вахтмейстеръ заставилъ меня вернуться на приходство, а вслѣдъ затѣмъ явился туда и самъ въ сопровожденіи войта и другого жандарма, тоже украинофила Лепскаго. Перетрясли верхъ дномъ всю усадьбу. Ночь раздѣлили мнѣ еще переночевать дома, подъ наблюденіемъ оставшагося въ комнатахъ жандарма, а на слѣдующій день, около десяти часовъ утра,

вели собирались в путь. Подъехали подводы. На одной посадили меня с сыномъ Иваномъ и дочерью Степаниею, а на другой посадили гостивших у меня братьевъ Зигмунда и Густава Ланговъ, какъ нашихъ сообщниковъ. Узнавъ по дорогѣ отъ жандармовъ, что мы отправляемся въ Перемышль, я просилъ кучеровъ передать объ этомъ моей женѣ. Въ Нижнихъ Гаяхъ мы сѣли въ поѣздъ, а вмѣстѣ съ нами поѣхали и жандармы. Изъ Бакуничъ подъ Перемышлемъ насъ отвели въ военную тюрьму въ Перемышль. Тутъ только было объявлено намъ, что мы арестованы. Явился солдатъ-капралъ, приставленный къ политическимъ арестантамъ. Освѣдомившись о моей фамилии и мѣстѣ принадлежности, сообщилъ намъ, что въ тюрьмѣ есть уже много крестьянъ и интеллигенціи, въ частности священниковъ. Затѣмъ онъ попросилъ дежурнаго фельдфебеля допросить насъ сейчасъ, въ особенности мою дочку, чтобы дать ей возможность вернуться скорѣе домой, гдѣ осталась больная, слѣзшая мать, моя жена. Повидимому, фельдфебель доложилъ объ этомъ въ канцелярію, ибо немного спустя вызвали насъ передъ военный судъ.

Стоимъ въ корридорѣ. Тутъ находилась также какая-то еврейка изъ подъ Лѣска, вызванная въ качествѣ свидѣтельницы противъ мѣстнаго крестьянина, который потребовалъ въ ея лавочкѣ нюхательной махорки, а на вопросъ, почему онъ не беретъ австрійскаго табаку, отвѣтилъ, что русскій табакъ лучше, что и явилось причиной преданія его военному суду за „русофильство“.

Судья-аудиторъ вывалъ къ допросу прежде всего нашего жандарма Брикса; черезъ четверть часа онъ выйдетъ въ корридоръ и со смущеннымъ видомъ сказалъ мнѣ: — „Кажется, васъ от-

пустятъ сейчасъ на свободу“. Послѣ этого позвали къ судѣ меня, причемъ было разрѣшено войти въ комнату также и моимъ дѣтямъ. Допросивъ меня, заявилъ аудиторъ, что не находитъ во мнѣ никакой вины, а потому отпускаетъ насъ на свободу. Счастливые, что освободились изъ тюрьмы, мы возвратились домой.

Однако, уже 28-го августа явился къ намъ вторично комендантъ Бриксъ и приказалъ мнѣ съ сыномъ ѣхать вмѣстѣ съ нимъ въ Дрогобычъ, будто-бы для совмѣстнаго представленія уѣздному старостѣ оправдательныхъ бумагъ изъ перемышльскаго военного суда. На этотъ разъ дочка осталась дома. Сопровождавшие насъ жандармы были безъ штыковъ, такъ что мы дѣйствительно не заподозрили въ нашей поѣздкѣ никакой опасности.

Въ Дрогобычѣ жандармы, миновавъ уѣздное староство, направили насъ въ здание уѣзднаго суда, гдѣ заключили всѣхъ насъ въ тюрьму (меня съ сыномъ и обоихъ Ланговъ). Тутъ только почувствовали мы свое безсиліе противъ произвола. Въ тюрьмѣ сидѣло уже нѣсколько священниковъ, напр. о. Отто и о. Еднакій, много крестьянъ, дрогобычскихъ мѣщанъ, крестьянскій поэтъ Федоричка и другіе. Нашего кучера отпустили жандармы домой, сказавъ ему, что изъ тюрьмы насъ не выпустятъ скоро. Не помогли старанія моихъ адвокатовъ, представлявшихъ политическимъ властямъ, что я оправданъ военнымъ судомъ, слѣдовательно — невиновенъ. Черезъ нѣкоторое время, когда русская армія приближалась къ Дрогобычу, насъ выгнали на желѣзную дорогу и отправили на западъ. На станціи Мшанна Нижняя собралось возлѣ нашихъ вагоновъ много желѣзнодорожниковъ и солдатъ, чтобы посмотреть на

„русофиловъ измѣнниковъ“. Къ открытому вагону подошелъ также какой-то офицеръ и велѣлъ караульному поставить меня въ дверяхъ вагона, чтобы людямъ лучше было видно „попа-предателя“, причемъ началъ меня бить по головѣ, а желѣзнодорожники стали тянуть меня за руки изъ вагона, угрожая тутъ-же на фонарѣ повѣсить; держась въ смертельномъ страхѣ за желѣзную перекладину вагона, я потерялъ сознание, но къ счастью, крестьяне Федоричка и Низовый, ѣхавшіе вмѣстѣ со мной, схватили меня за ноги и на силу вырвали изъ рукъ озвѣрѣвшихъ людей. Пришелъ я въ себя только въ Вадовичахъ, гдѣ насъ согнали съ поѣзда и размѣстили въ тюрьмѣ при окружномъ судѣ. Обращеніе съ нами тюремщиковъ было ужасное. Ничего не помогали также и жалобы, которыя представлялъ покойный о. Сеникъ предсѣдателю суда. По истеченіи двухъ недѣль насъ вывели черезъ Вѣну и Семерингъ въ Талергофъ.

Сениц. Михаилъ Вербицкій 171.

Крестный путь.

(Сообщеніе святи. І. Р. Винницкаго).

Насъ вывели изъ камеръ дрогобычской тюрьмы для слѣдованія на вокзалъ. Камеры, предназначенныя для четверыхъ, вмѣщали по двадцати и больше человекъ, такъ что мы были рады, увидѣвъ дневной свѣтъ и вздохнуть свѣжимъ воздухомъ. Подъ воротами тюрьмы стояла уже заранѣе предупрежденная толпа и неистово ревѣла: „смерть измѣнникамъ!“, причемъ сразу же посыпался на наши головы градъ камней; затѣмъ запруженная народомъ улица всколыхнулась, подалась немного назадъ и, пропустивъ насъ, окруженныхъ значительнымъ конвоемъ, впередъ, двину-

лась вслѣдъ за нами по направленію къ вокзалу. Здѣсь мы немного отдохнули за желѣзнодорожной рѣшеткой, но ненадолго, такъ какъ нѣкоторые изъ дрогобычскихъ мясниковъ, несшіе службу въ жел.-дорожной милиціи, обкладывали насъ прикладами и кулаками. Попадало намъ также отъ бѣгущихъ съ фронта солдатъ, пристававшихъ на каждомъ шагу къ интернированнымъ. Къ студенту Вербицкому подошелъ офицеръ и, со словами: „почему смотришь на меня?“, ударилъ его по головѣ. Мы съ минуты на минуту ждали, что вотъ-вотъ солдаты бросятся на насъ и избьютъ или даже поубиваютъ насъ всѣхъ. Къ счастью, начальникъ конвоя, дрогобычскій еврей, успѣлъ во время посадить насъ въ вагоны, причемъ ему пришлось съ револьверомъ въ рукахъ заpciщать насъ отъ разъяренной толпы.

Неимовѣрно тяжелымъ оказался нашъ переѣздъ изъ Рыманова въ Вадовичи. Попутно польское и еврейское населеніе, науськиваемое желѣзнодорожниками и полиціей, бросалось на каждой станціи на наши вагоны, на которыхъ находились провокаціонныя надписи: „jaka zdraycy“, — а даже кое-кто изъ болѣе ретивыхъ врвался въ самые вагоны, нанося намъ оскорбленія словомъ и дѣйствіемъ. Были также попытки со стороны нападающихъ вызвать у ѣдущихъ интернированныхъ нашихъ крестьянъ вражду къ рядомъ сидящимъ интеллигентамъ, въ частности къ духовенству. Хуже всего приходилось намъ, когда въ вагоны врывались офицеры. Тѣ били нагайками всѣхъ безъ разбора. Двое изъ ѣдущихъ въ вагонѣ, отъ постоянного испуга и побоевъ, сошло съ ума, а дѣвица Н. въ полупомѣшательствѣ пыталась даже удавиться платкомъ.

Наконецъ, послѣ продолжительнаго

и тяжелого пути (съ 2—18 сентября), мы очутились ночью въ Abbissendorf-ф. возлѣ Талергофа. Тутъ окружили насъ солдаты, подъ конвоемъ которыхъ, среди новыхъ издѣвательствъ и побоевъ, до-

стигли мы въ теченіе двадцати минутъ окончательной, страшной цѣли — Талергофа...

Свѣд. Іосифъ Витицкій.

Жидачевскій уѣздъ.

Въ с. Устьи надъ Дибстромъ ворвавшіеся въ село австрійцы увели 10 человекъ крестьянъ (двое мужчинъ и восемь женщинъ) и въ продолженіе двухъ дней звѣрски издѣвались надъ ними. Арестованныхъ настойчиво спрашивали — русскіе ли они, или же поляки, причѣмъ крест. Федора Горака, назвавшаго себя русскимъ, ограбили и тутъ-же убили. Опасаясь судьбы несчастнаго Горака, арестованныя женщины заявили, что онѣ польки, послѣ чего имъ было приказано молиться по польски. Польскую молитву знала только одна изъ нихъ, и ее отпустили домой, остальныхъ же взяли съ собой и во время сраженія держали впереди боевой линіи. Напоръ русскихъ войскъ со стороны Дороговѣжа заставилъ австрійцевъ бѣжать, что спасло арестованныхъ отъ неминуемой смерти.

Въ своей ненависти къ русскому населенію австрійцы пользовались также и провокаціей. Напр. въ с. Тернавкѣ появилась какая-то женщина и просилась къ крестьянамъ на ночь. Ее пріютитъ А. Каминскій. Утромъ послѣ ея ухода нашли въ комнатѣ 3-рублевку, а въ част. послѣ этого явился жандармъ и арестовалъ Каминскаго, какъ опаснаго шпіона. Доказательствомъ послужила русская ассигнація.

Неизвѣстная женщина дальше оставалась въ селѣ на свободѣ, но ей никто уже не позволилъ почевать въ своемъ домѣ.

Какъ относились къ этимъ издѣательствамъ и арестамъ галицкіе „укра-

инцы“, можно видѣть изъ слѣдующихъ фактовъ:

Въ с. Дубравку нѣсколько разъ заѣзжали благочинный Березовскій (украинофилъ) изъ Ляховичъ Зарѣчныхъ, разспрашивая крестьянъ, о чемъ говорить ихъ священникъ (русскій), въ частности-же, не распространяетъ ли онъ среди нихъ „русофилизма“?

Въ с. Ляховичахъ Подорожныхъ арестовали крестьянъ по указаніямъ желѣзнодорожника изъ Стры, „украинца“ В. Найдды, который за освобожденіе изъ-подъ ареста бралъ отъ крестьянъ 10-20 коронъ. Освобожденныхъ записывалъ Найда за такую-же плату „на Украину“, увѣряя темный народъ, что только эти записанные останутся на свободѣ и въ безопасности.

(„Пряк. Русь“, 1914, № 1478.)

И былъ арестованъ 7 августа 1914 г. въ с. Великой Волѣ, возлѣ Николаева надъ Дибстромъ, за то, что будто-бы я давалъ сигналы русскимъ войскамъ, когда австрійцы подходили къ г. Калишу въ Польшѣ. Послѣ обыска меня перевели въ тюрьму въ Николаевѣ, а потомъ въ Стрый, Вадовицы, St. Micheli въ Карпінти и, наконецъ, въ Талергофъ. До 14 марта 1916 г. я сидѣлъ въ Талергофѣ, затѣмъ меня зачислили на военную службу въ Грацъ, а черезъ дѣй. пѣдѣли отпразднвали на итальянскій фронтъ. Послѣ контузіи я былъ придѣленъ въ рабочую дружину.

Северинъ Сем. Павлюкъ,
студ. юрид. факульт.

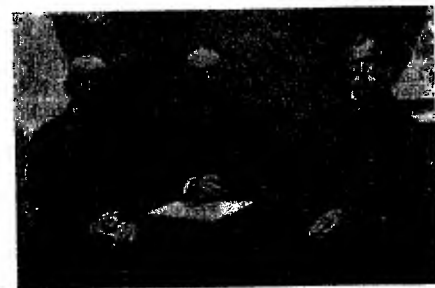
Жолковскій уѣздъ.

С. Нагорцы. Настоятель прихода въ с. Нагорцахъ, о. Набакъ, возвращавшійся 31 н. ст. августа 1914 г., вмѣстѣ со своимъ псаломщикомъ и его дочерью, изъ Могиланъ въ Нагорцы. Былъ на дорогѣ задержанъ австрійскимъ развѣдомъ. Солдаты приказали провести себя въ Нагорцы. Всѣ трое проводили солдатъ до самого села. Передъ селомъ солдаты остановились и, обращаясь къ о. Набаку со словами: „Твоя служба кончена!“, завязали ему глаза, привязали къ дереву и разстрѣляли. Затѣмъ солдаты хотѣли завязать глаза псаломщику. Дочь послѣдняго бросилась передъ ними на колѣни и, рыдая, умоляла палачей не убивать ея отца и не дѣлать ее круглой сиротой. Тогда эти звѣри со смѣхомъ, тутъ-же, на глазахъ отца, застрѣлили и ее. Очередь пришла за псаломщикомъ. Онъ не далъ завязывать себѣ глаза, говоря: „Я видѣлъ смерть моего священника и моей дочери, не боюсь и своей смерти“. Тогда солдаты бросились на него со штыками. Онъ получилъ семь ранъ, но ни одна изъ нихъ не оказалась смертельной. Послѣ страшной расправы съ невинными людьми, развѣдчики уѣхали, но подѣ угрозой смерти запретили крестьянамъ хоронить священника. Полныхъ четыре дня лежалъ трупъ священника на полѣ, и только на пятый день, послѣ разгрома австрійцевъ русскими войсками, когда въ деревню пріѣхалъ православный полковой священникъ, онъ похоронилъ эту жертву австрійскихъ палачей.

Въ с. Батятичахъ австрійцы убили одного крестьянина, а въ с. Рѣчкахъ повѣсили крестьянку Пороновичъ за то, что она, узнавъ въ Угновѣ о приближеніи русской арміи, сказала объ этомъ

своимъ сосѣдямъ. Ее вытащили на улицу, избили до крови, а затѣмъ вывели за село и повѣсили. Прибѣжавшую за ней сосѣдку, просившую солдатъ не убивать несчастной женщины, они повѣсили тоже. („Пряк. Русь“, 1914 г. № 1482.)

Въ Угновѣ, куда уже 15 сентября заѣзжали казачій развѣздъ, явились на слѣдующій день австрійскіе драгуны и арестовали старика-войта за то, что онъ, вмѣстѣ съ другими оставши, мися въ деревнѣ стариками-крестьянами и женщинами, „не прогнали казаковъ изъ села“. Его связали, избили до крови

Арестованные изъ с. Мацошина: о. Антонъ Жолковскій, Дмитрій Дябуть и Степанъ Бутлеръ.

и положили на возъ. То-же самое сдѣлали затѣмъ съ его женою и дочерью. Осталась только 85-лѣтняя старуха, мать войта. Избитый и окровавленный войтъ попросилъ ее подать ему воды. Мать вынесла стаканъ воды, но драгуны не позволили дать ее сыну. Съ крикомъ: „Ты смѣешь подавать еще москалю воду!“ они набросились на старуху, связали ее тоже и забрали вмѣстѣ съ остальными съ собой.

Въ томъ-же селѣ австрійцы повѣсили 18-го сентября войта с. Колодна.

С. Вел. Передримѣхи. 1. Федоръ Махницій былъ арестованъ жандармами 4 августа 1914 г. Послѣ недѣльнаго заключенія въ Жолквѣ онъ былъ переведенъ во Львовъ въ тюрьму „Бригидки“, а отсюда высланъ въ Талергофъ 1 сентября 1914 г. Освобожденъ 29 февраля 1917 г.

2. Алексѣй Лесикъ, войтъ, былъ арестованъ мадырскимъ офицеромъ 6-го августа. Вмѣстѣ съ Махниціемъ былъ отправленъ во Львовъ и Талергофъ, гдѣ умеръ 15 февраля 1915 г.

3. Корнѣй Лесикъ былъ арестованъ вмѣстѣ съ Алексѣемъ Лесикомъ и высланъ въ Талергофъ. Вернулся домой больной и умеръ 15 декабря 1918 г.

4. Алексѣй Гамаль былъ арестованъ жандармами 16 августа, по доносу еврея. Сидѣлъ въ Жолквѣ, во Львовѣ, отсюда былъ высланъ 28 августа въ Терезіенштадтъ, а 15 мая 1915 г. переведенъ въ Талергофъ. Освобожденный 12-го іюня 1915 г., жилъ нѣсколько дней въ Гминдѣ, откуда отправился въ Вѣну на работы при жел. дорогѣ. Послѣ возвращенія домой 12-го іюня 1916 г. былъ взятъ на военную службу.

Здѣсь-же были убиты мадырами: Григорій Савицій, Ілья Сало, Михаилъ Гр. Лесикъ, Алексѣй Козакъ и Екатерина Валько, а ранено около 10 человекъ.

Алексѣй Поврозникъ былъ арестованъ мадырами и отправленъ во Львовъ подъ военный судъ, но затѣмъ былъ отпущенъ неизвѣстнымъ офицеромъ — чехомъ на свободу.

Во время боя 2 сент. 1914 г. сгорѣла половина села и школа и была разбита мадырами церковь.

Въ 1915 г., во время отступленія русской арміи, жители Передримѣхъ, опасаясь участи убитыхъ и арестованныхъ односельчанъ, оставили свои хозяй-

ства и уѣхали въ Россію (95 семействъ). Въ селѣ осталось всего 5 семействъ. Въ 1918 г. эти бѣженцы вернулись домой, но далеко не всѣ, такъ какъ многіе умерли въ пути, а другіе уже дома отъ разныхъ эпидемій.

Крест. Алексѣй Гамаль.

Въ **с. Дзѣболнахъ** однимъ изъ мадыръ былъ раненъ штыкомъ „подвернувшись“ подъ руку крестьянина Алексѣя Козакъ; истекая кровью, несчастный собралъ всѣ силы и поползъ въ свою хату, но едва онъ скрылся за дверь, какъ толпа солдатъ заперла дверь и подожгла домъ Козакъ сгорѣлъ подъ развалинами своего дома.

Въ томъ-же самомъ селѣ много народа погибло только за то, что не научились говорить по-нѣмецки. Въ другой разъ тамъ-же мадыры, найдя семью Лысековыхъ спрятавшуюся отъ пуль въ ямѣ на время обстрѣла, принялись колоть ее штыками. Изъ 5 душъ раненыхъ одинъ, мальчикъ 9 лѣтъ, скончался. Точно за такую-же провинность былъ убитъ и крест. Петръ Поврозникъ.

Въ **с. Наторцахъ** мадыры во время отступленія схватили по дорогѣ крестьянъ Трофіма Маргина и Антона Максимова и повели ихъ въ **с. Мервечи**, но потомъ имъ надоѣло воевать съ задержанными и они ихъ тамъ-же въ полѣ прикололи.

Отъ руки палачей погибъ и нагорянский священникъ Набакъ, который, ничего не подозревая о присутствіи мадыръ, возвращался къ себѣ домой, въ **с. Нагоряны**, изъ сосѣдняго мѣстечка Могиланъ. По дорогѣ его остановили мадыры, долго пытали, а потомъ застрѣлили и тѣло бросили на дорогѣ. Лишь спустя нѣкоторое время не-

счастливаго нашли со связанными руками, завязанными глазами и нѣсколькими ранами.

Въ сосѣднемъ **м. Нулиновѣ** мадыры ранили 19 и убили 24 крестьянъ. Дѣтельно помогали въ этомъ мадырамъ и австрійскіе полиціанты. Въ **с. Липовицѣ** жандармъ провѣдалъ, что крестьянинъ произнесъ гдѣ-то фразу: „какъ бы припили москаля, то не было-бы тутъ тогда воли жидамъ и полякамъ“. Жандармъ явился къ крестьянину, арестовалъ его, продержалъ подъ стражей цѣлыя сутки, а потомъ вывелъ на огородъ и застрѣлил. Все это было продѣлано съ возмутительнымъ хладнокровіемъ, точно вопросъ заключался не въ челоуѣческой жизни, а въ какой-нибудь игрѣ.

(Прик. Русь, 1914, № 1611.)

С. Сулимовъ. Въ Сулимовѣ первый палъ жертвой австрійскаго произвола мѣстный настоятель прихода о. Савва Георг. Кмицикевичъ. Во время карманнаго обыска жандармы отняли у него всѣ деньги, перочинный ножъ, пенснѣ и другія мелочи и отвезли его 3 августа въ Жолкву, а по истеченіи недѣли во Львовъ, гдѣ помѣстили въ тюрьмѣ „Бригидки“.

16 августа пригнали въ Жолкву новый транспортъ арестованныхъ, въ которомъ находились студенты Ярославъ Сав. Кмицикевичъ и Феодоръ Демковъ, учитель Василій Паночко, псаломщикъ Михаилъ Лоикъ, эсаулъ „Русск. Дружины“ Павелъ Палайда и крест. Ілья Бандикъ, Семенъ Скамай и Димитрій Пѣвчишинъ, всѣ изъ Сулимова. Эсаула Палайду опоясали жандармы трехцвѣтными лентами и такъ, подгоняя прикладами, вели изъ Жолквы во Львовъ.

Всѣ попали въ тюрьму по доносу сулимовскаго учителя „украинца“ Ив. Шерстила. Доказательствомъ сего можетъ послужить слѣдующій фактъ: Вмѣстѣ съ другими были первоначально арестованы также сельскій староста Степанъ Нарембикъ и писарь Петръ Кузьмякъ, но учитель Шерстило, узнавъ объ арестѣ своихъ одномышленниковъ и родныхъ — Нарембика и Кузьмяка, поспѣшилъ имъ на выручку. Послѣ краткой конференціи съ комендантомъ жандармеріи, послѣдній послалъ жандарма въ Сулимовъ, приказавъ ему: „Idź przegrowadź syna pora“. Когда привели Ярослава Сав. Кмицикевича и Вас. Паночка, сейчаеъ-же отпустили Нарембика и Кузьмяка.

Когда у свящ. С. Г. Кмицикевича не стало чистаго бѣлья, онъ написалъ объ этомъ изъ тюрьмы домой. Черезъ нѣсколько дней принесли ему таковое мальчики — гимназисты — сынъ Богданъ и его товарищи Евст. Зваричъ и Иванъ Демковъ; на слѣдующій день, послѣ полученія пропусковъ отъ военныхъ властей, мальчики направились обратно въ дорогу, но домой вернуться имъ не удалось. Въ **с. Жедятичахъ** арестовалъ ихъ австрійскій офицеръ и, избивъ ихъ, въ кандалахъ отправилъ во Львовъ, откуда они вмѣстѣ съ другими были высланы въ первые дни сентибря въ Талергофъ.

Но на этомъ не кончились еще ихъ злоключенія: въ добавокъ они попали еще подъ военный судъ. Дѣло въ томъ, что при задержаніи ихъ въ Жедятичахъ былъ найденъ при нихъ стаканъ съ карлсбадской солью, купленный по порученію больной матери. Подъ предлогомъ, что мальчики имѣютъ при себѣ динамитъ, они были тогда арестованы, а затѣмъ, уже изъ Талергофа,

поставлены передъ военный судъ въ Грацѣ, на которомъ были, конечно, оправданы, но, тѣмъ не менѣе, опять-таки водворены обратно въ Талергофъ.

Въ 1915 году былъ призванъ въ армію Ярославъ Кмицикевичъ, а въ 1917 г. и младшій его братъ Богданъ. Оба были отправлены изъ Талергофа прямо на итальянскій фронтъ, гдѣ они ео временемъ попали въ плѣнъ въ Италію, а потомъ изъ Италіи переѣхали

въ Россію, гдѣ младшій изъ нихъ, Богданъ, погибъ въ рид. Добровольч. Арміи.

Вернувшіеся въ 1917 г. изъ Талергофа въ родное село сулимовцы нашли одинъ только пустыя стѣны, такъ какъ почти все жители, боясь австрійской расправы, ушли вмѣстѣ съ отступающими русскими войсками въ Россію, а все оставленное ими имущество было до тла разграблено или уничтожено своими и чужими хищниками.

Залѣщицкій уѣздъ.

С. Зазулинцы. Меня арестовали въ 1915 г. по подозрѣнію въ шпіонствѣ, по доносу мѣстнаго войфа Максима Бурденюка. Свидѣтельствовали противъ меня также двѣ бабы изъ с. Синькова и нѣсколько мѣстныхъ крестьянъ, причемъ въ вознагражденіе за эти показанія получили бабы отъ австрійскихъ военныхъ властей нѣсколько сотъ коронъ, а войтъ М. Бурденюкъ — золотую медаль.

Благодаря ходатайству здѣшняго помѣщика д-ра Винницкаго, я былъ отправленъ въ Станиславовъ, а оттуда вывезенъ, послѣ 2-недѣльнаго заключенія, въ Талергофъ. Въ мартѣ 1918 г. я былъ выпущенъ на свободу и получилъ разрѣшеніе жить подъ надзоромъ полиціи въ St. Peter am Offersbache, вскорѣ,

однако, былъ призванъ въ армію и отправленъ на фронтъ въ качествѣ простого солдата.

Кромѣ того были сосланы въ Талергофъ слѣдующіе жители с. Зазулинцы:

- 1) мой отецъ свящ. Кир. М. Долъниціи;
- 2) Оома Ткачикъ (умеръ въ Талергофѣ);
- 3) Антонъ И. Нагоринскій изъ Бучача

Замѣчу еще, что О. Ткачикъ былъ русскими военными властями въ 1914 г. поставленъ сельскимъ старостой, когда же австрійцы перешли Днѣстръ, онъ былъ ими сейчасъ же арестованъ по доносу того-же М. Бурденюка.

Н. К. Долъниціи.

Збаражскій уѣздъ.

Въ 1914 г. были арестованы австрійцами и сосланы въ Талергофъ:

С. Кошляки: 1) Свящ. Теофилъ Луцкы, арестов. 15/8 1914 г., освобожденъ русскими войсками по занятіи Тарнополя 23/8 1914 г.; 2) Павелъ Як. Берекета, арестов. 18/8 1914 г.,

въ Талергофѣ просидѣлъ до 1/10 1915 г., затѣмъ былъ взятъ на военную службу; 3) Михаилъ Ст. Шевчукъ, арестов. 15/8 1914 г., умеръ отъ тифа въ Талергофѣ 3/6 1915 г.; 4) Михаилъ Ник. Сѣкора, арестов. 15/8 1914 г., до 1/10 1915 г. просидѣлъ въ Талергофѣ,

затѣмъ былъ взятъ на военную службу.

С. Счасновка: Иванъ Шарый, арестов. 8/8 1914 г., убитъ въ Талергофѣ 1915 г.

С. Пальчинцы: 1) Казиміръ Андр. Герасимовичъ, учитель, арестов. 15/8 1914 г., освобожденъ русскими войсками по занятіи Тарнополя 24/8 1914 г.; 2) Яковъ Гудима, арестов. 1/8 1914 г., до 1918 г. проеидѣлъ въ Талергофѣ; 3) Григорій Летникъ, арестов. 1/8 1914 г., умеръ въ 1915 г. въ Обергольбаумѣ въ Ниж. Австріи; 4) Иванъ Сублѣвскій, арестов. 14/8 1914 г., до 1916 г. въ Талерг., затѣмъ былъ взятъ на военную службу; 5) Григорій Сублѣвскій, арестов. 1/8 1914 г., до 1918 г. въ Талергофѣ; 6) Яковъ Сублѣвскій, арестов. 14/8 1914 г., до 1918 г. въ Талергофѣ; 7) Петръ Ткачукъ, арест. 14/8 1914 г. умеръ 4/1 1915 г. въ Талергофѣ; 8) Даніиль Суцакъ, арест. 14/8 1914 г., до 1916 г. въ Талергофѣ, затѣмъ былъ взятъ на военную службу; 9) Федоръ Хомякъ, арест. 1/8

1914 г., до 1916 г. въ Талергофѣ; 10) Федоръ Щирба, арест. 1/8 1914 г., до 1916 г. въ Талергофѣ.

С. Токи: 1) Иванъ Шиманскій, арест. 1/8 1914 г., до 1916 г. въ Талергофѣ, затѣмъ былъ взятъ на военную службу; 2) Степанъ Воляникъ, арест. 1/8 1914 г., умеръ 1917 г. въ Гминдѣ; 3) Степанъ Шевчукъ, арест. 1/8 1914 г., умеръ 1917 г. въ Талергофѣ; 4) Федоръ Гуныка, арест. 1/8 1914 г., умеръ 1917 г. въ Талергофѣ; 5) Петръ Гасай, арест. 14/8 1914 г., умеръ 1917 г. въ Талергофѣ; 6) Киспакъ (старшій), арест. 14/8 1914 г., умеръ 1915 г. въ Талергофѣ; 7) Матвѣй Гуныка, арест. 14/8 1914 г., до 1916 г. въ Гминдѣ; 8) Иванъ Киспакъ, арест. 14/8 1914 г., до 1915 г. въ Талергофѣ, затѣмъ былъ взятъ на военную службу; 9) Афанасій Костюкъ, арестов. 14/8 1914 г., до 1917 г. въ Талергофѣ.

С. Черниковцы: 1) Свящ. Василій Курдыдикъ, умеръ въ Талергофѣ; 2) учитель Владиміръ Вас. Курдыдикъ.

Золочевскій уѣздъ.

Г. Золочевъ. Въ самомъ Золочевѣ были арестованы австрійцами, между прочимъ, слѣдующіе русскіе дѣтели: адвокатъ д-ръ И. Н. Драгомірецькій, его помощникъ д-ръ И. В. Винницкій, судья Решетыло, преподаватель гимназіи С. Я. Трушъ, директоръ мѣстной „Самопомощи“ Саноцкій и др.

С. Бортиковъ. Въ половинѣ августа 1914 г. явился ко мнѣ жандармъ Яворскій съ мѣстнымъ жителемъ Макаромъ Солимою и произвели тщательный обыскъ. Найденыя книжечки -- изданія Общества им. М. Качковскаго, и русскія газеты и брошюры релігіознаго содержанія ве-

дѣлъ жандармъ отнести въ громадскую канцелярію, а меня съ десятью другими отвезли въ с. Ольшанину и заперли подъ арестъ. Тамъ просидѣли мы цѣлую ночь въ страшной духотѣ. Караулившій насъ Солима отказалъ нашей просьбѣ освѣжить немного помѣщеніе ареста свѣжимъ воздухомъ и только смѣнившій его другой караульный открылъ дверь и подаль намъ воды. На слѣдующій день отправили насъ въ Золочевъ. Подъ самымъ городомъ шедшій впереди насъ жандармъ украсилъ себя трехцвѣтной русской лентой, чтобы такимъ образомъ обратить на насъ вниманіе уличной

толпы. И действительно, городская толпа, главным образом — еврей, увидев „руссофилов“, набросилась на нас с побоями и ругательствами. У меня при этом оборвали поля у шинны, так что на головѣ остался одинъ котелокъ. Такимъ образомъ завели насъ въ тюрьму, помѣщающуюся въ мѣстномъ замкѣ. У меня отняли хлѣбъ и закуску, которыми я запасся на дорогу. Въ замкѣ неизвѣстный солдатъ схватилъ меня за бороду и, угрожая висѣлицей, билъ по головѣ, а патѣшившись вдоволь, затѣмъ велѣлъ идти въ канцелярію. Несмотря на мой преклонный возрастъ, я полетѣлъ кувыркомъ отъ сильнаго удара къ самому столу. Повидимому, солдаты были въ сговорѣ, ибо ближайшій солдатъ, къ которому я покотился, толкнулъ меня ногою въ другую сторону, а сидѣвшій на кровати еодатъ опять оттолкнулъ по направленію къ выходу. Ночь просидѣли мы въ тѣсномъ, душномъ по-

мѣщеніи. Утромъ построили насъ во дворѣ въ четверки и отправили на вокзалъ. Собравшаяся толпа опять пыталась возобновить свои безчинства, но, благодаря человѣческому обращенію и энергіи начальника сопровождавшей насъ эскорты, мы благополучно дошли до вокзала, погрузились въ товарные вагоны и уѣхали во Львовъ. Во Львовѣ размѣстили насъ въ „Бригидкахъ“. Здѣсь отдохнули мы немного. По крайней мѣрѣ, человѣку не угрожало растерзаніе посреди улицы. Въ канунъ Успенія Пресв. Богородицы проспали мы ночь не раздѣваясь, а на слѣдующій день насъ отправили по желѣзной дорогѣ въ дальнѣйшій путь. Въ Перемышлѣ намъ было выдано по хлѣбу на чело-вѣка, а въ Чешской Прагѣ накормили насъ обѣдомъ. Послѣ трехдневнаго путешествія мы очутились въ Терезинѣ...

Павелъ Кукаръ.

Калушскій уѣздъ.

Во время самой мобилизаціи австр. власти почему-то не успѣли расправиться съ русскими людьми этого уѣзда, а потому только впоследствии, когда разбиты подѣ Галичемъ мадыарскія войска отступали, двое назначенныхъ для этого комиссаровъ уѣзднаго начальства, съ помощью отряда гусаръ, принялись за массовые аресты во всемъ уѣздѣ, причемъ предлогомъ послужили, какъ вездѣ, доносы мѣстныхъ мазепинцевъ и евреевъ.

5 октября 1914 г. ночью у всѣхъ русскихъ въ уѣздѣ были произведены обыски, за котрыми послѣдовали и аресты.

Въ **Калушѣ** были арестованы 2 лица; въ с. Подгоркахъ — 14, въ

томъ числѣ свящ. Іоаннъ Ковакъ, его жена и сынъ; въ с. Добровлянахъ — сельскій староста и 14 другихъ крестьянъ; въ с. Бабинѣ — 2; въ с. Томашевкѣ — 3, въ томъ числѣ свящ. Гургула; въ с. Зарѣчной - Бабиной — 2; въ с. Копанкахъ — 2; въ с. Тужиловѣ — 6; въ с. Вѣстовой — свящ. Ил. Сѣчинскій и 10 крестьянъ; въ с. Подмихайлѣ — свящ. М. Скородинскій и 16 крестьянъ; въ м. Войниловѣ — уѣздный организаторъ П. Федюшко, врачъ В. Л. Лаврецький и нѣсколько другихъ; въ Войниловской Сѣвкѣ — 2; въ с. Станковой — 1; въ с. Камнѣ свящ. Н. Кукурудзъ; въ с. Новицѣ — 7; въ с. Сливкахъ — свящ. Іосифъ Коменда; въ с. Небыловѣ — свящ. Ро-

манъ Крыжановскій съ сыномъ; въ с. Берлогахъ — 2, въ томъ числѣ свящ. Іоаннъ Маркевичъ; въ с. Медыи — свящ. Несторъ Коржинскій.

Въ с. **Угринозѣ** мадыарскій гусаръ, преслѣдуемый казаками, успѣлъ все-таки арестовать студ. Авдыковского; привязавъ его къ сѣдлу, онъ пустилъ лошадь галопомъ.

Жители селъ Кропивника, Кадолбной и др. спаслись отъ мадыарской расправы такимъ образомъ, что скрылись въ лѣсныхъ пещерахъ и только, дождавшись прихода русскихъ войскъ, возвратились въ свои селенія.

(„Прик. Русь“, 1914 г. № 1491).

М. Войниловъ. Меня арестовали въ половинѣ августа 1914 г. вмѣстѣ съ Иваномъ Федюшкою и Мих. Борисикомъ и отправили въ Станиславовъ, а затѣмъ, черезъ 8 дней, эшеленомъ отвезли въ Талергофъ, гдѣ я пробылъ до весны 1917 г.

Ив. Федюшко и Мих. Борисикъ умерли въ Талергофѣ; я, больной ревматизмомъ и неспособный къ труду, доживаю свой вѣкъ дома.

Петръ П. Федюшко.

С. Вѣстовая. Въ с. Вѣстовой были арестованы 28 августа 1914 г. слѣдующіе жители:

1) свящ. Илларионъ Сѣчинскій съ женой, 2) войтъ Степанъ Ивасининъ, 3) писарь Степанъ Шарамайлюкъ, 4) кассиръ Михаилъ Мизеракъ, 5) псаломщикъ Михаилъ Домранскій, 6) ла-вочникъ Иванъ Костевъ и 7) Михаилъ Костевъ.

Свящ. Сѣчинскій съ женой былъ отправленъ на автомобилѣ въ Краковъ, а остальные были почему-то оставлены въ Калушѣ въ тюрьмѣ.

Нѣсколько дней спустя были еще арестованы: 8) Василий Яремичъ, 9) Мартинъ Федоровъ и 10) Василий Гриневъ, которые были уже вывезены въ Венгрію.

Въ руки властей предали насъ большей частью свои-же украинофилы, которые тогда держали монополию австрійскаго патріотизма.

Въ арестахъ въ Калушѣ собралось насъ 83 чело-вѣка. Когда пришлось отправлять насъ на западъ, мы были отправлены на вокзалъ и помѣщены всѣ въ одномъ вагонѣ. Снаружи на вагонѣ приклеили надпись „83 руссофила“, такъ что всякому было видно, что въ вагонѣ ѣдутъ опаснѣйшіе для Австріи люди. Въ особенности мадыары часто заглядывали въ нашъ вагонъ и ругали насъ самой отборной бранью.

Начальникъ конвоя, происходившій изъ Болестрашичъ в. Перемышля, не позволилъ дать намъ ни ѣсть ни пить въ продолженіе четырехъ сутокъ. Въ Тарновѣ какая-то дама предложила намъ фруктовъ и воды, но конвой не разрѣшилъ воспользоваться этимъ.

Ночью нашъ эшелонъ прибылъ въ Краковъ. Надо было перейти въ другой поѣздъ. Пришелъ новый караулъ и бросился на насъ съ остервененіемъ, нанося побои прикладами, когда-же одинъ солдатикъ изъ стараго конвоя сдѣлалъ было замѣчаніе, что мы тоже люди и что бить не разрѣшается, то тутъ-же былъ тоже арестованъ. Да и вообще далеко не всѣмъ военнымъ нравилось дикое обращеніе съ нами. Такъ, офицеръ, стоявшій въ сторонѣ и наблюдавшій эту картину, приказалъ новымъ конвойнымъ идти спать, а прежнимъ дальше охранять насъ и провожать къ мѣсту назначения.

На противоположном концѣ ж.-дор. станции размѣстили насъ въ двухъ вагонахъ. Голодные, усталые до невозможности, мы расположились на полу, какъ кто могъ.

На слѣдующій день утромъ поѣздъ двинулся дальше. Вскорѣ мы выѣхали за галицкую границу и очутились на чешской землѣ. Тутъ начальникъ конвоя пробовалъ было вновь натравить на насъ толпу, сообщая на-право и на-лѣво, что въ вагонѣ „шпіоны“, но, когда чехи стали подтрунивать надъ нимъ и его „патріотическимъ“ озлобленіемъ, онъ смутился и молчалъ уже до самой Праги.

Между тѣмъ чехи первымъ долгомъ насъ накормили, а тамъ обнадежили на лучшее будущее.

Мы вздохнули свободнѣе. Безпріятіе, оскорбленія, побои, казалось, остались позади, а впереди намъ представлялось сочувствіе братскаго, культурнаго народа и затѣмъ возвращеніе на родину.

Въ Прагѣ подали пассажирскіе вагоны и насъ повезли въ крѣпость Терезинъ, въ четырехъ миляхъ отъ баварской границы.

А въ маѣ 1915 года мы были перевезены въ Талергофъ.

Стефанъ Шорамайлюкъ.

С. Подгорки. Въ одинъ изъ августовскихъ вечеровъ 1914 г., чувствуя себя весьма усталымъ, я легъ отдыхать ранѣе обыкновеннаго.

Вдругъ ночью является ко мнѣ гусарскій майоръ съ отрядомъ солдатъ и заявляетъ, что имѣетъ приказъ арестовать меня и сына. Оставивъ возлѣ меня вооруженнаго солдата, онъ сталъ производить въ домѣ тщательный обыскъ, который продолжался всю ночь. Отъ поры до времени являлись ко мнѣ солдаты съ разными вопросами, а когда

на чердакѣ былъ найденъ кусокъ красной матеріи, они явились въ спальню и, приложивъ къ моей головѣ револьверъ, велѣли признаться, что я въ этотъ вечеръ былъ на чердакѣ и давалъ сигналы русскимъ войскамъ.

Утромъ майоръ съ солдатами и съ моимъ сыномъ пошли еще въ церковь и тамъ также произвели обыскъ, а послѣ посадили насъ обоихъ на подводку и повезли въ с. Вѣстовую передъ военный судъ.

Судъ присудилъ меня къ расстрѣлу. Но генералъ, прежде чѣмъ утвердить приговоръ, распорядился отправить еще разъ слѣдственную комиссію въ с. Подгорки и окрестности и навести справки относительно моей виновности, а выяснивъ изъ свидѣтельскихъ показаній, что я совершенно невиновенъ и что доносъ на меня лишенъ всякихъ основаній, отпустилъ меня на свободу.

Но тутъ вмѣшался въ дѣло мѣстный жандармъ.

— Если онъ не подходитъ подъ военный судъ, то мы займемся имъ сами, — заявилъ онъ и отправилъ меня въ уѣздное староство, а затѣмъ въ калужскую тюрьму.

По дорогѣ жандармъ не пожалѣлъ приклада, а встрѣчные инакомыслящіе, знавшіе меня и мои убѣждения, не пожалѣли отборной ругани по моему адресу.

Въ тюрьмѣ я узналъ, что можно освободиться изъ заключенія, если д-ръ Куровецъ (украинофилъ) за кого поручится. Указывали даже примѣры. Тутъ же сообщили мнѣ вновь поступающіе въ тюрьму, что въ три дня послѣ меня арестовали мою жену и избитую увезли въ неизвѣстномъ направленіи.

Изъ тюрьмы отправили насъ, 60 человекъ, на вокзалъ въ Калущѣ. Конвоировали свои же крестьяне изъ до-

лиискаго уѣзда. Мы просили ихъ, чтобы не дали насъ по дорогѣ въ обиду, но безъ этого все-таки не обошлось. Толпа бросала въ насъ камнями и пыталась даже накинуть намъ на шею веревки, а когда на вокзалѣ мы грузились въ товарные вагоны безъ ступенекъ, желѣзнодорожники подгоняли насъ палками и флажками.

Въ Стрыѣ желѣзнодорожная администрація, узнавъ, что Львовъ занятъ уже русскими войсками, направила нашъ эшелонъ черезъ Освенцимъ въ Венгрію.

Никому не приходилось такъ плохо, какъ мнѣ. Меня считали всѣ „шпіономъ“, а на вагонѣ снаружи было написано крупнымъ шрифтомъ „попъ козакъ“. Всякому хотѣлось посмотрѣть и отвести злобу на „шпіона“, „попа-козака“, который нѣсколько десятковъ лѣтъ жилъ въ Галичинѣ и занимался „шпіонствомъ“ въ пользу Россіи.

Наконецъ, эшелонъ прибылъ въ Остригомъ. Тутъ мы прожили подъ голымъ небомъ нѣсколько недѣль, пока окончательно не были перевезены въ Талергофъ, гдѣ я встрѣтился съ своей женой.

Свящ. Іоаннъ Козакъ.

С. Небыловъ. 29 августа 1914 г. явились поздно вечеромъ въ мѣстное приходство два жандарма и спросили свящ. Романа Крыжановскаго. Одинъ изъ нихъ, по фамиліи Шотъ (нынѣ комендантъ жандармеріи въ Жидачевѣ), заявилъ проснувшемуся о. Роману, что онъ имѣетъ порученіе отправить его въ Калущъ въ уѣздное староство.

Сынъ старика - священника, въ то время кандидатъ адвокатуры, предчувствуя бѣду и боясь, что отецъ не сумѣетъ оправдаться передъ уѣздными властями, попросилъ жандарма разрѣ-

шить ему отправиться вмѣстѣ съ отцомъ въ Калущъ, что и было ему разрѣшено.

— Мы отправились на подводкахъ тутъ же ночью, — рассказываетъ упомянутый сынъ о. Романа, д-ръ М. Р. Крыжановскій. По пути Шотъ сообщилъ намъ, что имѣетъ строгія инструкции относительно отца, а въ случаѣ попытки къ бѣгству съ его стороны имѣетъ даже право убить его на мѣстѣ. Кромѣ того, уже передъ самымъ Калущемъ, заявилъ намъ, что цѣлью нашего слѣдованія является не уѣздное староство, а уѣздное жандармское управленіе.

Въ 3 ч. утра пріѣхали мы въ Калущъ. Направились прежде всего въ староство, надѣясь, что староста Трембаловичъ (нынѣ въ Мостискахъ) разберетъ дѣло и освободитъ отца. Однако, староство было заперто. Въ виду этого жандармъ помѣстилъ отца въ арестахъ, а я вышелъ въ городъ, въ надеждѣ достать отцу чего-нибудь подкрѣпити, а также переговорить съ вліятельными лицами, могущими помочь нашему горю. Первымъ долгомъ направился я къ покойному уже нынѣ свящ. Петрушевичу, настоятелю мѣстнаго прихода, но тотъ наотрѣзъ отказался отъ всякаго ходатайства въ пользу отца, вѣроятно боясь, чтобы и самому не попасть въ тюрьму. Такой же самый результатъ имѣли мои обращенія и къ нѣкоторымъ другимъ знакомымъ...

Послѣ моего возвращенія изъ города жандармъ проводилъ насъ въ жандармское управленіе и передалъ отца коменданту Деумеку. Тотъ, послѣ составленія протокола, приказалъ отвести отца въ арестъ при уѣздномъ судѣ. Одновременно онъ разъяснилъ мнѣ, что всякія старанія не приведутъ ни къ чему, что жандармерія распоряжается теперь самостоятельно и что всѣ арестованные

будутъ еще сегодня до обѣда отправлены въ глубь Австріи.

Послѣ этого я проводилъ отца въ тюрьму, а самъ, не имѣя возможности вернуться къ матери за отсутствіемъ пропуска, пришелъ обратно въ жандармское управленіе съ просьбой разрѣшить мнѣ переждать здѣсь до утра, на что комендантъ Деумекъ согласился, указавъ мнѣ пустую столовую, гдѣ я прилежъ на скамейкѣ.

Но не прошло и 15-ти минутъ, какъ въ столовую является Деумекъ и коротко заявляетъ:

— Вы арестованы по приказу штаба дивизіи!

Зоветъ жандарма Шота и приказываетъ отвести меня къ отцу.

Въ тюрьмѣ встрѣчаю покойныхъ уже нынѣ священниковъ Маркевича изъ Берлогъ, Кукурудза изъ Камени, Скородинскаго изъ Подмихайя, жену свящ. Козака изъ Подгорокъ, дѣвушку изъ Тужилова Сою Фидыкъ, студента Авдыковского, коридивую старуху изъ Тужилова и др.

Около 8 часовъ утра было приказано намъ собираться въ путь. Вывели насъ во дворъ и прочли списки; было насъ 73 человекъ. Около насъ вертѣлось нѣсколько австрійскихъ офицеровъ, кажется—мадьяръ; они показывали намъ на шею, что значило, что насъ ждетъ висѣлица. Послѣ переклички подозвалъ какой-то офицеръ нашего начальника караула и спросилъ его — какой онъ національности?, а узнавъ, что онъ полякъ и называется Манукевичъ, велѣлъ ему соотвѣтственнымъ образомъ обращаться съ нами — „стрѣлять собакъ, если кто не станетъ слушаться“.

Построенные въ четверки, ряды арестованныхъ тронулись по приказу коменданта караула въ путь. Не успѣли

мы выйти со двора и ступить на улицу, какъ тутъ уже ждала нашего выхода многочисленная толпа, преимущественно евреевъ. Слышны были крики:

— Бейте ихъ камнями! — И дѣйствительно на насъ посыпался градъ камней, причемъ досталось, конечно, и караульнымъ, которые начали разгонять толпу. На рынкѣ сообщилъ намъ насмѣшливо комендантъ, что поѣздъ не будетъ насъ ждать, надо намъ поспѣшить, вслѣдствіе чего скомандовалъ: „Laufschritt“.

Началось вѣчто кошмарное. Старики, женщины съ грудными дѣтьми и молодые люди, нагруженные, кто чемоданами, кто постелью и зимней одеждой, бѣжали подъ непрекращающійся градъ камней, среди страшной пыли и жары. Потъ катился съ насъ градомъ. Нѣкоторые изъ караульныхъ подталкивали отстающихъ въ бѣгу прикладомъ, а свадѣ ѣхало двое верховыхъ мадьяръ. Одинъ изъ арестованныхъ, еврей Арнольдъ, адвокатскій писарь изъ Войнилова, не могъ справиться со своей ношей и упалъ по пути. Сейчасъ же подхватили его за руки и ноги нѣсколько калушскихъ евреевъ и, неся его на рукахъ, бѣжали вмѣстѣ съ нами. Однако, такъ какъ, повидимому, это все-таки сильно ихъ раздражало, да кромѣ того, кажется, они опасались подозрѣній въ сочувствіи еврею-измѣннику, то они кусали его на бѣгу въ затылокъ. Такимъ образомъ они проявляли тутъ одновременно и свою національную солидарность, и австрійскій патріотизмъ заодно...

На вокзалѣ насъ раздѣлили на двѣ группы и начали грузить насъ въ товарные вагоны. Въ особенности тяжело приходилось старикамъ, ибо ступенекъ при вагонахъ не было. По обѣимъ сто-

ронамъ входа въ вагонъ стояло по двое какихъ-то хулигановъ, которые кулаками били въ ватылокъ каждаго, кто не былъ въ состояніи скоро взобраться въ вагонъ. Не успѣли мы устроиться въ вагонахъ, какъ нашъ комендантъ, послѣ краткаго совѣщанія съ дежурнымъ по станціи, украинофиломъ Лукасевичемъ, приказалъ всѣмъ помѣститься въ одномъ вагонѣ вмѣстѣ со стражей, которая заняла третью вагона, то есть, его середину противъ дверей. При этомъ Лукасевичъ распорядился маневрировать вагономъ такимъ образомъ, что вагономъ бросало въ продолженіе двухъ часовъ въ разныя стороны, отчего все время падали заключенные въ вагонѣ арестанты.

Наконецъ, вагонъ поставили передъ вокзаломъ. Тогда стоявшая въ сторонѣ и, по всей вѣроятности, ожидавшая этого толпа подошла къ нашему вагону. Посыпалась отборнѣйшая ругань. Поляки проклинали насъ, что мы мѣшаемъ имъ воскресить вновь ихъ ойчизну, евреи ругали насъ измѣнниками, а мазепинцы укоряли насъ рублями и любовью къ дарю, бросая при этомъ въ вагонъ камни и песокъ. Караулъ не препятствовалъ безобразію, наоборотъ, комендантъ постоянно поощрялъ толпу словами и жестами.

Наконецъ, въ два часа мы тронулись. Передъ каждой станціей нашъ комендантъ выгибался изъ сосѣдняго вагона, который самъ занималъ, и кричалъ со всей силы: „Москвофилы!“ Моментально сбѣгались къ вагону ротовѣи съ цѣлой станціи и начинались наново издѣвательства и угрозы. Больше всего издѣвались надъ нами въ Болеховѣ и Долинѣ, только въ Моршинѣ разогналъ начальникъ станціи толпу и далъ намъ возможность легче вздохнуть. Около семи часовъ вечера пріѣхали мы въ Стрый.

Здѣсь комендантъ караула запретилъ солдатамъ подавать намъ воду и хлѣбъ, а самъ ушелъ въ городъ, вслѣдствіе чего мы провели ночь относительно спокойно, хотя и въ голодѣ и жаждѣ. Только проѣзжающіе на фронтъ солдаты, наущенные желѣзнодорожниками, заглядывали въ нашъ вагонъ, а такъ какъ это были большей частью мадьяры, трудно было разобраться въ ихъ ругательствахъ и угрозахъ.

На слѣдующій день къ вечеру пріѣхали мы въ Дрогобычъ. Тутъ одинъ изъ нашихъ упалъ въ обморокъ. Позвали военного врача, и тотъ, несмотря на то, что былъ евреемъ и въ австрійскомъ мундирѣ, категорически заявилъ, что такъ дальше ѣхать невозможно. Въ виду этого насъ раздѣлили на двѣ части. Мнѣ съ отцомъ посчастливилось перейти въ вагонъ третьяго класса.

Казалось-бы, что ѣзда въ третьемъ классѣ должна быть лучше. На самомъ дѣлѣ вышло не то. Изъ интеллигенціи въ вагонѣ 3-яго класса ѣхало только насъ двое, въ виду чего зловерный желѣзнодорожный персоналъ обращался теперь съ оскорбленіями къ намъ. Обыкновенно вооруженные какимъ-нибудь желѣзнымъ инструментомъ, они открывали вагонъ и угрожали намъ смертью. Въ Перемышлѣ, напр., угрожали моему отцу разбить молотомъ колѣни. Наиболеѣ мы опасались встрѣчи на станціяхъ съ санитарными поѣздами. Тутъ уже насъ прямо обвиняли во всѣхъ раненіяхъ и страданіяхъ выбывшихъ изъ строя солдатъ...

Сколько пришлось намъ перенести въ этомъ пути мученій, лучше всего показываетъ прискорбный случай, что священникъ Маркевичъ изъ Берлогъ сошелъ съ ума во время ѣзды между Хировомъ и Перемышлемъ, вслѣдствіе

чего былъ оставленъ въ военномъ госпиталѣ въ Перемышлѣ, гдѣ, по слухамъ, вскорѣ и умеръ.

Такъ доѣхали мы до Кракова. Машинистъ остановилъ поѣздъ въ сторонѣ, далеко отъ вокзала. Не успѣлъ мой отецъ сойти съ вагона, какъ подскочили къ нему комендантъ караула съ капраломъ ландверы и начали бить его прикладами. Я пробовалъ было защищать отца, но этимъ только стянулъ на себя ихъ вниманіе, и крѣпкія дула винтовокъ начали работать на моей спинѣ. Били также руками и толкали до тѣхъ поръ, пока я не упалъ. Наконецъ, мы дошли до самого вокзала. Народу было

здѣсь много, были также и польскіе легіонеры. Начался опять обычный погромъ. Били легіонеры, штатскіе, а даже комиссаръ полиціи. Слышны были возгласы: „москалофилы“, „измѣнники“, „родину намъ отнимаютъ“ и т. п.

Я также получилъ крѣпкій ударъ по головѣ, благодаря сдѣланному кѣмъ-то замѣчанію, что я австрійскій чиновникъ.

Въ Краковѣ погрузили насъ снова въ товарные вагоны и повезли дальше. На утро мы проснулись уже на Моравской землѣ...

Д-ръ М. Р. Крыжановскій.

Каменецкій уѣздъ.

Въ с. **Дерновѣ** крестьяне скрывались передъ австрійцами въ лѣсахъ. Оставшихся въ селѣ жителей, всего около 200 человекъ — стариковъ, женщинъ и дѣтей, австрійцы арестовали и отвели на кладбище, чтобы ихъ тамъ расстрѣлять за то, что они носили восьмиконечные крестики на груди. Ихъ спасъ мѣстный помѣщикъ Лехнеръ, поручившійся передъ австр. солдатами въ томъ, что они ни въ чемъ не провинились. Въ той-же деревнѣ австрійцы убили крестьянъ: Ив. Наума (85 лѣтъ), Н. Курія, Н. Ковалюка и И. Сердынецкаго. Последняго австрійскій уланъ сначала только ранилъ саблей въ голову, но затѣмъ вернулся опять и двумя револьверными выстрѣлами добилъ свою жертву.

Въ нѣмецкой колоніи **Сапѣжанкѣ**, по доносу мѣстныхъ нѣмцевъ, былъ расстрѣлянъ крест. А. Вусовичъ, трупъ же его былъ повѣшенъ передъ его домомъ на глазахъ его жены и дѣтей.

С. **Рѣпневъ** окружили австрійцы кордономъ и, не выпуская никого изъ села, подожгли его съ четырехъ сторонъ. Жертвой пожара пало 120 крестьянскихъ домовъ.

Въ **м. Стояновѣ**, во время обѣдни, которую служилъ 85-лѣтній о. Сохацкій, согласно церковному обычаю, звонили, во время чего случайно появился въ мѣстечкѣ казачій разѣздъ. Возвратившіеся затѣмъ австрійцы арестовали о. Сохацкаго и войта Федора Багнюка, обвиняя ихъ въ умышенномъ трезвонѣ, съ цѣлью сообщить русскимъ войскамъ о нахожденіи въ Стояновѣ австрійскихъ войскъ. Арестованныхъ избили до крови прикладами и издѣвались надъ ними въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ. Затѣмъ войта Федора Багнюка тутъ-же повѣсили, а о. Сохацкаго вывезли во Львовъ, гдѣ вторично уличная толпа до того избила несчастнаго старика, что его пришлось помѣстить въ тюремномъ госпиталѣ. Когда нѣкоторое время спустя

нашихъ узниковъ вывозили изъ Львова, то среди нихъ былъ также о. Сохацкій. Избитый и истрадавшійся старикъ не смогъ дойти пѣшкомъ на вокзалъ и по пути упалъ. Тогда одинъ изъ конвойныхъ прокололъ упавшаго штыкомъ; трупъ накрыли соломой и оставили на улицѣ.

(„Прик. Русь“, 1914 г. № 1434).

Въ издававшемся въ 1915 г., при управленіи военнаго генералъ-губернатора Галичины, „Львовскомъ Вѣстникѣ“ находимъ слѣдующія, документально установленныя, данныя о бывшихъ въ Галичинѣ до прихода русскихъ войскъ австрійскихъ и мадырскихъ звѣрствахъ и надругательствахъ надъ неповиннымъ мѣстнымъ русскимъ населеніемъ:

Въ Каменкѣ Струмиловой одинъ священникъ расстрѣлянъ и одинъ арестованъ, повѣшено и расстрѣляно 10 крестьянъ и арестовано свыше 120 крестьянъ — всѣ по доносу мѣстнаго уніатскаго священника Михаила Цегельскаго.

Неистовства мадырѣ въ районѣ Каменки Струмиловой выразились въ цѣломъ рядѣ кошмарныхъ преступленій. Въ колоніи **Сапѣжанкѣ** они схватили крест. Антона Висовича, расстрѣляли, потомъ повѣсили передъ квартирой и долгое время не позволяли похоронить его тѣло.

Мѣст. **Рѣпневъ** было обречено озлобленными варварами на сожженіе. Они окружили селеніе съ четырехъ сторонъ и подожгли; бушевавшій вѣтеръ моментально равнень шлама на всѣ постройки и вскорѣ селеніе представляло сплошной костеръ. Жителей, которые пытались спастись бѣгствомъ изъ селенія, мадыры расстрѣливали. Точно то-же самое повторилось и въ **м. Бужскѣ**, гдѣ убито нѣсколько

человекъ и сожжено 110 дворовъ съ постройками и скотомъ.

Обуреваемые жаждой крови и неистовствъ, мадыры совершенно не считались съ тѣмъ, кто виноватъ и невиноватъ, а уничтожали людей безъ всякаго повода и разбора. Такъ, въ дер. **Дерновѣ** ими былъ зарубленъ 82-хъ лѣтній старикъ Игнатъ Сердынецкій потому только, что подвернулся подъ руку. Тамъ-же былъ убитъ и другой крестьянинъ Наумъ, совершенно слѣпой и глухой уродъ.

С. Полоничная. Уже въ началѣ августа 1914 г., во время первой австрійской мобилизаціи, стали галицкіе украинофилы распространять завѣдомо ложные и нелѣпыя слухи о томъ, что война вызвана „москвофилами“, написавшими къ русскому царю прошеніе объ освобожденіи ихъ отъ австрійскаго гнета, что тамъ гдѣ-то задесятыми горами австрійская полиція уже поймала множество шпионовъ „москвофиловъ“ и т. п. Въ селѣ Полоничной тоже распускали подобные слухи мавепинскіе провокаторы. На людей русскихъ убѣжденій посыпались со всѣхъ сторонъ угрозы и доносы, которые встрѣтили весьма благоприятную почву, такъ какъ жандармскимъ постомъ завѣдывалъ у насъ въ то время заядлый украинофилъ Иванъ Чехъ, со своимъ помощникомъ полякомъ Турекомъ.

4 августа, раннимъ утромъ, оба эти австрійскіе „патріота“ налетѣли на дома русскихъ крестьянъ и уводили ихъ съ собой прямо съ постели. Такимъ образомъ были арестованы Тимофей Пехникъ съ двумя сыновьями Степаномъ и Иваномъ, Павелъ Ив. Семчишинъ (Кузьба), Юліанъ Павлина, черезъ два дня Василій Сенюкъ и Иванъ Уханскій, а еще черезъ недѣлю осталь-

ные члены семьи Пехниковъ, а именно : жена Степана — Марія и двѣ дочери Тимофея — Анна и Александра, такъ что въ домѣ осталась одна только старуха, жена Тимофея Марія. Во время обыска тотъ-же жандармъ Чехъ избилъ арестованныхъ женщинъ и конфисковалъ домашнюю библиотечку, а помогалъ ему при этомъ поворномъ дѣлѣ сынъ мѣстнаго священника, „украинскій“ студентъ... Кромѣ названныхъ лицъ были арестованы еще замѣститель войта, Романъ Галій, Филеонъ Павлина и Василій Борщъ, котораго жандармъ избилъ до крови за то, что онъ не хотѣлъ сказать, куда дѣвались ключи отъ библиотечки „Русской Дружины“. На этотъ разъ помогалъ бить лѣсничій, полякъ Кучинскій.

Всѣхъ арестованныхъ отвели въ тюрьму въ Струмиловую Каменку, а когда въ ночь съ 13-го на 14 августа тамъ возникла тревога, перевели ихъ спѣшно во Львовъ, гдѣ уже сидѣло множество русскихъ галичанъ. Семью Пехниковъ отправили еще раньше въ Бускъ, а оттуда, послѣ 12-ти-дневнаго заключенія, перевели также черезъ Красное во Львовъ. Арестованныхъ повязали по-парно веревками. По пути въ Красное толпа навоиливо преслѣдовала и всячески ругала ихъ, а когда Андрей Вѣхоть изъ Полоничной Гуты посмѣлъ, защищаясь отъ надѣвшихъ оскорбленій, что-то отвѣтить, то тутъ-же ударилъ его по лицу остающійся и нынѣ еще въ Бускѣ содержатель ресторана, по происхожденію чехъ. На станціи въ Красномъ не обошлось тоже безъ обычныхъ побоевъ, послѣ чего транспортъ въ 32 человѣка былъ привезенъ во Львовъ. Въ ожиданіи смѣны конвой на вокзалѣ „Подзамче“ во Львовѣ какой-то рябой полицейскій все время ругался

по адресу „москвофиловъ“, но другой, постарше его рангомъ, приказалъ ему молчать. Двѣ дамы - польки, разговаривая между собой и наблюдая насъ со стороны, говорили между собою :

— Что-же, они вѣдь невиновны, теперь нѣтъ правды на свѣтѣ...

Видно, были еще люди, которые понимали творившійся произволъ и сочувствовали намъ, его жертвамъ.

Подъ охраной конной полиціи, вооруженной съ ногъ до головы, но все-таки подъ неистовые крики и ругательства со стороны уличной толпы, въ особенности еврейства, повели насъ въ тюрьму „Бригидки“. Камни летѣли на наши головы, изъ толпы стрѣляли даже изъ револьверовъ, изъ оконъ лили на насъ кипятокъ. Первый упалъ отъ удара камнемъ, въ голову старикъ Тимофей Пехникъ. Облитаго кровью отца подхватилъ сынъ и, ставъ обратно въ ряды, понесъ въ тюрьму.

Въ концѣ концовъ всѣхъ насъ, сидѣвшихъ первоначально въ Бускѣ, выслали изъ „Бригидокъ“ въ Талергофъ, равно какъ и сидѣвшихъ въ каменецкой тюрьмѣ мужчинъ, женщинъ же — Марію, Анну и Александру Пехникъ, заключенныхъ въ тюрьмѣ по улицѣ Баторія, освободили впоследствии русскія войска. Послѣ отступленія русской арміи, австрійцы арестовали вторично Анну Пехникъ и Феодору Грай и вывезли въ Талергофъ. Еще попалъ въ Талергофъ крестьянинъ изъ Полоничной Иванъ Борщъ и юродивый Сильвестръ Борщъ, оба по доносу бусскихъ евреевъ.

Василій Борщъ и Иванъ Борщъ умерли въ Талергофѣ; Иванъ Уханскій, Юліанъ Павлива и Романъ Галій погибли на военной службѣ послѣ освобожденія изъ талергофской тюрьмы,

остальные же вернулись домой. Молодые люди, взятые на военную службу послѣ перваго освобожденія, были опредѣлены въ спеціальныя батальоны гдѣ они служили подъ строжайшимъ надзоромъ.

Не лучше творилось въ **Полоничной Гутѣ**, гдѣ тотъ-же жандармъ Иванъ Чехъ арестовалъ 75-лѣтняго Тимофея Кушинскаго съ сыномъ Иваномъ, Прокофія Михайлова, Степана Вѣхти, Андрея Вѣхти, Василія Монастырскаго и Алексѣя Маринюка. Послѣдній умеръ въ Талергофѣ.

Ст. Пехникъ.

С. Таданье. „Василій Гренка и его шона!“ — крикнулъ солдатъ-мадьяръ. Изъ среды собравшагося народа, согнаннаго войскомъ на лѣсной полянкѣ возлѣ с. Дернова, выступили мои родители — Василій и Екатерина Гренки. Затѣмъ, вызвавъ еще и другихъ крестьянъ, мадьяры погнали ихъ черезъ с. Дерновъ въ с. Новый Ставъ. По пути, встрѣтивъ свящ. Сивенькаго, настоятеля прихода въ Дерновѣ, покойные мои родители просили его, чтобы онъ хлопоталъ объ ихъ освобожденіи, такъ какъ они не чувствуютъ за собой ни малѣйшей вины, но „украинскій отецъ духовный“, конечно, отказался.

Арестованныхъ, послѣ обычныхъ въ такихъ случаяхъ издѣвательствъ, поставили передъ военнымъ судомъ. Первый свидѣтель, учитель - украинофилъ Романъ Пекарскій, представилъ судьямъ, что Василій Гренка, во время занятія Галичины русскими, пытался замѣнить его русскимъ учителемъ. Учитель Лука Краевскій свидѣтельствовалъ въ дѣлѣ моей матери Екатерины. Приговоръ былъ отложенъ до пріѣзда вызваннаго въ судъ въ качествѣ свидѣ-

теля свящ. Сивенькаго и только послѣ показаній этого достойнаго пастыря родителямъ прочли смертный приговоръ. Осужденные просили передъ смертью показать имъ дѣтей. Пригнали ихъ, однако родители могли лишь издали съ ними проститься, показывая дѣтямъ рукою на шею въ знакъ того, что ихъ ожидаетъ смертная казнь. Послѣ исповѣди, которую совершилъ р.-католическій священникъ, Василія Гренку сковали вмѣстѣ съ Федоромъ Мартинюкомъ и повели на мѣсто казни. Мать же моя, Екатерина, слѣдовала за мужчинами, все время спотыкаясь отъ потери физическихъ силъ и предсмертной тревоги. Всѣ трое были повѣшены вмѣстѣ, а я въ то время съ сестрой Анной, явившись проститься съ родителями, смотрѣлъ издали на ихъ мученическую смерть...

Федоръ Гренка.

2 августа 1914 г. явился ко мнѣ на домъ жандармъ и велѣлъ мнѣ собираться на военную службу, но подъ этимъ предлогомъ отвѣтъ меня въ Каменку Стр. въ тюрьму. Здѣсь находились уже докторъ Ступницкій съ сыномъ и мѣщанинъ Мулькевичъ. По истеченіи четырехъ сутокъ, мѣстный судья, украинофилъ Шухевичъ, вызвалъ меня для допроса. Когда онъ при допросѣ узналъ, что я состою членомъ „Общества им. М. Качковскаго“ и асауломъ „Р. Дружины“, сразу же заявилъ мнѣ опредѣленно, что за это я заслужилъ себѣ висѣлицу.

Послѣ двухъ недѣль заключенія отвезли насъ, всего около 20 человѣкъ, во Львовъ въ военную тюрьму, черезъ недѣлю перевели въ сборную тюрьму „Бригидки“, а затѣмъ въ Талергофъ. Послѣ трехнедѣльнаго пребыванія въ Талер-

гофъ, опредѣлили меня въ Раткевбургъ на работы по регуляціи рѣки Муры.

Когда русскія войска отступили съ Карпатъ за Львовъ и окопались надъ рѣкой Бугомъ, наступающіе встѣдъ мадьярскія военныя части принялись за жестокую работу по уничтоженію и искорененію русскаго элемента въ Вост. Галичинѣ, а преусердно помогали имъ въ этомъ свои-же отщепенцы-іуды. Въ нашемъ селѣ нѣсколько семействъ, собравъ свои пожитки, готовились уѣхать вмѣстѣ съ русской арміей, однако, послушавшись злонамѣреннаго совѣта и завѣреній нѣсколькихъ односельчанъ, остались дома, за что расплатились потомъ жизнью. И такъ, директоръ мѣстнаго училища, ярый украинофилъ Пекарскій, угворилъ бывшаго тогда войтомъ Григорія Наконечнаго не уѣзжать. Наконечный упросилъ русскія военныя власти оставить въ покоѣ Пекарскаго, когда они намѣревались сослать послѣдняго въ Россію, а потому и повѣрилъ коварнымъ увѣреніямъ его на счетъ своей безопасности. Но, какъ только 20 іюня 1915 г. вступили въ Таданье мадьяры, въ тотъ-же день появился на громадскомъ домѣ приклеенный списокъ „русофиловъ“, нашихъ односельчанъ, причемъ другой такой-же списокъ находился на рукахъ у директора Пекарскаго, который составлялъ его вмѣстѣ съ лѣсничимъ Кромеромъ. Въ списокъ попали: 1) войтъ Григорій Наконечный, 2) Василій Гренка съ женой Екатериной, 3) Михайлъ Филипецъ съ женой Маріей, 4) Федоръ Мартинюкъ, 5) Дмитрій Мотыль, 6) Феофанъ Гураль, 7) Семенъ Гавришко, 8) Никита Гавришко, 9) Иванъ Гренка, 10) Романъ Савякъ, 11) Дмитрій Портухай, 12) Парасковія Мартинюкъ, 13) Михайлъ Подкостельный съ сыномъ Василюмъ, 14) Степанъ Ковалюкъ.

По приказу военныхъ властей всѣ жители деревни должны были оставить ее въ теченіе нѣсколькихъ часовъ и выселиться дальше. Когда же они очутились на полянѣ въ лѣсу, явилось войско и приказало имъ выстроиться въ ряды, а капитанъ по списку вызывалъ поименованныхъ въ означенномъ выше списокѣ лицъ. Часть солдатъ, по приказу капитана, окружила вызванныхъ крестьянъ и погнала ихъ съ с. Новый Ставъ, гдѣ расположился штабъ армейской части, а другая часть, окруживъ остальныхъ, повела ихъ въ с. Жолтанцы, жолковскаго уѣзда, и размѣстила здѣсь по домамъ и загородамъ уѣхавшихъ въ Россію крестьянъ.

Въ то время, когда солдаты вели таданцевъ въ с. Жолтанцы, крестьянину Иаву Портухайю, переселявшемуся со всѣми своими пожитками и скотомъ, сбѣжать теленокъ по направленію Таданья. Крестьянинъ, не предчувствуя бѣды, вернулся за сбѣжавшей скотиной, но едва успѣлъ пройти нѣсколько километровъ, былъ задержанъ австрійскимъ патрулемъ и отведенъ въ с. Новый Ставъ, гдѣ его приговорили, вмѣстѣ съ другими, къ смертной казни. Приговоръ былъ основанъ на сдѣланныхъ подъ присягой показаніяхъ свидѣтелей: лѣсничаго Яна Кромера, учителей Романа Пекарскаго и Луки Краевскаго, ксєвдза Николая Кульчицкаго, Михаила Шмидта, Тадеуша Дяковского, Захарія Иверльнинга и Бомбеля.

Войтъ Григорій Наконечный былъ повѣшенъ въ с. Жолтанцахъ, при дороге, ведущей изъ Каменки во Львовъ, причемъ къ ногамъ трупъ былъ привязанъ солдатскій котелокъ, наполненный камнями, а къ груди надпись: „за рубля“. Проѣзжающіе дорогой солдаты варварски надругались надъ трупомъ. На просьбу

жены покойнаго командованіе разрѣшило черезъ нѣсколько дней похоронить покойника, но, когда сынъ его явился съ подводой, чтобы снять отца съ дерева и отвезти домой, его схватили мадьяры и избili до потери чувствъ. Въ концѣ концовъ покойнаго похоронили на кладбищѣ въ с. Жолтанцахъ.

Дмитрія Мотыля и Ивана Портухайю повѣсили на одномъ и томъ-же суку. Первый оставилъ жену и трое дѣтей, второй жену съ сыномъ и старуху мать. Ихъ похоронили въ братской могилѣ въ с. Дерновѣ, каменецкаго у., по приказанію мадьяръ — головами къ югу, а ногами къ сѣверу, чтобы, по выраженію палачей, удобнѣе было имъ по смерти смотрѣть на Россію.

Черезъ день повѣсили Федора Мартинюка, члена многихъ русскихъ обществъ, прослужившаго свыше 30 лѣтъ старшимъ братомъ при церкви въ с. Таданья. Старшій его сынъ находился въ то время на военной службѣ, а невѣстка была интернирована въ Талергофъ, такъ что трое малолѣтнихъ внучатъ осталось на произволъ судьбы. Мартинюка повѣсили и похоронили въ с. Томачѣ, жолков. уѣзда, вмѣстѣ съ Василюмъ и Екатериной Гренками. Феофана Гуралья повѣсили день спустя послѣ казни Гренко. Мѣсто его казни и погребенія неизвѣстно. Онъ оставилъ жену и шестеро дѣтей.

Послѣ исполненія приговора на всѣхъ осужденныхъ, остальныхъ заподозренныхъ отправили въ Талергофъ. Къ нимъ принадлежалъ прежде всего Семенъ Гавришко, 78 лѣтъ, членъ многихъ русскихъ обществъ, называемый въ деревнѣ „москалемъ“, такъ какъ онъ еще въ юности выучился русскому литературному языку и любилъ при случаѣ пощеголять своимъ знаніемъ, что

и послужило причиной его арестованія и смерти, постигшей его въ Талергофѣ среди страшной нужды въ 1916 г. Кромѣ него были арестованы и сосланы въ Талергофъ: Никита Гавришко, Дмитрій Портухай (переведенный затѣмъ изъ Талергофа въ Гминдъ, а наконецъ въ Енцесдорфъ, гдѣ онъ и умеръ въ 1916 г.), Иванъ Гренка, Романъ Савякъ, Михайлъ Подкостельный съ сыномъ Василюмъ и Степанъ Ковалюкъ, причемъ Дмитрій Портухай тоже умеръ въ заключеніи, оставивъ шестеро круглыхъ сиротъ (такъ какъ жена его умерла еще въ 1914 г.), а Никита Гавришко умеръ уже дома, въ нѣсколько недѣль послѣ возвращенія изъ Талергофа. *Василій Мартинюкъ.*

Завѣщаніе приговореннаго къ смерти.

Крестьяниномъ Василюмъ Мартинюкомъ изъ Таданья прислано вамъ послѣднее письмо-завѣщаніе, написанное за нѣсколько минутъ до смерти упомянутымъ выше Григоріемъ Наконечнымъ къ женѣ и дѣтямъ. Оно написано карандашомъ на нѣсколькихъ листкахъ записной книжки и было найдено у покойнаго за голенищемъ сапога во время погребенія. Приводимъ его здѣсь полностью (насколько можно его разобрать), какъ трогательный „человѣчскій документъ“ изъ времени бывшаго кошмарнаго лихолѣтія:

„Подякуйте, мои дѣти, профєсорови и лѣсничому, Захарому жонцови и Шмидтову, польскому ксєндзови, що за мое добро мене въ ребро. Кождого ратувавъ, якъ могъ, профєсора стеригъ и боронивъ, якъ наибольшого пріятеля, а онъ мене, якъ наибольшого ворога, невинно на смерть. Не жичу имъ ничо злого. Тилько нехай имъ Богъ того не памятає, бо не знають, що творять. Ты,

жинко, оддайся пидь Богу опеку, а Богъ певно ты не опуститъ. И що будуть люди робити, то и ты роби, гроши бережи, щобишь могла видки жити и дѣтей годувати. Може тебѣ трафится где вояз купити, то купи, а якъ“...

Дальше нельзя разобрать нечеткаго, слитнаго письма. Весьма возможно, что видъ висѣлицы, передъ которой стоялъ уже покойный, помѣшалъ ему окончить письмо. Въ одномъ изъ угловъ оторваннаго листа нарисованъ краснымъ карандашомъ восьмиконечный крестъ и помѣщены: дата „Жолтанцы, дня 3/7 (20/6) 1915“, и подпись „Григорій Наконечный“.

Приговоры военныхъ судовъ на таданцевъ и др.

(Изъ львовской польской газеты „Dziennik“).

Ц. к. Судъ I пѣх. бриг. общ. ополченія издалъ 29-го июня 1915 г. слѣдующій приговоръ:

Степанъ Федикъ, рожд. въ Ягелл. Городкѣ, 40 лѣтъ, грек.-кат. вѣроисповѣданія, женатъ, отецъ четверыхъ дѣтей, помощникъ каменщика, виновенъ въ преступленіи противъ военной мощи государства на основ. § 327 в. у. з., имѣвшимъ мѣсто въ декабрѣ 1914 г., а именно, въ томъ, что продалъ російскимъ войскамъ австрійскіе винтовочные патроны, которые собралъ добровольно, за сумму болѣе 70 рублей, чѣмъ совершилъ дѣйствіе въ пользу врага. Присуждается его на осн. §§ 328 и 125 в. у. з. къ восьми годамъ тяжелаго заключенія, обостренаго разъ въ мѣсяцъ постомъ, твердой кроватью въ дни поста и одиночнымъ заключеніемъ въ продолженіе перваго, пятаго и девятаго мѣсяца каждаго года.

Полевой судъ 31 пѣх. дивизіи издалъ слѣдующіе приговоры:

Феофанъ Гураля, 55 лѣтъ, православный, женатъ, отецъ 7 дѣтей, земледѣлецъ, рожд. въ с. Таданѣ, у. Каменка Стр., совершилъ преступленіе нарушенія общественнаго порядка противъ § 341 1. а) в. у. з., тѣмъ, что во время пребыванія росіянъ въ Таданѣ выразился на улицѣ при встрѣчѣ съ однимъ крестьяниномъ: „Твой цѣсарь больше не вернется, не имѣетъ овъ никакого значенія, императоръ Николай будетъ нашимъ царемъ“, а затѣмъ, при другомъ случаѣ, смотря на цѣсарскій портретъ въ присутствіи собравшагося большого количества людей, подтрунивалъ въ одной хатѣ надъ старостью Его Имп. Величества, сравнивалъ его съ крѣпкимъ царемъ Николаемъ и при томъ громко разсмѣялся.

Димитрій Мотыль, 53 лѣтъ, православный, отецъ 6 дѣтей, земледѣлецъ, рожд. въ с. Таданѣ, у. Каменка Стр., совершилъ преступленіе нарушенія общественнаго порядка противъ § 341 1. а) в. у. з., тѣмъ, что съ радостью распространялъ между крестьянами вѣсти о пораженіяхъ цѣс. кор. арміи, причемъ выразился, что росіянъ есть столько, что накроютъ австрійцевъ шапками, что хватить однихъ російскихъ обозовъ, чтобы взять Австрію.

Григорій Наконечный, 51 года, православный, земледѣлецъ, рожд. въ с. Таданѣ, у. Каменка Стр., совершилъ: а) преступленіе нарушенія общественнаго порядка противъ § 341 1 а) в. у. з., тѣмъ, что во время пребыванія росіянъ въ Галичинѣ уговаривалъ многихъ крестьянъ къ принятію православія, чтобы показать росіянамъ, что они настоящіе русскіе, а также къ приглашенію російскаго священника, ибо ста-

рый мѣстный священникъ—австріецъ; в) преступленіе противъ военной мощи государства по § 327 в. у. з., проявившееся въ томъ, что во время наѣзда росіянъ на Галичину въ началѣ войны, въ день точно неизвѣстный, повелъ добровольно росіянъ противъ нашихъ войскъ.

Иванъ Портухай, 56 лѣтъ, православный, женатъ, отецъ 1 ребенка, земледѣлецъ, рожд. въ с. Таданѣ, у. Каменка Стр., виновенъ въ преступленіи шпіонства, противъ § 321 в. у. з., заключающемся въ томъ, что, хотя онъ былъ эвакуированъ и поселенъ въ с. Дерновѣ, то все-таки 1 іюля с. г. былъ пойманъ на мѣстѣ преступленія, когда хотѣлъ перейти черезъ р. Бугъ, между с.с. Таданѣ и Спасъ, несмотря на указаніе, что тамъ находится непріятель, такъ что, очевидно, хотѣлъ отправиться къ росіянамъ и сообщить имъ о расположеніи артиллеріи въ Дерновѣ, а равно о нашихъ позиціяхъ надъ Бугомъ.

Въ виду этого полевой судъ присуждаетъ всѣхъ четверехъ къ смертной казни черезъ повѣшеніе. Приговоръ былъ исполненъ 3-го іюля 1915 года.

Федоръ Мартинюкъ, 65 лѣтъ, православный, рожд. въ Таданѣ, земледѣлецъ, женатъ, отецъ одного ребенка, виновенъ въ преступленіи нарушенія общественнаго порядка противъ § 341 д) в. у. з., а именно, въ томъ, что во время російской оккупации въ Вост. Галичинѣ, въ присутствіи значительнаго количества людей, изъявлялъ свою радость по поводу прихода „круглыхъ шапокъ“ (росіянъ), отчего „прошла уже его печаль“; дальше, при другомъ случаѣ, въ присутствіи многихъ же людей, выражалъ свою радость, что ему не нужно уже больше быть австрійцемъ;

наконецъ, что держалъ привѣтственную рѣчь къ входящимъ росіянамъ, причемъ специально указалъ на то, что мѣстное русское населеніе ждетъ росіянъ уже 600 лѣтъ.

Василій Гринько*), 59 лѣтъ, православный, отецъ 4 дѣтей, рожд. въ Таданѣ, земледѣлецъ, и жена его Екатерина Гринько, 49 лѣтъ, православная, рожд. въ Таданѣ, виновны въ томъ-же преступленіи, заключающемся въ томъ, что Василій наклонялъ крестьянъ къ переходу въ православіе, такъ какъ Австрія не вернется больше, что выразился въ присутствіи большого количества людей, что у Австріи нѣтъ уже орудій, что уговаривалъ крестьянъ къ изгнанію учителя-украинца и, наконецъ, подъ церковью выразился передъ собравшимися, какъ бунтовщикъ, о австрійскомъ правительствѣ. Екатерина же подсмѣивалась подъ церковью въ присутствіи собравшихся надъ австрійской арміей, рассказывая, что Россія уже побѣдила Австрію, что у австрійцевъ нѣтъ обуви и что они жрутъ копейки.

Иванъ Крудинскій, около 40 лѣтъ изъ м. Угнова, у. Русская Рава, греко-кат. сапожникъ, бездѣтный, вдовецъ, виновенъ въ преступленіи усиленнаго шпіонства, противъ §§ 15 и 321 в. у. з., заключающемся въ томъ, что пытался изслѣдовать въ Каменкѣ Стр. расположеніе нашихъ войскъ съ цѣлью увѣдомленія о семъ росіянъ, былъ, однако во время схваченъ и вслѣдствіе посторонней помѣхи не успѣлъ довести до конца своихъ замысловъ.

Анастасія Лашукевичъ, 52 лѣтъ, греко-кат., замужняя, мать 4 дѣтей, жена чернобачаго, рожд. въ Каменкѣ Стр., виновна въ преступленіи

*) Ошибка—вмѣсто: Гренка.

нарушения общественного порядка, по мысли § 341 а) в. у. з., заключающемся в том, что, при вступлении россиян в Каменку Стр., приветствовала их, как избавителей от австрийской неволи, а при другом случае, когда хотѣли на ея полѣ похоронить австрийского солдата, выразилась во всеуслышание, въ присутствіи многихъ людей, что на это не позволить, такъ какъ австрийцы воняютъ

Наконецъ, Дмитрий Лапчина, рожд. въ Каменкѣ Стр., греко-кат., же-

натъ, отецъ двухъ дѣтей, желѣзнодорожникъ, 32 лѣтъ, виновенъ въ преступленіи противъ мощи государства, по мысли § 327 в. у. з., такъ какъ онъ добровольно поступилъ къ россиянамъ на службу въ Каменкѣ Стр., въ качествѣ полицейскаго, разыскивалъ солдатъ, бѣжавшихъ изъ російскаго плѣна, и сообщалъ о нихъ россиянамъ, вслѣдствіе чего было схвачено и уведено около 20 солдатъ.

Полевой судъ присудилъ ихъ всѣхъ къ смертной казни черезъ повѣшение.

Коломыйскій уѣздъ.

Въ Коломынцѣ было арестовано около 20 русскихъ священниковъ. Между ними былъ арестованъ также свѣщ. Мих. Левицкій, 78-лѣтній настоятель прихода въ Вербѣжѣ, давнишній другъ д-ра Лудыкевича. Въ с. Мышинѣ были арестованы нѣсколько крестьянъ, въ томъ числѣ бывшій русскій депутатъ сейма Миронюкъ - Заячукъ. Въ Яблоновѣ, печенѣжинскаго у., былъ арестованъ мѣстный аптекаръ А. Н. Котлярчукъ, а въ Коссовѣ, въ числѣ другихъ, судья А. О. Гулла.

(„Дѣло“, 1914 г. № 190).

Г. К о л о м ы я. Въ концѣ, августа 1914 г., явившійся ко мнѣ на домъ, въ мое отсутствіе, жандармъ съ солдатомъ произвели тщательный обыскъ. Когда я вернулся со службы домой, непрощенные гости явились вторично и заявили мнѣ, что я арестованъ. Затѣмъ отвели меня въ тюрьму при окружномъ судѣ и отдали въ руки тюремному надзирателю Янчишину. Послѣ передачи денегъ, надзиратель помѣстилъ меня въ камеру, вмѣстѣ съ двумя священниками

и нѣсколькими крестьянами. Дважды въ день выпускали меня на полъ часа въ тюремный дворъ подышать свѣжимъ воздухомъ. Поневоѣ пришлось быть предметомъ насмѣшекъ со стороны взглядывавшихъ въ окошко преступниковъ, знавшихъ уже о томъ, что я, вчера еще судья, нынѣ уже ихъ товарищъ. Ежедневной наводилъ я справки въ управленіи тюрьмы, не поступило ли донесеніе жандармеріи относительно моего арестованія, но, къ сожалѣнію, такового я не дождался. Для меня было ясно, что мой арестъ, какъ и аресты другихъ русскихъ людей, является актомъ произвола и политической мести. Чувствуя, что мои права гражданина и судьи грубо попораны, я сталъ было требовать снятія съ меня дознанія судебнымъ слѣдователемъ и обращался даже къ предсѣдателю суда, но всѣ мои старанія оказались напрасными.

5 сентября 1914 г., утромъ, явился въ тюрьму военный патруль и повелъ насъ, 47 человекъ, на вокзалъ, причемъ намъ не было разрѣшено даже получить обратно сданныя на храненіе

деньги. Путь на вокзалъ мы прошли сквозь строй всевозможныхъ оскорбленій со стороны уличной черни. Тоже и на каждой станціи поѣздъ нашъ задерживался, а собиравшаяся толпа, по наущенію желѣзнодорожной прислуги, подвергала насъ новымъ издѣвательствамъ и брани. Такимъ образомъ прѣехали мы въ Мармарошъ - Сигетъ, гдѣ были отданы подъ опеку венгерскихъ жандармовъ. Здѣсь, въ большомъ помѣщеніи, построенные въ ряды, простояли мы „смирно“ нѣсколько часовъ, чуть не падая отъ усталости, однако, нельзя было и шевельнуться подъ угрозой разстрѣла.

Изъ Мармарошъ-Сигета переѣхали мы по желѣзной дорогѣ въ Шатмаръ-Немети, гдѣ повторилась та-же исторія со „смирнымъ“ стояніемъ, только уже на открытомъ воздухѣ, подъ перекрестными ругательствами мѣтнаго населенія. Затѣмъ перевели насъ пѣшкомъ въ полуразрушенную мельницу, отдаленную отъ города на четыре километра. Въ мельницѣ было отнято у каждаго изъ насъ все мало-мальски цѣнное, напр., у меня, за неимѣніемъ денегъ, было снято съ пальца обручальное кольцо... вмѣстѣ съ содранной кожей. Здѣсь размѣстили насъ свыше 500 человекъ обою пола. Воздухъ ужасный, множество насѣкомыхъ, никакой подстилки. Умываться водили насъ партіями на рѣку.

Послѣ четырехдневнаго пребыванія въ этой мельницѣ, насъ отправили въ Мискольчъ. Здѣсь посадили меня, въ числѣ другихъ, въ военную тюрьму. Правда, бросили на полъ немного соломы, однако, не было ни малѣйшей возможности прилечь — въ виду отсутствія мѣста: въ камерѣ, рассчитанной на 15 человекъ, находилось 60 чел.

заклоченныхъ. Обыкновенной нашей пищей былъ т. наз. бараній гуляшъ, вѣрнѣе сказать — кусокъ бараньего жиру въ теплой водѣ. Въ виду запрещенія пользоваться ножами и вилками, ѣли пальцами. Приходилось самому стирать бѣлье, подметать, чистить и поочередно выносить судно. Тюрьма сравняла всѣхъ...

Подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ нравственныхъ и физическихъ переживаній мое здоровье сильно ухудшилось. Это возымѣло нѣкоторое дѣйствіе и комендантъ поручилъ врачу заняться моимъ леченіемъ.

8 ноября 1914 г. допросилъ меня военный судья, а такъ какъ судъ не располагалъ никакими данными или уликами относительно моей виновности, то существенной частью допроса были лишь мои показанія о самомъ фактѣ моего ареста. Результатомъ этого допроса явилось мое освобожденіе, съ обязательствомъ доносить рапортомъ военному суду о своемъ мѣстопробываніи.

Такъ какъ мое постоянное мѣсто-жительство — Коломыя находилась въ то время во власти русскихъ, то, по распоряженію военныхъ властей, я уѣхалъ на жительство въ Вѣну. Здѣсь заявился я въ дирекцію полиціи, послѣ чего былъ вызванъ въ 4-й полицейскій участокъ для выслушанія и подписанія условій конфинировки. Не зная ничего о судьбѣ своей семьи, состоящей изъ матери, жены и двухъ малышей, я волей-неволей остался въ Вѣнѣ. Просьбы, съ которыми я обращался въ намѣстничество въ Бялой, о снятіи съ меня подозрѣнія или скорѣйшаго разслѣдованія моего дѣла, остались безъ послѣдствій. И только весной 1915 г., по отступленіи русскихъ войскъ изъ Коломыи, мое дѣло подвинулось впередъ. Дисципли-

нарное слѣдствіе показало всю неосновательность моего обвиненія и ареста, вслѣдствіе чего дальнѣйшее слѣдствіе было пріотсановлено рѣшеніемъ высшаго львовскаго суда. Тѣмъ не менѣе, я все-таки еще не былъ восстановленъ въ своихъ гражданскихъ и служебныхъ правахъ, такъ какъ числился въ спискѣ подвѣржаемыхъ и конфинированныхъ „руссофиловъ“.

Не будучи въ состояніи переносить дальше свое положеніе, я, послѣ извѣстнаго императорскаго распоряженія 1917 г. о пересмотрѣ дѣлъ конфинированныхъ, подалъ вновь прошеніе въ намѣстничество въ Бялой, прося отмѣнить конфинировку, а затѣмъ, въ іюнѣ 1917 г., подалъ такое-же прошеніе въ управленіе военнаго надзора въ Вѣнѣ, на что, по истеченіи двухъ мѣсяцевъ, получилъ изъ дирекціи полиціи въ Вѣнѣ лаконическій отвѣтъ, что „въ Вѣнѣ нѣтъ никакихъ конфинированныхъ“, а поэтому, значитъ, и мнѣ ничто не препятствуетъ возвратиться домой.

Промучившись, такимъ образомъ, полныхъ 3 года въ заключеніи и въ изгнаніи и совершенно потерявъ при этомъ здоровье и силы, я возвратился осенью 1917 г. къ себѣ въ Коломыю, гдѣ и соединился, наконецъ, съ моей, тоже крайне изстрадавшейся и измученной семьей.

(Авторъ этихъ строкъ, совѣтникъ суда О. А. Копыстанскій, скончался въ прошломъ 1923 г. въ Коломыѣ отъ разрыва сердца).

(†) *Георгій Копыстанскій*

С. Слободна Лѣсная. Павелъ Авксентьевичъ Глѣбовицкій, настоятель прихода Лѣсная Слободка, колом. уѣзда, былъ арестованъ 18-го августа 1914 г. Послѣ перевода въ уѣздную тюрьму въ

Коломыѣ, былъ обвиненъ въ государственной измѣнѣ, за мнимое подстрекательство крестьянъ противъ арміи во время проповѣдей и исповѣди. Ложныя данныя для обвинительнаго акта были представлены мѣстными „украинцами“; слѣдствіе и разбирательство производилось въ Мискольтѣ, но все-таки военнымъ судомъ о. Глѣбовицкій былъ оправданъ, а потомъ уже въ административномъ порядкѣ отправленъ въ Талергофъ, а затѣмъ въ Посеймъ в. Вейцъ въ Штиріи. Вернулся домой въ 1917 году и умеръ въ 1923 г. Сынъ его, Николай Павловичъ, бывшій депутатъ австр. парламента, умеръ тамъ-же въ 1918 г. отъ чахотки, нажитой въ австрійской тюрьмѣ.

С. Соповъ. 16 августа 1914 г. я былъ арестованъ жандармомъ и отправленъ въ тюрьму при уѣздномъ судѣ въ Коломыѣ. Вечеромъ, около 9 часовъ, явился въ тюрьму чиновникъ уѣзднаго староства и снялъ съ насъ допросъ. Всѣхъ заключенныхъ находилось около 20 человекъ. Около полуночи поучилъ насъ вахтмейстеръ жандармеріи, чтобы, въ виду предстоящаго слѣдованія во Львовъ, никто не пытался бѣжать, во избѣжаніе разстрѣла на мѣстѣ. На вокзалъ провожало насъ восемь жандармовъ. Въ безопасности почувствовали мы себя только въ вагонѣ, такъ какъ здѣсь мы были ограждены отъ побоевъ и нападеній. Во Львовѣ насъ размѣстили въ „бригидкахъ“, отнявъ предварительно часы и деньги. Тюремная охрана пользовалась нашимъ положеніемъ, ухитряясь эксплуатировать насъ на всѣ лады. Ежедневно извѣщалъ насъ ключникъ о результатѣ продолжающаго слѣдствія: „столько-то нынѣ допрошено, столько-то повѣшено“ Его лаконическіе бюллетени сначала наво-

дили на насъ животный страхъ, но затѣмъ мы уже привыкли къ его извѣстіямъ и не придавали имъ большого значенія. 27 августа предупредили насъ, что скоро выѣдемъ изъ Львова, а 28-го августа дѣйствительно мы простились съ „бригидками“ и выѣхали по направленію къ западу. Путешествіе черезъ Галичину было очень тяжелое. Мы не получали ни пищи, ни воды, и только въ Чехіи положеніе наше замѣтно улучшилось. 30 августа мы пріѣхали въ Терезинъ.

Свящ. Мих. Романовскій

Расправа въ Уторопахъ.

(Разсказъ кр. В. Р. Грицкока).

У меня была семья, домъ, свое хозяйство, на которомъ я трудился 52 года, а сегодня пришлось въ одной рубашкѣ, безъ родныхъ, бѣжать передъ разбойничьимъ набѣгомъ австрійскихъ солдатъ и мазепинцевъ изъ окрестныхъ деревень.

Когда къ нашей деревнѣ подошли русскія войска, австрійцы отступили въ горы и скрывались въ лѣсахъ за рѣкой Пистынскою. Съ русскими солдатами наладились у насъ скоро прекрасныя отношенія. Между тѣмъ, австрійскіе жандармы приходили съ горъ, переодеваясь въ крестьянское платье и пользуясь содѣйствіемъ евреевъ и мазепинцевъ, чтобы собирать свѣдѣнія обо всемъ, что касалось отношенія мѣстныхъ жителей къ русскимъ солдатамъ. Ежедневно ѣздили черезъ наше село верхомъ, какие-то люди въ м. Яблоновъ и Коломыю.

12 сентября 1914 г. зашли въ лавку Евстафія Лучки австрійскіе жандармы съ нѣсколькими мазепинцами и приказали подать себѣ закуску. Покупая, взяли въ лавкѣ керосину и подожгли по очереди дома сознатель-

нѣйшихъ русскихъ крестьянъ. Въ домѣ Ив. Стружука находилась только его старуха-мать, такъ какъ его самого раньше арестовали. Старуха, замѣтивъ приближающихся къ дому жандармовъ въ каскахъ, вышла на встрѣчу и умоляла пощадить ея домъ. Но ударъ по головѣ прикладомъ былъ отвѣтомъ на ея мольбы. Арестовавъ затѣмъ около 29 крестьянъ, жандармы ушли въ Коссовъ.

Въ воскресенье, 14 сентября, когда крестьяне выходили послѣ Богослуженія изъ церкви, жандармы вновь устроили охоту на нихъ и опять арестовали около 30 человекъ, такъ что въ деревнѣ остались однѣ женщины и дѣти.

Черезъ нѣкоторое время русскія войска отошли въ Коломыю. Это произошло въ четвергъ вечеромъ. Въ пятницу утромъ изъ лѣса вышло нѣсколько солдатскихъ и жандармскихъ австрійскихъ патрулей. Я сейчасъ одѣлся въ китартъ (верхняя одежда гуцуловъ) и побѣжалъ изъ села въ направленіи Коломыи.

На верху горы я услышалъ позади себя выстрѣлы и страшные крики. Оглянувшись и остолбенѣлъ. Австрійцы группами подходили къ крестьянскимъ избышкамъ и поджигали ихъ. Со стороны Пистыни видно было тоже облако дыма и зарево пожара и слышались выстрѣлы. Женщины съ дѣтьми съ отчаянными воплями бѣжали, а солдаты и жандармы гнали за ними и безпощадно разстрѣливали ихъ набѣгу.

Убѣгая въ ужасѣ отъ этой страшной картины, я только со слѣдующаго холма рѣшился посмотреть на родное село. Но кромѣ облаковъ дыма и зарева, покрывавшихъ все село, я не могъ ничего болѣе увидѣть. Идали

раздавались отдельные ружейные выстрелы.

Такъ я и побѣжалъ дальше и на-силу добрался пѣшкомъ во Львовъ.

(„Прок. Русь“, 1914 г. № 1454.)

Въ тюрьмѣ, въ арміи и на свободѣ.

(Разсказъ б. „ландштурмиста“.)

Пока я попалъ въ ряды арміи, успѣлъ побывать въ пяти тюрьмахъ въ Галичинѣ и Венгріи, былъ подѣ военнымъ судомъ, судился какъ „измѣнникъ“, и только послѣ погнажи меня на фронтъ.

Послѣ объявленія мобилизаціи, жандармы, а даже акцизные стражники арестовывали всѣхъ, кого подозрѣвали въ „руссофильствѣ“. Въ с. Городницѣ, славившемся своей „неблагонадежностью“, было арестовано 5 человѣкъ, въ томъ числѣ я и сынъ мѣстнаго священника, канд. адвокатуры И. В. Козоровскій. Всѣхъ „руссофиловъ“, въ томъ числѣ гусятинскаго бургомистра, еврея Кавалка (вскорѣ, впрочемъ, отпущеннаго на свободу) и уѣзднаго инженера-поляка, держали сначала въ гусятинскомъ арестномъ домѣ, а затѣмъ, подѣ конвоемъ акцизныхъ стражниковъ, отправили въ Коломыю. Коломыйская тюрьма была биткомъ набита русскими галичанами. Въ числѣ узниковъ были судья А. О. Гулла изъ Коссова, свящ. А. Гелитовичъ изъ Коссова, его сынъ, судья А. Гелитовичъ, свящ. Николай Семеновъ изъ Коломыи, свящ. М. Левицкій изъ Вербѣжа, б. членъ австрійскаго парламента д-ръ Н. П. Глѣбовицкій, его отецъ свящ. Павелъ Глѣбовицкій и др. Число арестантовъ все увеличивалось. Привезли страшно избитыхъ, изуродованныхъ — учителя изъ Хороеткова Кенса съ сломомъ Амвросіемъ, которыхъ

избила еврейско-мазепинская толпа, сначала въ Хоростковѣ, а затѣмъ въ Копычницахъ, когда ихъ везли изъ суда на вокзалъ, такъ какъ конвоировавшие ихъ жандармы приказали нарочно извозчику ѣхать медленно, чтобы толпа могла выместить на нихъ свою злобу, причемъ старикъ Кенсъ потерялъ даже сознание отъ побоевъ. Кстати сказать, оба Кенса были въ кандалахъ, такъ что не могли парировать наносимыхъ имъ ударовъ.

Въ Коломѣ держали насъ около мѣсяца, а когда русскія войска стали приближаться, насъ увезли въ Шатмаръ-Немети въ Венгрію, причемъ на всѣхъ станціяхъ насъ обкидывали камнями. Когда мы на вокзалѣ въ Шатмаръ-Немети вышли изъ вагоновъ, на насъ бросилась толпа съ кусками каменнаго угля. Были, какъ въѣрей, посыпалась отборная ругань. Особенно досталось священникамъ Левицкому (80 лѣтъ) изъ Вербѣжа и Семенову изъ Коломыи.

Мы были ошеломлены этой встрѣчей и особенно тѣмъ, что всѣ эти насильники, здѣсь, въ глубокой Венгріи, говорили по польски. Секретъ вскорѣ выяснился. Банда громилъ, около ста человѣкъ, были поляки, почти исключительно интеллигенты: чиновники, железнодорожники, учителя, бѣжавшіе передъ „москалями“ изъ Восточной Галичины. Для нихъ была устроена въ Шатмаръ колонія. Узнавъ заблаговременно о нашемъ прїѣздѣ, они собрались на вокзалъ, чтобы встрѣтить насъ должнымъ образомъ.

Въ Шатмарѣ держали насъ четверо сутокъ взаперти, съ совершенно темнымъ магазиномъ какой-то мельницы. Спали мы на сырой, голой землѣ. Затѣмъ насъ отправили въ Мискольчъ, въ военную тюрьму. Тамъ было уже

около 600 человѣкъ галичанъ, въ томъ числѣ до 200 человѣкъ интеллигентовъ; были тоже чехи (двое изъ нихъ — запасные офицеры) и нѣсколько словаковъ. Отношенія были довольно сносныя, благодаря чехамъ и словакамъ, смотрѣвшимъ за порядкомъ. Но все-таки случались тяжелыя, гнусныя сцены. Напр., тюремный унтеръ-офицеръ, вѣнскій еврей, приставалъ ко всѣмъ молодымъ крестьянкамъ, а особенно къ одной красивой гуцулкѣ. Гуцулка съ отвращеніемъ отклоняла его гнусныя предложенія, однако, еврей не унимался, а даже, случайно захвативъ ее наединѣ, изнасиловалъ ее.

Солдаты нѣмцы и мадьяры крали пищу, присваивали себѣ деньги узниковъ и т. п.

Всѣхъ узниковъ привлекли къ военному суду станиславовской дивизіи, пребывавшему въ то время въ Мискольчѣ. Конкретной вины не доказали никому. Все сводилось къ вопросу: „что

такое „руссофилы“ и „украинцы“ и почему первые не желаютъ называть себя „украинцами“? Военные судьи совершенно не понимали причинъ, которыя ставились въ вину узникамъ, но, не смотря на это было рѣшено задержать всѣхъ арестованныхъ въ тюрьмѣ до конца войны. Кромѣ того, двое крестьянъ были приговорены къ 10 годамъ тюремнаго заключенія, одинъ за отказъ дать солдатамъ подводу, другой же за разборку телѣги, когда солдаты хотѣли реквизировать ее для отступающихъ войскъ. Всѣ обязанные къ воинской повинности были „амнистированы“ и призваны на военную службу, а съ ними и я былъ отправленъ въ Кошицы, а оттуда въ Левочу, въ 95 п. полкъ. Въ Левочѣ была образована изъ арестованныхъ особая часть и отправлена на фронтъ въ Галичину, гдѣ я и попалъ къ русскимъ въ пѣхоту.

(„Прок. Русь“, 1914 г., №№ 1482—4.)

Львовскій уѣздъ.

Две мобилизаціи.

Находясь на положеніи пасынка, русскій народъ въ Австріи старался собственными силами поддерживать въ своей средѣ просвѣщеніе и развивать экономическую силу въ народныхъ массахъ. Лишенный собственной національной школы, принужденный воспитывать свою молодежь въ австрійско-польско-„украинскихъ“ школахъ, гдѣ ради политическихъ цѣлей извращались научныя истины, а цѣлыя страницы исторіи, въ частности — русской, представлялись въ ложномъ свѣтѣ, единственно съ тѣмъ преднамѣреніемъ, чтобы удерживать русскій народъ въ Галичинѣ, если ужъ

не въ полной темнотѣ, такъ по крайней мѣрѣ подальше отъ исторической правды, — онъ долженъ былъ, естественно, искать своей подлинной правды, своихъ собственныхъ культурно-национальных путей. Близость русскаго кордона, этнографическое и вѣроисповѣдное единство народа, живущаго по обѣ стороны б. австро-русской границы, а кромѣ того напряженная и стремительная жажда проложить себѣ удобный путь на востокъ, подсказывали австро-нѣмцу дѣйствовать именно такъ, а не иначе, то есть, душивать всякое проявленіе русскаго духа въ народѣ, съ одной стороны, а воспитывать себѣ приверженцевъ и

заодно ярыхъ враговъ русскаго міра въ нашей-же русской средѣ, съ другой. И, хотя часть мѣстнаго русскаго населенія и совратилась на ложный и предательскій путь, указанный австро-нѣмецкой агитаціей, то все-таки большинство, въ частности же—сѣрия народныхъ массы не послушались и не убоились тѣхъ злонамѣренныхъ наущеній, которыми австрійская администрація, жандармы и школа старались вызвать въ умахъ галицко-русскаго народа ненависть и преврѣніе къ главному его національному ядру, къ закордонному русскому народу. Эти массы сохранили идею національнаго и культурнаго единства и подъ этимъ угломъ шла у насъ въ Галичинѣ, за нѣсколько десятковъ лѣтъ до войны, вся народно-просвѣтительная работа.

Неразработанность природныхъ богатствъ края, скудость и безпомощность мѣстнаго сельскаго хозяйства, экономическое поработаніе и эксплуатация населенія, состоящаго почти исключительно изъ крестьянъ и весьма немногочисленной мірской и духовной средней интеллигенціи, заставляло нѣкоторыя болѣе энергичныя и вдумчивыя единицы обратить свое вниманіе на экономическое укрѣпленіе народа и работать для народа въ этомъ направленіи.

Слѣдовательно, вся наша общественная жизнь, не въ примѣръ другимъ народамъ, шла въ двухъ параллельныхъ направленіяхъ: созданія собственныхъ русскихъ буръ, являвшихся единственно возможнымъ въ данныхъ условіяхъ суррогатомъ русской школы, и всема медленнаго, но упорнаго распространенія среди народа кооперативныхъ началъ для товарообмѣна деревни съ городомъ. Работа, требовавшая упорнаго труда, исключав-

шая уже по своей природѣ всякаго рода политику, — однако-же стоявшая въ дни разразившейся въ 1914 г. міровой войны многихъ тысячъ жизней русскихъ галичанъ...

Какъ для австрійскихъ властей, такъ и для нашей культурной и общественной жизни, городъ Львовъ являлся центромъ, откуда исходила вся просвѣтительная и экономическая дѣятельность русской организаціи и распространялась по цѣлой Галичинѣ, путемъ ли печатнаго слова, или же путемъ устройства разнаго рода курсовъ, а также командировки въ уѣзды инструкторовъ для учрежденія на мѣстахъ читаленъ и кооперативовъ.

Поэтому неудивительно, что въ приспомятанный 1914 годъ львовскія тюрьмы скорѣе и больше всѣхъ наполнились нашими людьми.

Не бездѣйствовали наши передовые люди передъ войной, не покладая рукъ помогали они народу двигаться на высшую ступень культурнаго развитія, но одновременно не дремали и тѣ, кто считалъ насъ своими прагами, въ особенности же работали и старались втихомолку, прельщенные австрійцами, допрошенные наши „украинцы“. Заблаговременно составлялись списки — сначала видѣйшихъ русскихъ народныхъ дѣятелей, а затѣмъ ужъ и всѣхъ, кто только писалъ свою фамилію этимологиически или читалъ хотя-бы самую безобидную русскую газету или книжку.

Наступили дни военной мобилизаціи для защиты Австріи отъ внѣшняго врага — Россіи...

А вмѣстѣ съ военной мобилизаціей началась не менѣе грозная и повсемѣстная у насъ въ Галичинѣ тюремная мобилизація русскихъ людей, заподозрѣнныхъ не въ содѣянномъ преступленіи

а исключительно только въ томъ, что они могутъ въ будущемъ это преступленіе совершить. И въ изувѣрскомъ предвидѣніи этого, только предполагаемаго еще, могущаго въ будущемъ совершиться преступленія, полилась невинная кровь, заработали висѣлицы, наполнились тюрьмы до края. Ясно и откровенно сказано объ этомъ въ позднѣйшемъ манифестѣ императора Карла, которымъ онъ распорядился въ 1917 г. отпустить нашихъ узниковъ на свободу; „Zur Motivierung dieses Vorganges weist k. u. k. Regierung darauf hin, dass die zum Kriegsbeginn als Vorsichtsmaßnahme veranlasste Internierung von unverlässlichen eigenen Staatsangehörigen nur für kurze Zeit zur Hintanhaltung der Störung der Mobilisierung gedacht war.“ *)

И можно безъ преувеличенія сказать, что, если-бы австрійскія тюрьмы были попросторнѣе, да было бы ихъ побольше, тогда ревнители австрійской государственности были-бы заперли въ нихъ весь галицко-русскій народъ. Какъ доказательство, приводимъ текстъ одной изъ телеграммъ галицкаго намѣстника къ провинціальнымъ властямъ, извлеченный изъ архива б. намѣстничества, который въ русскомъ переводѣ гласитъ:

„Всѣхъ арестованныхъ политическихъ заподозрѣнныхъ, неблаговадежныхъ руссофиловъ и т. п., поскольку они еще не преданы военному суду, выслать немедленно въ львовскую тюрьму; арестовать всѣхъ, кто только

подозрителенъ.“ *)

И дѣйствительно арестовывалось все, поголовно, безъ разбора. Старики, женщины, дѣти, здоровые и больные, разумы и юродивые, люди съ положимъ и бездомные нищія,—а о результатахъ этого патріотическаго рвенія, столь тяжелымъ бременемъ сваливагося на насъ, свидѣтельствуетъ другая телеграмма того-же намѣстника на имя председателя краковской судебной палаты. Содержаніе ея слѣдующее: „Ланцутскій староста сообщаетъ, что у него не имѣется больше мѣста для политическихъ узниковъ; прошу поручить начальнику суда въ Ланцутѣ принимать арестантовъ въ тюрьму, даже въ томъ случаѣ, если бы она временно была переполнена, о принятыхъ же мѣрахъ немедленно мнѣ довести. Принимаются мѣры къ переводу этихъ арестантовъ въ Ряшевъ или въ другіе края.“ **)

Наравнѣ съ ланцутской тюрьмой были переполнены также и тюрьмы всѣхъ другихъ галицкихъ городовъ и мѣстечекъ. Невозможно перечестъ всѣхъ пострадавшихъ, такъ какъ одно собраніе матеріаловъ, въ виду ужасающихъ размѣровъ этихъ сшопныхъ арестовъ, продлилось бы на цѣлыя годы. А приведенныя здѣсь данныя являются лишь яркой и характерной частицей того отношенія и тѣхъ неразбирающихся въ

*) Подлин. по польски: „Wszystkich aresztowanych politycznie podejrzanych, niepewnych rusofilów i t p., o ile nie oddano ich już sądowi wojskowemu, odesłać zaraz do więzienia we Lwowie; aresztować, co tylko podejrzane.“

**) Подлин. по польски: „Starosta Łańcuta donosi, że nie ma gdzie pomieścić aresztantów politycznych; proszę polecić naczelnikowi sądu w Łańcutcie przyjmować aresztantów do aresztów sądowych, gdyby chwilkowo nawet było wielkie przepełnienie, i o zarządzeniu mnie zaraz donieść. Przeniesienie tych aresztantów do Rzeszowa albo do innych krajów w toku.“

*) „Въ объясненіе этой мѣры и к. правительствомъ указывается на то, что произведенная въ началѣ войны интернировка собственныхъ сомнительныхъ гражданъ была рассчитана только на непродолжительное время для предупрежденія попытокъ помѣшать мобилизаціи.“

средствахъ примѣовъ, которые примѣнялись Австріей къ галицію русскому народу, чтобы въ концѣ уничтожить его національное самосознаніе, имя и даже самое его бытіе...

Аресты и закрытіе русскихъ обществъ во Львовѣ.

„Многіе „москвофильскіе“ дѣтели заблаговременно убѣжали въ Россію, между прочимъ — Бендасюкъ, Дудкевичъ, Глушкевичъ. Бендасюкъ успѣлъ уже принять православіе въ Харьковѣ.

Во Львовѣ также производятся аресты „москвофиловъ“; между прочимъ арестованъ Пашкевичъ, директоръ „москвофильской“ львовской „Самопомощи“. „Прикарпатская Русь“ перестала выходить.

Произведены аресты среди „москвофиловъ“ также въ Городкѣ, Бобркѣ и другихъ городахъ. Аресту подверглись также польскіе „москвофилы“. Въ Краковѣ арестованъ польскій депутатъ Заморскій, извѣстный „москвофилъ“, а его газета „Polska Gazeta Ilustrowana“ закрыта“.

(„Діло“, 1914, № 17/18720.)

„Среди москвофиловъ во Львовѣ и на провинціи производятся дальнѣйшіе обыски и аресты. Въ Щирцѣ арестованы: о. Романовскій изъ Дмитря, о. Стебельскій изъ Горбачъ и ширецкій псаломщикъ Хоминъ. Во Львовѣ арестованъ д-ръ Гриневецкій, представитель официальнаго російскаго телеграфнаго агентства. Существованіе ивдательства „Прикарпатской Руси“ полиція прекратила, въ редакціи произвела тщательный обыскъ и арестовала нѣсколько лицъ изъ администраціи, а также редакціи газеты. Редакторъ „Прикарпатской Руси“ Лабенскій, вмѣстѣ съ Дуды-

кевичемъ, Глушкевичемъ и другими выдающимися „москвофилами“, бѣжали въ Россію“.

(„Діло“, 1914 г. № 172 (1 августа).

„Вчера, по приказу намѣстничества, прекращена дѣятельность „москвофильскихъ“ обществъ: „Народный Домъ“, „Общество им. Михаила Качковского“ и всѣхъ другихъ „москвофильскихъ“ обществъ. Для управленія имуществомъ этихъ обществъ назначены правительственные комиссары“.

(„Діло“, № 178 за 1914 г. отъ 5 августа).

„Въ очередномъ порядкѣ полиція пріостановила дѣятельность слѣдующихъ „москвофильскихъ“ обществъ во Львовѣ: „Русская Рада“, „Общество русскихъ дамъ“, „Свято-Владимірское Общество“, „Союзъ русскихъ дружинъ въ Австріи“, „Русская дружина во Львовѣ“, „Общество русскихъ женщинъ „Живнѣ“, „Кружокъ русскихъ студентовъ-политехниковъ“ и „Другъ“. Помѣщенія всѣхъ наванныхъ обществъ опечатаны“.

(„Діло“, 1914 г. № 174.)

Происшествія во Львовѣ.

(Сообщеніе А. И. Веретельника).

Въ день объявленія мобилизаціи появилось въ польскихъ газетахъ сообщеніе объ арестованіи депутата д-ра Д. А. Маркова, д-ра К. С. Черлунчакевича и Н. Ю. Несторовичъ. Тѣ же газеты сообщили, что деп. Марковъ будетъ преданъ военному суду за государственную измѣну.

Это первое извѣстіе о начавшихся арестахъ русскихъ людей въ Галичинѣ сразу же подняло задоръ руссофобской печати. Мазепинскія и польско-еврейскія газеты (особенно „Wiek Nowy“ и „Gazeta Wieszczona“) почувствовали, что

наступило время расправы съ той частью русскихъ галичанъ, которые, несмотря на всякаго рода преслѣдованія, остались вѣрными своей русской національности. Вся эта печать сразу подняла неистовый крикъ: „Всѣхъ „русофиловъ“ слѣдуетъ предать суду! Всѣхъ ихъ слѣдуетъ перевѣшать!“

Во Львовѣ сейчасъ на первыхъ порахъ были арестованы: З. П. Филиповскій, И. Плоцанскій и директ. „Самопомощи“ Ив. М. Пашкевичъ. Чтобы возбудить толпу противъ арестованныхъ, полиція сама распространяла слухи о томъ, что, напр., Пашкевичъ, б. австр. офицеръ, будто-бы былъ арестованъ въ моментъ, когда собирался сообщить русскому консулу австрійскій планъ мобилизаціи, и что за это его немедленно разстрѣляли. Даже женѣ его, пожелавшей повидаться съ мужемъ, комиссаръ заявилъ то-же самое.

На слѣдующій день, 1 авг., были арестованы оставшіеся въ городѣ сотрудники „Прикарпатской Руси“ К. Н. Пелехатый и д-ръ И. А. Гриневецкій, а также управляющій конторой К. Р. Клеберъ. Послѣ этого послѣдовали уже массовые аресты русскихъ во Львовѣ и на провинціи. Ежедневно приводились подъ конвоемъ партіи арестованныхъ; среди нихъ были интеллигенты, крестьяне, женщины и дѣти. Во Львовѣ, напр., былъ арестованъ, между прочими, 11-лѣтній ученикъ город. народ. училища Савка за... „русофильство“, равно какъ и 12-лѣтній гимназистъ Михальчукъ изъ Мервичъ. Въ ту же тюрьму привели дочерей снящ. Бачинскаго изъ Васючина, двѣнадцатилѣтнюю и 13-ти и 15-ти, а также ихъ 16-лѣтняго брата-гимназиста. Мальчика Савку держали сначала въ полиціи, гдѣ его избивали до крови, затѣмъ перевели въ

уголовную тюрьму, а оттуда вывели съ партіей арестованныхъ въ Терезіенштадтъ. Одновременно правительствомъ были закрыты всѣ русскія общества и учрежденія въ цѣлой Галичинѣ.

Положеніе русскихъ галичанъ стало новилось прямо невыносимымъ. Мѣстная польская и мазепинская печать съ восторгомъ и злорадствомъ сообщала все новыя извѣстія объ арестахъ и казняхъ, въ особенности крестьянъ. Мазепинскія газеты („Діло“ и „Руслан“) печатали цѣлые фельетоны о томъ, какъ вѣшали и разстрѣливали русскихъ въ провинціи (напр. въ с. Скоморохахъ, сокальск. у.) и во Львовѣ. Въ намѣстничество, въ полицію, а болѣе всего въ канцелярію военнаго коменданта все время сыпались доносы мазепинцевъ на русскихъ людей. И такой доносъ, что тотъ или другой является челоѣкомъ русскихъ убѣждений, довѣтъ, чтобы его, какъ измѣнника или шпіона, сейчасъ-же арестовали, а то и казнили даже.

Знакомый фельдфебель, придѣленный къ канцеляріи штаба командира корпуса, сообщилъ мнѣ, что мазепинцы прямо заваливаютъ канцелярію письменными доносами. Знакомый почтовый чиновникъ рассказывалъ, что черезъ его руки ежедневно проходили сотни открытыхъ мазепинскихъ писемъ, приблизительно слѣдующаго содержанія: „Считаю своимъ гражданскимъ долгомъ сообщить, что слѣдующія лица... являются рьяными руссофилами“.

Чтобы поощрить кровожадную толпу въ ея патріотическомъ рвеніи, правительство назначило даже доносчикамъ денежное вознагражденіе въ суммѣ 10 коронъ за каждаго „русофила“.

Изъ множества фактовъ приведу, напр., слѣдующіе: настоятеля прихода с. Стоянова, о. Сохацкаго, 80 лѣтъ,

которого вели въ тюрьму съ партіей крестьянъ съ вокзала Подзамче, толпа избивала до потери сознания. Мученика пришлось отправить въ тюремную больницу.

Я былъ тоже свидѣтелемъ слѣдующаго факта: съ главнаго вокзала вели партію арестованныхъ въ тюрьму „Бригидки“. На Городецкой ул., вонѣ казармъ Фердинанда, толпа убила камнями священника. Когда онъ упалъ подъ ударами палокъ и камней, конвойный солдатъ толкнулъ его еще разъ изъ всей силы прикладомъ. Солдаты сняли съ покойника кандалы, послѣ чего крестьяне, взявъ трупъ на руки, понесли съ собой въ тюрьму...

Утромъ 6 авг. арестовали и меня. Въ тюрьмѣ всѣ камеры были переполнены. Спать не было гдѣ, приходилось соблюдать очередь. Бѣть давали разъ въ сутки. Тюремные надзиратели и полицейскіе обращались съ нами безчеловѣчно.

Вмѣстѣ со мною сидѣли въ камерѣ: М. И. Гумецкій, Р. Ѳ. Глушкевичъ, К. М. Чижъ, священ. А. Билинкевичъ, К. Н. Пелехатый, священ. Скоробогатый и Н. К. Островскій.

Въ сосѣдней камерѣ находились: д-ръ И. Л. Гриневецкій, К. Р. Клеберъ, П. П. Гаталякъ, д-ръ Н. Е. Застырецъ, Р. И. Шкирманъ, Ю. Кисѣлевскій, М. И. Голинатый, Морозъ, П. Одинакъ и г-жи Матковская, Прислопекая и Площанская.

Характерный случай для тѣхъ отношеній, въ которыхъ приходилось жить русскимъ людямъ до занятія Львова русскими войсками, это арестъ банковскаго чиновника г. Островскаго. Онъ возвращался около 8 часовъ вечера домой. Какой-то человѣкъ, увидѣвъ его на улицѣ, обратился къ проходившему офицеру: „Прикажете арестовать этого

господина, онъ навѣрное російскій шпионъ; я слышалъ, какъ онъ у парикмахера говорилъ по русски“. И этихъ словъ проходившаго было достаточно, чтобы арестовать ни въ чемъ неповиннаго человѣка.

Отъ вновь поступившихъ арестантовъ мы узнали, что насъ отдадутъ подъ военный судъ, по обвиненію въ государственной измѣнѣ. Это казалось тѣмъ болѣе вѣроятнымъ, что такъ-же говорилъ намъ и комиссаръ полиціи, нѣкто Писарскій.

27 августа намъ было приказано приготовиться къ отъѣзду. Всѣ камеры были открыты и во дворъ вышло 140 человѣкъ. Пришлось простоять на холодѣ до 3 ч. ночи. Многіе были легко одѣты, но никому не было разрѣшено послать домой за одеждой. Полицейскій комиссаръ приказалъ становиться по четыре въ ряды, послѣ чего насъ начали по рядамъ заковывать вмѣстѣ въ кандалы.

Къ счастью, я потерялъ сознание, и меня оставили во дворѣ подъ стражей. Подъ вечеръ въ мою камеру привели еще священ. Зелскаго изъ Убинья и И. Рогозинскаго изъ Львова. Но мы уже не долго сидѣли. 3 сентября русскія войска заняли Львовъ и освободили насъ изъ заключенія

(„Прик. Русъ“, 1914, № 1426)

Изъ записокъ пом. д-ра Владиміра Ив. Антоневица.

Военная мобилизація захватила меня съ сыномъ - гимназистомъ на каникулахъ въ с. Буркутъ в. Жабья. Попевогъ пришлось прервать отдыхъ и спѣшить обратно домой во Львовъ.

Узнавъ здѣсь о производящихся многочисленныхъ арестахъ и зная придиричивость и неразборчивость австрій-

скихъ административныхъ властей, я думать было предпринять кое-какія мѣры предосторожности, но было уже поздно. 27 августа 1914 г. явились ко мнѣ на квартиру по ул. Скалки двое сыщиковъ, которые произвели у меня тщательный обыскъ, причемъ забрали нѣсколько безобидныхъ открытокъ отъ Ю. А. Яворскаго, В. Ѳ. Дудыкевича и С. Ю. Бендасюка, а равно нѣсколько фотографическихъ клише видовъ г. Львова, снятыхъ въ свое время моимъ сыномъ. Послѣ этого отвели меня и сына на полицію.

Послѣ составления краткаго протокола комиссаромъ Смуклой. заявившимъ, что имѣется телеграфное предложеніе жандармеріи изъ Жабья о нашемъ арестѣ, насъ препроводили въ тюрьму по ул. Баторія, причемъ меня по-

мѣстили въ камерѣ № 10, а сына отдѣльно во II этажѣ. Впрочемъ, сына черезъ 4 дня отпустили совсѣмъ на свободу.

Ночью съ 27-го на 28-е августа перевели меня пѣшкомъ, въ ручныхъ кандалахъ, въ одномъ нижнемъ бѣльѣ и туфляхъ, въ тюрьму „Бригидки“.

Полицейскій № 129, получившій повидимому отъ начальства соответственныя инструкціи, все время подгонялъ меня прикладомъ, приговаривая: „Хо-

рошъ полковой врачъ“. То-же происходило, когда вели насъ въ послѣдствіи изъ „Бригидокъ“ на вокзалъ. Полицейскіе (№ № 129, 130, 376) били, куда попало. Послѣ каждого „равняйся“ („szluszuj“) слѣдовалъ ударъ прикладомъ. И трудно было угодить наущеннымъ стражникамъ, такъ какъ впереди меня шелъ хромою старичокъ Рудко, спотыкавшійся на каждомъ шагѣ и мѣшавшій мнѣ идти равнымъ шагомъ съ другими.

Самый переѣздъ по Галичинѣ былъ очень тяжелый — даже для людей

съ желѣзными нервами. Только, когда нашъ эшелонъ переѣхалъ на чешскую землю, мы вздохнули легче. Жандармская брань: „zdrajcy“, „moskalofile“ и т. п., которою встрѣчали насъ на каждой станціи въ Галичинѣ, замѣнилась дружескимъ, сердечнымъ привѣ-

Эвакуація во Львовѣ.

томъ: „na zdar Russove“!..

(Д-ръ мед. В. И. Антоневицъ скончался отъ тифа въ 1916 г. въ Талергофѣ).

Знесеніе в. Львова. Въ Знесеніѣ арестовывалъ въ 1914 г. русскихъ людей мѣстный комендантъ жандармеріи, вахмистръ Беднарскій.

Первымъ былъ арестованъ мѣстный псаломщикъ Лука К. Старицкій, состоявшій уже нѣсколько дней на военной

службѣ. Старицкій служилъ во Львовѣ, а ночевать приходилъ домой. Ночью явились къ нему два жандарма и приказали слѣдовать въ часть, а оттуда подъ конвоемъ отправили его въ военную тюрьму, въ концѣ же августа вывели съ эшелонѣмъ въ Талергофъ.

Дальше были арестованы:

Оома Семенъ, б, председатель мѣстной читальни; его вывели въ Терезинъ, а затѣмъ въ Талергофъ и Грацъ, откуда уже, несмотря на преклонный возрастъ, отправили въ армію на фронтъ.

Учительница Марія В. Сѣкорская была вывезена въ Терезинъ, а послѣ отправлена въ Вѣну въ тюрьму.

Василій Наорлевичъ, не пожелавшій выдать свою дочь замужъ за жандарма, былъ арестованъ послѣднимъ, а затѣмъ высланъ въ Талергофъ.

Илья Вас. Петринецъ былъ вывезенъ въ Талергофъ; умеръ черезъ недѣлю послѣ возвращенія домой.

Мѣстный настоятель прихода о. Айоаль Билинкевичъ былъ арестованъ и вывезенъ въ Талергофъ вмѣстѣ съ 3-мя сыновьями, которые затѣмъ все были отправлены на фронтъ, причемъ одинъ изъ нихъ, преподаватель гимназій Северинъ Айоаловичъ, былъ контуженъ, оба же другіе, Владиміръ и Иосифъ Айоаловичи, были убиты.

Иванъ Тарновскій былъ посаженъ въ тюрьму во Львовѣ, откуда былъ освобожденъ русскими войсками.

Иванъ Котулинскій былъ арестованъ за родство съ П. Старицкимъ; изъ тюрьмы освобожденъ русскими войсками.

Григорій Котулинскій, товарищъ председателя мѣстной читальни, былъ арестованъ по доносу мѣстныхъ мазепинцевъ; освобожденъ русскими.

Иванъ Вацикъ, всаулъ мѣстной „Русской Дружины“, былъ арестованъ

въ полку, но въ 1916 г. призванъ обратно на военную службу.

Екатерина Старицкая, жена П. Старицкаго, была арестована послѣ отступления русскихъ, по доносу мазепинки Маріи Струкъ, что въ ея домѣ помѣщались русскіе солдаты, но затѣмъ была военнымъ судомъ оправдана.

Все перечисленные лица принимали живое участіе въ народно-просвѣтительной жизни с. Знесеня, а потому являлись союзу въ глазахъ враговъ рускаго народа, которые и воспользовались военнымъ произволомъ, чтобы обезвредить ихъ и упрятать подальше. И дѣйствительно, это имъ отчасти удалось. Домой вернулись не все...

С. Гонятичи. Австрійцы, поймавъ 7 человекъ крестьянъ, поставили ихъ въ рядъ подъ стѣною сарая, а затѣмъ бросились на нихъ со штыками. Убили при этомъ Василя Гринчишина, Юстина Карпинскаго, Филиппа Оприска, Григорія Кордюка (80 лѣтъ), Тимофея Дубинка и Казимира Карпинскаго (16 л.). Въ живыхъ остался случайно одинъ Степанъ Гринчишинъ, получившій 11 штыковыхъ ранъ.

С. Черкасы. Мадыры увели крестьянина Ивана Сидора, судьба котораго неизвѣстна.

С. Островъ. Австрійскій офицеръ убилъ крест. В. Зачковскаго по доносу, сдѣланному евреемъ Исаакомъ Ретигомъ, будто-бы онъ показавъ русскимъ войскамъ дорогу въ Николаевъ.

Въ м. Щирцѣ были убиты мѣщане Н. Мокрый и Н. Сивенькій.

Въ с. Грядѣ арестовано 8 крестьянъ.

Въ с. Дмитрѣ былъ убитъ крестьянинъ Н. Феджора. Изъ той-же деревни австрійскіе солдаты увели крестьянъ: Д. Феджору, В. Бобиляка, П. Жидика, Ф. Паренчука и священника Романовскаго.

Въ с. Панахъ былъ убитъ крестьянинъ А. Базиль, уведены мадырами И. Лазуркевичъ, М. Кривюха и И. Деда.

Экзекуція во Львовѣ.

Изъ с. Сердица были уведены: М. Деркачъ, Г. Курахъ (70 лѣтъ), М. Филюсъ, И. Гавришъ, М. Горлатъ, В. Кухарскій, И. Кухарскій (18 лѣтъ), Ф. Панчишинъ, Ф. Крупачъ, М. Гаврилокъ (60 лѣтъ), Н. Грехъ (14 лѣтъ), М. Бернатъ (60 лѣтъ) М. Киданъ И. Могуратъ и неизвѣстный крестьянинъ

изъ с. Песковъ. Всѣхъ предварительно избили до крови. Для характеристики отношеній слѣдуетъ замѣтить, что въ этой деревнѣ арестовывались австрійцами все, кто только посмѣлъ выйти изъ дому.

Въ с. Вербѣжѣ были арестованы: о. Ю. Гумецкій, д-ръ И. Ю. Гумецкій, В. Кмицикевичъ, О. Дьяковъ и О. Тхоровскій.

Въ с. Запытовѣ еще до начала войны были арестованы М. Химка и П. Козюба. 29 августа 1914 г. сюда явились передовые русскіе отряды, однако, уже на слѣдующій день ушли обратно. Сейчасъ появился въ деревнѣ австрійскій развѣздъ. По доносу мазепинца Хомяка, будто-бы крестьяне сами пригласили русскихъ въ деревню, австрійцы повѣсили 16 человекъ, въ томъ числѣ одну женщину. Крестьянина Цыгана вяли съ собой, мучили четыре дня, а когда подошли русскія войска, австрійцы убили.

(„Прив. Русъ“, 1914 г. № 1429).

Въ с. Новомъ Ярычевѣ еще до начала войны былъ арестованъ гимназистъ В. Сварычевскій. Въ с. Старомъ-Ярычевѣ австрійскія войска захватили съ собой при отступленіи: И. Когута, С. Ваврича, И. Тиса, М. Кулика, И. Ткача, М. Ткача, Т. Ярошика, Д. Ильчишина и О. Тараса. Въ томъ-же селѣ закололи Г. Масла.

Въ с. Цеперовѣ были арестованы Г. Павлишинъ и Ф. Сысакъ.

Въ с. Вел.-Подлѣскахъ былъ арестованъ свящ. О. Яворовскій и студ. Г. Головачъ.

Въ с. Руданцахъ былъ арестованъ крестьянинъ Н. Долганъ, во время же отступленія въ томъ-же селѣ былъ убитъ крест. М. Долганъ.

Въ с. Мал.-Подлѣскахъ были арестованы и уведены: Г. Мацехъ, С. Макогонъ, А. Ломага, Н. Ломага, Ф. Ломага, И. Оробецъ, М. Ткачъ и Анна Морозъ. Въ томъ-же селѣ были убиты: А. Маслюкъ, Д. Михайловъ, и Г. Сидорякъ.

Въ с. Жидатичахъ были арестованы крест. Т. Михалюкъ и студ. И. Михалюкъ.

Въ с. Малаховѣ были арестованы четверо крестьянъ.

Въ с. Стронятынѣ были уведены: А. Пришлякъ, Л. Палюкъ и С. Ястрембскій.

Въ с. Ситѣховѣ было арестовано шесть крестьянъ.

Въ с. Пикуловичахъ бѣжавшіе, послѣ сраженія у Краснаго, австрійцы захватили крестьянъ: В. Харькова, Н. Бачинскаго, В. Фридвала, Ф. Барабапа, А. Мартинкова, В. Ковали, Н. Ковали, К. Легкаго, М. Скобанскаго, И. Дачкевича, А. Ковали и Н. Пещура. Арестованныхъ били прикладами и саблями. Въ томъ-же селѣ солдаты, арестовавъ крестьянина И. Тарашука, повели его въ сосѣднее село Прусы и тамъ, въ присутствіи нѣсколькихъ крестьянъ, обрѣзали ему губы и пальцы у рукъ и ногъ и, наконецъ, издѣваясь надъ полумертвымъ уже отъ страшныхъ мученій человекомъ, положили ему на грудь доску и задавили несчастнаго на смерть.

Въ с. Борщевичахъ были арестованы и вывезены 16 крестьянъ, въ томъ числѣ 85-лѣтній Г. Мурмило. Въ томъ-же селѣ были убиты А. Гминковский и С. Тѣшинскій.

Въ с. Прусахъ былъ арестованъ 16-лѣтній И. Бобра.

Въ с. Грибовичахъ до начала войны были арестованы и вывезе-

ны, на основаніи доноса мазепинца войта И. Децука, священникъ о. І. Билин-кевичъ и 30 крестьянъ.

Въ с. Брюховичахъ жандармы арестовали крестьянина И. Брыкайла вслѣдствіе доноса одного мѣстнаго поляка. Несчастнаго повели на мѣстное кладбище, вырыли яму и, поставивъ жертву надъ свѣжей могилой, приказали солдатамъ его разстрѣлять. Послѣ перваго залпа несчастный упалъ, но остался живъ. Когда-же, несмотря на приказъ, солдаты отказались стрѣлять вторично въ истекавшаго кровью крестьянина, жандармъ самъ прикончилъ лежавшаго.

Прибѣжавшей за своимъ мужемъ женѣ пришлось быть свидѣтельницей этой страшной расправы.

(„Прик. Русь“, 1914 г. 1487).

С. Толщевъ. Въ нашемъ селѣ были арестованы въ первую очередь члены читальни Об-ва им. Мих. Качковскаго, а именно: 1) предсѣдатель Яковъ Крукъ (былъ сосланъ въ Оломотцъ, а въ 1915 г. переведенъ въ Талергофъ), 2) Григорій Лещакъ, 3) псаломщикъ Герасимъ Керодъ, 4) Василий Керодъ, 5) Федоръ Савка, 6) Игнатій Худыпъ, 7) Іосифъ Керодъ, 8) Иванъ Илечко (оба были сосланы въ Талергофъ, гдѣ и скончались отъ тифа), 9) Иванъ Керодъ, 10) Димитрій Курса, 11) Григорій Жуховичъ, 12) Филиппъ Горакъ, 13) Меланія Жуховичъ, 14) Анна Керодъ и 15) Франка Лещакъ. Нѣкоторые изъ нихъ были опредѣлены въ альпійскіе полки (т. наз. Steyerregimente) на военную службу и, съ бѣлыми повязками на рукавѣ (что означало, что они политически ненадежны) отправлены на итальянскій фронтъ.

Четырехъ арестованныхъ, а именно: Ив. Керода, Дим. Курсу, Гр. Жуховича и Ф. Горакъ держали австрійцы

цѣлый день въ кандалахъ подъ корчмой, всячески издѣваясь надъ ними, причемъ бросали жребій, что съ ними сдѣлать — убить или-же увести? Но, когда австрійскій обозъ, къ которому были прикомандированы арестованные, выѣхалъ за село, появился вдругъ русскій разъѣздъ, въ виду чего австрійцы разбѣжались, а четыре означенныхъ арестанта, которые были скованы вмѣстѣ, остались одни, послѣ чего прибѣжавшіе изъ деревни люди, распиливъ цѣпи, освободили ихъ.

Григорій Лещакъ

филь Мих. Яцкевичъ, построивъ въ селѣ „украинскую“ читальню „Просвіты“. Такимъ образомъ, въ Раковцѣ существовали, кромѣ русской читальни им. М. Качковскаго и „Русской Дружины“, также мазепинская и польская читальни. Поляковъ и „украинцевъ“, а собственно говори — покойнаго священника, весьма раздражало, что русская читальня развивается лучше остальныхъ, благодаря стараніямъ нѣкоторыхъ виднѣйшихъ крестьянъ и народнаго учителя въ отставкѣ М. Ф. Квасника, и

Экзекуція во Львовѣ.

С. Раковецъ. С. Раковецъ — село русское съ дѣда-прадѣда. Живетъ здѣсь немного римо-католиковъ изъ мѣстнаго же населенія, а потому считающихъ русскій языкъ своимъ роднымъ языкомъ, такъ что польско-католическіе священники разъединили ихъ, въ виду различія вѣроисповѣданія, на поляковъ и русскихъ. Самихъ-же русскихъ разъединилъ пок. священникъ, украинно-

что часто устраиваемые ею спектакли и концерты привлекали въ читальню деревенскую молодежь и стариковъ.

Пришелъ 1914 годъ. Польскій ксендзъ Янъ Домбровский сдѣлалъ дѣло на учителя М. Ф. Квасника, крест Петра Орыска и предсѣдателя русской читальни Ивана Зауляка. Явились жандармы, въ числѣ 11 человекъ, для производства обыска, послѣ чего всѣхъ

троихъ забрали во Львовъ, а затѣмъ выслали въ Терезинъ и Талергофъ.

2 сентября вывели пьяные жандармы также молодого, интеллигентнаго крестьянина Василя Палтя изъ дому и тутъ-же на выгонѣ разстрѣляли.

Первыя жертвы.

(Изъ разсказа очевидца).

Лицо, призванное по долгу своего звания напутствовать приговоренныхъ къ смертной казни и присутствовать при исполненіи приговора, рассказываетъ слѣдующее:

Все, что пишутъ русскія газеты о неслыханныхъ звѣрствахъ австрійцевъ и мадяръ на нашей несчастной родинѣ, блѣднѣетъ передъ тѣми ужасами, свидѣтелемъ которыхъ пришлось быть мнѣ въ силу моего званія. Сообщаютъ о томъ, какъ дикія орды солдатъ жгли деревни, насиловали, грабили и убивали безъ суда десятки людей въ припадкѣ озлобленія; все это, конечно, отвратительно и ужасно, но во сто разъ безчеловѣчнѣе то, что творилось австрійскими властями по приговору суда — легально... Я говорю о приговорахъ военно-полевыхъ судовъ въ началѣ войны на крестьянъ и интеллигентовъ, заподозрѣнныхъ въ государственной измѣнѣ.

Вотъ напр., первый подобный приговоръ, расклеенный по городу и напечатанный во всѣхъ львовскихъ польскихъ и мазепискихъ газетахъ:

„Ц и к. военный комендантъ гор. Львова объявляетъ: Фабричный истопникъ Иванъ Хѣль, поденный рабочий Семень Хѣль, оба изъ с. Поникувецъ, бродскаго уѣзда лѣсной сторожъ Семень Шпорлюкъ изъ с. Вел. Фольварковъ, бродскаго уѣзда, и Антонъ Супликевичъ изъ с. Скоморохъ, сокальского уѣзда,

за то, что сообщали разныя свѣдѣнія русскимъ войскамъ, а кромѣ того Семень Хѣль за то, что ввѣтъ нарочно въ заблужденіе австрійскій кавалерійскій разъѣздъ, такъ что этотъ разъѣздъ попалъ въ засаду, — значитъ, всѣ вмѣстѣ за совершеніе преступленія противъ военной мощи государства, приговорены на основаніи § 327 военно-уголовнаго закона военно-полевымъ дивизионнымъ судомъ ландверы во Львовѣ къ смертной казни черезъ повѣшеніе. Приговоръ приведенъ въ исполненіе 24 августа с. г. (1914 г.) во Львовѣ. 16-лѣтній Николай Шпорлюкъ приговоренъ за то-же самое преступленіе къ 10-лѣтнему тюремному заключенію“.

Это первый приговоръ и первый жертвы. Слѣдующаго дня, 25 августа, были повѣшены на основаніи приговора военнаго суда: 1) Валентій Кашуба, 21 года, крестьянинъ изъ Лешнеза, бродскаго уѣзда; 2) Александръ Батовскій, 56 лѣтъ, крестьянинъ изъ бродскаго уѣзда; и 3) Василій Пержукъ, 48 лѣтъ, крестьянинъ изъ Лешнева. Приговоръ былъ исполненъ во дворѣ тюремнаго зданія по Казиміровской ул. Палачемъ былъ солдатъ. Во время казни собралась вокругъ тюрьмы огромная толпа, желавшая полюбоваться видомъ казни „измѣнниковъ“, но во дворѣ тюрьмы были допущены только официальные лица и представители печати.

Нѣсколько дней спустя (29 авг.) были повѣшены крестьяне: А. Мановскій, 23 лѣтъ, изъ с. Дубровецъ, яворовскаго уѣзда, Шупинскій, 60 лѣтъ, изъ с. Фуйна, жолковскаго уѣзда, Петръ Ковидій, 21 г., изъ с. Крехова, жолковск. у., и Андрей Пужакъ, 57 лѣтъ, изъ с. Мокротина, жолковскаго уѣзда. Первые три повѣшены за то, что встрѣчали русскія войска, угощали солдатъ

и указывали имъ дорогу; послѣдній, важиточный и весьма интеллигентный крестьянинъ, за то, что выразился неслестно объ австрійскомъ императорѣ, считая его виновникомъ войны. Умирали всѣ, какъ подобаетъ героямъ-мученикамъ, безъ плача и проклятій, со словами молитвы на устахъ. А Андрей Пужакъ, стоя на ступенькахъ висѣлицы, крикнулъ: „Да здравствуетъ Великая, Недѣлимая Русь“!

Экзекуція во Львовѣ.

Но самыя кошмарныя картины пришлось мнѣ наблюдать въ военной гарнизонной тюрьмѣ, гдѣ разыгрались такія потрясающія сцены, которыя гонять сонъ съ вѣкъ, мутятъ разсудокъ, которыхъ я никогда не забуду...

Къ смертной казни были приговорены два униатскихъ священника и 27

крестьянъ. Приговоръ былъ вынесенъ на основаніи показанія одного свидѣтеля, мазеписца интеллигента, донесшаго, что эти священники и крестьяне встрѣчали съ хлѣбомъ-солью русскіе передовые отряды, угощали русскихъ солдатъ и сообщали имъ свѣдѣнія относительно расположенія австрійскихъ войскъ. Никакихъ другихъ уликъ и доказательствъ не было.

Несчастные, чувствуя себя совершенно невинными, даже выслушавъ приговоръ, считали его простой угрозою: приговорили, чтобы напугать насъ и людей въ окрестности, поддержать мѣсяцъ-два, пока не кончится война, а тамъ и домой отпустить... Не вѣрили даже тогда, когда въ камеру вошелъ священникъ и заявилъ, что пришелъ исповѣдывать ихъ передъ смертью.

Однако, пришлось повѣрить. Казнь должна была состояться во дворѣ тюремнаго зданія. Но палача не было, не успѣлъ пріѣхать во время. Власти рѣшили обойтись безъ него, не желая ждать его пріѣзда, тѣмъ болѣе, что напелся палачъ-доброволецъ, фельдфебель-нѣмецъ, который согласился привести приговоръ въ исполненіе.

О подробностяхъ казни не стану говорить. Скажу только, что вѣшали группами, по нѣскольку человѣкъ. Вывели во дворъ первую партію, четырехъ крестьянъ. Палачъ-доброволецъ истязалъ каждаго по 10 — 12 минутъ, а перваго даже 15 минутъ, да и то долженъ былъ прикончить его руками.

Вывели вторую партію, троихъ крестьянъ. Съ ними произошла та-же самая исторія. Повѣсивъ послѣдняго изъ этой второй группы, палачъ съ само-

довольной улыбкой обратился къ присутствовавшему при казни военному начальству: „Ну вотъ, съ седьмымъ уже пошло легче, а четырнадцатаго вздерну уже по всѣмъ правиламъ искусства („werde ich schon ganz perfect aufgehängt“).

Но остальныхъ вѣшалъ уже не онъ, а другой. Дѣло въ томъ, что власти рѣшили остальныхъ 20 крестыиъ казнить въ родной ихъ деревнѣ для острастки всему населенію въ окрестности. Что касается двухъ приговоренныхъ священниковъ, то участь ихъ мнѣ неизвестна.

(„Прив. Русь“, 1914 г. № 1489)

Послѣдніе эшелоны.

Въ понедѣльникъ, 18 авг. 1914 г., за два дня до взятія русскими войсками Львова, былъ вывезенъ отсюда послѣдній транспортъ арестованныхъ русскихъ галичанъ, насчитывавшій свыше 700 человекъ. По пути изъ тюрьмы на вокзалъ уличная толпа все время звѣрски издѣвалась надъ ними и избивала ихъ, чѣмъ попало. Священника лѣтъ 70 — 80, который вслѣдствіе побоевъ не былъ въ состояніи идти дальше и упалъ на улицѣ, солдаты тутъ-же прикололи птыкомъ и, прикрывъ соломой, оставили на улицѣ. Отношеніе къ арестованнымъ властей, солдатъ и толпы, изъ мѣстнаго инородческаго населенія, было до того звѣрскимъ, что даже одна мѣстная польская газета („Słowo Polskie“) не вытерпѣла и обратила вниманіе правительственныхъ круговъ на недопустимость подобныхъ жестокостей надъ неповинными людьми. Но защищать этихъ мучениковъ не посмѣлъ никто. Тѣ, кто могъ и обязанъ былъ

это сдѣлать, а именно свѣтскія и духовныя власти (хотя бы униатскіе іерархи во главѣ съ гр. Шептицкимъ), не только не принимали никакихъ мѣръ, но, наоборотъ, пользуясь видимой возможностью полнаго искорененія всѣхъ со знательныхъ поборниковъ идеи единства русскаго народа, напускали и наускивали на нихъ жандармовъ. Изъ частныхъ лицъ этого сдѣлать никто не посмѣлъ, хотя-бы потому, что за одно слово сочувствія ждали тоже всякаго тюрьма и мука.

Намъ извѣстенъ, напр., слѣдующій фактъ. Жена запаснаго австрійскаго офицера г-жа Плоцанская, видя на улицѣ неслыханныя издѣвательства надъ узниками, сказала: „Какъ можно такъ издѣваться надъ беззащитными людьми, которые еще не судились; это же не преступники, а люди, вина которыхъ еще не доказана“. За эти слова ее сей часъ-же арестовали, посадили вмѣстѣ съ двумя маленькими дѣтьми въ тюрьму, а затѣмъ вывезли куда-то, оставивъ дѣтей на попеченіе чужой женщины. А мужъ г-жи Плоцанской находился въ то время на фронтѣ...

28 августа, когда русская армія уже приближалась къ Львову, намѣстничество приказало всѣмъ уѣзднымъ начальникамъ выслать немедленно оставшихся еще въ мѣстныхъ тюрьмахъ узниковъ прямо въ Краковъ. Приказъ этотъ гласилъ:

„Согласно приложенному списку, отправить немедленно задержанныхъ политическихъ руссофиловъ подъ стражей въ Краковъ съ именнымъ спискомъ. О выѣздѣ сообщить по телеграфу краковской полиціи. Именной списокъ и время отправленія предложить въ намѣстничество. Въ случаѣ если окажется нужнымъ конвой, затребовать по теле-

графу изъ управления военнаго округа въ Перемышль“.

Эта телеграмма была разослана начальникамъ разныхъ уѣздовъ. Она относится къ послѣднему транспорту нашихъ узниковъ, въ которомъ изъ одного Львова было вывезено свыше 700 человекъ. Только немногіе счастливы, которыхъ почему-либо не успѣли вывезти, были освобождены русскими войсками. Напр., въ Самборѣ были такимъ образомъ освобождены около 400 чел., преимущественно крестьянъ, во Львовѣ около 170 человекъ.

(„Приварп. Русь“, 1914 г. № 1425)

Я былъ арестованъ львовской полиціей въ 7 ч. утра 9 августа 1914 г. съ своей квартирѣ на Подвалы № 7. Во время обыска, имѣвшаго характеръ настоящаго погрома, чины полиціи разбили всѣ замки отъ шкафовъ и сундуковъ и перерыли каждый листъ бумаги въ поискахъ за доказательствомъ моею мнимо-преступной, антигосударственной работы. Отдѣливъ всѣ русскія книги и частную корреспонденцію, взяли ее вмѣстѣ со мною въ полицейское управленіе, не разрѣшивъ привести въ порядокъ переругую квартиру и закрыть окна. На полиціи ждалъ я допроса до 2-хъ ч. дня, когда комиссаръ, указавъ мнѣ на найденныя среди моей корреспонденціи письма В. Ө. Дудыкевича и Р. Ю. Алексевича, а также нѣсколько частныхъ писемъ изъ Россіи, объявилъ мнѣ, что я арестованъ, какъ опасный для государства преступникъ. Затѣмъ

*) Въ подлиннѣ:

„Stosownie do przedłożonego wykazu, odstawić natychmiast politycznych detentów russofilów pod strażą do Krakowa z imiennym wykazem. O wyjeździe zawinąć telegraficznie policję krakowską. Imienny wykaz i czas odjazdu przedłożyć Prezydjum Namiestnictwa. Gdy potrzeba eskorty, zarządać jej telegraficznie z Miłitar - Kommando Przenysł. — Prezydjum Namiestnictwa“.

меня отвели въ тюрьму по ул. Яховича и опредѣлили въ камеру № 8, гдѣ уже сидѣли знакомые гг. Полѣпукъ изъ Бродовъ и Морозъ. Ночь пришлось просидѣть на скамейкѣ, а утромъ по бо-лѣзни перевели меня въ камеру № 7, гдѣ сидѣли гг. Клеберъ, д-ръ Грин-

Заключеніи во Львовѣ.

вецкій, Хойнацкій, Липецкій и др. свящ. І. Билинкевичъ. На трехъ койкахъ спало семь человекъ. За исключеніемъ украинифила Титлы, попавшаго въ нашу компанію, очевидно, по недоразумѣнію, всѣ остальные были свои русскіе люди.

Печальныя вѣсти о разстрѣлахъ и новыхъ арестахъ, доходившія къ намъ извнѣ не предвѣщали намъ

ничего хорошего, а мысли о семье, находившейся во время моего ареста въ деревнѣ на капикулахъ, не давали мнѣ покоя. Ночью былъ слышенъ шумъ проходящихъ по улицѣ войскъ и далекий орудіиный гулъ. Повидимому, русская армія продвигалась къ Львову. Мы боялись, что австрійцы, за невозможностью перевезти насъ дальше, поголовно насъ перевѣшаютъ. Однако, Богъ миловалъ. 23 августа, повдно ночью, тюремная администрація велѣла намъ насѣхъ собраться во дворѣ. До 4 часовъ утра шла провѣрка узниковъ, а затѣмъ, въ сопровожденіи многочисленнаго конвоя и, несмотря на раннее время, при неистовыхъ крикахъ и ругательствахъ толпы, отправили насъ на вокзалъ. Тяжелѣ всего былъ переходъ черезъ вестибюль, туннель и лѣстницу на перронъ. Не одинъ потерялъ зубы или вышелъ къ готовому уже поѣзду съ разбитой головой. Я получилъ нѣсколько ударовъ прикладомъ въ бокъ и нѣсколько пощечинъ. Ъхали мы по 50 человекъ въ вагонъ, не считая конвоя. Сравнительно хорошо ѣхалось тѣмъ изъ насъ, кто размѣстился на полу подъ скамейками. Они были защищены отъ камней и палокъ, бросаемыхъ въ вагонъ черезъ окна. Безъ воды и пищи доѣхали мы на четвертые сутки до чешской границы, гдѣ сострадательные чехи впервые насъ накормили и напоили. Затѣмъ насъ отправили въ Терезинъ.

Юл. Ник. Кистлевскій.

Какъ еврей попалъ въ „руссофилы“?

Всѣмъ памятенъ 1914-й годъ, но, кажется, больше всѣхъ помнятъ его русскіе галичане! Всякому стоятъ еще въ живой памяти гоненія и ужасы, разыгравшіеся въ нашей странѣ. Вездѣ —

въ походахъ и лагеряхъ, на улицѣ и въ вагонахъ, падалъ русскій человекъ отъ ударовъ штыковъ, палокъ и камней солдатъ и уличной толпы. Овѣрѣвшая орава съ радостью смотрѣла на кровавое зрѣлище, рукоплескала съ оконъ и балконовъ, или же сама принимала участіе въ этихъ дикихъ, кровавыхъ оргіяхъ. Убивали безнаказанно, безъ суда; за убійства, запрещенныя Божьимъ и человѣческимъ закономъ, получались награды и похвалы.

Тутъ я хочу разсказать одинъ трагико-комическій инцидентъ, разыгравшійся на этомъ мрачномъ фонѣ 31 августа приспомятнаго 1914 года.

Стояла хорошая погода. Около 10 часовъ утра двинулись мы эшелонномъ изъ тюрьмы „Бригидки“ вверхъ по Казиміровской улицѣ въ направленіи главнаго вокзала. Тамъ предполагалось погрузить насъ въ вагоны и увезти насъ на западъ, изъ страха передъ русскими войсками, которые стояли уже у воротъ Львова.

Эшелонъ былъ окруженъ густымъ кордономъ пѣшей и конной полиціи, а мы въ серединѣ двигались четверками до того сбитыми рядами, что черезъ ваши головы могъ полицейскій передать полицейскому по другой сторонѣ папирокъ.

Солнце пекло немилосердно. Отъ жажды и волненія мы находились въ лихорадочномъ состояніи; во рту выскло, трудно было дышать.

Вдругъ какой-то еврей съ желѣзной палкой пробирался сквозь густые ряды конвоя и хотѣлъ ударить по головамъ кого-нибудь изъ арестованныхъ, чтобы показать и удовлетворить свой австрійскій „патріотизмъ“.

Не знаю, что за человекъ былъ тотъ полицейскій, мимо котораго

какъ-разъ, съ занесенной на насъ палкой, протискивался юркій еврейчикъ, — русскій-ли онъ былъ тоже и возмущился за насъ, или же просто хотѣлось ему посмѣяться надъ евреемъ, — только онъ, въ то время, когда еврей между конвойныхъ протянулъ руку, чтобы нанести ударъ, схватили его за шиворотъ и толкнули въ середину.

Еврей сразу опѣшилъ, не сознавая своего положенія. Подумавъ, что это шутка, сталъ бросаться на всѣ стороны, угрожать намъ кулакомъ, а наконецъ глупо улыбаться. Мы также предполагали, что конвойный помогъ ему подойти ближе, чтобы ударъ былъ вѣрнѣе, а потому отпустили его на свободу.

Тѣмъ временемъ еврейчикъ все-таки спохватился и началъ силой пробиваться изъ рѣпихъ рядовъ, а когда это не помогало, сталъ просить полицейскаго выпустить его изъ нашей среды, причемъ даже слезы у него выступили на глазахъ, а лицо отъ испуга все посѣрѣло.

Но не отпустили уже полицейскіе еврея. Одни просто не замѣтили этого происшествія, другіе были рады комическому случаю, а мы шагомъ обреченныхъ подвигались впередъ, сосредоточивъ все свое вниманіе не такъ на глупомъ еврей, какъ на грозной, разъяренной толпѣ вокругъ, которая не знала, какой бы избрать для насъ родъ смерти, и все совѣтовала конвойнымъ то разстрѣлять насъ, то повѣсить, то живо погребать.

На вокзалѣ посадили насъ въ товарные вагоны, загрязненные лошадинымъ пометомъ.

Еврея также втолкнули въ вагонъ,

какъ участника транспорта. Онъ сначала все еще утѣшалъ себя, что это одно недоразумѣніе и что съ нимъ ничего плохого не произойдетъ, то вдругъ бросился на насъ, какъ бѣшеный, ругая проклятыхъ „москвофиловъ“, какъ причину своей бѣды. А когда смѣнилась стража, тутъ уже никто не обращалъ вниманія на еврея. Прикладъ винтовки одинаково хорошо работалъ на нашей и на еврейской спинѣ.

Такъ мы съ нимъ вмѣстѣ и прѣѣхали въ талергофскій адъ. А когда черезъ нѣкоторое время въ нашей средѣ вспыхнула эпидемія тифа, заболѣлъ имъ и нашъ еврей и вскорѣ почилъ вѣч-

Эвакуція во Львовѣ.

нымъ сномъ въ русской братской могилѣ „подъ соснами“. Гр. Лещакъ.

Мостисскій уѣздъ.

С. Хоросница. Въ с. Хоросницѣ до войны была просвѣтительная работа ключемъ. Въ мѣстной читальнѣ имѣлась хорошая библиотечка, большей частью экономического содержания, а О-во им. Мих. Качковского имѣло здѣсь опытное поле съ посѣвами улучшеныхъ сортовъ хлѣбовъ и опытную станцію съ искусственными удобрениями, куда представлялись нѣкоторыя сельскохозяйственныя орудія и машины для демонстраціи. Имѣлась здѣсь также племенная станція лучшихъ породъ домашней птицы.

Все это привлекало мѣстныхъ жителей къ читальнѣ, главной виновницѣ ихъ хозяйственнаго благополучія, и въ свою очередь кололо въ глаза фанатиковъ-украинофиловъ соседнихъ селъ.

Въ послѣдніе два года до начала войны часто заходилъ въ Хоросницу бывшій гимназистъ-неудачникъ изъ Арламовской Воли насаждать въ народѣ мазепинскій сепаратизмъ и возбуждать вражду среди мѣстныхъ жителей. Агитація велась по обыкновенію нѣ корчмѣ. Того рода „просвѣтителѣ“ не стѣснялись распространять въ селѣ сплетни и завѣдомую клевету относительно людей, которые руководили тамъ культурно-просвѣтительной работой и пользовались уваженіемъ, вслѣдствіе чего и были помѣхой злонамѣреннымъ замысламъ агитаторовъ. Для иллюстраціи укажемъ на одинъ такой характерный примѣръ ихъ зловерной работы.

По совѣту мѣстнаго уроженца, известнаго общественнаго дѣятеля Г. С. М.-а, одинъ изъ хоросницкихъ крестьянъ отдалъ свою дѣвочку на ученіе въ сельскохозяйственное училище при женскомъ Лѣссинскомъ монастырѣ въ Холмской губ.,

гдѣ въ то время обучалось уже около 10 галичанокъ. Это именно возбѣсило украинофильскихъ агитаторовъ и они начали хитро распространять въ Хоросницѣ злобные слухи и убѣждать мало-развитаго отца дѣвочки, что его дочь вывезена не въ училище, а продана въ домъ терпимости. Вслѣдствіе настоячивыхъ уговоровъ крестьянинъ повѣрилъ наглой клеветѣ и, несмотря на получаемыя отъ дочери письма, предъявилъ къ человеку, посовѣтовавшему и посодѣйствовавшему помѣстить дѣвочку въ училище, судебный искъ, обвиняя его въ продажѣ дочери. Конечно, судъ не нашелъ тутъ ничего преступнаго и освободилъ отвѣтчика. Но агитаторы достигли своего, ибо въ селѣ пошли уже раздоры.

Когда же въ 1914 г. началась война и пошли повсемѣстные аресты виднѣйшихъ русскихъ людей, этимъ случаемъ опять воспользовались украинофилы для устранения ненавистныхъ имъ „руссофиловъ“. Въ этихъ видахъ они услужливо доносили и указывали австрійскимъ властямъ — кого нужно арестовать, какъ опаснаго „москнофила“.

Такимъ образомъ были арестованы и вывезены въ Талергофъ слѣдующіе мѣстные русскіе крестьяне: 1) Андрей Алекс. Кобылецкій, предсѣд. читальни, 2) Герасимъ Веселовскій, 3) Семенъ Ник. Малець, 4) Петръ Ив. Вусъ, 5) Григорій Мих. Смуць, 6) Антовъ Веселовскій, 7) Янголевый, 8) Гавріиль Мих. Соймовскій, 9) Иванъ Пантел. Малець, 10) Иванъ Тимоф. Каспришинъ и 11) Герасимъ Мих. Смуць — причѣмъ большинство ихъ умерло въ ссылкѣ.

Послѣдній изъ нихъ, Г. Смуць, палъ жертвою собственнаго доносителства. Какъ темное орудіе украинофильскихъ агитаторовъ, отправился онъ уже послѣ ареста перечисленныхъ лицъ въ Мостиска, чтобы едѣлатъ въ старостѣ доносъ еще на нѣкоторыхъ своихъ односельчанъ. По пути встрѣтился онъ, однако, съ жандармомъ, который арестовалъ его тоже, а тамъ постигла его общая участь другихъ арестованныхъ: онъ былъ сосланъ въ Талергофъ, гдѣ и умеръ отъ тифа.

Вмѣстѣ съ Семеномъ Н. Мальцемъ былъ арестованъ также его 15-лѣтній внукъ Андрей, который, однако, черезъ

нѣсколько дней, какъ малолѣтній, былъ освобожденъ.

Гавріиль Соймовскій былъ уже изъ Талергофа зачисленъ въ армію и погибъ на войнѣ.

Столько мучениковъ дала маленькая деревушка Хоросница. Ни въ чемъ неповинные, лучшіе хозяева въ селѣ, по большей части старики, нѣкоторые даже неграмотные, — всѣ они пали жертвой слѣпого партійнаго фанатизма и Каиновой работы родныхъ братьевъ, извращенныхъ австрійской политикой.

Библиотеку, имѣвшуюся въ читальнѣ, жандармы сожгли.

Перемышлянскій уѣздъ.

М. Глиняны. По доносамъ „украинскихъ“ іудъ были посажены въ тюрьму въ первой половинѣ августа 1914 года слѣдующіе жители Глинянъ: 1) Михаилъ Маркевичъ, 2) Дамьянъ Комаръ, 3) Андрей Тузь и 4) студ. Иванъ Тузь. Арестованные были отправлены въ перемышльскую крѣпость. Когда они на допросъ спросили — за что ихъ арестовали и куда ихъ направили, уѣздный староста отвѣтилъ, что основаніемъ къ аресту послужилъ доносъ мѣстнаго законоучителя свящ. Евг. Костишина.

На слѣдующій день доносчики выпустили сплетню, что арестованныхъ уже повѣсили и что послѣдуютъ еще дальнѣйшіе аресты и казни „москвофиловъ“. Последняя вѣсть, конечно, оправдалась, вселивъ страхъ въ женъ и дѣтей налѣченныхъ жертвъ. Іуды работали, не покладая рукъ, ежедневно предавали по нѣскольку человекъ, радуясь своимъ успѣхамъ, что имѣютъ возможность

такъ легко уничтожить ненавистныхъ „кацаповъ“. Такимъ образомъ были еще арестованы: 5) Иванъ Чайковский, 6) Константинъ Антоновъ, 7) Николай Ясеницкій, 8) Федоръ Ладычка, 9) Иванъ Бунда, 10) Иванъ Пришесъ, 11) Павелъ Баньковский, 12) Димитрій Тимнякъ, 13) Михаилъ Галанъ, 14) Петръ Дзятковский, 15) Петръ Дячикъ (умеръ въ Талергофѣ), 16) адвокатъ д-ръ Конокшевскій, 17) гимназистъ Владиміръ Комаръ, 18) Максимъ Пѣняжко, 19) Николай Тузь (умеръ отъ побоевъ) и 20) юродивый еврей Моисей Катцъ.

Всѣ перечисленные, послѣ тяжелыхъ мытарствъ по разнымъ галицкимъ тюрьмамъ, были сосланы въ концѣ августа въ глубь Австріи: однихъ вывезли въ Линцъ, другихъ въ Талергофъ, остальныхъ въ Оломюць, Гминдъ, Терезинъ и Шинльбергъ.

Ив. Чайковский.

Съ моментомъ объявленія войны въ Глинянахъ стало весьма неспокойно. Массовые аресты привели насъ къ убѣжденію, что насъ выдадутъ свои-же люди—мазепинцы. Въ началѣ мы только догадывались объ этомъ, а затѣмъ ужъ и сами мазепинцы, не стѣняясь, стали хвастаться своими подвигами. Оказалось, что наша свобода и жизнь зависѣли, главнымъ образомъ, отъ „украинца“ свящ. Костишина, сотрудника прихода Глиняны-Заставье. Онъ былъ все-силенъ, арестовывалъ и освобождалъ по своему усмотрѣнію. Напр., 5 августа 1914 г. онъ приказалъ арестовать псаломщика Ивана Богуславскаго, а черезъ полъ часа отпустилъ его на свободу. Было даже впередъ извѣстно, кто будетъ арестованъ. Такъ, напр., Анастасія Галанъ, узнавъ о предстоящемъ арестѣ своего мужа, явилась къ Костишину и съ плачемъ пала къ его ногамъ.

— Клянусь, что если моего мужа арестуютъ, то я убью своихъ дѣтей и сама покончу съ собою — заявила несчастная женщина недостойному священнику, — а тогда вамъ придется за насъ дать отвѣтъ передъ Богомъ!

Костишинъ успокоилъ и увѣрилъ ее, что мужъ ея останется нетронутымъ. И дѣйствительно, его не арестовали. Подобная же исторія повторилась съ псаломщикомъ Михаиломъ Пѣняжкомъ: когда онъ явился къ Костишину съ просьбой предотвратить предполагаемый его арестъ, онъ увидѣлъ на столѣ у него списокъ подлежащихъ аресту лицъ.

Костишину усердно помогать въ этомъ отношеніи благочинный Павелъ Бачинскій, для лучшей характеристики котораго слѣдуетъ отмѣтить, что онъ, уже по окончаніи войны, по примѣру историческаго Зельмана, самовольно и

безъ всякаго основанія запиралъ пять-кратно нашу церковь.

Предавали насъ и свои-же братья—крестьяне, украинофилы Михаилъ и Василій Тимняки. Послѣдній говорилъ, что если-бы покойный нашъ односельчанинъ Ив. Бѣлорусскій былъ еще въ живыхъ, то его больного вмѣстѣ съ постелью заперли бы въ тюрьму.

Много перестрадалось, многое изгладилось изъ памяти. Когда вспоминаешь пережитое, самъ себя не вѣришь, чтобы въ такъ называемой культурной странѣ творилось такое безправіе. Однако, факты говорятъ сами за себя: это — могины замученныхъ, ихъ сироты и вдовы...

Θ. Ладичка.

Наканунѣ отступленія австрійской арміи, уже послѣ ареста нѣкоторыхъ нашихъ людей, я, не предчувствуя бѣды, вышелъ на улицу. Глинянскіе жандармы уже выѣхали, въ воздухѣ чувствовалось приближеніе русскихъ войскъ. Вдругъ подходитъ ко мнѣ какой-то человекъ и, ничего не говоря, staje рядомъ со мной. Въ нѣсколькихъ шагахъ сзади его идетъ золочевскій жандармъ. Подходить ближе и спрашиваетъ: „Ну, который?“ — „Вотъ этотъ!“ — показалъ на меня подошедшій, послѣ чего жандармъ арестовалъ меня и повелъ въ глинянскій судъ, захвативъ по пути также моего сосѣда Николая Ив. Туза. Однако, проѣзжавшій какъ-разъ офицеръ приказалъ намъ вернуться и направилъ насъ въ штабъ.

Были тутъ одни тирольцы. Они, послѣ краткаго, непонятнаго крика, начали окладывать насъ саблями. Удары сыпались большей частью на голову. Потомъ, построившись въ два ряда, провели насъ между собой дважды

сквозъ строй, снова избивая, куда попало. Николая Туза до того избивали, что вся его одежда была въ крови. Послѣ этого посадили насъ на подводу. Конвоирующий насъ жандармъ спросилъ — изъ котораго мы прихода (въ Глинянахъ два прихода)? Узнавъ, что мы изъ Заставской, благочиннаго Павла Бачинскаго, жандармъ вынулъ какой-то списокъ и сказалъ:

— Чего же вы хотите? У насъ имѣется списокъ отъ Бачинскаго. Мы должны были арестовать еще 18 человекъ, только намъ не хватаетъ времени, такъ какъ было приказано скорѣе отступать, а потому захватили лишь васъ двоихъ, живущихъ на окраинахъ мѣстечка. Васъ выдалъ вашъ ксендзъ.

Насъ завезли въ Королевскія Липки. Мой спутникъ, Николай Тузъ, избитый до крови, умиралъ на подводѣ, а потому сопровождающій насъ жандармъ спросилъ офицера, что съ нами дѣлать? Офицеръ только сдвинулъ плечами:

— Дѣлай, что хочешь!

Жандармъ отошелъ на минутку отъ насъ. Я воспользовался этимъ и, поднявшись съ тележки, взялъ умирающаго товарища на руки и скрылся въ сосѣднемъ саду. У меня еще осталось настолько силы, что я раздѣлъ до рубашки умирающаго Туза и, собирая росу съ кустовъ и травы, началъ его приводить въ чувство. Тѣмъ временемъ австрійцы отступили, а мы приволоклись утромъ домой.

Николай Ив. Тузъ скорѣе послѣ этого скончался отъ нанесенныхъ ему побоевъ и пораненій. Я еще живу и рассказываю объ этомъ происшествіи для памяти грядущихъ поколѣній. Пускай знаютъ наши дѣти и внуки, какъ страдали ихъ отцы за русскую идею,

пусть берутъ себя съ насъ примѣръ въ борьбѣ за права и честь русскаго народа!

Максимъ Пѣняжко.

С. Лагодовъ. Въ с. Лагодовѣ были арестованы слѣдующія лица: свящ. Ѳеодоръ Сахно, крест. Константинъ Кузьма (умеръ 26 мая 1915 г.), Кондратъ Кузьма, Павелъ Тиховичъ, Яковъ Флѣрко. Ѳеодоръ Щуръ (глухонѣмой, былъ заколотъ солдатами въ сентябрѣ 1914 г.) и Степанъ Вовный, взятый изъ Талергофа на военную службу.

Послѣ отступленія русскихъ войскъ были арестованы: Петръ Мохнацкій (умеръ 5 апрѣля 1915 г.), Николай Сенникъ, Тимофей Кузьма, Марія Кузьма и Анна Тиховичъ съ груднымъ ребенкомъ

Всѣ они были обвинены въ государственной измѣнѣ и шпіонажѣ и административнымъ порядкомъ сосланы въ Талергофъ.

М. Пилипчукъ.

С. Полтва. Пятнадцать лѣтъ тому назадъ въ селѣ Полтвѣ открылась читальня им. М. Качковскаго, пожарная дружина, потребилка и ссудо-сберегательная касса. Всѣ эти товарищества развивались великолѣпно, что приводило въ бышенство мѣстныхъ украинофиловъ. Они рыли подъ нами яму въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ.

Въ началѣ мобилизаціи въ 1914 г. донесли они въ жандармерію, что наша „дружина“ пѣла „Боже царя храни“. Это дало толчекъ къ послѣдовавшей расправѣ. Въ село прибыли жандармы и произвели тщательный обыскъ. Не найдя ничего, они все таки арестовали меня, Кирилла Майбу, Ивана Сендегу и Петра Пелиха отвели насъ въ жан-

дармское управление и заперли на ночь въ курятникъ. На слѣдующій день по полудни заковалъ насъ мазепинецъ-жандармъ Шевцевъ всѣхъ вмѣстѣ и препроводилъ въ перемышлянскую тюрьму. Благодаря добродушному тюремному ключнику, обращеніе въ тюрьмѣ было сносное. Онъ даже накормилъ насъ за свой счетъ, а когда насъ отправляли во Львовъ, упросилъ жандарма не ковать насъ въ кандалы. Во Львовѣ отправили насъ, по истеченіи двухъ недѣль и послѣ допроса, въ концентрационную тюрьму „Бригидки“. Тутъ уже обращались съ нами очень плохо.

Въ день Успенія Пресв. Богородицы, когда русскія войска находились на разстояніи четырехъ миль отъ Львова, тюремное начальство поручило мазепинскимъ „сичовикамъ“ отвести насъ на вокзалъ для погрузки въ вагоны и дальнѣйшаго слѣдованія на западъ. Конечно, „сичовики“ исполнили свою задачу отлично. По пути они все время подталкивали насъ прикладами, а когда уличная толпа бросала въ насъ камнями, они не только не мѣшали ей въ этомъ, но даже всякій разъ предупредительно разступались, когда кто-нибудь изъ толпы намѣревался нанести намъ непосредственно палкой или кулакомъ удары. Когда же мы въ отчаяніи и смятеніи бросили вещи, чтобы руками закрыть лицо отъ ударовъ, то „сичовики“ снова подгоняли насъ винтовками, а пассажиры изъ трамваевъ били по головамъ. Наконецъ, привели насъ на главный вокзалъ и, съ помощью кулаковъ (ступенекъ не было), вогнали насъ въ товарные вагоны. Въ вагонѣ оглядываясь на своихъ товарищей и вижу одного безъ шапки, другого безъ зубовъ, а то еще съ разбитой головой, а тамъ въ углу лежитъ смертельно ра-

нений и тяжело стонетъ. Было такое впечатлѣніе, словно мы только-что вернулись съ поля битвы... Впослѣдствіи я узналъ, что изъ нашего транспорта, состоявшаго изъ двухсотъ человѣкъ, отправлено семнадцать избитыхъ человѣкъ въ больницу.

Черезъ нѣсколько часовъ поѣздъ тронулся. Стояла невозможная жара, томила жажда, но страшно было просить воды отъ караульныхъ, которые до изнеможенія ругали насъ хриплыми голосами.

По истеченіи сутокъ мы прибыли въ Краковъ. Здѣсь стража смѣнилась. Мазепинскихъ „сичовиковъ“ замѣнили линейными солдатами-чехами. Офицеръ, начальникъ смѣнившагося караула, передавалъ насъ чехамъ, еообщилъ имъ, что мы опаснѣйшіе измѣнники, слѣдовательно, разрѣшается насъ въ случаѣ малѣйшаго непослушанія приколотъ на мѣстѣ, какъ собакъ. Но солдаты-чехи, узнавъ, что мы русскіе галичане, съ сочувствіемъ угостили насъ табакомъ, а на ближайшемъ питательномъ пунктѣ накормили. Такъ мы уже спокойно доѣхали до моравскаго Брна.

Иванъ Кузьма.

Четверо насъ, а именно, я, Михайлъ Сендега, Василій Мысковъ и Федоръ Сорока, работали на желѣзной дорогѣ въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ. Въ началѣ войны работы кончились, и пришлось уйти домой, не дождавшись уплаты мѣсячнаго жалованья. Когда русскія войска приближались къ Львову, мы переселились въ сосѣднія села, ибо предполагалось, что черезъ Полтву пойдетъ боевая линія. Въ виду отсутствія денегъ и припасовъ, мы начали порядочно голодать. Тогда, вспомнивъ о причитающемся намъ жалованьи, мы отпра-

вились черезъ Давидовъ во Львовъ, чтобы взять изъ дирекціи желѣзной дороги заработанныя суммы. Вдругъ изъ лѣса выѣхали верхомъ двое мадьяръ и, оставивъ насъ, связали длинной веревкой такимъ образомъ, что мы парами шли спереди, а другой конецъ шнура держалъ мадьяръ въ рукахъ, погоняя насъ все время саблѣй. Во Львовѣ били насъ на улицахъ камнями, а съ этажей и балконовъ ликующіе зрители обливали насъ водою и помоями.

На полиціи ничего не помогли наши оправданія ни удостовѣренія, выданные намъ сельскимъ старостой. Насъ привяли за шпіоновъ. Полиція звѣрски издѣвалась надъ нами и все время покачивала намъ крюкъ, на которомъ мы будемъ висѣть. Испугавшись поворной смерти, мы прибѣгли къ молитвѣ, какъ единственному спасенію и надеждѣ. Мадьяры и полиція стали тогда толкать насъ головами о каменную стѣну.

Когда во Львовѣ возникла тревога, насъ присоединили къ другимъ русскимъ галичанамъ и отправили спѣшно на вокзалъ. Переходъ на вокзалъ былъ ужасенъ. Я не буду описывать его, ибо найдутся другіе, которые лучше представляютъ этотъ поистинѣ страстный путь. Не одни мы прошли этотъ путь, а тысячи и десятки тысячъ..

На вокзалѣ помѣстили насъ по 60 человѣкъ въ вагоны, полные лоша-

динаго навоза и насѣкомыхъ, и отправили на западъ. *Николай Сидоракъ.*

С. П а д а н ц ы. Послѣ ареста 7 авг. 1914 г. меня отвезли въ перемышлянскую тюрьму, а на слѣдующій день отправили въ сопровожденіи жандарма и солдата во Львовъ, въ замарштовскую военную тюрьму. Дорога съ Лычаковского вокзала, вмѣстѣ съ двумя крестьянами изъ сосѣднихъ селъ, была сплошнымъ издѣвательствомъ и терзаніемъ. Уличная толпа, среди ругательствъ, чуть насъ не убила. Конвой молчалъ все время, не только не препятствуя безчинствующей толпѣ, но даже всячески ее поощряя къ издѣланію своего „патріотизма“. Едва живыхъ привели насъ въ тюрьму, которая спасла насъ отъ неминуемой смерти.

Когда русскія войска подступили подъ Львовъ, въ городѣ возникла страшная паника. 30 августа перевели часть арестованныхъ — въ томъ числѣ и меня — въ „Бригидки“, а 31 августа, среди новыхъ звѣрскихъ издѣвательствъ и нечеловѣческаго обращенія, насъ отвели на главный вокзалъ, заперли въ товарные, грязные вагоны и направили черезъ Венгрію въ Талергофъ. Ъхали мы пять сутокъ, не получая все время никакой пищи, а только два раза получивъ по кружкѣ горячаго чаю.

Селищ. А. В. Бучко.

Перемышльскій уѣздъ.

Г. Перемышль. Въ самомъ Перемышлѣ были въ началѣ войны арестованы и сосланы въ Талергофъ:

1) о. д-ръ Михайлъ Людкевичъ (умеръ въ Талергофѣ), 2) Махляй, 3) Галай, 4) Борухъ, 5) Кропивницкій, 6)

сов. суда Владиміръ Литынский, 7) врачъ д-ръ Юліанъ Войтовичъ, 8) Фердинандъ Левицкій съ сыномъ, 9) Наталія Юл. Несторовичъ, 10) адвокатъ д-ръ К. С. Черлюнкаевичъ и 11) д-ръ О. О. Крушинскій.

Въ с. Поздичѣ были арестованы въ началѣ августа 1914 г. и вывезены въ Талергофъ: 1) священникъ Іосифъ Преторіусъ, 2) псаломщикъ Иванъ К. Цымбалко, 3) Адамъ Федакъ (умеръ въ Талергофѣ 15 февр. 1915 г.), 4) Павелъ Кицька, 5) студ. Михаилъ Кицька, 6) Петръ Федакъ (умеръ въ Талер. 19 февраля 1915 г.), 7) Іосифъ Феснакъ, 8) Михаилъ М. Пашкевичъ, 9) Михаилъ Ив. Пашкевичъ и 10) Степанъ Стечина (умеръ въ Тал. въ октябрѣ 1914 г.).

Въ дочернемъ селѣ Наклѣ были арестованы: 1) Степанъ Ширба, 2) Степанъ Феснакъ, 3) Михаилъ Мациокъ. Затѣмъ были вывезены въ Гминдъ: 4) Анна Костецкая, жена уѣздн. организатора, который находился въ то время на военной службѣ и лежалъ въ военномъ госпиталѣ, избитый до полусмерти украинфилами, и 5) Иванъ Павлина (умеръ въ Гминдѣ въ 1915 г.) Наконецъ, были вывезены въ Хорватію: 6) Дмитрій Федакъ, 7) Семенъ Матайко (старшій) и 8) Андрей Цымбалко.

Звѣрская расправа съ „русофилами“ на улицахъ Перемишля.

15 сентября 1914 г. на улицахъ древне-русского княжого Перемишля разыгралась такая жуткая и кошмарная сцена, которая своей непосредственной дикостью и жестокостью далеко превзошла всѣ остальные ужасы и неистовства безудержно примѣнявшагося въ тѣ страшные дни по отношенію къ русскому населенію террора. Въ бѣлый день, подъ охраной государственной жандармеріи, среди многотысячнаго културнаго населенія и несмѣтнаго крѣпостнаго гарнизона, были вдругъ, безъ всякой причины и вины, звѣрски изрублены и

растерзаны обезумѣвшими солдатами и городской толпою сорокъ четыре ни въ чемъ неповинныхъ русскихъ людей, причемъ эта ужасная расправа не только не вызвала со стороны мѣстныхъ австрійскихъ властей ни малѣйшаго негодованія и возмездія, но даже, наоборотъ, получила изъ устъ верховнаго начальника этихъ послѣднихъ, пресловутаго комеданта крѣпости генерала Кусманека, полное одобреніе и признаніе...

Въ виду исключительной и характерной уродливости и яркости этого кошмарнаго событія, возмущенная память о которомъ перейдетъ, конечно, въ нашемъ многострадальномъ народѣ отъ рода въ родъ, приводимъ рядъ сообщеній и воспоминаній о немъ, появившихся въ разное время и съ разныхъ сторонъ въ періодической печати.

Первое сообщеніе о происшедшей въ Перемишлѣ страшной бойнѣ получила львовская газета „Прикарпатская Русь“ только въ началѣ 1915 г. отъ находившагося въ то время въ Перемишлѣ, а затѣмъ вывезеннаго въ глубь Австріи и бѣжавшаго оттуда въ Швейцарію лица:

„Въ Перемишлѣ намъ пришлось особенно много вытерпѣть отъ мѣстныхъ мазепинцевъ, поляковъ и евреевъ, а также отъ солдатъ-мадяръ. Но еще хуже пришлось другой партіи нашихъ арестованныхъ въ Перемишлѣ. Въ 2 часа дня, въ разстояніи какихъ-нибудь 400 шаговъ отъ дирекціи полиціи, толпа мѣстныхъ мазепинцевъ, поляковъ и евреевъ, поощряемая солдатами мадярами, съ такимъ остервенѣніемъ накинулась на проходившихъ подъ конвоемъ арестованныхъ русскихъ крестьянъ и интеллигентовъ, въ общемъ числѣ 42 че-

ловъ, что сорокъ изъ нихъ были тутъ же на улицахъ растерзаны на смерть и только 2 лица остались въ живыхъ. Въ числѣ убитыхъ находилась также и 17-лѣтняя дѣвушка, ученица 7 кл. гимназіи, Марія Игнатьевна Мохнацкая, дочь настоятеля прихода въ с. Войтковой, добромилскаго уѣзда.

(„Прикарпатская Русь“, 1915, № 1539).

Убитая такъ трагически Марія Игнатьевна Мохнацкая род. 21 декабря 1897 г. въ с. Войтковой, новосандецкаго уѣзда, гдѣ отецъ ея со-

М. И. Мохнацкая.

стояла въ то время настоятелемъ прихода. Воспитывалась въ русскомъ пансіонѣ въ Сянокѣ, а въ критическій моментъ какъ-разъ, окончивъ 6-ой классъ гимназіи, находилась на каникулахъ у родителей, въ с. Войтковой, добромил-

скаго уѣзда, гдѣ 6 сентября 1914 г. и была арестована, а затѣмъ, вмѣстѣ съ цѣлою партіей арестованныхъ крестьянъ, препровождена въ Перемишль — на мученическую смерть. Арестованный нѣсколько раньше отецъ ея, о. Игнатій, былъ вывезенъ въ глубь Австріи, а затѣмъ, по возвращеніи изъ ссылки, вскорѣ умеръ, братъ же студентъ, Теофиль Игнатьевичъ, былъ въ свою очередь разстрѣлянъ австрійцами послѣ русскаго отступленія въ 1915 году.

Сраженіе на линіи Яновъ-Городокъ закончилось новымъ пораженіемъ австрійской арміи.

Отступая къ Перемишлю, австрійскія войска арестовали по пути изъ Городка въ Судовую-Вишню 48 мѣстныхъ, заподозрѣнныхъ въ „русофильствѣ“, русскихъ жителей и пригнали ихъ подъ сильнымъ конвоемъ въ крѣпость. Въ пестрой толпѣ арестованныхъ преобладали крестьяне, но было также нѣсколько желѣзнодорожныхъ служащихъ и двѣ дѣвушки, изъ которыхъ одна — дочь священника.

Въ Перемишлѣ, на улицѣ Дворскаго, несчастныхъ встрѣтили ѣхавшіе верхомъ мадяры-гонимые и пѣхота. Увидавъ утомленныхъ и измученныхъ русскихъ, они начали подгонять ихъ прикладами и безпощадно толкать и избивать.

Несчастныя жертвы, падая и обливаясь кровью, продолжали двигаться впередъ, пока не оказались загнанными на улицу Семирадскаго, соприкасающуюся на одномъ изъ перекрестковъ съ улицей Дворскаго.

Тутъ, у домовъ № 1, 2 и 3, началось уже настоящее, звѣрское избиеніе арестованныхъ. Били гонимые, били мадяры-пѣхотинцы, мѣстные евреи и

мазепинцы, какъ попало и чѣмъ попало. Помогать извергамъ высочили изъ ресторана въ домъ № 1 еще какіе-то хулиганы. Изъ дверей и оконъ евреи начали бросать въ несчастныхъ мучениковъ тяжелые пивные стаканы, палки и даже неизвѣстно откуда добытые куски рельсовъ полевой желѣзной дороги.

Улица огласилась стонами и криками...

— Nicht schlagen — nur schießen. (не бить, а разстрѣливать)! — раздался вдругъ рѣзкій и пронзительный голосъ какого-то маюра.

Тогда дѣвушка — дочь священника — пала на колѣни передъ Распятиемъ, находящимся на углу въ нишѣ дома № 4, и, поднявъ къ нему руки, воскликнула:

— Мать Божья, спаси насъ!

Тутъ къ несчастной дѣвушкѣ подскочилъ солдатъ-мадьяръ и сильно ударилъ ее по головѣ ручкой револьвера, а затѣмъ выстрѣлилъ ей въ лобъ, послѣ чего она, какъ подкошенная, упала замертво...

Этотъ выстрѣлъ послужилъ сигналомъ. Началась стрѣльба. Стоны, крики, ружейные выстрѣлы — все смѣшалось вмѣстѣ въ какой-то дикій, кошмарный хаосъ...

Солдаты и евреи съ остервенѣніемъ продолжали бить палками и прикладами бездыханныхъ тѣла убитыхъ...

Брызги крови и мовга разлетались въ стороны, оставляя густые слѣды на мостовой и стѣнахъ сосѣднихъ домовъ...

Послѣ избіенія тѣла несчастныхъ страдальцевъ превратились въ безформенную массу. Ихъ впоследствии подобрали на телѣги и куда-то увезли. Среди убитыхъ оказалось двое несчастныхъ, подававшихъ еще слабые признаки жизни, но одинъ изъ нихъ умеръ по

дорогѣ, а другой — нѣсколько часовъ спустя въ госпиталѣ.

А на слѣдующій день евреи стали усердно соскабливать кровавые слѣды со стѣнъ и замазывать ихъ известью... Тѣмъ не менѣе, на домахъ №№ 1 и 3 эти кровавыя печати позорнаго и гнуснаго преступленія долго были еще видны, какъ вѣчный и несмыслимый укоръ безчеловѣчнымъ палачамъ.

А. И — окс.

(„Прик. Русь“, 1915 г. 1613).

Въ дополненіе къ сообщенному выше, со словъ очевидца, потрясавшему описанію звѣрской расправы съ несчастными мучениками, „Прик. Русь“ привела тутъ-же изъ „Słowa Polsk-аго“ относящійся къ тому-же факту рассказъ мѣстнаго поляка, не только вполне подтверждающій его по существу, но также дополняющій его еще новыми аналогичными данными и чертами:

„Мадыяры оставили среди жителей самыя худшія воспоминанія. Общеизвестнымъ является фактъ, что они привели однажды около 46 крестьянъ, заподозрѣнныхъ въ „москалефильствѣ“, и поубивали всѣхъ прикладами на серединѣ улицы на глазахъ населенія.

Другой разъ, уже во время осады, они снова привели около 40 лицъ и предали ихъ военно-полевому суду, причѣмъ скромно добавили, что изъ этой партіи уже повѣшены ими 60 человекъ! Военный судъ оправдалъ всѣхъ на слѣдующій же день, однако, не могъ, конечно, оправдать тѣхъ, что были прежде уже повѣшены за такія-же самыя „преступленія“...

Однажды было доложено по начальству, что мадыарскіе жандармы арестовали въ одномъ изъ предмѣстій много крестьянъ и издѣваются надъ ихъ же-

нами. По приказанію коменданта крѣпости комиссаръ полиціи арестовалъ жандармовъ. Они были преданы военно-полевому суду, однако, тутъ-же заявили протестъ, указывая на то, что они подлежатъ не суду австрійскихъ крѣпостныхъ властей, а суду венгерской дивизіи, который ихъ затѣмъ и отпустилъ немедленно на свободу“...

(„Прик. Русь“, 1915 г. № 1613).

Грозная, кровавая война горитъ неугасимымъ пожаромъ. Орудія разрываютъ тысячи здоровыхъ людей въ кусочки, кровь льется рѣкой, лазареты переполнены стономъ, плачемъ, послѣднимъ дыханіемъ рабовъ деспотизма, тюрьмы наполняются тысячами жертвъ насилия и произвола; разстрѣль, висѣлица — насущный хлѣбъ овѣрѣлой толпы.

По деревнямъ шатаются толпы длинноусыхъ, строгихъ, кровожадныхъ жандармовъ; они выпскиваютъ среди мирнаго населенія Галицкой Руси „измѣнниковъ“ — ферретеровъ, тѣхъ, кто Русь любилъ...

Ведутъ — ведутъ. Грозно гремятъ кандалы. Ведутъ группу людей, чело-вѣкъ 46. Всѣ въ сѣрыхъ крестьянскихъ кафтанахъ самодѣльной работы. А въ кругу сѣрыхъ крестьянъ, какъ цвѣточекъ на дугу роскошномъ, красуется юная, какъ заря утренняя, нѣжная, какъ вѣтерочекъ, гимназистка, дѣвица М.*.*. Кругомъ ея личика, кругомъ русой головки образовался чудесный ореолъ и въ лучахъ яркаго солнца играетъ дивными, непонятными красками... Это ангелы несутъ за юной дѣвицей ореолъ славы той, которая черезъ часъ святая снается передъ Богомъ, на зовъ: „Иди ко Мнѣ, отдавая жизнь за Родину - Русь Святую.

Кто Русь любилъ, до послѣдняго дыханія — иди ко Мнѣ“... И сонмъ ангеловъ слѣдуетъ за транспортомъ, — поведутъ они ихъ души святые въ царство вѣчной мечты, въ страну грезъ — къ Богу... Но не предчувствуютъ гонимые; непонятное молчаніе сковало ихъ уста, мысли улетѣли куда-то въ неизвѣстную страну: что будетъ, куда ведутъ? Но не только ангелы на вѣчный путь сопровождаютъ обреченныхъ. Толпа бѣсовъ въ человѣческомъ тѣлѣ слѣдуетъ за страдальцами. Чтобы путь Голгофы увеличить, плюютъ, бьютъ, ругаютъ, а камни такъ и летятъ на головы несчастныхъ.

— Куда ведете насъ? — спросилъ мужикъ жандарма.

— Не знаю. Иди, куда ведутъ, — узнаешь, — отвѣтилъ господинъ жизни и смерти.

И молча приблизился транспортъ къ желѣзно-дорожной станціи К.*.*. Подъ ревъ овѣрѣлой толпы двинулся поѣздъ. Увезъ крестьянъ и дѣвушку юную, цвѣтъ галицкой Руси.

Княжескій городъ Перемышль въ лихорадкѣ. Толпы пылью покрытыхъ солдатъ спѣшатъ по дорогѣ. Тысячи воевъ длинными рядами тянутся сюда и туда. Пыхтя, быстро пролетаютъ автомобили; въ нихъ золотомъ блещутъ шеи жирныхъ господъ-генераловъ. Ревъ, визгъ, свистъ, гулъ сплелись въ дявольскій хаосъ... Чувствуется приближеніе, за волю и свободу Славянъ воюющихъ, русскихъ солдатъ... Львовъ уже въ русскихъ рукахъ... Подъ Городкомъ и Русской Равой разбитая, лоскутная Австро-Венгрія дрожитъ, собираетъ недобитки, готовится на новый кровавый пиръ, бросаетъ новую дань кровавому Молоху — войнѣ.

Съ вокзала, по улицѣ Семирадскаго, ведутъ нашихъ доблестныхъ русскихъ крестьянъ, а во главѣ дочь русскаго священника, молоденькую гимназистку М.*. Вокругъ дикая толпа. Градъ камней сыплется на несчастныхъ, удары палками не прекращаются. Они на смерть обречены! Лица ихъ оплеваны. Лбы ихъ залиты кровавымъ потомъ. Измученныя ноги еле двигаютъ утомленное, избитое тѣло...

Идутъ, медленно идутъ. Сверхшаютъ послѣдній путь своей Голгофы — за Родину-Русь. Проходятъ мимо кучки солдатъ. Дикія лица, звѣрскіе глаза — такъ и говорятъ: это дѣти венгерскихъ равнинъ, потомки дикихъ Монголовъ. Ихъ длинныя палки алчно сверкаютъ; солнце горитъ на нихъ, тревогу вызываетъ.

— Куда? — спросилъ одинъ изъ солдатъ.

— О, — отвѣтилъ жандармъ и потянулъ рукой по шеѣ.

И случилось то, чего не въ состояніи описать ни одно перо.

Заревѣла, зашумѣла дикая толпа венгерцевъ. Морозъ ужаса пролетѣлъ по спинамъ несчастныхъ мучениковъ, а даже по толпѣ случайныхъ прохожихъ. Въ лучахъ солнца заблестѣли длинныя, острия палки и... шлахъ, шлахъ, шлахъ, — началась дикая рѣзня... полилась кровь... посыпались кусочки тѣла... крикъ отчаянія... стонъ умирающихъ... удары пашекъ... создали музыку ада — понятную развѣ душѣ дикаго мадьяра...

Въ грязную пыль покотились руки, ноги, головы... Среди кровавой толпы русскія гимназистка... Нельзя описать ужаса, выразившагося въ ея испуганныхъ глазахъ, на ея страдальческомъ, героическомъ лицѣ... Она падаетъ на колѣни, поднимаетъ бѣлыя ручки къ небу

и душу раздирающимъ голосомъ молитъ: „Боже!“ — и — шлахъ, — дикая рука звѣрскаго вандала опускаетъ съ быстрой молніи острую палку — и разрублена ея ясная головка... Струя алой крови заиграла въ лучахъ солнца... Мозгъ полетѣлъ на стѣну, а кровавое, нестираемое пятно осталось на холодной, нѣмой стѣнѣ...

Австро-венгерскіе „герои“ изрубили 46 человѣкъ — посѣкли на куски... посѣкли сыновъ Галицкой, многострадальной Руси... Изрубили — и кончено. Какъ будто такъ и должно быть. Командантъ крѣпости генералъ Кусманекъ, который въ Вѣну послалъ докладъ: „если въ Перемышлѣ останется одинъ русскій человѣкъ, я за крѣпость не ручаюсь“, — на докладъ о вайдадьски-звѣрскомъ поступкѣ солдатъ далъ краткій отвѣтъ: „Geschicht den Verrätern Recht!“ (т. е. подѣломъ измѣнникамъ).

А „герои“ австро-венгерской арміи разошлись по городу, повсюду хвастаясь, что на ихъ палкахъ блеснитъ русская кровь, что они уже перешли кровавое военное крещеніе.

Кусочки тѣлъ несчастныхъ сгребли лопатами, наложили на большой городской возъ и вывезли за городъ, гдѣ и зарыли на краю кладбища, въ забытомъ уголкѣ.

А когда утомленное солнце скрывалось передъ мерзостью міра, исторія мученичества галицко-русскаго народа кровавыми письменами начертала: „15-ое сентября 1914 года“.

* * *

Чудомъ, кажется волей Всевышняго, навѣрное для того чтобы остались свидетели, остались изъ транспорта два человѣка въ живыхъ. Одинъ изъ нихъ, Стефанъ Борсукъ, былъ призванъ позже даже въ ряды австро-венгерской арміи

и посланъ для защиты своихъ убійцъ на итальянскія позиціи.

Я описалъ своей слабенькой рукой одинъ изъ ужаснѣйшихъ эпизодовъ мученичества русскаго народа Прикарпатья, и чтобы вѣчно, вѣчно почтить память тѣхъ жертвъ варварскаго произвола, по судебнымъ актамъ списываю фамиліи мучениковъ, отдавшихъ жизнь за Родину.

Командованіе крѣпости Перемышля доставило державной прокуратурѣ списокъ убитыхъ подъ слѣдующимъ заглавіемъ: „Ausweis über verdächtige Russophile, welche im Falle der Annäherung des Feindes die österreichische Armee zu verraten im Stande sind“. Въ списокъ читаемъ слѣд. фамиліи: 1) Андрей Павловскій,

2) Петръ Филиппъ, 3) Михайлъ Боханокъ изъ Наневои, 4) Василій Лѣвинскій изъ Рудаки, 5) Петръ Коваль, 6) Иванъ Пинцъ, 7) Теодоръ Лысейко, 8) Михайлъ Чубаръ изъ Стебника, 9) Прокопъ Шимонякъ, 10) Андрей Плювакъ изъ Юречковой, 11) Стефанъ Микита изъ Штайнфельса, 12) Андрей Мацакъ изъ Смольницы, 13) Николай Жолдакъ изъ Мишовича, 14) Ілья Артымъ, 15) Стефанъ Кузьминскій, 16) Андрей Маркевичъ, 17) Стефанъ Борсукъ, 18) Григорій Мельничукъ, 19) Дмитрій Васевичъ, 20) Иванъ Галушакъ, 21) Андрей Тыминскій, 22) Афанасій Гбуръ, 23) Андрей Процикъ, 24) Дм. Кузьминскій, 25) Станисл. Артымъ, 26) Никол. Кузьминскій, 27) Николай Сивый, 28) Михайлъ Сокальскій, 29) Иванъ Маркевичъ изъ Гронзевой, 30) Василій Божило, 31) Иванъ Махнякъ, 32) Теодоръ Лыско, 33) Григорій Бодакъ, 34) Екатерина Бандровская, 35) Николай Муситъ, 36) Станиславъ Пологонскій, 37) Марія Мо-

хнацкая, дочь священника изъ Войтковой, 38) Теодоръ Божило, 39) Теодоръ Судоръ, 40) Теодоръ Сливакъ, 41) Михайлъ Дроздовскій, 42) Иванъ Судоръ, 43) Николай Божило, 44) Андрей Божило, 45) Афанасій Мартинишинъ изъ Новоселиць; 46-ой не вписанъ въ списокъ, который у меня въ рукахъ.

Вѣчная Вамъ память, мученики! Пусть Ваша невинная кровь молитъ Бога о лучшей судьбѣ для Вашей Родины, за которую мученической смертью суждено было Вамъ умереть! Память о васъ будетъ жить среди насъ, — отъ рода въ родъ, — пока жить будетъ русскій народъ въ Галицкой Руси!

Глѣбъ Соколовичъ.

(Рус. Голосъ. 1923 г. № 29—30).

Въ заключеніе заимствуемъ существенныя мѣста изъ статьи совѣтника перемышльскаго суда г. Романа Дмоховскаго, напечатанной въ львовскомъ „Українськ-омъ Вістник-ѣ“ за 1921 г. №№ 186—187, по случаю семилѣтія со дня смерти 44 русскіхъ мучениковъ въ Перемышлѣ. Если вспомнить при этомъ, какъ усердно и яростно партійные единомышленники автора, а можетъ быть — и самъ онъ, все это жуткое время доносили, натравливали и наускивали всѣ темныя силы на ненавистныхъ имъ „русофиловъ“, результатомъ чего, между прочимъ, явился также, безъ сомнѣнія, и арестъ, а затѣмъ и мученическая смерть этихъ несчастныхъ жертвъ, то выражающееся въ статьѣ, хотя и сильно запоздавшее, раскаяніе и сочувствіе, если оно только вообще искренно и ислухаво, получаетъ, конечно, особое и высоко знаменательное значеніе — Примѣчаніе редакціи „Альманаха“.

Какъ-разъ проходитъ семь лѣтъ, когда въ княземъ городѣ Перемышлѣ случилось происшествіе, при воспоминаніи о которомъ стынетъ кровь въ жилахъ и которое лѣтописецъ мартирологіи галицко-русскаго*) народа запишетъ кровавыми слезами, какъ одну изъ самыхъ жуткихъ трагедій міровой войны...

Это событіе свидѣтельствуетъ наглядно о томъ, въ какомъ положеніи находился русскій*) народъ въ австро-венгерской монархіи во время міровой войны, какой опекой пользовался со стороны тогдашнихъ властей этотъ народъ, сыновья котораго въ ту пору клали свои головы въ защиту монархіи...

15 сентября 1914 г. на улицахъ Перемышля напали мадярскіе солдаты на препровождаемыхъ въ тюрьму 46 заподозрѣнныхъ въ „москвофильствѣ“ арестованныхъ людей и въ продолженіе получаса изрубили ихъ въ куски, за исключеніемъ двухъ человекъ, которые почти чудомъ спаслись отъ смерти.

Происшествіе имѣло мѣсто во время отступленія австрійской арміи изъ-подъ Городка, когда русскіе уже заняли Львовъ. Цѣлый Перемышль былъ переполненъ войсками всѣхъ родовъ оружія. По Львовской улицѣ шли спѣшнымъ шагомъ солдаты, громыкали сотни обозныхъ подводъ, орудія, раненые на подводахъ, — картина представляла хаосъ, котораго я не въ состояніи описать. Бѣшенымъ галопомъ гнались автомобили съ высшими офицерами, съ перекосившимися отъ страха лицами, — было очевидно, что на фронтѣ случилось что-то нехорошее, что въ городѣ возникла паника.

*) Въ подлинномъ: „украинскаго“, „украинскій“! При м. ред.

Евреи заперли всѣ магазины, такъ какъ мадяры, какъ бѣшеные, рыскали по городу и грабили, гдѣ попало.

Позже оказалось, что русскимъ даже не снилось преслѣдовать развитую австрійскую армію и что они отдыхали возлѣ Городка, хотя, — какъ признался мнѣ одинъ высшій австрійскій офицеръ, — могли тогда-же взять безъ стрѣлы перемышльскую крѣпость.

Около 5 часовъ пополудни вышелъ я изъ дому и увидѣлъ на улицѣ Словацкаго возъ, полный изрубленныхъ тѣлъ. Въ ужасѣ спросилъ я кучера, что это значить? Онъ отвѣтилъ, что на улицѣ Семирадскаго изрубили мадяры нѣсколько десятковъ крестьянъ. Я поспѣшилъ скорѣе на улицу Семирадскаго и моимъ глазамъ представилась страшная картина: цѣлая куча лежащихъ на улицѣ изрубленныхъ труповъ, съ отрубленными руками, ногами и разбитыми черепами. Въ моментъ моего прихода трупы подбирали на другой возъ. Цѣлая улица была красная отъ крови, сосѣдніе дома обрызганы кровью и мозгомъ, а кругомъ мѣста катастрофы стояла городская толпа и со смѣхомъ дѣлала неумѣстныя замѣчанія относительно убійства „измѣнниковъ“.

Подавленный страшной картиной, я встрѣтилъ знакомаго военнаго аудитора д-ра Шурана (чеха), который, содрогаясь отъ ужаса, проклиналъ мадяръ... Д-ръ Шуранъ разсказалъ мнѣ слышанное отъ кого-то, что мадяры потому убили этихъ крестьянъ, что будто-бы узнали среди нихъ стрѣлявшихъ и убившихъ двухъ или трехъ солдатъ. Понятно, это была ложь, которую, однако, не постѣснялся повторить въ послѣдствіи въ своемъ донесеніи государственному прокурору комиссаріатъ

перемышльской полиціи, — такъ какъ въ тѣхъ сторонахъ, откуда происходили убитые, войска даже не стояли вовсе и не было никакихъ боевъ...

Сейчасъ-же послѣ убійства сообщилъ комиссаріатъ полиціи о происшествіи государственному прокурору въ Перемышлѣ, а комендантъ крѣпости приложилъ къ этому списокъ фамилій убитыхъ. Списокъ былъ озаглавленъ: *Ausweis über verdächtige Rusophile, welche im Falle der Annäherung des Feindes die österr.-ungarische Armee zu verraten im Stande sind*!. Однако, государственный прокуроръ не далъ дѣлу хода подъ тѣмъ предлогомъ, что „виновники убійства неизвѣстны“.

Только по истеченіи трехъ лѣтъ распорядился военный судъ произвести въ этомъ дѣлѣ слѣдствіе, но послѣднее не привело ни къ какимъ результатамъ. Между прочимъ, допрашивали и меня, причемъ я указалъ при допросѣ на коменданта крѣпости ген. Кусманека, какъ на совиновника преступленія, который не только не велѣлъ разыскать и привлечь къ отвѣтственности виновныхъ мадярскихъ солдатъ, хотя ихъ на первыхъ порахъ легко можно было опознать по ихъ окровавленнымъ шапкамъ, каковыми они долго хвастались передъ прохожими на улицахъ, но даже, въ отвѣтъ на докладъ директора полиціи Бенуа (Benoit) объ этомъ ужасномъ случаѣ, разрѣшилъ дѣло советомъ просто, сказавъ: „И подѣломъ измѣнникамъ (geschieht den Verrätern recht)!..“

Къ характеристикѣ этого пресловутаго перемышльскаго героя нужно прибавить, что онъ вообще относился крайне враждебно къ мѣстному русскому населенію и собственноручно под-

писалъ рядъ смертныхъ приговоровъ за „измѣну“, въ томъ числѣ также по дѣлу завѣдомо неповиннаго ни въ чемъ и разстрѣляннаго по ложному еврейскому доносу крестьянина изъ Дуговецъ, отца 7 дѣтей, Григорія Галуна... Тотъ-же ген. Кусманекъ въ одномъ изъ своихъ донесеній въ Вѣну заявилъ прямо: „если въ Перемышлѣ останется хотя-бы одинъ русскій (Ruthene), то я не ручаюсь за крѣпость“...

Что касается дальше самого этого страшнаго событія, то оно было въ послѣдствіи все-таки выяснено отчасти по случаю другого, находившагося въ связи съ нимъ, судебного дѣла.

Въ 1916 г. мнѣ, какъ члену перемышльскаго окр. суда, было поручено къ разбору дѣло крестьянки Маріи Коваль изъ Стебнина, дрогобыскаго уѣзда, которая оказалась вдовой по одному изъ убитыхъ мадярами 15 сентября 1914 г. въ Перемышлѣ крестьянъ, Петръ Коваль, и обвинялась нынѣ въ незаконномъ полученіи изъ государственной казны 2.185 к. военной пенсіи, хотя знала, что ея мужъ былъ убитъ въ Перемышлѣ еще въ 1914 г.

Передъ трибуналомъ, въ которомъ я былъ предсѣдателемъ, предстала исхудалая женщина съ красивыми чертами лица, которая, послѣ прочтенія обвинительнаго акта, показала слѣдующее:

— Я ни въ чемъ не виновата. Моего мужа Петра ввели въ августѣ 1914 г. на военную службу въ Перемышль. Онъ былъ тамъ двѣ недѣли, а потомъ вернулся домой и сказалъ, что явился въ отпускъ, а когда потребуется, такъ его пововутъ. Утромъ 14 сентября, около 4 часовъ, когда мы всѣ еще спали, явился въ нашъ домъ жандармъ и велѣлъ моему мужу слѣдовать за нимъ въ жандармское управленіе. Мужъ

простился со мною и дѣтьми, взявъ кусокъ хлѣба, и какъ онъ, такъ и я были убѣждены, что жандармъ взялъ его на военную службу. Что случилось съ моимъ мужемъ послѣ этого — я не знала, и только въ июлѣ 1916 года я узнала, что его убили въ Перемышлѣ. Я не разбираюсь въ военныхъ дѣлахъ, я думала, что въ городѣ была какая-то война, въ которой его убили. Получала солдатскую пенсію въ томъ убѣжденіи, что она мнѣ слѣдуетъ по закону, хотя мужъ уже не живетъ. Тѣмъ болѣе, что осталось 5 маленькихъ сиротъ*.

Конечно, трибуналъ освободилъ ее отъ вины и наказанія, принявъ во вниманіе невольное заблужденіе, въ которомъ она находилась, получая солдатскій паекъ за покойнаго мужа.

По этому случаю судъ заслушалъ также свидѣтельскія показанія Стефана Борсука, одного изъ двухъ, чудеснымъ образомъ спасшихся отъ смерти 15 сентября 1914 г., крестьянъ *). Онъ пріѣхалъ къ разбирательству съ итальянскаго фронта и рассказалъ о самомъ событіи 15 сентября слѣдующее:

— „Меня взяли жандармы изъ дому вмѣстѣ съ другими 14 сентября. Почему насъ взяли и куда поведутъ, ни я, ни мои товарищи ничего не знали. Я спросилъ по пути жандарма, куда приказано насъ отвести, но жандармъ отвѣтилъ, что получилъ приказъ отъ коменданта отвести насъ въ жандармское управленіе. Въ управленіи застали мы уже многихъ другихъ арестованныхъ изъ другихъ селъ, а въ ихъ числѣ также мужа подсудимой, Петра Ковали, который сообщилъ мнѣ, что его

берутъ на военную службу. Отсюда насъ погнали на станцію Кросценко и утромъ 15 сентября мы уѣхали по желѣзной дорогѣ въ направленіи Перемышля. Въ Бакунчицахъ подѣ Перемышлемъ велѣли выходить изъ вагона и здѣсь только мы узнали, что насъ арестовали за то, что мы „москвофилы“...

„Когда насъ вели въ Перемышлѣ по какой-то улицѣ, собравшаяся вокругъ насъ толпа бросала камнями, ругала насъ измѣнниками, плевала на насъ и била по лицу. Я получилъ отъ какого-то еврея двѣ пощечины. Никто изъ жандармовъ насъ не защищалъ. Затѣмъ мы встрѣтились съ группой солдатъ. Кто-то изъ нихъ спросилъ жандарма Лангзама, кто мы такіе? Я слышалъ, что онъ отвѣтилъ что-то по нѣмецки, однако, не понялъ его. На дальнѣйшій вопросъ — куда насъ ведутъ, слѣдовалъ Лангзамъ такое движеніе рукой, что я сразу-же понялъ, что насъ повѣсятъ. Я страшно испугался. Но тутъ уже бросились на насъ солдаты съ обнаженными саблями и начали рубить. Я видѣлъ брызжущую кровь, падающихъ людей. Увидѣлъ, какъ какая-то барышня упала на колѣни и сложила руки къ молитвѣ, а въ то-же мгновеніе солдатъ рубанулъ ее саблей по головѣ, такъ что кругомъ брызнула кровь и она упала замертво; люди рассказывали, что это дочь священника изъ Войтковой.

„Мы бросились въ разбѣжку. За нами начали стрѣлять. Я получилъ пулю въ руку и упалъ, а затѣмъ, когда другихъ рубили, среди страшнаго крика и стоновъ, я подползъ подъ какого-то убитаго и притаился. Послѣ всего унеси меня въ госпиталь, а сейчасъ я нахожусь на военной службѣ въ полевой

кухлѣ на итальянскомъ фронтѣ. За что насъ арестовали и за что убили моихъ товарищей, я не знаю“...

С. Барычъ.

(Изъ записокъ о. Р. С. Копытальскаго)

Сейчасъ послѣ объявленія войны, въ первыхъ же числахъ августа 1914 г. начались на всемъ пространствѣ нашей многострадальной родины массовые аресты русскихъ людей, издавна уже заподозрѣнныхъ австрійскимъ правительствомъ въ „русофильствѣ“, а теперь прямо-таки признанныхъ на этомъ основаніи, безъ всякаго слѣдствія и суда, опасными государственными преступниками — „измѣнниками“ и „шпіонами“, подлежащими сплошъ, если не полному истребленію, то, по крайней мѣрѣ, довременному обезвреженію и заключенію въ тюрьмы.

1 августа 1914 г. получилъ я изъ перемышльскаго староства телеграфическій приказъ явиться въ теченіе 24 часовъ въ комиссаріатъ полиціи въ Перемышлѣ для дачи какихъ-то объясненій и справокъ. Не имѣя понятія, для чего я имъ понадобился, а въ то-же время не предчувствуя ничего худого, я отправился въ Перемышль, куда прибылъ, вслѣдствіе опозданія на поѣздъ, только въ 11 часовъ ночи, но, тѣмъ не менѣе, прямо съ вокзала отправился въ полицейское управленіе.

Здѣсь я засталъ еще нѣсколькихъ чиновниковъ, одинъ изъ которыхъ, — какъ я впослѣдствіи узналъ, — полицейскій совѣтникъ Бенуа, обратился ко мнѣ съ утрированно вѣжливой улыбкой и спросилъ — что мнѣ тутъ нужно? Я предъязылъ ему телеграмму и спросилъ въ свою очередь, для чего меня потребовали такъ срочно? Тогда совѣтникъ Бенуа, скорчивъ многозначитель-

ную гримасу, объявилъ мнѣ, что я долженъ буду задержаться въ Перемышлѣ нѣсколько дней, пока меня не допросятъ, причемъ прибавилъ, какъ-бы извиняясь, что самъ онъ, да и полиція вообще, противъ меня ничего не имѣетъ, а исполняетъ только прямое приказаніе военныхъ крѣпостныхъ властей. Послѣ этого онъ велѣлъ полицейскому агенту отвести меня въ училище им. Конарскаго, предназначенное временно для интернировки „русофиловъ“.

Здѣсь засталъ я уже цѣлое собраніе моихъ собратій и единомышленниковъ, какъ мѣстныхъ, такъ и изъ уѣзда, помѣщавшихся въ двухъ комнатахъ, отдѣльно интеллигенты и крестьяне, причемъ съ каждымъ днемъ число интернированныхъ увеличивалось, такъ что въ концѣ концовъ всѣхъ насъ набралось 43 человекъ. Между прочимъ, находились здѣсь священники Дуркотъ изъ Болестрапичъ, Серединскій изъ Быкова, Малинякъ изъ Сливницы, Кульматикскій изъ Дроздовичъ, Бѣрецкій и др., затѣмъ адвокаты д-ра К. С. Черлунчакевичъ и О. О. Крушивскій, члены правленія кредитнаго о-ва „Нива“ Балакинъ, Борухъ и Махлай, г-жа Нат. Ю. Несторовичъ, гг. Ферд. Левицкій, Котельницкій и рядъ другихъ.

Въ училищѣ Конарскаго жилось намъ на первыхъ порахъ еще сравнительно сносно. Намъ было разрѣшено получать частнымъ образомъ пищу, переписываться съ родными (хотя и подѣ строжайшей цензурой), а даже принимать, въ присутствіи надзирателей, посѣщенія родныхъ и знакомыхъ. При этомъ караулившая насъ стража, состоявшая изъ полицейскихъ и жандармовъ, обращалась съ нами пока-что довольно хорошо. Много неприятнаго приходилось испытывать только со стороны враждебной и сфана-

*). Вторѣ изъ нихъ — Иванъ Махлякъ изъ с. Войтковой волостъ Хиро и. Примѣч. ред. „Альманаха“

тивозанной городской польско-еврейско-мазепинской толпы, которая собиралась обыкновенно вечеромъ подъ нашими окнами, истушенно ругая насъ при этомъ или же неистово ревя, то польскія революціонныя пѣсни. то пресловутые, такъ опостылѣвшіе всѣмъ намъ, „украинскіе гимны“.

Заключеніе наше въ училищѣ Конарскаго продолжалось одну недѣлю, послѣ чего мы были ночью, подъ сильной эскортой изъ жандармовъ, перевезены на сорныхъ магистратскихъ телегахъ въ тюрьму. при окружномъ судѣ. Во время этой перевозки, несмотря на ночную пору, за нами всю дорогу, съ дикими ругательствами и угрозами, бѣжали кучки разъяренныхъ австрійскихъ „патріотовъ“, забрасывая насъ при этомъ камнями.

Въ окружной тюрьмѣ, послѣ обыкновеннаго пріемнаго протокола и личнаго обыска, насъ размѣстили по камерамъ, причемъ, напр., въ ту камеру, въ которую попалъ я, помѣстили 17 человѣкъ. Здѣсь мы уже, конечно, не пользовались такой относительной свободой, какъ въ училищѣ Конарскаго, однако, намъ, священникамъ, все-таки разрѣшили, по ходатайству о. П. Дуркота, школьнаго товарища и личнаго друга судейскаго совѣтника О-го, служить каждый день въ тюремной часовнѣ обѣдню, причемъ уходившее на это время засчитывалось, какъ священнодѣйствующему, такъ и посѣщавшимъ обѣдню узникамъ, взаимно ва полагавшимся намъ одинъ часъ тюремной „прогулки“. Кроме того, намъ была оказана льгота также въ отношеніи питанія, благодаря тому, что тюремный врачъ согласился перевести насъ на больничную пищу, которая, хотя тоже не отличалась особенными достоинствами, но все-таки была значи-

тельно лучше обычной арестантской „менажи“.

По истеченіи двухъ недѣль, 22 августа, вечеромъ, намъ приказали собираться въ дорогу, а затѣмъ, въ 2 часа ночи, возвративъ намъ всѣ отнятыя при поступленіи въ тюрьму вещи и деньги, вывели четверками, подъ эскортой 12 жандармовъ, на вокзалъ, причемъ на этотъ разъ въ пути уже почему-то обошлось безъ издѣвательствъ и безчинствъ со стороны уличной толпы. Зато на вокзалѣ, при отходѣ нашего поѣзда, намъ пришлось все-таки выслушать соотвѣтственные бранныя напутствія со стороны собравшихся солдатъ, жел.-дор. служавшихъ и всякаго другого сброда.

Въ пути, до самой Вѣны, мы ѣхали сравнительно благополучно, въ пассажирскихъ вагонахъ по 8 человѣкъ на отдѣленіе, не подвергаясь уже больше никакимъ нападеніямъ и безчинствамъ со стороны попутныхъ станціонныхъ „патріотовъ“. Этимъ мы были обязаны, главнымъ образомъ, заботливой и предусмотрительной охранѣ со стороны эскортировавшихъ насъ жандармовъ, которые и вообще, ознакомившись ближе съ причинами и обстоятельствами нашего ареста, относились къ намъ все время вполне удовлетворительно и корректно.

Въ Вѣнѣ помѣстили насъ въ Rudolfskaserne, куда стали затѣмъ приводить также другіе транспорты арестованныхъ, какъ нашихъ земляковъ, такъ и вывезенныхъ австрійцами русскихъ чиновниковъ изъ занятыхъ ими пограничныхъ мѣстностей Россіи, а черезъ нѣсколько дней погрузили насъ всѣхъ опять на поѣздъ и повезли дальше на западъ.

Послѣ 10-часовой ѣзды велѣли намъ выходить изъ вагоновъ и повели пѣшкомъ въ отстоящій въ 3—4 километрахъ отъ станціи Stift Zwettl, въ Нижней Австріи. Тутъ, подвергнувъ насъ снова тщательному личному обыску и переписавъ всѣхъ, помѣстили насъ сначала на открытомъ воздухѣ въ подворьи Цистерціанскаго монастыря. У всѣхъ насъ отняли въ депозитъ всякія бумаги, драгоценности и деньги, оставивъ только по нѣсколько кронъ на человѣка. Во дворѣ продержали насъ въ строю, уставшихъ и голодныхъ, съ утра до 2 часовъ дня, послѣ чего только позволили намъ отправиться подъ эскортой въ ближайшій трактиръ пообѣдать. Во время обѣда, который былъ поданъ намъ во дворѣ трактира, успѣвший уже подвыпить капралъ, начальникъ нашей эскорты, неожиданно выкинулъ вдругъ своеобразную шутку, а именно, скомандовалъ стоявшимъ въ сторонѣ своимъ солдатамъ „laden“ (заряжать ружья), не то желая покуражиться только, не то дѣйствительно рѣшившись, подъ вліяніемъ винныхъ паровъ, показать свою власть надъ нами. Къ счастью, онъ тутъ-же одумался и оставилъ насъ уже въ покоѣ. Затѣмъ было разрѣшено тѣмъ изъ насъ, у кого имѣлись деньги, отправиться (конечно, тоже подъ стражей) на ночлегъ въ гостиницу, остальныхъ же, въ томъ числѣ и меня, помѣстили въ зданіи мѣстной школы, причемъ намъ пришлось расположиться въ повалку на голомъ полу. Такъ мы провели здѣсь 2 дня, послѣ чего перевели насъ въ какой-то сарай, гдѣ намъ уже дали на подстилку солому. Такъ какъ всѣхъ насъ было около 130 человѣкъ, а въ сараѣ не было настолько мѣста, то часть, преимущественно крестьянъ, помѣстили въ сосѣднихъ конюшняхъ, а нѣсколько че-

ловѣкъ въ старой приходской усадьбѣ. Въ виду того, что насъ предполагалось продержать здѣсь болѣе продолжительное время, со временемъ построили для насъ особую кухню и отхожія мѣста. Взявшій насъ подъ свое попеченіе, отъ имени административныхъ властей, одинъ изъ патровъ-цистерціанъ занялся сборомъ про довольствія и устройствомъ приготовленія для насъ пищи, причемъ въ поварахъ взялъ трехъ человѣкъ изъ нашей же среды.

Тѣмъ не менѣе, черезъ нѣсколько дней насъ опять погнали дальше, а именно, въ находящійся на разстояніи 8 километровъ городокъ Zwettl, гдѣ насъ помѣстили въ пріютѣ для нищихъ (Armenhaus). Здѣсь мы застали, въ свою очередь, много другихъ арестованныхъ, какъ галичанъ, такъ и изъ Россіи, а также нѣсколько французовъ и бельгийцевъ, такъ что всѣхъ насъ набралось теперь свыше 170 чел.

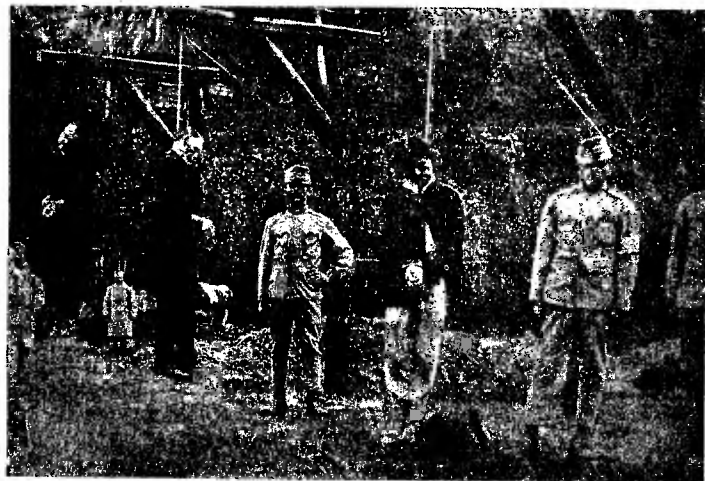
Черезъ 5 дней всѣхъ насъ отправили въ Karlstein, гдѣ мы пробыли цѣлый мѣсяцъ, съ 8 сентября по 9 октября. Здѣсь намъ пришлось испытать много тяжелаго, главнымъ образомъ, благодаря крайней жестокости и злобѣ являвавшегося высшей на мѣстѣ нашей властью старосты изъ близкаго г. Waidhofen, который, въ неоднократные свои пріѣзды, не только самъ всячески притѣснялъ и обижалъ насъ, но настоячиво приказывалъ также караулившимъ насъ солдатамъ обращаться съ нами по возможности строго и безпощадно, а въ случаѣ малѣйшаго неповиновенія или протеста—просто убивать на мѣстѣ. Въ то-же время многимъ изъ насъ пришлось испытать здѣсь еще и другого рода тяготы, а именно, ихъ брали часто, преимущественно крестьянъ, на тяжелыя работы, какъ-то, по регуляціи рѣки, удобренію

полей и сбору картошки. Жили мы здѣсь въ старинномъ, полуразрушенномъ и пустомъ зданіи, повидимому — бывшемъ Raubritterschloss-ѣ, кормились же, такъ сказать, собственнымъ промышленіемъ, главнымъ образомъ — картошкой, которую мы получали отъ смотрителя замка, а только имѣвшіе въ депозитъ свои деньги могли получать изъ ресторана за свой счетъ лучшую пищу. Много страданій причинили также тѣмъ изъ насъ, кто не имѣлъ теплой одежды (а такихъ было громадное большинство) рѣзкіе холода, отъ которыхъ вскорѣ

многіе болѣе или менѣе серьезно заболѣли.

Наконецъ, 9 октября опять велѣли намъ собираться, а затѣмъ погнали пѣшкомъ на находившуюся въ 8 километрахъ станцію Dobersberg. Продержавъ насъ и здѣсь еще, съ ночлегомъ въ сосѣдней деревнѣ, на холодѣ и голодѣ цѣлыя сутки, погрузили насъ, наконецъ, на слѣдующій день въ вагоны и привезли уже прямо на ставцію Abtissendorf, а оттуда — въ приснопамятный Талергофъ.

Свящ. Романъ Копыстанскій.

Одна изъ эзекучій

О. Романъ Березовскій и крестьяне Левъ Кобылянский и Пантелеймонъ Жабякъ. (См. стр. 31).

Равскій уѣздъ.

Въ с. Белъцѣ были арестованы жандармами Петръ и Марія Юрчакъ съ сыномъ. Здѣсь происходили ожесточенные бои, во время которыхъ населеніе

скрывалось по лѣсамъ, чѣмъ и объясняется, что арестовано только этихъ троихъ крестьянъ.

Въ с. Бѣлой были арестованы студ. Харпола и крест. Иванъ Дроздъ съ сыномъ. Повѣшенъ одинъ крестьянинъ.

Въ с. Верхратѣ былъ арестованъ Михаилъ Волкъ.

Въ с. Волькахъ-Мазовецкихъ были арестованы Иванъ Баданъ и Петръ Морозъ. Арестованныхъ избили до крови.

Въ с. Гойчѣ были арестованы преподаватель гимназій д-ръ Владиміръ А. Колпачкевичъ и крестьяне — Павелъ Мельникъ, Илья Трушъ, Данило Ивануса, Павелъ Збышко и ученикъ Григорій Дацковъ. Разстрѣляны были три крестьянина: Иванъ Васильковъ, Иванъ Бабій и Федоръ Яцковъ.

Въ с. Гребенномъ былъ арестованъ свящ. Богданъ Ломницкій, когда онъ вставалъ утромъ съ кровати; одна нога у него была обута, другая босая. Такъ его и погнали въ Русскую-Раву, гдѣ толпа избила его до крови.

Въ с. Девятырѣ были арестованы: Михаилъ Черній, Тимофей Мартинъ, Михаилъ Молоко и Михаилъ Редуха.

Въ с. Журъвцахъ былъ арестованъ Иванъ Ратскій, дѣятельный русскій крестьянинъ, бывший солью въ глазахъ мѣстныхъ „украинцевъ“.

Въ с. Каменкѣ-Липникъ были арестованы свящ. І. Боровецъ, студ. М. А. Марко и нѣсколько крестьянъ, по доносу мазепинцевъ — начальника жел.-дорож. станціи Г. Капка и сельскаго писаря М. Клуба.

Въ с. Каменкѣ Лѣсной былъ арестованъ студ. Петръ Е. Кулиничъ, который, однако, черезъ нѣсколько дней былъ отпущенъ на свободу. Въ западныхъ провинціяхъ были высланы: священ. Левъ Саламонъ и крестьяне Илья

Залужный, Дмитрій Яцунъ, Яковъ Бучма и сынъ его Осипъ, Федоръ Супинка, Акимъ Лушукъ, Семенъ Баджонъ. Убиты солдатами Василій Лука, который за что-то обругалъ мѣстнаго еврея, и Федоръ Залужный.

Въ с. Потыличѣ были арестованы Петръ Грицышинъ, Тимофей Грицынъ, Иванъ Шепелявецъ, Григорій Дудокъ и Степанъ Лиликъ.

Въ сс. Рудѣ и Лавриковѣ были арестованы: свящ. Николай Осмѣловскій, студентъ Зенонъ Мохнацкій и нѣсколько крестьянъ.

Въ с. Рудѣ Монастырской часть села называется „на Козакахъ“. Это было причиной, что австрійцы закололи слѣдующихъ жителей: Алексѣя Камута, Луку Малоѣда, Матвѣя Максимяка, Федора Федюка, Варнару Калѣку, Андрея Калѣку, Савву Кожушка, Настю Пилипецъ, Анну Нижникъ и цѣлую семью Думичей — Михаила, его жену и двое дѣтей Меланію и Степана. Дома убитыхъ были сожжены или разрушены до основанія. Тамъ-же были повѣшены мадярами Иванъ Стельмахъ, Иванъ Нижникъ и свящ. Василій Демчукъ, послѣдній подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ будто-бы поминалъ во время Богослуженія не австрійскаго императора, а русскаго царя.

Въ с. Денискахъ былъ арестованъ свящ. Пантелеймонъ Скоморичъ.

Въ м. Угновѣ былъ арестованъ свящ. Василій Романовскій по доносу мазепинца Онышкевича, причемъ въ пути на вокзалъ былъ оплеванъ и избитъ толпой.

Въ с. Щирцѣ, вслѣдствіе доносовъ немировскаго купца Срули Шаля и другихъ, явился къ мѣстному священнику о. Степану Кійку жандармъ, кото-

рый, однако, узнавъ, что о. Кійко — русский, къ общему удивленію заявилъ, что онъ не вѣритъ доносамъ, и оставилъ его въ покоѣ. Оказалось, что жандармъ былъ по національности чехъ, славянофилъ. Послѣ этого тотъ-же Сруль Шаль, питавшій какую-то личную злобу къ о. Кійку, дважды еще насылалъ на него какихъ-то солдатъ и хулигановъ, чтобы его убить, но и это, къ счастью, ему не удалось.

П. Кулиничъ.

(„Прик. Русь“, 1914 г. № 1440).

Въ Равѣ Русской былъ арестованъ и вывезенъ, сначала въ Венгрію, а затѣмъ въ Вѣну, судья Вл. Р. Перфецкій, который былъ военнымъ судомъ приговоренъ къ смертной казни, но потомъ помилованъ и въ 1918 г. отпущенъ на свободу.

Въ с. Каменкѣ-Старое Село были арестованы студ. В. Климок и нѣсколько крестьянъ.

Въ с. Каменкѣ Лѣсной были произведены слѣдующіе аресты:

1) Настоятель прихода о. Левъ В. Саламонъ былъ арестованъ 7 авг. 1914 г. мадьярскими гусарами и отведенъ въ жолковскую тюрьму, затѣмъ переведенъ во Львовъ, въ тюрьму „Бригидки“, а въ концѣ августа вывезенъ съ первымъ же транспортомъ въ Талергофъ; тутъ оставался до 1 мая 1917 г., послѣ чего до 1 сентября того-же года былъ конфинированъ въ Доберсбергъ въ Нижней Австріи.

2) Жена его Юлія О. Саламонъ была арестована 7 дек. 1915 г. и отправлена въ Талергофъ, гдѣ оставалась тоже до 1 мая 1917 г., а затѣмъ подверглась вмѣстѣ съ мужемъ конфинировкѣ въ Доберсбергъ.

3) Крестьянинъ Илья Д. Залужный, арест. 7 авг. 1914 г., до 1915 г. въ Талергофѣ, затѣмъ въ Гминдѣ; умеръ дома 8 янв. 1918 г.

4) Крест. Яковъ Ст. Бучма, арест. въ августѣ 1914 г., затѣмъ вывезенъ въ Талергофъ, гдѣ 30 марта 1915 г. и умеръ отъ тифа.

5) Сынъ его Осипъ Я. Бучма, арест. въ августѣ 1914 г., до 1915 г. въ Талергофѣ, затѣмъ призванъ въ армию. Умеръ дома 9 апр. 1922 г.

6) Крест. Василий Гр. Лака, арест. въ августѣ 1914 г., затѣмъ вывезенъ въ Талергофъ, гдѣ и умеръ отъ тифа 2 марта 1915 г.

7) Крест. Гр. Ив. Стадницій, арест. въ августѣ 1914 г., до 1915 г. въ Талергофѣ, затѣмъ призванъ въ армию.

8) Крест. Мих. С. Березовецъ, арест. въ августѣ 1914 г., до 1915 г. въ Талергофѣ, затѣмъ призванъ въ армию и убитъ 17 іюня 1916 г. на итальянскомъ фронтѣ.

9) Крест. Дм. А. Яцунъ, арест. въ августѣ 1914 г., до 1 мая 1917 г. интернированъ въ Терезинѣ и Талергофѣ. Умеръ 28 февр. 1922 г. дома.

10) Крест. Андрей О. Струкъ, арест. въ августѣ 1914 г., вывезенъ въ Терезинѣ, а затѣмъ въ Талергофъ, откуда въ 1915 г. отпущенъ на свободу.

11) Крест. Семенъ Ив. Кудрикъ, арест. въ августѣ 1914 г., затѣмъ интернированъ въ Терезинѣ и Талергофѣ, въ 1915 г. отпущенъ на свободу.

12) Крест. Якимъ Р. Луцикъ, арест. въ августѣ 1914 г., интерн. въ Терезинѣ и Талергофѣ, въ 1915 г. призванъ на военную службу.

13) Крест. Оедоръ Н. Луцикъ, арест. въ августѣ 1914 г., интерн. въ

Терезинѣ и Талергофѣ, въ 1915 году призванъ на военную службу.

14) Крест. Вас. О. Зеленый, арест. въ 1915 г. и приговоренъ къ тюремному заключенію. Умеръ въ 1917 г. въ Гминдѣ.

15) Крест. Максимъ А. Холодъ, арест. въ 1915 г., освобожденъ въ 1918 г.

С. Рѣчица.

(Сообщеніе крест. Андрея Демчука).

Мои злключения начались еще въ 1912 году, по случаю бывшей тогда тоже военной мобилизаціи. Дѣло въ томъ, что на меня донесли наши домашніе „украинцы“, будто я уговаривалъ одного солдата, въ случаѣ войны съ Россіей, не стрѣлять въ русскихъ, а лучше всего сдаться имъ въ плѣнъ, за что и былъ приговоренъ въ мартѣ 1913 г. къ тюремному заключенію во Львовѣ, а затѣмъ въ Тарнополь, изъ котораго былъ отпущенъ только 1 августа 1914 г.

Не успѣлъ я еще, какъ слѣдуетъ, оглянуться дома и свободно вздохнуть, какъ вдругъ 10 августа былъ опять, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими односельчанами, арестованъ въ качествѣ „измѣнника“ и „шпіона“. Вмѣстѣ со мною были арестованы еще: Степанъ и Иванъ Демчуки, Теофилъ Савка, Илья и Лука Ключковскіе, Андрей Дума и Іосифъ Баворовскій. Арестовали насъ комендантъ мѣстнаго жандармскаго поста Онуфрій Процевъ и войтъ Кость Кинахъ, оба ревные „украинцы“, которые воспользовались удобнымъ случаемъ, чтобы расправиться съ ненавистными „капапами“. Затѣмъ отправили насъ подъ eskortой акцизныхъ стражниковъ въ Перемишль, причемъ одинъ изъ послѣднихъ, тоже „украинецъ“, Нагур-

скій, все страдалъ насъ, что завтра же будемъ въ Перемишлѣ казнены.

На станціи въ Равѣ-Русской, когда мы уже сидѣли въ вагонѣ, подошелъ къ намъ какой-то высокій австрійскій майоръ и спросилъ стражниковъ — зачѣмъ и куда насъ везутъ, а узнавъ, что мы „москвофилы“, замѣтилъ, что это еще не преступленіе и что напрасно таскаютъ насъ куда-то. Но поѣздъ тронулся и мы поѣхали дальше.

Въ Перемишлѣ стражники повели насъ сперва въ гарнизонную тюрьму, но тамъ, въ виду отсутствія надлежащаго обвиненія, насъ не приняли. Тогда отвели насъ на полицію, а оттуда въ тюрьму при окружномъ судѣ, гдѣ мы застали уже много арестованныхъ русскихъ людей, въ томъ числѣ адвокатовъ Черлюнчакевича и Крушинскаго, судью Гиссовскаго и другихъ.

Черезъ нѣкоторое время всѣхъ насъ, цѣлый транспортъ изъ 170 человекъ, вывели въ Вѣну, затѣмъ въ Штифт-Цветль, Карштайнъ и, наконецъ, въ Талергофъ.

Прибавлю еще, что послѣ нашего ареста и вывоза, войтъ Кость Кинахъ все еще не могъ успокоиться и, бѣгая съ палкой по селу, угрожалъ, что выдастъ еще 40 человекъ на висѣлицу. Къ счастью, однако, осуществить эту угрозу ему уже не удалось, тѣмъ какъ вскорѣ пришли въ деревню русскія войска, которыя забрали и его самого и нѣсколькихъ его прислѣшниковъ съ собою.

Изъ другихъ нашихъ сельскихъ „украинцевъ“ слѣдуетъ упомянуть еще о писарѣ Лукѣ Томашевскомъ, котораго сильно обезпокоило обстоятельство, что одинъ изъ нашихъ русскихъ крестьянъ, Григорій Мартинъ, хотя и былъ первоначально арестованъ вмѣстѣ съ други-

ми, былъ потомъ все-таки почему-то отпущенъ на свободу. Томашевскій зашелъ даже однажды съ австрійскими солдатами къ нему въ домъ и угрожалъ ему, что, если онъ только захочетъ, то тотъ будетъ повѣшенъ, а затѣмъ пытался было натравить на него солдатъ, но это ему не удалось, такъ какъ въ числѣ этихъ послѣднихъ оказался случайно хорошій знакомый Мартина, ко-

торый и заступился за него. Впослѣдствіи тотъ-же Томашевскій пробовалъ было еще черезъ Михаила Колешку вымогать съ Мартина деньги, а именно, потребовать отъ него немедленной уплаты 200 коронъ, угрожая въ противномъ случаѣ снова висѣлицей, но, не получивъ таковыхъ, въ концѣ концовъ оставилъ его въ покоѣ.

Андрей Демчукъ.

Радеховскій уѣздъ.

С. Кривое. Въ с. Кривомъ были арестованы австрійцами въ 1915 г. 9 женщинъ и 6 мужчинъ: 1) Анна Олѣйникъ, 38 лѣтъ, 2) Татьяна Ткачукъ 50 л., 3) Евдокія Парій, 54 л., 4) Евдокія Шавалюкъ, 52 л., 5) Елена Бойко, 55 л., 6) Евдокія Красота, 55 л., 7) Оекла Борицъ, 25 л., 8) Анна Дацковъ, 74 л., 9) Елена Дацковъ, 40 л. (послѣднія двѣ оставили дома безъ опеки трое дѣтей отъ 2—6 лѣтъ), 10) Максимъ Шкраба, 80 л., 11) Михаилъ К. Степановъ, 65 л., 12) Василий Романюкъ, 72 л., 13) Димитрій Ковяръ, 70 л., 14) Михаилъ Дацковъ, 75 л. (послѣдніе два умерли въ Талергофѣ отъ тифа) и 15) Василий Шарко, 34 лѣтъ. Всѣ арестованные были сознательные русскіе люди.

Причиной арестовъ послужили доносы австро-нѣмецкихъ „патріотовъ“ — украинофиловъ. Арестованные были отвезены ночью въ Радеховъ, затѣмъ въ Талергофъ.

Гр. Ткачукъ.

Въ Радеховѣ австрійцы посадили въ тюрьму свящ. И. А. Давидовича и его сына въ качествѣ залож-

никовъ. Имъ заявили, что въ случаѣ, если бы въ мѣстечкѣ вспыхнули безпорядки или пожаръ, ихъ сейчасъ-же разстрѣляютъ. О. Давидовича арестовали и увели въ часъ ночи, не смотря на сильное воспаление легкихъ. („Прик. Русъ“, 1914 г. № 1484.)

Въ м. Холоевѣ радеховскій староста никого не арестовывалъ, но мѣстный священникъ „украинецъ“ Ст. Петрушевичъ сыграть роль австрійскаго жандарма и до тѣхъ поръ ходилъ въ жандармское управленіе съ просьбой очистить село отъ „кацаповъ“, пока не арестовали крестьянъ Грудку и Ващука. Грудка умеръ въ Талергофѣ. Подобная-же судьба постигла, однако, впослѣдствіи и самого доносчика: онъ бѣжалъ во время „украинско-польской войны“ въ Винницу и тамъ умеръ.

Въ с. Незнановѣ выдалъ нѣсколькихъ русскихъ крестьянъ нѣкто Гарухъ, въ томъ числѣ Николая Кушинскаго, Ивана Гасюка-Курилова, Михаила Уханскаго съ сыномъ Григоріемъ и Матвѣя Дмитраша. Послѣдній умеръ въ Талергофѣ.

Въ м. Бускѣ былъ арестованъ и высланъ Николай Оркисевичъ.

Въ с. Грабовой были арестованы Филиппъ и Игнатій Политилы.

Въ с. Топоровѣ былъ арестованъ Тимофей Прусь.

Въ с. Чаныжѣ было арестовано нѣсколько крестьянъ, большая часть которыхъ и не возвратилась болѣе домой, оставшись „подъ соснами“ въ Талергофѣ.

Рогатынскій уѣздъ.

Г. Бурштынъ.

(Сообщеніе судьи С. И. Билинкевича.)

15/28 іюля 1914 г. возвратился я изъ отпуска, но вскорѣ заболѣлъ и слегъ въ постель. Сейчасъ-же послѣ объявленія мобилизации узналъ я, что начались аресты русскихъ людей въ бурштынскомъ районѣ. 21-го іюля мнѣ сообщили, что въ тюрьму привели моего дядю, священника 70 лѣтъ, и шурина, свящ. Капка изъ Демяннова, вмѣстѣ съ 20 другими арестованными, заподозренными въ „руссософільствѣ“.

— Теперь очередь за мной, — подумалъ я и не ошибся. Къ моему дому явился жандармъ съ солдатомъ, не пуская никого въ домъ. На слѣдующій день въ комнату вошелъ жандармъ съ двумя врачами, которые, послѣ осмотра, заявили, что перевезти меня въ Львовъ невозможно. Еще черезъ день явился опять жандармъ и, послѣ произведеннаго обыска, арестовалъ меня, по оставивъ въ постели. Три недѣли стоялъ караулъ передъ входомъ въ домъ, не впуская и не выпуская никого изъ квартиры.

12 августа въ городѣ возникла паника. Изъ боязни пасть жертвой толпы, рѣшилъ я бѣжать, если только окажется возможнымъ. Попробовалъ встать, но не былъ въ состояніи сдѣлать двухъ шаговъ.

15 августа утромъ ворвались ко мнѣ солдаты-мадьяры и потребовали хлѣба, нѣсколько-же времени спустя явился австрійскій офицеръ. Офицеръ спросилъ только: „Вы — Билинкевичъ?“ и на мой утвердительный отвѣтъ только кивнулъ солдатамъ: „Also! Меня сейчасъ-же подняли съ постели и, приложивъ револьверъ къ головѣ, повели съ собой, не разрѣшивъ даже проститься съ семьей. По дорогѣ знакомый чиновникъ, полякъ Ставинскій, увидѣвъ меня подѣ стражей, всплеснулъ руками, и за это его тутъ-же арестовали.

Обоихъ насъ привели передъ городскую управу. Сюда прибѣжали незнакомый мнѣ жандармъ и мѣстный инженеръ Михаликъ, крича офицеру: „Не стрѣляйте Ставинскаго, онъ полякъ, онъ яи въ чемъ не виноватъ!“ Это вмѣшательство задержало нѣсколько экзекуцію и только благодаря ему я остался въ живыхъ. Въ тотъ-же моментъ раздалась русскія выстрѣлы Австрійскій офицеръ, приставленный ко мнѣ, бѣжалъ, крикнувъ жандарму: „Билинкевича разстрѣлять!“

Но этого приказанія исполнить уже не успѣли... Жандармъ побѣжалъ тоже, я остался одинъ на площади и медленно возвратился домой. У себя въ саду увидѣлъ я уже русскаго солдата, который преспокойно кушалъ яблоко.

С. Билинкевичъ.

Въ с. Липицѣ были убиты австрійцами двое крестьянъ. Въ с. Сѣвкѣ разстрѣляли мѣстный войтъ, въ с. Томашевцахъ были разстрѣляны восемь крестьянъ. Бѣжавшій передъ арестомъ крест. О. Н. Коптюхъ изъ Подгородья былъ захваченъ австрійцами въ сосѣднемъ селѣ Черчѣ. Его вытащили изъ дома, гдѣ онъ скрылся, и тутъ же закололи. Въ томъ же селѣ былъ арестованъ и высланъ свящ. И. Кинасевичъ.

С. Григоровъ.

(Сообщение Г. И. Слобода).

Мой покойный отецъ, Иванъ Гр. Слобода, 64-лѣтній старикъ, былъ арестованъ вахмистромъ жандармеріи, полкомъ Лангомъ, нынѣ городскимъ комиссаромъ въ Рогатынѣ. 24 августа 1914 года явился онъ въ сопровожденіи нѣсколькихъ солдатъ и войта-украинфила Ивана Левицкаго и произвелъ тщательный обыскъ. Всѣ русскія книги домашней библиотеки были конфискованы. Затѣмъ заперли отца вмѣстѣ съ покойнымъ Андреемъ Гр. Вознякомъ въ мѣстной колокольнѣ, продержавъ ихъ тамъ трое сутокъ безъ пищи и воды. Когда-же австрійская армія бѣжала при

наступленіи русскихъ войскъ, ихъ отвѣдывали скотомъ пѣшкомъ черезъ Ходоровъ во Львовъ. Конвоировали ихъ мадяры. Въ Ходоровѣ издѣвалась надъ ними разношерстная толпа, вырывала волосы, дергала за носъ и уши, а наконецъ, подвѣсила обоихъ на два часа на деревѣ („anbinden“). Что дальше случилось и какимъ путемъ прибылъ отецъ во Львовъ, онъ не запомнилъ, такъ какъ вслѣдствіе подвѣшивания потерялъ сознание. Во время эвакуаціи Львова и высылки политическихъ изъ „Бригидокъ“ отца отправили въ Талергофъ, гдѣ онъ пробылъ до осени 1915 года. До февраля 1916 г. проживалъ отецъ въ Гминдѣ, послѣ чего его отправили домой. Больной и потерявшій силы послѣ перенесенныхъ страданій, онъ умеръ 2 декабря 1921 г.

Въ Григоровѣ были арестованы, кромѣ него, еще слѣдующіе крестьяне: 1) Иванъ Гр. Слобода, 2) Андрей Гр. Вознякъ, 37 лѣтъ (умеръ 17/5 1915 г. въ Григоровѣ), 3) Григорій Вознякъ, 64 л., 4) Федоръ Вознякъ, 59 л., 5) Алексѣй Гнигъ, 58 л. (послѣдніе три умерли въ 1915 г. въ Талергофѣ) и 6) Филиппъ Конопка, 58 л.

Г. И. Слобода.

Рудецкій уѣздъ.

Въ г. Рудкахъ были арестованы: мѣщанинъ Ф. Химякъ, 78 лѣтъ, судья Петръ Химякъ и братъ епо Иванъ. Два послѣдніе были арестованы вслѣдствіе доноса евреевъ, Иванъ Химякъ оставилъ жену и семеро дѣтей. Всѣ они были арестованы исключительно потому, что они русскіе.

Въ с. Конюшкахъ были арестованы: свящ. Владиміръ Рыхлевскій,

псаломщикъ Иванъ Баранъ и войтъ Михаилъ Химякъ. Всѣ они пали жертвой доноса мазепинцевъ: гимназиста Ивана Моспана и крестьянина Михаила Коваля. Арестованный о. Рыхлевскій былъ нѣкоторое время спустя отпущенъ на свободу, но мазепинцы опять донесли жандармамъ, что о. Рыхлевскій чертитъ планы, ввиду чего жандармы, арестовавъ его вторично, увели его изъ села.

Въ с. Порѣчьѣ-Грунтѣ были арестованы: псаломщикъ Илья Охъярникъ, 50 лѣтъ, оставившій семеро дѣтей, и сынъ его Григорій, 16-лѣтній юноша. Донесли на нихъ мѣстные евреи и мѣстный настоятель прихода украинифиль Грешкевичъ.

Въ с. Люблинскомъ-Порѣчьѣ были арестованы крестьяне Василій Колода, Ф. Яремчукъ, Иванъ Яремчукъ и Петръ Яремчукъ.

Въ с. Задворномъ-Порѣчьѣ жандармы арестовали, по доносу мѣстной учительницы-польки, начальника жел.-дор. станціи Андрея Мрака и о. Легуцкаго, настоятеля прихода въ с. Пескахъ.

Въ с. Катериничахъ были арестованы крестьяне: К. Чурба, 64 лѣтъ, и сынъ его Казиміръ, Андрей Стельмахъ, Дмитрій Плугаторъ, 62 лѣтъ, Иванъ Толочка и сынъ его Федоръ, Иванъ Припьякъ, Михаилъ и Лука Чурки, Иванъ Мазуръ, 70 лѣтъ, и сынъ его Карлъ, Филеомонъ Ляшъ, Григорій Прухницкій съ 8-лѣтнимъ сыномъ Михайломъ, Антонъ Борецкій, 66 лѣтъ, Никита Адамишинъ, Аонасій Бѣликъ, 80 лѣтъ, и Андрей Плугаторъ. Кромѣ перечисленныхъ, было арестовано впоследствии еще много мужчинъ, женщинъ и дѣтей. Ихъ вытаскивали изъ домовъ и, согнавъ всѣхъ на площадь, отвели затѣмъ подъ конвоемъ въ Комарно „на замокъ“, гдѣ евреи и мѣстные поляки забросали ихъ камнями. Двухъ женщинъ, пытавшихся бѣжать, солдаты закололи штыками. „На замокъ“ въ Комарнѣ продержали ихъ цѣлыя сутки подъ открытымъ небомъ безъ пищи и воды. Въ этой группѣ находилась также беременная женщина Марія Плугаторъ, которую пригнали изъ Катериничъ. Тутъ она, вслѣдствіе утомленія и испуга,

преждевременно родила, однако, несмотря на ея стоны и мольбы, солдаты не разрѣшили никому придти ей съ помощью. „Пускай подохнетъ, собака!“ — кричали солдаты. Новорожденный ребенокъ, не дождавшись помощи, задохнулся, а когда несчастная женщина пыталась тутъ же похоронить трупъ своего ребенка, солдаты и этого ей не разрѣшили, а только вырвали его у нея изъ рукъ и бросили въ кусты, причемъ пригрозилъ заколотъ каждого, кто посмѣлъ бы предать землѣ мертвое тѣло.

На слѣдующій день австрійскій офицеръ снялъ группу арестованныхъ и приказалъ отдѣлить мужчинъ отъ женщинъ и дѣтей. Мужчинъ увели дальше, женщинъ же погнали на вокзалъ, приказавъ имъ оставаться здѣсь до вечера. Но женщины, опасаясь, что ихъ разстрѣляютъ, разбѣжались домой. Большинство уведенныхъ вернулось такимъ образомъ домой. Четыре мальчика пропали. Чтo съ ними случилось — неизвѣстно.

Нѣсколько дней спустя, опять явились въ Катериничахъ патрули, задержавшись въ деревнѣ всего на полъ часа, но и за это краткое время успѣли изнасиловать нѣсколько женщинъ и ограбить десятки крестьянскихъ хозяйствъ. Крестьянку Марію Зазулю, мать троихъ дѣтей, раздѣли до нага на глазахъ толпы и качали ее по колючему жнивью. Пойманному по дорогѣ крестьянину Андрею Плугатору завязали глаза, связали руки и ноги и увели его съ собой, подгоняя измученнаго и избитого до крови крестьянина новыми ударами прикладовъ...

(„Прик. Русь“, 1914, г. № 1486).

Изъ окрестностей м. Комарна. Сообщенія студента С. изъ села Монастырки возлѣ Комарна о масовыхъ арестахъ и казняхъ „русофиловъ“, о сожженіи цѣлыхъ селеній. о дикой расправѣ съ мирнымъ населеніемъ — это все какъ-будто точнѣйшая копія съ сообщеній всѣхъ русскихъ людей Галичины.

Расправа началась съ арестовъ. Во время мобилизаціи былъ арестованъ священникъ Дуткевичъ изъ с. Грушова, старикъ 70 лѣтъ, и жестоко избитъ жандармами на глазахъ его дочери и собѣжавшихся крестьянъ. Дочь его, г-жа Козакевичъ, пытавшаяся умиловить жестокаго жандарма слезами и мольбами, была имъ грубо оттолкнута и получила нѣсколько ударовъ прикладомъ. Въ той-же деревнѣ было арестовано много крестьянъ.

Въ с. Конюшкахъ Тулиговскихъ были арестованы свѣщ. Рыхлевскій и вся громадская управа съ войтомъ и писаремъ во главѣ. Кромѣ того были арестованы: свѣщ. Скобельскій изъ Горбачъ, Легуцкій изъ Порѣчья, Созанскій изъ Волопи съ сыномъ гимназистомъ, Романовскій изъ Дмитрѣя, Гмитрикъ изъ Звѣсковичъ, 85-лѣтній старикъ о. Монастырскій и много другихъ. Въ каждой изъ названныхъ деревень были также арестованы десятки крестьянъ. Хватали рѣшительно всѣхъ, кто былъ подписчикомъ русскихъ газетъ или членомъ О-ва Качковскаго, а даже просто тѣхъ, кто почему-либо былъ помѣхой мѣстному шинкарю еврею или просто мазепинскимъ агитаторамъ изъ мѣстныхъ учителей и студентовъ. Стоило только шепнуть на ухо жандарму, что такой-то подозрителенъ, и его немедленно арестовывали, заковыдали въ цѣпи и отправляли въ Венгрію или

Западную Австрію, а то проще на тотъ свѣтъ, то есть, разстрѣливали на мѣстѣ.

Впрочемъ, арестовывали не всѣхъ. Когда всѣ тюрьмы были до невозможнаго переполнены „русофилами“, а отправлять все новыя партіи за предѣлы края оказалось довольно затруднительнымъ, дикая мѣсть австрійскихъ властей выливалась въ другія формы. Съ „русофилами“ расправлялись по домашнему — били оглоблями, прикладами. Все это для острастки, въ назиданіе „хлопскому быдлу“, сгонявшемуся для этой цѣли къ лобному мѣсту.

Въ с. Монастыркахъ, гдѣ живетъ нашъ рассказчикъ, произошелъ случай подобной простой расправы. Жандармы выгнали изъ дома крест. Ивана Байцара, предсѣдателя мѣстной читальни Об-ва им. Мих. Качковскаго, завели его на площадь передъ сельскимъ управленіемъ и тамъ жестоко избивали прикладами; особенно неистовствовалъ жандармъ-полякъ Домбровскій изъ Погорецъ. Отецъ несчастной жертвы, престарѣлый Войтѣхъ Байцаръ (кстати сказать, полякъ-колонистъ), за мольбой о пощаду сына получилъ также нѣсколько ударовъ прикладомъ. Послѣ Байцаровъ пришла очередь на крест. Вас. Пацака, предоставившаго свой домъ для читальни О-ва Качковскаго; онъ былъ тоже избитъ на глазахъ всей деревни. Окончивъ своеобразное „правосудіе“, жандармъ Домбровскій заявилъ толпѣ, что онъ такъ-же само поступитъ со всѣми „русофилами“ въ деревнѣ.

Все это происходило во время мобилизаціи, до начала военныхъ дѣйствій.

Настоящіе ужасы начались послѣ сраженій на Гнилой Липѣ и подъ Николаевомъ. Бѣжавшія къ Сяну австрійскія подчища жгли, грабили, вѣшали, насиловали, какъ дикая орда гунновъ.

За свои пораженія мстили „русофиламъ-измѣнникамъ“, этимъ „главнымъ виновникамъ австрійскихъ пораженій“. Нѣтъ села, гдѣ бы не было повѣшенныхъ, звѣрски изувѣченныхъ. Село Устье сожжено до тла мадыарскими гонведами, которые бѣжали по селу съ горящими головнями и поджигали каждый домъ отдѣльно, стрѣляя по крестьянамъ, пытавшимся тушить пожаръ. Много труда стоило имъ поджогъ школы, зданія каменнаго и крытаго черепицей. Гонведы взобрались на крышу, сорвали черепицу, вырубали отверстіе, сунули туда снопы соломы и подожгли. Школа сгорѣла.

Отъ села Новоселокъ не осталось тоже ни слѣда.

Въ с. Дмитрѣй, возлѣ Щирца, въ приходской домъ ворвалось пять драгунъ съ вахмистромъ во главѣ; они выгнали изъ дому жену и дочь свѣщ. Романовскаго (самъ онъ былъ посланъ въ началѣ мобилизаціи) и тутъ-же на мѣстѣ вынесли имъ обѣимъ смертный приговоръ „за руссофильство“. Къ счастью, подѣхалъ офицеръ и отменилъ этотъ приговоръ. Онъ только грубо выругалъ испугавшихся до смерти женщинъ и приказалъ имъ не выглядывать на улицу, иначе „вздернетъ ихъ, какъ собакъ“.

(„Прок. Русь“, 1914 г., № 1431).

С. Вел. Горожанна.

(Сообщеніе пок. о. М. Матковскаго).

Въ с. Вел. Горожанну — по разсказу пок. свѣщ. М. Матковскаго, мѣстнаго настоятеля прихода, — пришли 28 августа австрійскія войска. Въ моемъ домѣ находились тогда, кромѣ моей дочери, свѣщ. Михаилъ Заяць изъ Малой Горожанны и гимназистъ М. Стасевъ.

Пополудни того-же дня явился ко мнѣ офицеръ съ отрядомъ гонведовъ. Войдя въ комнату, онъ заявилъ намъ, что мы арестованы, ибо, по полученнымъ имъ свѣдѣніямъ, мы давали свѣдѣнія русскимъ войскамъ о движеніи австрійской арміи. Слѣдуетъ замѣтить, что въ моей деревнѣ есть много мазепинцевъ. Въ своей ненависти ко всему русскому они способны на ложные доносы, провокацію и т. п., лишь бы только уничтожить своего партійнаго противника.

Несмотря на наши клятвы и увѣренія, что это ложный доносъ, насъ вывели подъ конвоемъ во дворъ. Тутъ моя дочь лишилась чувствъ. Тогда офицеръ, подскочивъ къ ней, приложилъ револьверъ къ ея головѣ и закричалъ по польски: „Вставай собака, а то я сейчасъ-же пушу тебѣ пулю въ лобъ!“ Когда крикъ офицера не помогъ, гонведы облили ее холодной водой, а затѣмъ занесли въ комнату. Насъ повели послѣ этого къ мѣстному крестьянину-мазепинцу Григорію Василишину, который долженъ былъ показать — кто мы такіе: мазепинцы или русскіе? Василишинъ заявилъ, что мы всѣ „староруссы“, и насъ сейчасъ-же повели къ дивизионному командиру, квартира котораго находилась въ помѣщеніи мѣстной читальни „Просвѣты“. Тамъ застали мы арестованнаго крестьянина-патріота Ивана Ксенчина и мазепинца, студента учит. семинаріи, Хамудяка, который донесъ, что Ксенчинъ „русофилъ“, а теперь долженъ былъ поддержать свое обвиненіе За „русофильство“, то есть, за открытое признаніе себя русскимъ, полагалась смертная казнь.

Нѣсколько минутъ спустя явился командиръ и, указывая на меня, приказалъ солдатамъ: „Вотъ его завтра

утромъ на открытомъ мѣстѣ въ Горожаннѣ разстрѣлять“.

И все это дѣлалось безъ суда, безъ свидѣтелей, только на основаніи одного показанія украинофила Василишина. Мои представленія, что нѣтъ человѣка, который могъ-бы съ чистой

Тутъ вмѣшался другой офицеръ (по національности — сербъ), ваявляя командиру, что, по собраннымъ имъ у крестьянъ свѣдѣніямъ, сдѣланный на меня доносъ не имѣетъ никакихъ основаній. Въ отвѣтъ на это заявленіе офицера-сербя, командиръ въ нашемъ присутствіи сдѣлалъ ему строгій выговоръ за то, что онъ вмѣшивается не въ свое дѣло, но нѣсколько минутъ спустя переѣхалъ свое рѣшеніе и приказалъ отвести насъ подъ конвоемъ въ с. Хлопы, возлѣ Рудокъ, представляя окончательное рѣшеніе нашей участи стоявшему тамъ на квартирѣ главнокомандующему.

Мы шли цѣлую ночь. Конвойные и встрѣчные солдаты били насъ прикладами и плевали въ лицо, бросая по нашему адресу грубыя ругательства, въ родѣ: „Russische Spione, Hunde, Popen“.

Наконецъ, мы пришли въ Рудки. Насъ повели прямо къ главнокомандующему, у котораго находился въ то время архикнязь Карлъ-Францъ-Іосифъ. Нѣсколько времени спустя намъ объявили, что мы, за отсутствіемъ доказательствъ нашей виновности, свободны и можемъ идти домой...

Въ с. Малой Горожаннѣ въ началѣ войны были арестованы: свящ. Михаилъ Заяцъ, студ. А. М. Заяцъ и нѣсколько крестьянъ. Во время сраженій, происходившихъ на линіи

Одна изъ экзекуцій.

совѣстью подтвердить возводимыя противъ меня обвиненія, не произвели на австрійскаго офицера никакого впечатлѣнія...

Николаевъ — Рудки, австрійцы увели съ собой 88 крестьянъ разнаго пола и возраста. Изъ нихъ возвратились домой всего 16 женщинъ и дѣтей и одинъ парень, успѣвшій бѣжать. По рассказамъ этихъ очевидцевъ, крестьянъ судили за то, что они давали проходившимъ черезъ село русскимъ солдатамъ воду и фрукты. Объ этомъ „преступленіи“ своихъ сосѣдей донесъ вновь явившимся австрійцамъ мавешинецъ М. Ковакъ. На основаніи его доноса были арестованы между прочими: И. Яремчукъ, 80 лѣтъ, В. Гриневъ, В. Петровъ, цѣлая семья Матвѣйцевыхъ и рядъ другихъ крестьянъ. Изъ нихъ В. Гриневъ былъ по пути повѣшенъ въ лѣсу.

С. Борче. Еще до войны были арестованы и высланы: свящ. Ю. Легуцкій, студентъ В. С. Михалиничъ и нѣсколько человѣкъ крестьянъ. Явившіеся въ село, послѣ объявленія войны, отряды австрійскихъ солдатъ звѣрскимъ образомъ издѣвались надъ оставшимся населеніемъ. Пятнадцать человѣкъ арестованныхъ, ночью, въ однихъ руба-

хахъ и связанныхъ, водили изъ деревни въ деревню, избивая ихъ до крови прикладами. Желудокъ одного изъ арестованныхъ солдаты изнасиловали на его-же глазахъ. У нѣкоторыхъ крестьянъ уничтожали ихъ имущество — рубили пилками овощи, выносили изъ клунъ немолоченый хлѣбъ во дворъ и топтали его лошадьми, опрокидывали ульи и т. п. Въ этихъ подвигахъ принимали участіе также офицеры. Крестьянину Н. Заболотному офицеръ приказалъ бѣжать рядомъ со своей лошадью, угрожая разстрѣломъ въ случаѣ, если онъ отстанетъ или упадетъ. Нѣсколько крестьянъ были привязаны къ деревьямъ на кладбищѣ. Въ такомъ положеніи имъ пришлось оставаться въ продолженіе сутокъ. Но мало того. Австрійцы, не считаясь съ религіозными чувствами населенія, ворвались въ церковь и, ища рублей и амуниціи, сорвали полъ, разбили церковную кассу, заграбили найденныя въ ней деньги и разгромили престолъ.

(„Прикарп. Русь“, 1914 г., № 1480.)

Самборскій и Старосамборскій уѣзды.

Награды за выдачу „москвофиловъ“.

Приводимъ полный текстъ официальнаго австрійскаго „Воззванія къ полякамъ, украинцамъ и евреямъ“, изданнаго въ началѣ мобилизаціи военнымъ комендантомъ г. Самбора на польскомъ и украинскомъ языкахъ и расклееннаго повсемѣстно, какъ въ самомъ городѣ, такъ и въ другихъ, болѣе значительныхъ мѣстностяхъ самборскаго уѣзда:

Odezwa

do polaków, ukraińców i żydów.

Nieprzyjaciół wyzyskuje ten poważny stan wojenny, w którym znajduje się teraz wasz kochany i piękny kraj, w tym celu, aby pewne podejrzanе elementa nieprzyjacielskiego państwa pomiędzy was się wśliznęły, celem użycia tutaj zamieszkałych moskalofilów do zdradzania nieprzyjacielowi ruchów wojskowych i naszego położenia.

Wypróbowany patryotyzm i niezachwiane oddanie się naszemu Najwyższemu Domowi, który do swoich wiernych poddanych zawsze pieczołowicie i po ludzku się odnosił, nie dopuści, aby patryotycznie usposobiony polak, ukrainiec i żyd ścierpił koło siebie takie indywiduum.

Przeciwnie, jest obowiązkiem podobne osoby uczynić nieszkodliwymi, to znaczy, skoro ktoś poweźmie wiadomości o takich osobach, należy donieść je najbliższej cywilnej lub wojskowej władzy. **Dostawienie osoby, której dowiedzionem zostanie szpiegostwo lub propaganda moskalofilstwa, wynagrodzonym będzie kwotą 50-500 kor.**

C. i k. komendant stacyjny.

То-же въ русскомъ переводѣ:

Воззвание

къ полякамъ, украинцамъ и евреямъ.

Неприятель пользуется серьезнымъ военнымъ положениемъ, въ какомъ сейчасъ находится вашъ любимый и прекрасный край, съ той цѣлью, чтобы извѣстные подоврительные элементы неприятельской государства могли проскользнуть въ вашу среду для исповнованія живущихъ здѣсь москвофиловъ съ цѣлью выдачи неприятелю свѣдѣній о движеніяхъ нашихъ войскъ и о нашемъ положеніи.

Испытанный патріотизмъ и непоколебимая преданность нашему Высочайшему Дому, который всегда заботливо и человѣчно относился къ своимъ вѣрнымъ подданнымъ, не допустить, чтобы патріотически настроенный полякъ, украинецъ и еврей могъ терпѣть такого рода субъектовъ рядомъ съ собою.

Напротивъ, является обязанностью обезвреживать подобныхъ лицъ, т. е. какъ только кто-нибудь получитъ свѣдѣнія о такого рода личностяхъ, слѣдуетъ донести о нихъ ближайшей граж-

данской или военной власти. Доставка лица, которое будетъ уличено въ шпіонствѣ или пропагандѣ москвофильства, будетъ вознаграждаться суммой 50 — 500 кронъ.

Ц. и к. комендантъ города.

С. Корничи.

(Сообщеніе Евгени Степ. Береской).

Покойный мой отецъ, Степанъ Андреевичъ Берескій (рожд. 1861 г.), состоялъ настоятелемъ прихода Корничи, самборскаго уѣзда.

Въ 1914 г., сейчасъ послѣ объявленія войны, начались преслѣдованія и обыски. Отца пока не трогали. Мы думали, что его минуетъ судьба, постигшая всѣхъ виднѣйшихъ русскихъ галичанъ. Только 13 сентября явились ночью представители военныхъ властей и арестовали отца, вслѣдствіе доносовъ и происковъ мѣстнаго учителя, украинофила Евстахія Коблянскаго. Арестованіе состоялось въ отсутствіе домашнихъ. Арестовавшіе обращались съ отцомъ очень грубо и не разрѣшили ему взять съ собой ни бѣлья, ни денегъ, въ виду чего ему пришлось провести нѣсколько мѣсяцевъ въ страшной нуждѣ. Со времени арестованія судьба отца была намъ неизвѣстна, такъ какъ русскія войска ваяли нашу мѣстность черезъ два дня послѣ этого событія, въ виду чего мы были совершенно отрѣзаны отъ австро-венгерскаго міра.

Жизнь отца въ тюрьмахъ и его путешествіе въ Талергофъ сообщаю въ выдержкахъ изъ его дневника:

„13 сентября явился ко мнѣ офицеръ въ сопровожденіи конвоя и, арестовавъ меня, примѣстилъ временно въ зданіи мѣстной школы. На слѣдую-

щій день погнали меня пѣшкомъ въ с. Вилковичи, а въ с. Волькѣ подали подводу и отвезли въ с. Быличи. Проходящія мимо военныя части посылали по моему адресу всяческія ругательства, а офицеры кричали: „Verräter aufhängen!“ Въ Быличахъ дали мнѣ обѣдъ, состоявшій изъ сомнительнаго качества супа и куска хлѣба; супъ я отдалъ солдатамъ, а хлѣбъ хотѣлъ было спрятать, но тутъ набросился на меня солдатъ и вырвалъ хлѣбъ. Не знаю, что руководило имъ — голодъ-ли или злоба, а только наблюдавшій эту сцену капралъ наказалъ его попечиной и велѣлъ отдать хлѣбъ. Изъ Быличъ пріѣхали мы въ Новое Мѣсто, гдѣ меня заперли на ночь въ помѣщицкомъ хлѣву, на слѣдующій же день отвезли въ Добромиль, гдѣ меня присоединили къ партіи, состоявшей изъ 23-хъ человѣкъ, и вмѣстѣ съ нею отвезли въ Перемышль. Въ Перемышлѣ повторились обычныя ругательства и издѣвательства со стороны мѣстнаго населенія и проѣзжихъ военныхъ частей. Послѣ получасовой передышки въ Перемышлѣ, отбылъ нашъ эшелонъ, въ составѣ 102 человѣкъ, въ Краковъ. Проѣздомъ мимо Радымна слышно было выстрѣлы русскихъ орудій и видно было взрывающіеся прапелли. Отступающіе австрійцы тянулись со всѣхъ сторонъ къ крѣпости.

16 сентября проѣхали мы черезъ Краковъ, а на слѣдующій день пополуночи прибыли въ Преровъ. Тутъ стоялъ уже другой транспортъ арестованныхъ. Около 10 часовъ вечера направили насъ въ „Рабочій Домъ“. Послѣ ужина отвели семи священникамъ кровати, а крестьянъ размѣстили на полу. Обращеніе было человѣческое, даже въ городѣ было разрѣшено выходить безъ всякой охраны.

18 сентября утромъ выѣхали

мы изъ Прерова подъ конвоемъ двухъ жандармовъ, въ закрытыхъ, безъ оконъ, вагонахъ. Въ виду недостатка воздуха, крестьяне подѣлали отверстія въ полу и стѣнахъ вагона.

19 сентября пріѣхали мы въ Вѣну и остановились на сѣверномъ вокзалѣ. Здѣсь приняли насъ мѣстные граждане, не исключая интеллигенціи, съ такою ненавистью и злобой, что жандармы, ставъ въ нашу защиту и опасаясь кровопролитія, ибо многіе изъ вѣнцевъ были вооружены, — пригрозили наступающей толпѣ оружіемъ въ случаѣ безчинствъ съ ея стороны. Между тѣмъ, закрыли вагоны на засовы и поѣздъ, проѣхавъ нѣкоторое пространство, остановился на почтительномъ разстояніи отъ вокзала.

Слѣдуетъ замѣтить, что не лучший пріемъ оказало намъ также польское населеніе во время проѣзда черезъ Краковъ. Каждый изъ находившихся на вокзалѣ, мужчина ли или женщина, считалъ своимъ патріотическимъ долгомъ кричать: „измѣнники, собаки“ и т. п.

С. Вел. Лѣнина.

(Сообщеніе о. Д. Куцѣя).

Въ старосамборскомъ уѣздѣ было арестовано 7 священниковъ, много крестьянъ и мѣщанъ изъ Старога Самбора и Старой Соли. Изъ священниковъ были арестованы: Северинъ Ясеницкій съ женою изъ Турля, Александръ Полонскій изъ Головеца Выжвяго, Григорій Бѣлинскій изъ Вольшиковой, Владиміръ Горницкій изъ Гор. Быличъ, Евгеній Козаневичъ изъ Страшевичъ, Несторъ Полонскій съ женою (находившійся въ то время у своего тестя въ Грозовой) и я съ сыномъ Николаемъ. Немного

спустя арестовали также второго моего сына, Льва, дочь Ярославу и жену.

Когда мадьяры пришли въ Вел. Лѣнину, арестовали семь крестьянъ, изъ которыхъ пять, послѣ страшнѣйшихъ издѣвательствъ надъ ними, разстрѣляли, а двоихъ малолѣтнихъ высѣкли до крови и отпустили на волю. Одного 20-лѣтняго парня поймали въ полѣ и разстрѣляли на мѣстѣ.

Въ Старомъ Самборѣ были арестованы: судья Григорій Глѣбовицкій, и студенты Іосифъ Шемердякъ, Левъ Шемердякъ, Скворонъ и Хривостомъ Гмитрикъ.

Первоначально арестовано въ Вел. Лѣвинѣ 12 крестьянъ, въ Турѣ около 30, въ соседнихъ селахъ по нѣскольکو человекъ.

Въ старосамборской тюрьмѣ сидѣли мы двѣ недѣли. Когда русская армія приближалась къ Карпатамъ, эвакуировали насъ, около 120 чел., изъ старосамборской тюрьмы и направили въ глубь Австріи. Наше путешествіе представляло сплошной крестный путь. Уже въ Самборѣ плевала намъ толпа въ лицо, ругала измѣнниками, въ Загорѣ бросала камнями въ вагоны, а въ Лупковѣ ворвался въ вагонъ австрійскій прапорщикъ-полякъ и, стегая насъ нагайкой, совершенно растрепалъ его о наши спины, причемъ больше всего досталось старику-священнику Ясеницкому, студентамъ Скворону, Шемердяку и Николаю Куцѣю.

Вечеромъ пріѣхали мы въ Межилаборецъ въ Венгрію. Здѣсь приказано намъ выдѣлать изъ вагоновъ, будто-бы къ ужину, а подходившіе мадьярскіе солдаты били чѣмъ и куда попало. Одинъ сержантъ билъ арестованныхъ священниковъ какимъ-то коломъ до тѣхъ поръ, пока тотъ не сломался. Въ Живцѣ обступили насъ фабричные изъ княжескаго

пивовареннаго завода и пробовали повторить побои, но проѣзжавшій жандармскій майоръ запретилъ имъ ивдѣваться надъ нами и даже сопровождалъ насъ нѣсколько пролетовъ для нашей защиты.

С в я щ. Д а н. К у ц ѣ й.

С. Гуменецъ.

По доносу украинофиловъ Степана и Ивана Шубаковъ были 20 августа 1914 г. арестованы въ Гуменцахъ мѣстный настоятель прихода, благочинный о. Іоаннъ Шемердякъ и крест. Иванъ Андріечко, причемъ производившіе арестъ жандармы не разрѣшили имъ даже взять съ собой какія-нибудь вещи и пищу.

Арестованныхъ отвезли вечеромъ въ Самборъ. Въ самборскихъ арестахъ находилось уже порядочное число арестованныхъ изъ города и уѣзда. По истеченіи недѣли отправили о. І. Шемердяка и И. Андріечка въ Перемышль. По пути пришлось имъ вынести не мало оскорбленій и побоевъ отъ разныхъ проходивцевъ, наибольше же пострадали оба арестованные въ Хировѣ, гдѣ ихъ помѣстили нѣкоторое время въ вестибюль вокзала. Подъ вечеръ присоединили обоихъ арестованныхъ къ партіи арестованныхъ изъ Турки и въ кандалахъ размѣстили въ товарныхъ вагонахъ. Проѣздъ изъ Хирова въ Перемышль былъ весьма тяжелый. На станціяхъ бросали въ вагоны камнями, а на нѣкоторыхъ станціяхъ толпа прямо приступомъ пыталась ворваться въ вагоны, причемъ можно было наблюдать, что въ большинствѣ случаевъ происходило это по наущенію представителей австрійскихъ властей и желѣзнодорожной администраціи.

Въ Перемышлѣ помѣстили часть арестованныхъ, 10 человекъ, въ томъ

числѣ о. Шемердяка, въ казармахъ на предмѣстѣи Бакунчицы. Здѣсь провели они ночь среди насѣкомыхъ и невообразимой грязи, а на слѣдующій день утромъ отставлено о. Шемердяка и И. Андріечка въ гарнизонную тюрьму, переполненную уже арестованными русскими людьми изъ интеллигенціи и крестьянъ.

Между тѣмъ, военные караулы смѣнила львовская полиція. Это убѣдило узниковъ, что Львовъ находится уже въ русскихъ рукахъ, но въ то-же время эта смѣна принесла имъ много лишнихъ страданій, такъ какъ откормленные столічные полицейскіе стали всячески вымещать на нихъ сдачу Львова. Приклады и кулаки работали во всю. Дошло до того, что многіе изъ заключенныхъ, въ особенности же интеллигенція и духовенство, отказались отъ ежедневной прогулки въ корридорахъ, предпочитая затхлую атмосферу камеръ. Тюремная администрація вызывала ежедневно по нѣскольکو человекъ и куда-то уводила. Охрана говорила, что это—осужденные къ смертной казни, а приговоры приводились въ исполненіе за Перемышлемъ, на такъ наз. „гицлевской горѣ“.

Настроеніе узниковъ было крайне тяжелое. Гнетущая неувѣстность, пальба изъ орудій, доносившаяся со стороны Городка, и каждую ночь повторявшаяся тревога не давали имъ минуты покоя.

Но, должно быть, русская армія сильно нажимала, ибо 16 сентября всѣ заключенные были выведены во дворъ и провѣрены по спискамъ. При этомъ замѣшкавшихся узниковъ били чѣмъ и куда попало. Священники І. Шемердякъ, Ст. Сапрунъ и Марк. Раставецкій получили пощечины, а І. О. Спольскій изъ Коломыи былъ тяжело избитъ.

Подъ вечеръ 16 сентября заплombировали арестантовъ въ товарные вагоны и направили въ Талергофъ.

Г. Самборъ.

(Сообщеніе А. О. Бачинскаго).

Въ виду смерти моего отца, Іосифа Бачинскаго, отставнаго служащаго финансовой стражи въ Самборѣ, считаю своей обязанностью предать памяти его незаслуженныя мученія, которыя онъ испыталъ отъ австрійскихъ палачей.

Отца арестовали утромъ 15 мая 1915 г., по доносу еврея Мейера Габлера, въ минуту, когда австрійскія войска вновь входили въ Самборъ. Габлеръ донесъ, что будто-бы мой отецъ стрѣлялъ въ австрійскій аэропланъ и что его два сына, а мои братья, бѣжали въ Россію. Первое обвиненіе, было, конечно, глупой и гнусной клеветой, продиктованной личной злобой.

Отецъ былъ арестованъ вахмистромъ уланскаго развѣзда, вѣхавшаго подъ эту пору въ городъ. Вокругъ арестованнаго собралась громадная толпа, большей частью изъ евреевъ, неистово крича: „на крюкъ съ нимъ“, бросая камни и плевая на него. Такимъ образомъ отвели отца въ полицейское управленіе, а послѣ въ гостиницу „Рояль“, гдѣ находились квартиры высшихъ австрійскихъ офицеровъ. Туда отвелъ его вахмистръ, приложивъ ему къ голову револьверъ и угрожая разстрѣломъ въ случаѣ попытки къ бѣгству.

Какъ раньше, такъ и теперь за отцомъ слѣдовала безчинствующая толпа, бросая въ него камнями и нанося ему пощечины, а конвоирующій его чинъ совершенно спокойно относился къ этимъ безчинствамъ.

Въ гостинницѣ офицеръ списалъ съ отцомъ протоколъ и ваявилъ стоявшимъ тутъ - же евреямъ, удостовѣрившимъ, что отецъ стрѣлялъ въ аэропланъ: „der wird bald aufgehängt werden“.

Послѣ допроса отца присоединили къ партіи русскихъ военно-плѣнныхъ и вмѣстѣ съ ними повели въ направленіи Старого Самбора. Опасаясь самосуда проходящихъ въ направленіи Самбора мадярскихъ войскъ, отецъ прятался все время между военно - плѣнными. Но настоящія мученія начались только въ Старомъ Самборѣ. Конвоирующий уланъ отвелъ его въ этапную команду. Одинъ изъ находившихся тамъ офицеровъ, познакомившись съ содержаніемъ составленнаго въ Самборѣ протокола, сообщилъ отцу, что черезъ нѣсколько минутъ его повѣсятъ, послѣ чего офицеры оставили помѣщеніе команды, а явившіеся вооруженные солдаты связали отцу веревкой руки и повели его черезъ городъ въ мѣсто расположенія воинской части. Руки были до того сильно связаны, что долго еще были замѣтны слѣды въѣвшейся въ тѣло веревки и плохо зажившія раны.

Солдаты, приведя отца въ какой-то домъ, стали уговаривать его сознаться въ содѣянномъ преступленіи, обѣщая сейчасъ - же отпустить его на свободу. Не добившись ничего, одинъ изъ нихъ взялъ конецъ веревки, которой отецъ былъ связанъ, и сталъ обводить его по погребамъ, находившимся въ этомъ домѣ, какъ - будто выбирая болѣе удобное мѣсто для разстрѣла, причемъ все время билъ его прикладомъ или нацѣливался штыкомъ въ его грудь. Повидимому, солдатамъ было приказано вынудить отъ отца сознание хотя бы путемъ физической и нравственной пытки...

Послѣ этого солдаты вывели отца

изъ погреба на площадь и привязали его, со связанными сзади руками, къ дереву, въ которое тутъ - же вбили надъ его головою крюкъ. Такъ продержали его всю ночь.

На слѣдующій день мученія продолжались. Къ привязанному отцу все подходили какіе - то люди, главнымъ образомъ — евреи, которые злорадно издѣвались надъ нимъ и пугали его предстоящей казнью. Въ такомъ положеніи простоялъ отецъ, привязанный къ дереву и голодный, цѣлыя сутки. Вечеромъ явился офицеръ съ шестью солдатами и, поставивъ одного вольѣ отца, отошелъ съ остальными въ сторону и давалъ имъ какія-то инструкции. Полагая, что сейчасъ его разстрѣляютъ, отецъ попросилъ разрѣшенія выкурить папироску, но въ этомъ ему было отказано.

Повдно вечеромъ отца отвязали отъ дерева и отвели въ ближайшее помѣщеніе, занимаемое солдатами. Тутъ разрѣшили ему присѣсть, а какая-то женщина подала ему бутылку молока. Это была первая пища послѣ ареста.

17 мая утромъ дали отцу казенный обѣдъ. Солдаты - чехи, занимавшие квартиру и обрацавшіеся съ отцомъ по человѣчески, сообщили ему, что, въ виду отсутствія достовѣрныхъ уликъ его вины, смертной казни ему нечего бояться.

Въ тотъ - же день привели и помѣстили вмѣстѣ съ отцомъ много арестованныхъ изъ окрестностей Старого Самбора, въ томъ числѣ Андрея Янева (его вскорѣ повѣсили), Николая и Василия Бачинскихъ (сосланныхъ затѣмъ въ Талергофъ) — всѣхъ троихъ изъ Бачины — и войта Пенишкевича изъ с. Торчиновичъ. Вечеромъ пришлось отцу видѣть, какъ жандармъ нечеловѣчески издѣвался

надъ поименованными лицами и билъ ихъ тростью по лицѣ. Отъ изнеможенія и пережитыхъ волненій, а также отъ вида этой дикой сцены, отецъ потерялъ сознание.

На слѣдующій день отправили отца на подводѣ обратно въ Самборъ для производства дальнѣйшаго слѣдствія. Помѣстили его съ другими арестованными въ зданіи почты, продержавъ здѣсь до 2 іюня. Теперь положеніе отца улучшилось настолько, что прекратились издѣвательства и побои и можно было общаться съ семьей. Произведенное слѣдствіе показало всю нецѣпость обвиненія, однако, доносъ все - таки имѣлъ для отца, кромѣ перенесенныхъ страданій и томлений, то послѣдствіе, что, по административному распоряженію уѣзднаго старосты Лемпковского, онъ былъ сосланъ, какъ политическій „неблагонадежный“, въ Талергофъ. Передъ отправкой далъ еще отцу жандармъ Штернъ, безъ всякой причины, нѣсколько пощечинъ и копнулъ его въ животъ, вслѣдствіе чего у него образовалась грыжа.

Наконецъ, 2 іюня, не получивъ разрѣшенія даже проститься съ семьей,

былъ отецъ, вмѣстѣ съ эшелономъ въ 40 человекъ, отправленъ пѣшкомъ, не смотря на правильное желѣзнодорожное сообщеніе, къ венгерской границѣ.

Мы совершенно случайно узнали объ этомъ, и сестра, собравъ насигѣхъ самыя необходимыя вещи и немного продуктовъ, догнала отца на извозчикѣ и простилась съ нимъ отъ имени семьи.

На границѣ, въ Сянкахъ, заявилъ отецъ (65 лѣтъ) и еще одинъ 75-лѣтній старикъ начальнику конвоя, что, въ виду переутомленія и образовавшихся на ногахъ пузырей, они дальше пѣшкомъ идти не могутъ, однако, вмѣсто подводъ, оба старика получили т. наз. „анбинденъ“, т. е. наказаніе, употребившееся въ австро-венгерской арміи и заключающееся въ подвѣшиваніи наказуемаго за руки, связанные сзади веревкой.

По ту сторону Карпатъ, въ Ужгородѣ, присоединили отца къ другому транспорту, вмѣстѣ съ которымъ и направили его уже по желѣзной дорогѣ въ „долину смерти“ — Талергофъ.

Антонъ Бачинскій.

Скалатскій уѣздъ.

Въ скалатскомъ уѣздѣ австрійскія власти не успѣли арестовать многихъ русскихъ людей благодаря неожиданно и скорому наступленію русскихъ войскъ; изъ нихъ они успѣли вывести только около 100 человекъ. Больше всего пострадали жители селъ: Малая Лука, Саджавка, Кривое, Колодѣвка, Сороки, Кокшинцы, Раштовцы, Дубковцы, Калагаровка, Козина, Толстое, Толстовскій Кутъ, Заднѣшковка, Магдаловка и самъ гор. Скалатъ.

Когда жандармы вели арестованныхъ крестьянъ въ кандалахъ черезъ Скалатъ, то на арестованныхъ бросались евреи и мазепинцы, плевали на нихъ и бросали камнями. Усерднѣе другихъ издѣвался надъ несчастными мазепинецъ Василій Кивелюкъ изъ Скалата, братъ б. члена краевой земской управы.

(„Прикарп. Русь“, 1914 г., № 1451).

СКОЛЬСКИЙ УѢЗДЪ.

С. Синеводско-Выжнее. Въ с. Синеводскѣ-Выжнемъ мадырскіе солдаты, по доносу мѣстныхъ евреевъ, повѣсили въ октябрѣ 1914 года одиннадцать русскихъ крестьянъ, послѣ чего бросили тѣла несчастныхъ жертвъ въ болото, вопреки ихъ семьямъ, подъ угрозой новой подобной-же расправы при слѣдующемъ своемъ возвращеніи, предавать таковыя христіанскому погребенію. Такъ они и пролежали въ болотѣ, въ виду крайней запуганности населенія, не посмѣвавшего ослушаться приказанія палачей, всю зиму.

Только 26 марта 1915 г., стараніями стрѣльскаго русскаго уѣзднаго начальника С. Н. Андреева, состоялось торжественное погребеніе несчастныхъ жертвъ. Тѣла были солдатами бережно вынуты изъ болота, причѣмъ веревки, оставшіяся на ихъ шеяхъ, были сняты, и затѣмъ они были положены въ деревянные гробы и погребены на самомъ почетномъ мѣстѣ — возлѣ церкви.

Въ похоронахъ приняло участіе, кромѣ мѣстныхъ жителей и солдатъ, также множество варода изъ окрестныхъ деревень. Прибыли также многіе члены читальни имени М. Качковскаго изъ Стрыя.

Гробы несли солдаты и родственники невинно погибшихъ. Нельзя было безъ глубокаго волненія смотрѣть на длинный рядъ осиротѣвшихъ отцовъ и матерей, женъ и дѣтей, нельзя было слушать безъ слезъ ихъ горестныхъ причитаній и трогательныхъ прощальныхъ молитвъ надъ братской могилой родныхъ мучениковъ, на которую былъ возложенъ въ заключеніе самодѣльный терновый вѣнецъ.

(„Прим. Русь“, 1914, н-ръ 1610.)

С. Козево.

(Сообщеніе Юрія Волкуновича.)

Послѣ объявленія мобилизаціи во всемъ скольскомъ уѣздѣ начались массовые аресты русскихъ крестьянъ и интеллигенціи. Народъ, спасаясь отъ бѣды, убѣгалъ въ горы и скрывался по лѣсамъ. Такимъ-же образомъ скрылся и я, а когда русскія войска заняли окрестности, я вернулся домой и узналъ, что въ Козево было арестовано 20 человекъ. Черезъ нѣкоторое время русскіе оставили скольскій уѣздъ. Это случилось такъ неожиданно, что мы не успѣли бѣжать съ ними. Меня арестовали австрійцы. Въ тюрьмѣ въ Скольѣмъ я засталъ уже до 300 арестованныхъ, мужчинъ, женщинъ и дѣтей. Въ тюрьмѣ держали узниковъ четверо сутокъ безъ воды и куска хлѣба. На 5-й день нѣкоторыхъ освободили, въ особенности женщинъ и дѣтей, прочіе же просидѣли еще три недѣли, получая разъ въ день супъ и по одному хлѣбу на четырехъ.

Подъ конецъ третьей недѣли мнѣ и еще одному изъ узниковъ было приказано построить висѣлицу, на которой повѣсили 2 крестьянъ. Первымъ былъ повѣшенъ замѣститель войта с. Синеводска. Призванный на мѣсто казни польскій ксендзъ напутствовалъ крестьянина, а затѣмъ солдатъ принялся за работу. Солдату не везло. Веревка оказалась тонкой, вслѣдствіе чего повѣшенный трижды обрывался. Подъ конецъ его задушили руками, а затѣмъ повѣсили на перекладинѣ. Другой повѣшенный былъ также изъ Синеводска.

На слѣдующій день загремѣли русскія орудія, узниковъ начали спѣшно

эвакуировать въ Лавочное. Нѣкоторыхъ, въ томъ числѣ и меня, отпустили домой. Послѣ возвращенія домой я засталъ дверь своего дома взломанной и все имущество разграбленнымъ. На меня донесли австрійцамъ, что я братался съ козаками, и меня тутъ-же вторично арестовали и повели къ офицеру.

Офицеръ оказался евреемъ. Послѣ допроса онъ распорядился „всыпать“ мнѣ сто палокъ и пригрозилъ висѣлицею. Конвоировавшіе меня солдаты били меня по пути, сверхъ положеннаго, сколько попало, и только отданныя имъ послѣднія пять коронъ умѣрили немного ихъ „патріотическій“ пылъ.

Меня отвели въ с. Плавье, гдѣ стояла австрійская бригада. Когда меня поставили передъ командиромъ, я, обезсилѣвъ отъ пройденнаго тяжелаго пути и волненія, лишился чувствъ. На другой день былъ назначенъ военный судъ. Потребовали свидѣтелей. Я со своей стороны назвалъ фамиліи нѣсколькихъ русскихъ крестьянъ, однако, командиръ потребовалъ еврейскихъ свидѣльскихъ показаній. Тогда я назвалъ Давида Ротфельда, корчмаря изъ Козево. Ротфельда скоро привели и онъ далъ на судѣ благоприятныя для меня показанія. Мени оправдали, но не освободили, а препроводили обратно въ Козево, гдѣ меня окончательно освободили вновь явившіяся русскія войска. Возвратясь домой, я заболѣлъ и пролежалъ цѣлый мѣсяцъ въ постели.

Изъ рассказовъ знакомыхъ я могу указать еще на слѣдующіе факты:

Въ с. Лавочномъ повѣсили австрійцы двухъ крестьянъ, Мих. Жолобовича изъ Козево и нищаго изъ Оравы Фед. Коростевича.

Всего изъ скольскаго уѣзда вывели въ Венгрію около трехъ тысячъ человекъ. Большинство было отправлено въ Мукачево и въ находящуюся по сосѣдству тюрьму Варпаянку. Нѣкоторыхъ изъ нихъ въ послѣдствіи освободили; возвратясь домой, они рассказывали объ ужасахъ, чинимыхъ надъ арестованными. Въ Мукачевѣ ежедневно судилось военнымъ судомъ по 25 человекъ. Достаточно было голословныхъ показаній какого-нибудь еврея, чтобы быть приговореннымъ къ смертной казни. Другіе свидѣтели, кромѣ евреевъ, не допускались. Приговоренныхъ вводили для разстрѣла за городъ, гдѣ были уже заготовлены широкіе рвы, куда сваливались разстрѣлянные. Стоявшихъ еще обливали известіемъ и засыпали землею. Нѣсколько человекъ повѣсили, причѣмъ роль палачей исполняли цыгане или солдаты-евреи.

Въ Мукачевѣ, въ числѣ арестованныхъ, находились также сыны. І. Дикій изъ Козево, и его псаломщикъ Мацѣвичъ.

Ю. Волкуновичъ.

Въ с. Славскѣ австрійцы разстрѣляли за симпатіи къ русскимъ приведеннаго изъ с. Головецка Владимира Ив. Яськова и крестьянина изъ с. Грабовца Демьянова.

Въ с. Рыковѣ были арестованы псаломщикъ Антоній Набитовичъ и Андрей Кермошъ. Въ с. Тухлѣ — Федоръ Дудовъ и Семенъ Суруновичъ. Въ селѣ Головецкѣ — Александръ, Федоръ и Іосифъ Набитовичи, Николай Морочканичъ и Григорій Голицъ. Больше всего арестовано въ с. Ковевѣ. Всѣхъ арестованныхъ изъ выше указанныхъ селъ при ужасныхъ побояхъ препроводили въ скольское староство, а

оттуда въ Венгрію и Талергофъ, гдѣ половина изъ нихъ сейчасъ послѣ пріѣзда отъ полученныхъ побоевъ почилъ „подъ соснами“.

Въ с. Лавочномъ арестовали Ивана Крука съ дочерью Антониной, Григорія Рѣжнева и еще 10 человекъ. На сооруженной висѣлицѣ снимокъ съ которой здѣсь помѣщаемъ, перебитъ свыше десятка человекъ изъ разныхъ селъ. фамилій которыхъ не удалось узнать.

Висѣлица въ Лавочномъ.

На фонѣ Карпатъ.

А. Кисловскій, въ своихъ впечатлѣніяхъ изъ поѣздки нѣ Карпаты, напечатанныхъ въ „Прикарпатской Руси“ подъ заглавіемъ „На фонѣ Карпатъ“, между прочимъ, говоритъ:

Шагая по глубокому снѣгу еле намѣчавшейся дорожки, я внезапно остановился, пораженный необычайной, — нѣтъ, просто — жуткой, ужасной, адской картиной, которая, какъ болѣзненный кошмаръ, стоитъ передъ моими глазами.

На высокомъ холмѣ, возвышающемся надъ всей долиной, по которой нилась дорога, торчала... висѣлица. Черная на фонѣ чистаго снѣга, она до боли рѣзала глазъ своимъ уродливымъ контрастомъ.

И эта висѣлица, несмотря на все нидѣнное мною раньше, никакъ не умѣщалась въ моемъ сознаниі: зачѣмъ она тутъ, кто ее поставилъ, для какой цѣли? Да, можетъ быть, это вовсе и не висѣлица? Во всякомъ случаѣ — не для людей?..

Я шелъ къ ней и не могъ оторваться отъ нея, не могъ перевести глазъ на что-либо другое.

Настрѣчу мнѣ шла крестьянка.

— Слава Іисусу Христу!

— Слава во вѣки! Слушайте, чи вы не знаете, для чего тутъ та шибеница?

Изъ ея отвѣта я узналъ, что здѣсь были повѣшены нѣсколько мѣстныхъ русскихъ крестьянъ изъ с. Ковевой и Синеводска. Изъ ближайшаго мѣстечка и окрестныхъ селъ собрались жители, но только евреи, смотрѣть на экзекуцію. Русскіе крестьяне боялись идти смотрѣть, какъ вѣшаютъ „москалефиловъ“, потому что евреи гровили перевѣшать всѣхъ. Казнь была произведена въ присутствіи огромнаго количества мадярскихъ солдатъ. Вотъ все, что знали въ деревнѣ объ этой висѣлицѣ.

Висѣлица эта настолько поразила меня, что я нѣсколько разъ ходилъ на

нее смотрѣть. Однажды я засталъ возлѣ нея крестьянина, который долго неподвижно стоялъ у холма съ опущенной головой. Замѣтивъ меня, онъ выпрямился, направился въ мою сторону и хотѣлъ пройти мимо, но я остановилъ его обычнымъ привѣтствіемъ „Слава Іисусу“ и спросилъ про висѣлицу.

Лицо его передернулось, онъ испуганно вскинулъ на меня глаза и потупился. Я кратко передалъ ему все, что слышалъ раньше, и спросилъ — вѣрно ли это?

Крестьянинъ во время моего разсказа какъ-то неестественно мялся и, наконецъ, зарыдалъ. Признаться, я этого не ожидалъ. Но мое недоумѣніе разрѣшилось очень скоро.

— Пане! — заговорилъ онъ смѣло и отрывисто, почти — что закричалъ. — Вѣдь это, пане, я самъ эту проклятую шибеницу дѣлалъ. Самъ крючки забингалъ. Бигме, пане!

И онъ началъ клясться и божиться въ порывѣ раскаянія, стараясь, повидимому, заставить меня почувствовать, какой онъ великій грѣшникъ... И въ этихъ безсвязныхъ клятвахъ признанія слышались нотки безумія...

— Они пришли, мадыры, когда російскія нойска посунулись къ Стрию, и всюду хватали насъ, крестьянъ. Достаточно было, чтобы еврей показалъ на кого-нибудь пальцемъ и сказалъ: „это москалефилъ“, и его сейчасъ хватали и уводили изъ села. А у насъ нѣ „москалефиловъ“. Изъ каждаго села забрали болѣе, чѣмъ по 10 человекъ.

— Говорили, что казнить ихъ будутъ нѣ нашемъ уѣздномъ городѣ. Но потомъ, когда русскіе снова стали наступать, то бѣжавшіе мадыры привели арестованныхъ нѣ нашу деревню. Ихъ тогда было 152 человекъ. Нѣсколькихъ

нашихъ крестьянъ, въ томъ числѣ и меня, схватили и велѣли построить висѣлицы, такъ какъ всѣхъ арестованныхъ предполагалось повѣсить въ одинъ день. Мы сдѣлали двѣ висѣлицы, но когда намъ приказали поставить ихъ посреди главной площади, то всѣ наши крестьяне отправились къ полковнику и доктору, прося ихъ избавить село отъ этого ужаса. Въ концѣ концовъ, послѣ долгихъ просьбъ и крупнаго денежнаго подарка, они согласились, и висѣлицы были поставлены нотъ на этомъ холмѣ.

— Пока дѣлали висѣлицы, перетаскивали и устанавливали ихъ, пропелъ весь день, и поэтому вечеромъ успѣли повѣсить только двухъ крестьянъ, а ночью подступили къ нашей деревнѣ русскіе, и мадыры двинулись дальше, уведа съ собою остальныхъ полтораста человекъ.

— Ахъ, пане, пане, если бъ вы видѣли этихъ людей тамъ на шибеницѣ! Они нислѣ рядомъ, — ахъ, если-бъ вы видѣли!

— Руескіе солдаты ихъ сняли и похоронили. Одну висѣлицу уже свалили нѣ снѣгъ, а эта, проклятая, все еще стоитъ. И все меня тянетъ къ ней, все я на нее смотрю... Вѣдь я ее дѣлалъ своими руками... Ахъ, пане, если-бъ вы ихъ видѣли!

И онъ несъ трясся отъ волненія и набухшими, мокрыми глазами бессмысленно, безумно глядѣлъ на черный силуэтъ висѣлицы, рѣзко выдѣлявшейся на дивной, чистой панорамѣ Карпатъ*).

А. Кисловскій.

(„Прик. Русь“, 1915 г. № 1527).

* Крюкъ съ этой висѣлицы былъ въ свое время доставленъ А. И. Кисловскимъ Ю. А. Яворскому, у котораго онъ и хранится въ его собраніи памятниковъ войны въ Кіевѣ.

Въ Снольскихъ горахъ.

Въ путевыхъ замѣткахъ изъ поѣздки
А. Брынскаго по Галиціи, напеча-

стуженіи австрійцевъ пришлось испытъ
горькую чашу.

Бывало такъ, что села переходили

Подожженные мадярами крестьянскія хаты въ Снольскихъ горахъ.

танныхъ въ „Кіевской Мысли“, между
прочимъ, сообщается слѣдующее:

Русскимъ крестьянамъ при от-

по нѣсколько разъ то къ намъ, то къ
венграмъ.

И при вторичномъ наступленіи вен-
гры творили жестокою расправу.

У кого находили русскія деньги,
или припасы, или вещи, — казнили.

Если о комъ-нибудь говорили, что
онъ принималъ на постой русскихъ, —
казнили.

И, бросая убогое хозяйство, бѣ-
жали крестьянинъ безъ оглядки въ горы,
лишь-бы спасти жизнь.

Въ с. Лавочномъ, вблизи перевала,
недалеко отъ венгерской границы, былъ
такой случай:

Работавшіе въ питательно перевя-
зочномъ отрядѣ предложили крестьянамъ
вагонъ сухарей. Изъ окрестныхъ селъ
собралось много народа съ торбами
и быстро разобрали хлѣбъ. И затѣмъ
въ теченіе нѣсколькихъ дней все еще
подходили къ открытому, но уже пу-
стому вагону и руками сгребали на
полу смѣшанныя съ землей и соломой
крошки. Черезъ недѣлю снова былъ
доставленъ вагонъ съ мукою. Снова
оповѣстили крестьянъ. Но, къ всеоб-
щему удивленію, никто не явился. Бук-
вально — никто. Хоть-бы одинъ чело-
вѣкъ. Потому, что прошелъ какой-то
тревожный слухъ...

Стали потомъ разспрашивать
крестьянъ, почему не брали муки. И изъ
уклончивыхъ отвѣтовъ выяснилось, что
боятся мести со стороны венгровъ

— А вдругъ еще придутъ и узна-
ютъ, что бралъ русскую муку? Повѣ-

сить... Потому, что уже былъ такой
случай: 14 человекъ въ Лавоч-
номъ повѣсили...

И населеніе страшно запугано, до
того, что предпочитаетъ голодную
смерть...

Когда наши войска заняли Кар-
паты, канальерійскіе разъѣзды, обслѣдуя
лѣса и проходы въ ущельяхъ, находили
тамъ семьи умирающихъ отъ голода
русскихъ. Убѣжавъ изъ разоренныхъ
селъ и деревень, они прятались въ гу-
стыхъ хвойныхъ заросляхъ, въ норахъ
на недоступныхъ горныхъ кряжахъ.
Выберутъ дощину или выкопютъ ямку.
Сверху нѣсколько жердей, на нихъ на-
валена куча вѣтвей, сбоку оставлена
норка — пролѣзть человекъ. И тамъ
ютилось по нѣсколько семействъ — въ
рубашкѣ, безъ пищи. Для многихъ наши
разъѣзды явились избавителями отъ
мукъ голодной смерти. Но во многихъ
землянкахъ находили уже окоченѣвшіе
трупы. Тутъ были и старики, и дѣти,
и мужчины, и женщины. Масса просту-
женныхъ, больныхъ...

Умершихъ наши солдаты хоронили
по склонамъ горъ, а оставшихся въ
живыхъ откармливали, отогрѣвали и от-
правляли въ городъ...

А. Брынскій.

(„Прик. Русъ“, 1915 г. № 1518).

Снятынский уѣздъ.

Г. Снятынъ.

Сейчасъ послѣ объявленія войны
были арестованы въ г. Снятынѣ
мѣщанинъ Н. С. Стрѣльчукъ и чинов-

никъ магистрата Н. М. Виноградникъ,
которые сначала въ Снятынѣ, а по-
томъ въ Черновцахъ подверглись же-
стокому избиенію со стороны овѣрѣв-

шей толпы. Позже, по доносу еврея Цуккермана, были арестованы два русских мѣщанина — И. М. Виноградникъ и Притула, а вмѣстѣ съ ними чиновникъ Лѣсковакій. Всѣхъ троихъ солдатъ по-вели въ с. Залучье и тамъ повѣсили. Слѣдуетъ замѣтить, что Виноградникъ и Лѣсковакій — вдовцы, причѣмъ первый изъ нихъ оставилъ 7, другой — же 2 маленькихъ дѣтей, которые остались безъ всякаго присмотра и, скитаясь по городу, были предметомъ издѣвательствъ со стороны толпы, не знающей состраданія даже къ маленькимъ дѣтямъ.

Были арестованы также Д. К. Виноградникъ, Д. М. Танащукъ, Чайковский, Гречко и др.

Въ Снятинѣ были повѣшены также крестьянинъ изъ с. Задубровецъ, фамилія котораго осталась неизвѣстной. Кроме того, въ Задубровцахъ были арестованы и увезены свящ. И. В. Сѣнгалевичъ и 4 крестьянина.

Настоящій погромъ устроили австрійцы въ с. Залучѣ, которое нѣсколько лѣтъ тому назадъ приняло православіе и играло роковую роль въ процессѣ Бендасюка и товарищей. Здѣсь было арестовано почти все русское населеніе, безъ различія пола и возраста, и частью повѣшено тутъ же въ селѣ, частью — же увезено неизвѣстно куда. Изъ этого большого села не осталось на мѣстѣ буквально никого.

Въ селахъ Карловѣ, Руссовѣ и Красноставахъ было арестовано и вывезено также свыше 20 человекъ.

(„Прик. Рус“, 1915, н-ръ 15-й).

С. Залучье. Задолго еще до войны село Залучье подверглось жестокому преслѣдованію со стороны австро-венгерскаго правительства за то, что его жители перешли изъ греко-кат. вѣро-

исповѣданія въ православную вѣру. Хотя уѣздное староство старалось всячески воспрепятствовать этому, но его старанія не имѣли успѣха. Жители стояли сознательно и крѣпко при своихъ убѣжденіяхъ и вѣрованіяхъ.

Въ село вошло войско и, послѣ тщательныхъ обысковъ, продолжавшихся цѣлую недѣлю, арестовало 86 человекъ виднѣйшихъ крестьянъ. Арестованные судились въ окружномъ судѣ въ Коломыѣ, причѣмъ 12 человекъ получили по 6-ти мѣсяцевъ заключенія, а остальные были освобождены.

Въ связи съ этимъ уѣздное староство устранило законное сельское правленіе, избранное народомъ, а назначило своего комиссара въ лицѣ Михаила Воеводки, а его помощниками еврея Янкеля Шофора, Іосифа Военодку и Дмитрія Гонна. Назначенные комиссары получили чуть-ли не диктаторскія полномочія для искорененія въ селѣ православія и сознанія единства русскаго народа. По крайней мѣрѣ, уѣздное староство смотрѣло на всѣ ихъ продѣлки сквозь пальцы. Кроме того, въ помощь этому новому правленію, назначенному уѣздными административными властями, былъ особо выписанъ изъ Львова специалистъ по искорененію „русофильства“, жандармъ Яковъ Пушкаръ, совершенно не стѣснявшійся при этомъ въ средствахъ и мѣрахъ воздѣйствія. Народъ не убоился преслѣдованій и, чтобы довершить начатое дѣло и доказать властямъ его правоту, избралъ комитетъ для постройки въ селѣ православнаго храма, въ который вошли: изъ мѣстныхъ людей — Николай Матейчукъ, Михаилъ Нагорнякъ и д-ръ И. В. Оробецъ, а также свящ. д-ръ К. Д. Богатырецъ и д-ръ А. Ю. Геровскій изъ Черновца.

Разрѣшенія на постройку храма не было получено, несмотря на протесты въ Вѣну. Власти опечатали временную часовенку, помѣщавшуюся въ домѣ М. Нагорняка, а православнаго священника И. Ф. Гудиму арестовали, какъ подстрекателя и шпіона. Преслѣдованія жителей не прекращались. Если кто пошелъ въ православную церковь въ с. Вашковцы, а шпіоны объ этомъ узнали, то староство наказывало его высокимъ штрафомъ, заключеніемъ въ тюрьму, а то въ придачу и пощечинами.

Такъ продолжалось дѣло до 1914 г. 16 августа ворвались въ домъ Оробцовъ жандармы съ членами сельскаго правленія и, послѣ тщательнаго обыска, забрали библіотеку и арестовали Праксью Оробецъ, которую, однако, послѣ недѣльнаго ареста въ Снятинѣ, отпустили на свободу. Немного спустя явилось въ село опять 26 человекъ жандармовъ, которые, совмѣстно съ сельскимъ правленіемъ, снова арестовали 30 человекъ и заперли ихъ въ сельской канцеляріи, гдѣ трижды ежедневно каждый изъ арестованныхъ получалъ по 25-ти розогъ. По приказу вахтмейстера Пушкаря, арестованные были принуждены сами бить другъ друга, а отказавшіеся отъ роли палача получали по 50-ти розогъ изъ рукъ самого-же вахтмейстера. Терявшихъ отъ побоевъ сознаніе окачивали холодной водой, послѣ чего имъ давали соотвѣтствующее поученіе въ духѣ австрійскаго патриотизма. Кроме хлѣба и воды, иной пищи къ арестованнымъ не допускали. По истеченіи четырехъ сутокъ арестованныхъ раздѣлили на двѣ группы. Первую выслали на Черновцы; въ нее вошли: Дмитрій Оробецъ, Михаилъ Нагорнякъ и Юрій Кутецкій. Въ Черновцахъ встрѣтили ихъ румыны бранью и камнями. М. Нагорнякъ получилъ по-

щечину, а при входѣ въ тюрьму Ю. Кутецкій получилъ отъ ключника ударъ по шеѣ. Тотъ же ключникъ заявилъ имъ, что „висѣлица уже готова“. Въ тюрьмѣ находилось уже около 500 человекъ.

Такимъ-же порядкомъ и среди подобныхъ обстоятельствъ отправили арестованныхъ залучанъ по истеченіи двухъ сутокъ въ Венгрію.

Во второй группѣ находились: Николай Кобевка, Кость Солованъ, Иванъ Солованъ, Юрій Вирстюкъ, Никита Нагорнякъ, Прокофій Ерйчукъ, Николай Матейчукъ, М. Гунька, Николай Дѣвничукъ, Николай Болотинюкъ и другіе. Арестованный Николай Ерйчукъ сумѣлъ откупиться, давъ члену правленія Дмитрію Гонну взятку.

Эту группу направили во Львовъ. Сопровождавшіе ее жандармы насили на нее въ Станиславовѣ хулигановъ, давшихъ волю своимъ рукамъ. Среди криковъ: „ведутъ шпіоновъ, продавшихъ карты русскому царю, бейте злодѣевъ“, вели ее по улицамъ Станиславова, и только два вооруженныхъ польскихъ скаута, ставшихъ въ защиту арестованныхъ, поумѣрили пылъ озвѣрѣвшей толпы и спасли ихъ отъ дикой расправы.

Въ львовскихъ „бригдахъ“ арестованнымъ залучанамъ пришлось быть свидѣтелями смертной казни двухъ мужчинъ черезъ повѣшеніе и незнакомой барышни и подростка парни посредствомъ разстрѣла. Въ виду усилившейся канонады и отступленія австрійской арміи, арестованныхъ вскорѣ тоже отправили въ Венгрію.

Тѣмъ временемъ продолжалась въ Залучѣ „патріотическая“ работа Пушкаря и назначеннаго правительствомъ сельскаго правленія. Засѣданія этого правленія происходили въ мѣстной корчмѣ,

а православныя семьи были принуждены доставлять туда дань въ видѣ масла, молока и т. п. Изъ дома Оробцовъ была взята вся постель, будто-бы для раненыхъ солдатъ, и весь запасъ хлѣба.

Когда уже были вывезены изъ села всѣ неблагонадежные, вспомнило правленіе, что еще гдѣ-то остается И. В. Оробецъ, который во время мобилизаціи пропалъ безъ вѣсти. Занимъ были разосланы гончіи телеграммы, по которымъ австр. жандармерія нашла его въ Стрыѣ на службѣ въ железнодорожномъ батальонѣ. Онъ былъ тутъ-же арестованъ и отправленъ въ Перемышль, а послѣ взятія Перемышля русскими войсками былъ ими освобожденъ и сейчасъ-же уѣхалъ въ Россію.

Между тѣмъ, оставшюся въ Залучѣ Прасковья Оробецъ, послѣ освобожденія изъ-подъ ареста, взяли на три недѣли рыть окопы. А когда русскія войска подходили къ селу, Пушкаръ со своими компаньонами заставили мать Оробцовъ, 70-лѣтнюю старуху, идти съ лопатой впередъ и „отбивать москалей, которыхъ она сюда пригласила“.

Конечно, русская армія не испугалась старухи съ лопатой и, занявъ Залучье, пошла въ Карпаты, сельскіе же урядники, натворившіе столько бѣды, бѣжали. повѣсивъ предварительно крест. Н. Кобацкаго и согнавъ для острастки все село смотрѣть на это убійство невинной жертвы австро-мазепинскаго проиавола.

(„Прик. Русь“, 1914 г. № 1505.)

(Сообщеніе И. В. Оробца).

Я служилъ по мобилизаціи въ железнодорожномъ полку въ Стрыѣ. 18 августа 1914 г. вошли въ мою ком-

нату четверо солдатъ и приказали мнѣ переодѣться въ шгатскую одежду. Послѣ краткаго допроса въ полковой канцеляріи и по предъявленіи адресованнаго мнѣ письма, писаннаго по русски, а также донесенія волостной управы с. Залучья, подписаннаго Яковомъ Пушкаремъ, Дмитріемъ Гояномъ, Іосифомъ Воеводкой и уѣзднымъ старостой украинофиломъ Левицкимъ, меня отправили на гауптвахту Сидѣло насъ вмѣстѣ четверо политическихъ. Кормили разъ въ сутки; режимъ былъ до того строгій, что не разрешалось даже выходить въ уборную. На пятый день отправили меня въ Перемышль. Въ Хировѣ, во время пересадки, набросились на меня рабочіе, возвращавшіеся съ работъ изъ Германіи. Къ счастью, сопровождавшій меня конвой выручилъ меня изъ опасности, толкнувъ скорѣе на паровозъ въ отдѣленіе машиниста. Здѣсь было спокойно, если не считать пощечины, полученной мною отъ кочегара.

Въ гарнизонной тюрьмѣ въ Перемышлѣ встрѣтилъ меня ея комендантъ Бекеръ тремя ударами по лицу, отъ которыхъ у меня пошла кровь изъ носа и рта. Послѣ карманнаго обыска въ тюремной канцеляріи, ключникъ Федина, капралъ 10-го полка, заперъ меня въ камеру, ударилъ еще въ придачу нѣсколько разъ по головѣ и спитъ.

Много галичанъ сидѣло въ этой тюрьмѣ среди страшныхъ лишеній и истязаній. Службу несла львовская полиція, бѣжавшая передъ наступающими русскими.

Когда гражданскихъ арестантовъ отправили въ Венгрію, уѣхалъ съ ними также и комендантъ Бекеръ, а на его мѣсто остался начальникомъ тюрьмы еврей-фельдфебель Вирдъ, который тоже

морилъ арестованныхъ голодомъ и билъ при каждой встрѣчѣ и провѣркѣ.

Во время заключенія былъ я свидѣтелемъ казни молодого 19-лѣтняго парня изъ с. Красичина подъ Перемышлемъ, который былъ арестованъ по подозрѣнію въ шпіонствѣ. Въ теченіе двухъ недѣль тюремныя власти убѣждали его и его родителей сознаться въ преступленіи, угрожая въ противномъ случаѣ смертью всѣмъ троимъ. Измученная допросами мать признала, наконецъ, что сынъ ея занимался черченіемъ картъ, думая такимъ образомъ спасти его, но послѣ этого ему тотчасъ-же объявили смертный приговоръ и тутъ же, въ присутствіи матери, закинули несчастному петлю на шею. Осужденный хотѣлъ еще что-то сказать, но падая толкнувъ скамейку изъ-подъ его ногъ, и несчастный парень, содрогаясь всѣмъ тѣломъ, повисъ на веревкѣ.

Меня миновала участь этого несчастнаго; я дождался освобожденія изъ тюрьмы взятыми Перемышль русскими войсками...

И. В. Оробецъ.

С. Волчковцы.

(Сообщеніе Ивана А. Васюты).

Я служилъ на желѣзной дорогѣ въ Волчковцахъ.

По доносу коменданта мѣстной стражи, рьянаго украинофила, меня перевели на службу въ Коршовъ, гдѣ въ свою очередь, по доносу волчковскаго нахмистра жандармеріи, также украинофила, меня арестовали, а черезъ 2 дня перевели въ военную тюрьму въ Станиславовъ.

По истеченіи недѣли раздѣлили всѣхъ заключенныхъ на два эшелона, изъ которыхъ одинъ былъ отправленъ

въ Терезинъ, а другой, въ томъ числѣ и я, въ Венгрію, въ Шатмаръ-Немети, гдѣ мы встрѣтили уже въ тюрьмѣ 6. депутата д-ра Н. П. Глѣбовицкаго съ отцомъ и свѣщ. Гургулу и Петровскаго. Изъ Шатмаръ-Немети перевезли насъ въ Мискольтъ, гдѣ собралось всего 98 человекъ арестованныхъ русскихъ. Въ продолженіи шести недѣль производилось слѣдствіе, а затѣмъ объявили намъ подпоручикъ-чехъ, что мы свободны и можемъ безъ препятствій отправиться домой.

Съ легкимъ сердцемъ мы отправились на вокзалъ и сѣли въ поѣздъ, который долженъ былъ везти насъ „домой“. Наконецъ, поѣздъ остановился въ Сянокѣ. Къ вагонамъ подошла толпа вооруженнаго сброда, состоявшая изъ жандармовъ, пограничной финансовой стражи и ландверы. Насъ построили въ четверки и окружили плотнымъ кольцомъ, а затѣмъ, съ криками: „вы измѣнники, шпіоны“, отвели насъ въ тюрьму.

Здѣсь мы двое сутокъ оставались безъ пищи, а на всѣ наши просьбы начальство отвѣчало: „Получите ѣсть, когда придетъ посылка отъ вашего Миколайка!“ А одинъ тюремный надзиратель даже до крови избилъ височнымъ замкомъ одного крестьянина изъ с. Угринова, в. Станиславова за то, что онъ просилъ пищи для себя и товарищей недоли.

Вообще, въ сяночской тюрьмѣ на каждомъ шагу старались побольше уязвить насъ и поиздѣваться надъ нами. Даже по случаю прививки холеры умудрился производившій ее военный врачъ причинить намъ лишніе страданія такимъ образомъ, что, вспрыскивая вакцину, втыкалъ шприцовку въ тѣло глубже, чѣмъ это было нужно, и, приговаривая: „тебѣ кожа Миколайка“,

чтобы было больше, умышленно вору-
чалъ ею на всѣ стороны въ ранкѣ.

Слѣдуетъ еще упомянуть о дру-
гихъ арестахъ и казняхъ въ нашемъ
уѣздѣ. И такъ, въ с. Волчковцахъ
былъ арестованъ, кромѣ меня, также
Ив. Кебичъ, а въ с. Рожновѣ —
Иванъ и Николай Бѣдолахи и Ник.
Гушовъ. Въ с. Ганковцахъ былъ
повѣшенъ крестьянинъ Джураковский.
Въ Снятынѣ были повѣшены чинов-

никъ Лѣсковацкій, почтальонъ Притула
и канцелярскій служащій Виноградникъ,
а второй Виноградникъ, чиновникъ ма-
гистрата, умеръ въ ссылкѣ. Смертные
приговоры приводилъ въ исполненіе
жандармскій оберъ-лейтенантъ Тробей.
Наконецъ, въ с. Задубровцахъ
былъ арестованъ снѣщ. Сѣнгалевицъ,
умершій затѣмъ отъ тифа въ Та-
лергофѣ.

И. А. Васюта.

Сокальскій уѣздъ.

„Смертный приговоръ из-
мѣнникамъ. Приведенъ въ испол-
неніе въ гарнизонной тюрьмѣ смертный
приговоръ на трехъ крестьянахъ, при-
говоренныхъ къ смертной казни черезъ
повѣшеніе за измѣну въ Сокальщинѣ.
Кромѣ военнаго суда, присутствовали
при исполненіи приговора священники,
исповѣдывавшіе осужденныхъ передъ
смертью. Казнили солдатъ“.

(„Дѣло“, 1914, № 190).

Лаконическое заглавіе и обычное
по тѣмъ страшнымъ временамъ содер-
жаніе этой краткой замѣтки въ „украин-
ской“ газетѣ, но сколько въ нихъ завѣ-
домой лжи, неистовой злобы и братской,
невинно пролитой крови!

И подобными замѣтками и статьями
были переполнены всѣ „украинскія“ га-
зеты въ первые дни войны, ими неуспѣшно
науськивали они австрійскій „патріоти-
ческий“ произволъ, а иногда прямо-таки
указывали по именамъ — гдѣ слѣдуетъ
властямъ произвести чистку отъ „измѣн-
никовъ“. Каждая, повисшая на веревкѣ,
жертва этого кошмарнаго доносительства
и террора засчитывалась ими въ число
величайшихъ побѣдъ, какъ плодъ со-

вмѣстной и дружной работы мазепин-
скаго доносительскаго усердія и австрій-
ской государственной руки.

А русскій народъ въ Галичинѣ,
обливаясь кровью, покорно сажалъ го-
лову въ петлю, уготованную ему извер-
гомъ - братомъ въ союзѣ съ австрій-
скимъ палачомъ. Многие погибли отъ
этого жуткаго союза, а тѣ, что пере-
жили его, съ содроганіемъ и отвраще-
ніемъ будутъ вспоминать эту гнусную
Камнову работу и передадутъ тяжелую
память о ней отъ рода въ родъ.

С. Мыцовъ. 27 августа 1914 г.
пришли въ с. Мыцовъ австрійскія вой-
ска. Мѣстные „украинцы“ и евреи по-
чувствовали себя героями дня и полѣзли
съ доносами на своихъ - же сосѣдей къ
военному начальству. Въ первую оче-
редь былъ арестованъ, по доносу Гр.
Харка, крест. Степанъ Дуда, который
и былъ затѣмъ повѣшенъ въ с. Пере-
водовѣ. Онъ оставилъ молодую жену и
шестеро малолѣтнихъ дѣтей.

30 августа, по доносу еврея Н. Загна,
войта Андрея Кузьмы и Михаила Хро-
мѣнскаго, арестовали австрійцы Петра

Моровюка (умеръ 6 декабря 1914 г.
въ тюрьмѣ въ Остригомѣ) и извѣстнаго
въ сокальскомъ уѣздѣ дѣятеля - крестъ-
янина Оому Вудкевича, которыхъ от-
вели сначала въ уѣздную тюрьму, а
оттуда, вмѣстѣ съ почтмейстеромъ Бою-
комъ, благочиннымъ о. Рынявцемъ изъ
Белза и 42 - мя другими арестованными,
въ Русскую Раву. Здѣсь начали про-
изводить съ ними слѣдствіе аудиторы
99 п. полка, однако, въ виду нечаяннаго
и энергичнаго наступленія русскихъ на
Раву, всѣхъ ихъ на слѣдующій же день
отвели въ Олешичи, а оттуда по же-
лѣзной дорогѣ, черезъ Новый - Санчъ и
Буда - Пештъ, отвезли въ Остригомъ.

С. Стенятынь. Среди русскаго
населенія с. Стенятына завелось съ нѣ-
которыхъ поръ нѣсколько сепаратистовъ-
украинофиловъ. Не по вкусу пришлась
этимъ послѣднимъ культурная работа и
жизнь русскихъ людей, центромъ кото-
рой являлась мѣстная читальня, а по-
тому послѣ объявленія войны они учли
благопріятный моментъ для сведенія пар-
тійныхъ счетовъ съ очутившимися вдругъ
вне закона и всѣми гонимыми „каца-
пами“. Въ особенности мѣстный учитель
„украинецъ“ до тѣхъ поръ ходилъ съ
доносами по уѣзднымъ властямъ, а въ
частности — въ сокальское жандармское
управленіе, пока его старанія не увѣн-
чались полнымъ успѣхомъ.

11 августа 1914 г. явился въ село
усиленный жандармскій патруль и аре-
стовалъ слѣдующихъ крестьянъ: Ивана
Чачконскаго, Александра Маковского, Ва-
силія Рыжку, Ивана Назарія, Николая
Коцюбяка, Игнатія Коцюбу, Афанасія
Чабанюка и Игнатія и Филиппа Бобров-
скихъ. Прибыла нъ село также часть
55 п. полка. Присоединивъ къ аресто-
ваннымъ также партію жителей с. Ско-
морохъ изъ 20 человекъ, однихъ зако-

вали въ цѣпи, другимъ связали руки
веревкой и, неистово ругаясь, напра-
вили всѣхъ въ Сокаль подгоняя ихъ по
пути прикладами и штыками и обѣщая
подѣлать изъ ихъ кожи барабаны.

Гнали пѣшкомъ восемь миль, кото-
рыхъ были пройдены въ одну ночь. Подъ
утро остановились въ Жолквѣ, а оттуда
по желѣзной дорогѣ были отправлены
во Львовъ. Съ вокзала, несмотря на
страшную жару, погнали арестованныхъ
рысью, подгоняя ихъ опять - таки паш-
ками и штыками и угрожая „выпустить
кишки“ отстающимъ. Такъ отвели арес-
тованныхъ въ тюрьму „Бригидки“. По
пути уличные газетчики выкрикивали
о „страшной измѣнѣ“ жителей Скомо-
рохъ, которыхъ уже будто - бы повѣсили
въ назиданіе населенію сокальскаго
уѣзда. Можно себѣ представить состоя-
ніе находившихся въ нашей партіи жи-
телей Скоморохъ, услышавшихъ вдругъ
газетныя извѣстія о собственной измѣ-
нѣ и казни.

Въ „Бригидкахъ“ поставили вновь
приведенныхъ подъ стѣной на солнце-
пекъ, такъ какъ, по выраженію одного
изъ надзирателей, въ поджаренномъ видѣ
легче имъ будетъ въ аду; при этомъ
другой изъ тюремнаго начальства пле-
валъ имъ въ лицо, третій крѣпче при-
винчивалъ штыкомъ кандалы на рукахъ,
такъ что кровь выступала изъ - подъ
ногтей, а капракъ Наконечный билъ
ключами по головамъ.

Между тѣмъ кто - то принесъ извѣ-
стіе, что русская кавалерія приближается
къ Львову. Наслѣхъ повѣсили крест.
Антонъ Супликевича изъ Скоморохъ и
еще двухъ неизвѣстныхъ крестьянъ;
остальные въ смертельномъ ужасѣ ждали
своей очереди, — всѣ слышали распо-
ряженіе начальника конвоя, чтобы въ
случаѣ чего „не стрѣлять, беречь пули

для „москалей“, а одна веревка выдержит сотни измѣнниковъ“.

Но пока удовлетворились тремя, а остальныхъ заперли въ тюрьму, гдѣ они просидѣли еще цѣлыя сутки, причемъ начали производить слѣдствіе, обвиняя ихъ въ распространеніи православія и въ сношеніяхъ съ настоятелемъ православнаго прихода въ с. Теляжѣ, о. Илечкомъ, въ полученіи царскихъ рублей, въ указаніи русскимъ войскамъ дороги и т. п.

Подъ утро опять возникла въ тюрьмѣ тревога. Въ камеру вбѣжалъ надзиратель, возвратилъ А. Маковскому рубашку, снятую съ него наканунѣ въ ожиданіи предполагаемой казни, и приказалъ всѣмъ выходить во дворъ. Со двора повели арестованныхъ четверками на главный вокзалъ. Здѣсь вывели изъ вагоновъ приведенныхъ лошадей и сейчасъ же на ихъ мѣсто посадили арестованныхъ, по 70 человекъ на вагонъ.

Среди невыносимой духоты и вони пріѣхали арестованные, наконецъ, въ Новый Санчъ. Здѣсь разрѣшилъ имъ конвой во время ѣзды выбросить гной изъ вагоновъ, послѣ чего стало легче дышать.

Такъ довели арестованныхъ до Талергофа.

С. Скоморохи. Село Скоморохи, расположенное въ нѣсколькихъ километрахъ отъ старой русской границы, находилось въ сравнительно болѣе благоприятныхъ условіяхъ, чѣмъ другія села сокальского уѣзда. Плодородность почвы позволяла мѣстному населенію пользоваться нѣкоторымъ достаткомъ, а благодаря неусыпной дѣятельности покойныхъ настоятеля прихода Мих. Миколаевича и учителя Данила Шев-

чука, книга и газета сдѣлались неразлучнымъ другомъ мѣстнаго крестьянина.

Война 1914 г. нанесла Скоморохамъ сокрушающій ударъ. Явились жандармы и арестовали слѣдующихъ жителей: 1) Степана Маковского, 2) Михаила Штокада, 3) Мирона Гозду, 4) Григорія Барана (19 лѣтъ), 5) Семена Бецелюка, 6) Ивана Герасимчука, 7) Павла Герасимчука, 8) Григорія Герасимчука, 9) Антона Супликенича, 10) Федора Барана, 11) Романа Дацыка, 12) Ксенью Дацыкѣ, 13) Ореста Фиковскаго, 14) Ивана Гарвону, 15) Федора Гарвону, 16) Евгенія Гарвону (гимназиста) и 17) Семена Гарвону.

Умерли въ ссылкѣ: Иванъ Гарвона, Федоръ Баранъ, Романъ Дацыкъ. Антонъ Супликевичъ былъ повѣшенъ въ львовскихъ „Бригидкахъ“. Григорій Герасимчукъ, бывшій въ то время войтомъ, избитый по пути во Львовъ жандармами, вернулся еле живой изъ Жолквы домой и умеръ отъ внутренняго кровоизліянія. Павелъ Герасимчукъ умеръ дома послѣ возвращенія изъ Талергофа, а Орестъ Фиковскій былъ изъ Талергофа зачисленъ въ армію и погибъ на фронтѣ.

Тогдашній настоятель прихода о. Мих. Миколаевичъ, видя несчастье, постигшее его прихожанъ, пробовалъ было ходатайствовать объ ихъ освобожденіи у уѣзднаго старосты, однако, его старанія не имѣли успѣха, такъ какъ, по словамъ старосты, онъ самъ боялся, чтобы военныя власти не арестовали и его за сочувствіе „русофиламъ“.

Возвратясь послѣ разнала Австріи изъ Талергофа, арестованные увидѣли сплошную пустыню на мѣстѣ, гдѣ раньше стояло дѣтущее и богатое село. Во время отступленія русскихъ оставшіеся жители, опасаясь новой расправы

со стороны Австріи, ушли цѣлымъ обществомъ на далекій сѣверъ, въ пензенскую губ., оставляя на мѣстѣ все свое имущество, а первые вошедшіе въ село мадыарскіе отряды сожгли село до основанія.

Въ приселкѣ Ильковичахъ былъ арестованъ старичокъ-нищій, извѣстный въ окрестности подъ кличкой „Петруненько“, который и былъ затѣмъ разстрѣлянъ въ Сокалѣ.

Былъ арестованъ также и сосланъ въ Талергофъ нынѣшній настоятель прихода въ Скоморохахъ, о. Іоаннъ Логинскій, бывшій въ началѣ войны администраторомъ одного изъ приходовъ въ окрестности Белзца и находившійся во время ареста въ гостяхъ у одного изъ сосѣднихъ священниковъ по случаю храмового праздника. Ворвавшіеся въ село мадыары, увидѣвъ на приходствѣ собравшееся духовенство и заподозрѣвъ въ этомъ какое-то противо-государственное совѣщаніе, арестовали всѣхъ собравшихся и отправили ихъ въ Талергофъ.

М. Белзъ.

(Сообщ. студ. И. О. Кашубскаго).

Когда боевая линія продвинулась уже за Львовъ и дальше на западъ, я считалъ необходимымъ отправиться домой, въ мѣстечко Белзъ, гдѣ жили мои родные.

По пути я встрѣчалъ знакомыхъ, которые рассказывали мнѣ невѣроятныя вещи о томъ, какъ австрійскія войска и жандармы арестовывали, мучили и убивали русскихъ крестьянъ. Мнѣ, съ одной стороны, не хотѣлось нѣрить этимъ рассказамъ, съ другой же, я предчувствовалъ, что, должно быть, и въ моемъ родномъ мѣстечкѣ про-

изошло что-то неладное.

Дрожащими отъ волненія руками открывалъ я дверь родного дома, боясь, что никого уже не застаю. Но нѣтъ, навстрѣчу мнѣ вышла мать.

— Жива, здорова! Слава Богу! А гдѣ же отецъ? —

Отца дома не оказалось. Мать, заливаясь слезами, рассказала мнѣ исторію трагической его кончины.

Было воскресенье. Отецъ мой — псаломщикъ, — какъ обыкновенно раннимъ утромъ пошелъ въ церковь. Между тѣмъ, въ городъ пришли венгерскія войска и начали искать „русофиловъ“. Мать боялась оставаться дома и пошла также въ церковь. Священникъ, о. Владиміръ Рынявецъ, читалъ заутреню, какъ вдругъ въ церковь съ крикомъ врываются мадыары. Двое изъ нихъ набросились на о. Владиміра и, схвативъ его за руки, вытащили на дворъ. Тутъ мой отецъ сталъ просить солдатъ оставить священника въ покоѣ, но солдаты скрутили ему руки назадъ, связали и увели съ собой. Затѣмъ солдаты выгнали изъ церкви весь народъ и, отдѣливъ мужиковъ, переязывали ихъ и погнали ихъ съ собой.

Мать въ отчаяніи возвратилась домой, но тутъ застала уже нѣсколькихъ солдатъ. Оказалось, что они были уже освѣдомлены относительно меня, знали, что я „русофилъ“, и начали настойчиво требовать, чтобы мать указала, гдѣ я скрывается.

Мать, не зная моего мѣстопребыванія, не могла этого сдѣлать. Звѣри-солдаты бросили ее, 70-лѣтнюю старуху, на землю и начали ее бить немилосердно.

Между тѣмъ, мой отецъ не возвращался, не возвращались также крестьяне, увезенные съ о. Владиміромъ. Только послѣ прихода русскихъ войскъ уда-

лось узнать, что мой отец и крест. Григорій Сухій изъ Пушкова были вмѣстѣ закованы въ кандалы и разстрѣляны солдатами въ лѣсу востѣ с. Переходова.

Подобная же участь постигла многихъ русскихъ людей изъ Сокальщины. И такъ, изъ с. Сѣльца Белзскаго былъ арестованъ и вывезенъ свящ. Счастый Растанецкій съ семьей; изъ с. Глухова — свящ. Іоаннъ Ковальскій,

также съ семьей; изъ с. Добрачина — свящ. Александръ Лаврецкій; изъ с. Боратина — свящ. Іоаннъ Плешкевичъ; изъ с. Завишні — свящ. Григорій Грицькѣ. Въ м. Белаѣ были также арестованы завѣдующій почтовой контовой Яковъ Бокѣ. Въ цѣломъ же сокальскомъ уѣздѣ арестовано, вывезено или убито свыше 400 человекъ.

И. Кашубскій.

(„Прак. Руск“. 1914 г., н-р 1469.)

Станиславовскій уѣздъ.

Г. Станиславовъ. Въ г. Станиславовѣ въ началѣ войны были арестованы и сосланы въ Талергофъ слѣдующіе русскіе жители:

1) сов. суда К. Проскурницкій съ семьей, 2) преподав. гимн. Влад. Як. Трушъ, 3) сов. суда Влад. Костецкій, 4) жена священника Стефанія Куни-ская, 5) жел.-дор. ревизоръ Андрей Шустъ, 6) жел.-дор. чиновникъ Ілья С. Гоповскій, 7) служащая „Самопомощи“ Параскевія Гоповская, 8) жел.-дор. слесарь Иванъ Бѣцъ, 9) жел.-дор. служащій Петръ Матвѣйцовъ, 10) жел.-дор. слесарь Василій Степчукъ, 11) жел.-дор. швейцаръ Федоръ Тришъ, 12) чиновникъ „Самопомощи“ М. М. Берескій, 13) свящ. Михаилъ Семеновъ, 14) свящ. Александръ Грегоровичъ, 15) жел.-дор. служащій Рыбакъ, 16) жел.-дор. служащій Паленица, 17) жел.-дор. инспекторъ Ома П. Витошинскій, 18) служащій городской управы Іосифъ Хробатенко, 19) Алексій Шелестинскій, 20) Ігватій Шелестинскій, 21) Григорій Шелестинскій, 22) жел.-дор. машинистъ Влад. Смольницкій, 23) купецъ Іосифъ Дутчакъ и 24) служащій Ісидоръ Назаревичъ.

Въ с. Ляхѣвцахъ былъ арестованъ Дмитрій Дм. Басарабъ.

Въ с. Горохолинѣ былъ арестованъ Иванъ Капушакъ.

Въ с. Ямницѣ былъ арестованъ завѣд. училищемъ Иванъ Ів. Яськовъ.

(Сообщеніе Ільи С. Гоповскаго).

Г. Станиславонъ. Я исполнять свои обязанности въ желѣзно-дорожномъ магазинѣ въ Станиславовѣ. 6 августа 1914 года явились ко мнѣ во время службы жандармы вмѣстѣ съ представителемъ жел.-дорожнаго управленія и арестовали меня, какъ „измѣнника“ и „шпіона“. Во время личнаго обыска отняли у меня деньги, часы и кольцо, а дома, какъ мнѣ послѣ рассказала моя дочь, сорвали во время обыска полы и распустили всю мягкую мебель въ поискахъ за доказательствами моего преступленія. На первыхъ порахъ помѣстили меня въ мѣстной тюрьмѣ „Дубровъ“, гдѣ я просидѣлъ круглый мѣсяцъ. Слѣдуетъ замѣтить, что черезъ день послѣ моего ареста арестовали также мою жену и двѣ дочери, однако, вскорѣ затѣмъ освободили младшую дочь съ матерью, а старшую, Прасковью,

учившуюся до войны въ Холмѣ, задержали. Съ ней встрѣтился я позже въ Талергофѣ, совершенно не подозревая, что ее постигла одинаковая со мною участь.

Черезъ мѣсяцъ отправили меня съ цѣлой партией такихъ же арестованныхъ русскихъ „измѣнниковъ“ и „шпіоновъ“ на западъ. Уже по пути на вокзалъ пришлось намъ испытать отъ встрѣчавшейся городской толпы и солдатъ много тяжелыхъ издѣвательствъ и побоевъ, а во время слѣдованія по желѣзной дорогѣ тоже ныстрадали мы не мало чуть-ли не на каждой станціи отъ собивавшагося вездѣ „патріотическаго“ станціоннаго сброда и встрѣчныхъ пасажировъ и солдатъ. Кромѣ того сильно страдали мы все время отъ тѣсноты и духоты въ вагонахъ; довольно ека-зять, что нашъ эшелонъ состоялъ изъ 3-хъ тысячъ человекъ, причѣмъ, напр., въ моемъ вагонѣ находилось 103 человекъ.

Пріѣхали въ Прешбургъ. Здѣсь въ желѣзнодорожныхъ магазинахъ дали намъ обѣдъ. Какой то жел.-дорожный чиновникъ, увидѣвъ меня въ жел.-дор. формѣ, принесъ мнѣ хлѣбъ и ложку и долго разспрашивалъ о причинахъ моего ареста. Слѣдуетъ замѣтить, что въ Прешбургѣ былъ разстрѣлянъ одинъ буковинецъ-липованъ изъ нашего транспорта, проговорившійся какъ-то, что, въ случаѣ отправки на позицію, не будетъ стрѣлять въ своихъ же братьевъ-русскихъ съ другой стороны кордона.

По прибытіи въ Вѣну выпелъ къ намъ генералъ Курыловичъ повидаться со своимъ братомъ священникомъ на ходившимся тоже въ нашей компаніи, и принесъ ему штатскую одежду, чтобы такимъ образомъ предотвратить отъ

него вниманіе и издѣательства толпы. Тутъ же смѣнился нашъ старый конвой солдатами-словаками, семьи которыхъ также были арестованы въ началѣ войны мадыарскимъ правительствомъ и которые, такимъ образомъ, понимая наше положеніе, обращались съ нами несма хорошо и съ сочувствіемъ. Съ ними мы уже сравнительно спокойно и благополучно доѣхали до конечной цѣли нашей отправки — въ Талергофъ. И. С. Гоповскій.

С. Курыповъ. Въ приходѣ Островъ в. Галича, станиславскаго уѣзда, съ принадлежащимъ къ нему селомъ Курыповомъ, были арестованы 21 августа 1914 года свящ. Лука Корвацкій съ 4-мя дѣтьми: Наташею, Александромъ, Ярославомъ и Богданомъ. Арестовалъ ихъ комендантъ жандармеріи въ Пукасовцахъ, вахмистръ Спачинскій. Во время ареста жена арестованнаго священника выбѣжала за арестованными изъ комнаты и, не помня себя отъ горя и страха за судьбу своихъ дѣтей и мужа, ударила жандарма въ лицо, что онъ, однако, къ большому удивленію, принялъ безъ малѣйшаго протеста.

Арестованные были препровождены въ жандармское управленіе въ Пукасовцы, а затѣмъ въ гарнизонную тюрьму въ Станиславовъ. Здѣсь, послѣ произведеннаго слѣдствія, они были признаны невинными и отданы въ распоряженіе уѣзнаго старосты Прокопчица, который пожелалъ предварительно снестись съ мѣстными военными властями относительно того, что съ ними дѣлать дальше. Такимъ образомъ дѣло объ ихъ освобожденіи затянулось, причѣмъ арестованныхъ временно помѣстили въ тюрьмѣ мѣстнаго суда, а че-

резъ 10 дней въ административномъ порядкѣ отправили съ большимъ транспортомъ другихъ арестованныхъ русскихъ, черезъ Калушъ, Стрый, Лавочное и Будапештъ, въ Вѣну.

Свящ. Лука Корвацкій.

Въ с. Курьповѣ были арестованы и сосланы въ Талергофъ, кромѣ о. Л. Корвацкаго и его четырехъ дѣтей, также четыре крестьянина, а именно: Юрій Мих. Засыдко, другой Юрій же Засыдко (сынъ Екатер.), Михаилъ Олѣйникъ (умеръ въ Талергофѣ) и псаломщикъ Петръ Шатынский.

Въ м. Подгайцахъ разстрѣляли въ 1915 г. жителя с. Острова Онуфрія Горина по обвиненію въ оскорбленіи личности императора, а Ивана Гелемеля приговорили за то-же преступленіе къ 25 годамъ тюрьмы. Послѣдній умеръ въ заключеніи въ Коморнѣ въ Венгріи.

Арестованію всѣхъ поименованныхъ лицъ усердно содѣйствовалъ большой пріятель мѣстнаго жандарма Спачинскаго, „украинецъ“ Степанъ Прокоповъ изъ Курьпова.

Львовскій корреспондентъ Петроградскаго Телеграфнаго Агентства телеграфировалъ 10 февраля 1915 г. слѣдующее:

Прибывшіе изъ окрестностей Станиславова сообщаютъ, что послѣдній горитъ. Наступленіе австрійцевъ и германцевъ на линію Станиславова ознаменовалось новыми массовыми казнями мѣстнаго русскаго населенія, вызвавшими настоящее переселеніе народовъ. Первая волна изъ окрестностей Надворной и Печенѣжина докатилась до Львова, гдѣ Благотворительный Комитетъ пріютилъ нѣсколько сотъ бѣженцевъ-крестьянъ. Вторая волна, за-

полнившая станціи и селенія рогатынскаго, жидачевскаго и бобрецкаго уѣздовъ, остановлена послѣдними благоприятными извѣстіями съ театра войны.

(„Прик. Русь“, 1915 г., № 1556).

Тотъ-же корреспондентъ П. Т. А. сообщаетъ 15 февраля 1915 г.:

Изъ раіоновъ Станиславова и Калуша ежедневно прибываютъ большія партіи плѣнныхъ австрійцевъ. При осмотрѣ ранцевъ у многихъ плѣнныхъ найдены веренки съ петлями: спрошенные о назначеніи веревокъ, плѣнные заявили, что имъ при выступленіи въ походъ въ Галичину выданы веревки для вѣшанія галичанъ.

Держатся упорные слухи, что въ Станиславовѣ австрійцы, по доносу мѣстныхъ евреевъ, поѣли и разстрѣляли нѣсколько десятковъ горожанъ, не исключая видныхъ поляковъ, общественныхъ дѣятелей и членовъ австрійскаго суда, шедшихъ навстрѣчу русскимъ властямъ. Казнено особенно много желѣзнодорожныхъ рабочихъ, работавшихъ у русскихъ на станціи за поденную плату.

(„Прикарп. Русь“, 1915 г., № 1561).

Изъ Станиславова сообщаютъ, что, во время пребыванія австрійцевъ въ Станиславовѣ, каменный домъ желѣзнодорожнаго мастера, бывшаго австрійскимъ служащимъ и оказавшаго затѣмъ цѣнныя услуги русскимъ при сооружеіи блиндируемаго поѣзда, свнесенъ толпой до основанія. На мѣстѣ дома теперь пустое мѣсто. Въ Станиславовѣ австрійцами казнены Петръ Скирко, помощникъ войта села Головъ. Смертная казнь мотивировалась тѣмъ, что Скирко вышелъ навстрѣчу

русскимъ и помогалъ казакамъ въ реквизиціяхъ.

(„Прик. Русь“, 1915 г., № 1553).

Корреспондентъ „Русскаго Слова“ А. С. Панкратовъ сообщилъ, по случаю временнаго оставленія русскими Станиславова и вторичнаго занятія его русскими войсками, слѣдующее:

Въ девять часовъ вечера германцы и австрійцы вошли въ Станиславовъ.

Открыли тайныя погреба съ шампанскимъ и въ ресторанѣ гостиницы „Жоржа“ состоялся пышный банкетъ...

Солдаты разсыпались по домамъ. Ихъ вездѣ поили и кормили даромъ...

Конечно, въ то время, какъ офицеры пьянствовали у „Жоржа“, въ городѣ вѣшали...

За австрійскою арміею всегда идетъ висѣлица...

Мирные жители, оказывается, вели подробные списки тѣхъ людей (конечно, только русскихъ), которые оказывали услуги русскимъ: мыли ихъ бѣлье, продавали имъ табакъ и хлѣбъ...

Эти списки они передали германскимъ офицерамъ. Тѣ, безъ суда и слѣдствія, по спискамъ, вѣшали...

Были повѣшены 250 человекъ.

Въ эту пьяную кошмарную ночь германскій и австрійскій гимны пѣли подъ аккомпаниментъ безумныхъ криковъ людей, которыхъ тащили на ви-

сѣлицу и около которыхъ бились въ истерику ихъ жены и дѣти...

А. Панкратовъ.

(„Прик. Русь“, 1915 г., н-ръ 1565.)

По сообщенію кіевскихъ газетъ, галицкіе бѣженцы въ Кіевѣ изъ селъ Пасѣчно, Павовицы и Стремба, въ раіонѣ Станиславова, рассказывали, что при послѣднемъ наступленіи австрійскихъ войскъ въ Буковину, мадьяры захватили все мужское населеніе и гнали его въ с. Новая Надворна. Тамъ офицеры устроили своеобразный судъ надъ захваченнымъ мирнымъ населеніемъ и, обвиняя жителей въ симпатіяхъ къ русскимъ и измѣнѣ своему правительству, приговорили ихъ къ смертной казни. Въ с. Новая Надворна былъ устроенъ рядъ висѣлицъ, на которыхъ и вѣшали осужденныхъ. Среди бѣженцевъ находился также крестьянинъ Василій Юрко, который въ числѣ другихъ былъ также приговоренъ къ повѣшенію, но приговора не успѣли привести въ исполненіе лишь благодаря счастливой случайности. Когда австрійцы чинили надъ беззащитными жителями свою жестокою и безчеловѣчную расправу, у села появился казачій отрядъ, который тотчасъ-же и бросился на австрійцевъ... Юрко рассказывалъ, что вмѣстѣ съ крестьянами австрійцы схватывали и священниковъ и также вѣшали ихъ, не представляя никакихъ доказательствъ ихъ вины.

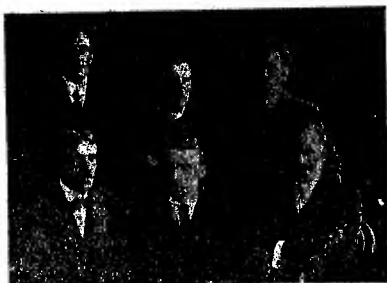
(„Прик. Русь“, 1915 г., № 1563).

Стрыйскій уѣздъ.

Стрый. 16 августа 1914 г. явился ко мнѣ на квартиру комиссаръ полиціи съ сыщикомъ и, изъясъ во время обыска

всѣ письма, нѣсколько русскихъ книгъ съ рукописнымъ русско-польско-нѣмецкимъ словаремъ и цѣнными записками-

впечатлѣніями изъ жизни рабочихъ въ Пруссіи, приказалъ мнѣ слѣдовать въ полицію для составленія краткаго протокола. Противъ ожиданія, здѣсь посадили меня подъ арестъ. Я просилъ разрѣшенія затребовать запиской изъ дому бѣлье, въ чемъ мнѣ, однако, было отказано. О себѣ не стану распространяться, упомяну только о нѣсколькихъ эпизодахъ, запечатлѣвшихся въ моей памяти.

Группа арестованныхъ русскихъ изъ Стрыя.
Стоять: Г. Назаркевичъ, о. Ник. Лещивскій и А. Кметикъ. Сидятъ: Гр. Вергановскій, Севякъ и Ильковъ.

Такъ, напр., былъ я свидѣтелемъ, какъ старшій надзиратель избилъ студента Григоревича и раздѣлаго выволокъ въ коридоръ, а затѣмъ, толкая немилосердно и нанося ему побои по головѣ, перевелъ его въ другую ка-

меру № 7, которая, по опредѣленію врача, предназначалась исключительно для больныхъ. То же самое постигло также студента Сѣрка, посмѣвшего сказать въ окошко нѣсколько словъ по поводу нечеловѣческаго обращенія тюремныхъ сторожей съ заключенными, вачто ключникъ Гуменный избилъ его до крови ключами по головѣ и надавалъ пощечинъ.

По пути на вокзалъ какой-то рыжій солдатъ-еврей, шедшій съ винтовкой по лѣвой сторонѣ, равнялъ арестованныхъ прикладомъ, причемъ въ особенности сосредоточилъ свое вниманіе на 70-лѣтнемъ старикѣ Рудкѣ, который, задыхаясь отъ старости, принужденъ былъ держать военный шагъ, но ежеминутно падалъ при этомъ, получая отъ солдата каждый разъ винтовкой.

Воды въ вагонахъ намъ не давали. На всѣхъ остановкахъ желѣзнодорожные служащіе и толпа всячески издѣвались надъ нами. Только начиная съ г. Прерова отношенія измѣнились. Нашъ конвой присмирѣлъ въ виду недружелюбнаго къ нему отношенія чеховъ. Последніе всячески старались оказать намъ свое сочувствіе не только добрыми приношеніями въ продуктахъ и напиткахъ, но также словами одобренія и надежды на лучшее будущее.

О с и п ѣ Я к. Т р у ш ѣ.

Тарнопольскій уѣздъ.

Въ с. Петриковѣ былъ арестованъ и сосланъ въ Талергофъ крестьянинъ Иванъ Бѣлый, долготѣлнй членъ О-ва им. Мих. Качковскаго. Сидѣлъ вмѣстѣ со священниками А. Мионовичемъ и В. Курдыдикомъ.

Въ селѣ Вед. Березовицѣ

были арестованы и высланы въ Талергофъ, Грацъ и Гминдъ крестьяне: 1) Николай Крупа, 2) Василій Поворовникъ, 3) Алексѣй Геремей, 4) Іосифъ Грабовскій, 5) Петръ Украинецъ, 6) Дмитрій Мушастый и 7) Петръ Керничный.

Толмачскій уѣздъ.

Въ с. Скоповкѣ были арестованы свящ. Э. И. Соневикскій, студ. унив. М. В. Перегинецъ, его отецъ Василій Перегинецъ и всѣ крестьяне съ фамиліей Бендасюкъ. Арестованные были отправлены въ Станиславовъ, а оттуда вывезены въ Линцъ.

Въ м. Оттыніи были арестованы Атановскій, помощникъ нотаріуса Строцкаго, и пять крестьянъ, одинъ изъ которыхъ былъ тутъ-же на мѣстѣ повѣшенъ.

Въ с. Воронѣ были арестованы свящ. Ипполитъ Бабякъ и многіе крестьяне.

Въ с. Старыхъ Кривотулахъ былъ арестованъ свящ. Влад. Микицей.

(„Прик. Русь“, 1914 г. № 1501).

С. Лядское-Шляхотское.

(Сообщеніе Алексѣя Як. Бабя).

5 августа 1914 года, рано утромъ, осадили жандармы съ солдатами мой домъ и, разбудивъ меня, приказали собираться въ дорогу. Временно заперли меня въ сельскомъ арестѣ, а черезъ нѣсколько минутъ привели еще трехъ арестованныхъ: мѣстнаго наст. прихода Іосифа Кустыновича, его сына Юліана Осиповича, преподавателя гимн. въ Бродахъ, и студ. учит. сем. П. Ив. Федорова. Затѣмъ препроводили всѣхъ насъ въ Тысьменицу, а отсюда, закованныхъ въ кандалы, направили въ Станиславовъ, въ тюрьму при окружномъ судѣ. Мнимымъ предлогомъ къ моему аресту послужило обвиненіе, что у меня по ночамъ происходятъ тайныя совѣщанія и что я держалъ у себя дома русскаго шпіона.

Три дня спустя перевели насъ въ тюрьму „Дуброва“. Ночью приказали намъ собираться „домой“. Получивъ днемъ раньше свѣдѣнія, что отпущенныхъ будто бы на свободу жителей Галича разстрѣляли, мы поняли этотъ приказъ, какъ смертный приговоръ. Крики и плачъ по корридорамъ тюрьмы утвердили наши предположенія, что наступаетъ послѣдній часъ.

Однако, наши мрачныя предположенія оказались напрасными. Насъ не повели на разстрѣлъ, но и не отпустили также и на свободу. 16 августа произвели съ нами въ тюрьмѣ допросъ, 30 августа перевели въ гарнизонную тюрьму, а 31 августа вечеромъ повели на желѣзную дорогу для слѣдованія въ Талергофъ. Уличная чернь, будучи того мнѣнія, что ведутъ виновниковъ нынѣшней войны и пособниковъ взятія Галича русскими войсками, злословила и проклинала насъ. На станціи набросились на насъ собравшіеся тамъ солдаты и штатскіе, нанося намъ побои палками и камнями. Прижатые къ вагонамъ, мы въ паническомъ страхѣ вабирались въ вагоны, давая одинъ другому. Среди подобной обстановки проѣхали мы границу Галичины и на пятый день очутились въ Талергофѣ.

Въ 1915 году узнать я въ Талергофѣ отъ односельчанина Рыбака, что творилось въ Лядскомъ во время моего отсутствія. Онъ рассказывалъ, между прочимъ, какъ мѣстный администраторъ прихода „украинецъ“ свящ. А. Сѣрепскій, ликовалъ по поводу нашего ареста и заставлялъ оставшихся крестьянъ присягать на вѣрность „Украинѣ“, запугивая ихъ постигшимъ насъ наказаніемъ.

А. Бабякъ.

Сообщение о. Иосифа Кузнецова.

Село Пядское принадлежало к тем немногим селениям в Галичине, где народ, поняв силу русской культуры, тянулся к ней всею душой. Выписывались из России русские книги и журналы, многие из крестьян свободно объяснялись на русском литературном языке. Великолпно действовал театральный любительский кружок, был свой хор и кооператив „Самопомощь“. Просветительная работа в народ и его благосостояние приводила в ярость власть имущих и их друзей „ураинофилов“, а наступивший 1914 год явился днем мести на виновниках тихой и полезной народной работы.

Ночью 5-го августа вытащили меня жандармы больного из дому, вместе со старшим сыном Юлианом, и в кандалах отправили нас в Тысьменицу, а ватим в Станиславов. Мне тогда шел 73-й год. Тяжело приходилось идти пешком, часто я падал по дороге. Тогда добрые люди несли на руках. В Станиславов определили меня в больницу, но уже через несколько дней, вместе с другими, направили к венгерской границе в товарных вагонах.

В Шатмар приместили нас в мельницу без окон, где я чуть не

утонул в большой кади, скрытой в полу мельницы и служившей интернированным в качестве нужника. Явившийся военный врач обращался с нами очень грубо, потому я с удовольствием принял приказание ехать дальше с транспортом. Из госпиталя повезли нас в военном фургоне, по изрытой шоссеиной дороге, в Мискольц. Бада была ужасная. Довольно будет сказать, что один из больных, ехавший вместе со мною, умер вскоре от сотрясения. В Мискольце заперли меня в одиночной камере, полной наскомых, служившей вместо лазарета. После приделения мне в помощь одного гуцула из села Микуличина, осужденного по доносу евреев на десять лет каторги за сочувственное мнение о русских войсках, мне стало немного легче.

Затем я побывал еще в Вьнь, Шпилберге, Куфштейне, а в Терезинге оставался, благодаря ходатайству д-ра Влад. Антоневича, до весны 1915 г., когда всех нас в состав около 600 человек, перевезли в Талергоф.

В с. Нижнев был арестован и выслан в Талергоф священник Андрей Лакуста.

Турчанский уезд.

В турчанском уезде были в начале войны арестованы и вывезены следующие священники: Полянский из Нижней Яблонки вместе с женой и 6-месячным ребенком, Янев из Гнилой, Бласс из Либохоры, Гичко из Рыпаны, Солтыкевич из Выжней Ботелки, Ших из Ботли, Стояловский

из Яворы, Петровский из Ильника вместе с женой, Гичко из Шандровца с женой, Фидик (75 лет) из Ровлуча, Трешневский из Краснаго, Гомеа из Багноватаго и Прухницкий (70 л.) из Турки. Кроме того, были арестованы также сельские учителя Гичко с женой и двухлетним ребенком и Чай-

ковский из Ботелки с женой, а также мещане из Турки: О. Костевич, О. Костевич, В. Сакавачак, М. Писанчин, И. Копытчак, В. Нинич, П. Ильницкий, М. Яцкулик, М. Дорошкевич и множество крестьян из Высоцка, Ботелки, Гнилой, Яблонки, Багноватаго и других сел.

В с. Туре были арестованы и вывезены священник С. Ясеницкий, его жена и дочь, А. Сваричевский и 40 крестьян. Последних освободили русские войска из старосамборской тюрьмы.

В с. Замковой Ясеницкий были арестованы: священник М. Добринский, два его сына — студента и четверо крестьян. Над оставшейся дома женой и детьми австрийцы издевались самым грубым образом.

(„Прис. Русь“, 1914 г., № 1434.)

Сообщение студ. М. А. Туркевича.

В г. Туре маляры повесили на улице мещан: И. Ильницкого, Гуляновича, О. Цыкевича и В. Гавринича. На них был сделан со стороны местных евреев донос, обвинявший их в радушном приеме русских солдат. В том же городе застрелил жандарм Мартинек мещанина А. Матковского, посмевшего назвать себя русским.

В с. Ровлуче повесили маляры следующих крестьян: И. Хоминца, П. Гвоздецкого, М. Куруса и М. Сковбу. В с. Малой Волосняк были повешены М. Швецов и М. Дакунчак. В с. Великой Волосняк был повешен крест. И. Старушкевич. Все они обвинялись в указании козакам дороги.

В с. Прислопе австрийцы, схватив сорок местных жителей, продержали их в церкви двое суток

без воды и пищи, а затем повесили пять человек: войта О. Белея, М. Семковича, И. Бласс вместе с 18-летним сыном и 19-летнего К. Кудрича. Остальные, избитые до крови, были освобождены.

В с. Яворе были повешены: С. Яворский-Романович — за указание козакам дороги и И. Яворский-Игнатович — за указание русским солдатам, где можно купить коров. Повешенные мучились всю ночь на виселице. Затем австрийцы подожгли село в восьми местах; такая же участь постигла села Багноватаго и Лосинец.

В с. Нижней Яблонке зашел австрийский солдат в хату крест. Марии Луценкой и потребовал хлеба. Встретившись с отказом, солдат убил ее на глазах детей выстрелом из винтовки.

(„Прис. Русь“, 1914 г., № 1486.)

Сообщение С. С. Сапруна.

Еще до начала войны были арестованы в турчанском уезде и вывезены вся русская мирская и духовная интеллигенция и множество крестьян. Незавидную роль сыграл тут мазепинец священник Г. Мороз из Борыни. В то время, когда турчанский староста Давкиш отказался арестовать ни в чем неповинных граждан, вот тогда „украинский“ пастыр отправился во Львов к б. наместнику Корытовскому и настаивал на необходимости ареста русского населения в Турчанине. Последствием этой поездки и явилось смещение старосты Давкиши, а затем массовые аресты русских людей.

Аресты производились исключительно на основании доносов мазепинцев и евреев. По доносу еврея Юселя Гипса была, напр., арестована жена

свящ. Петровскаго изъ Ильника. Свящ. Гомза изъ с. Багноватаго былъ арестованъ вслѣдствіе доноса мѣстнаго еврея, будто-бы онъ послѣ мобилизациі собиралъ пожертвованія на раненныхъ сербскихъ воиновъ.

Неудачи на полѣ сраженія австрійцы вымещали на мирномъ русскомъ населеніи. Въ одной только Туркѣ повѣшено 70 крестьянъ изъ окрестныхъ селъ и турчанскаго мѣщанина Ильническаго-Гуляновича. Последняго повѣшено передъ собственнымъ домомъ на глазахъ его жены и дѣтей. Въ с. Я в о р ѣ повѣшенъ крестьянинъ И. Ильницкій. Въ с. И л ь н и к ѣ повѣшено четырехъ крестьянъ по доносу мѣстнаго еврея.

Ужасныя вѣрства творились въ с. Б а г н о в а т о м ѣ, гдѣ австрійцы отрѣзали пальцы у женщинъ и дѣтей, а затѣмъ избивали истекающихъ кровью прикладами до потери сознания.

(„Прик. Русь“, 1914 г., № 1474).

15 марта 1915 г. прибыли въ Кіевъ раненные галичане Александръ Шуптель изъ села М о л д а в с к а г о, турчанскаго уѣзда, и Якимъ Гурчъ изъ с. Завитки, того-же уѣзда. Оба они были ранены германцами, первый — въ плечо, а второй — въ ногу.

По словамъ Шуптеля, австро-германскія войска, въ свое время появившіяся на юго-западѣ отъ С а м б о р а, творили нѣчто неопишемое. Цѣлыя селенія сжигались ими до тла. Жителей избивали, подвергали всевозможнымъ издѣвательствамъ и пыткамъ и цѣлыми массами разстрѣливали, и въ домахъ, и на улицахъ. Бывали такіе случаи: германцы поджигали дома и затѣмъ почти въ упоръ разстрѣливали крестьянъ, выбѣгавшихъ изъ охваченныхъ пламенемъ

жилищъ. Никому не было пощады — ни старикамъ, ни женщинамъ, на дѣтямъ.

Многіе пытались бѣжать. Бѣжали, въ числѣ другихъ, Шуптель и Гурчъ. Нѣмцы, однако, погнались за ними, поймали и тутъ-же въ лѣсу стали безпощадно избивать и колотъ ихъ штыками. Большинство бѣжавшихъ крестьянъ было уведено нѣмцами обратно. Что-же касается Шуптеля и Гурча, то они, будучи ранеными, притворились мертвыми, благодаря чему и были германцами оставлены на мѣстѣ.

(„Прик. Русь“, 1915 г., н-ръ 1590.)

С. Комарники.

(Сообщеніе Ив. Комарницкаго-Павликовича.)

5 сентября 1914 г. явился къ намъ недалекий сосѣдъ Иванъ Матковскій и передалъ моему отцу, Федору, что войтъ велѣлъ зайти вечеромъ къ нему на домъ вмѣстѣ съ Николаемъ Стасевымъ изъ приселка Кичеры. Вечеромъ, послѣ работы, отецъ одѣлся въ лѣтнюю блузу и пошелъ къ войту, не предчувствуя, что вернется обратно домой только черезъ полтора года. По пути онъ зашелъ за Стасевымъ, однако, его не оказалось дома; онъ работалъ въ часовнѣ въ Зворцахъ, куда отецъ и направился за нимъ.

Недалеко отъ часовенки увидѣлъ онъ восемь жандармовъ. Не предчувствуя бѣды, онъ перешелъ черезъ рѣчку и скоро очутился въ домѣ войта. Тутъ уже сидѣли Стасевъ и много другихъ крестьянъ; однихъ вызывалъ къ себѣ войтъ, другіе пришли изъ любопытства. Жандармы разсѣлись кругомъ стола, положивъ передъ собой блестящія винтовки. Одинъ изъ нихъ сталъ вызывать по фамиліямъ собравшихся, отмѣчая что-то въ лежавшемъ передъ нимъ спискѣ, а затѣмъ велѣлъ вызываемымъ стано-

виться по лѣвой сторонѣ. Отецъ также былъ вызванъ и сталъ по лѣвой сторонѣ, гдѣ оказался двѣнадцатымъ сряду.

По приказу жандармовъ войтъ послалъ нарочнаго въ село за подводами, которыхъ не замедлили явиться. Оказалось, что всѣ вызванные по списку были арестованы и подлежали отправкѣ въ тюрьму. Ихъ повезли. Ночь была темная, осенняя. Выѣхавъ за село, арестованные увидѣли зарево пожара; гдѣ то далеко горѣло. Жандармъ категорически утверждалъ, что это — дѣло рукъ „москалей“.

Такимъ образомъ австрійцы обыкновенно старались вызывать въ народѣ озлобленіе противъ русской арміи, а сами между тѣмъ отступали уже на Венгрію.

Въ полночь пріѣхали въ Борыню и здѣсь просидѣли въ арестахъ полторы сутокъ. Въ полдень сковали всѣхъ парами, размѣстили на подводахъ и отвезли въ Сянки, гдѣ они должны были сѣсть въ вагоны и ѣхать въ Унгваръ. Собравшаяся на вокзалѣ толпа злобно издѣвалась надъ ними и пыталась тутъ-же раздѣлаться съ ними самосудомъ. Заработали палки и камни, но, благодаря сильному конвою, арестованные успѣли взобраться въ вагоны и закрыть за собою двери. Въ полночь пріѣхали въ Унгваръ и здѣсь заночевали въ большемъ пустомъ зданіи.

Послѣ недѣльнаго заключенія въ Унгварѣ, арестованные опять были отправлены на желѣзную дорогу и отвезены въ Талергофъ.

И. В. Комарницкій-Павликовичъ.

Отъ Карпатъ до крѣпости Терезинъ.

Турчанскій уѣздъ всегда считался чистѣйшимъ русскимъ уголкомъ Прикарпатской Руси. Нѣтъ здѣсь такого значительнаго количества колонистовъ —

поляковъ и нѣмцевъ, — ихъ можна посчитать на пальцахъ одной руки. Есть и села, гдѣ не найдете ни одного изъ тѣхъ судьбой заброшенныхъ въ русскія горы колонистовъ. Ядъ народной измѣны не могъ принятъся среди народа, всей душой преданнаго своей родной прадѣдовской вѣрѣ, обычаямъ и вообще всему, что русское. Жители уѣзда — бойки — дѣйствительно бойкій народъ, люди безгранично добрые, мирные, сердечные, гостепріимные, которые — хотя нѣтъ никого безъ грѣха, — нсегда отталкивали отъ себя сепаратизмъ, „украинизмъ“. Только два села, Борыня и Волче, гдѣ осѣли чужіе, пришедшіе, Богъ вѣсть откуда, священники, были частично, въ описуемое мной время, одурманены дурійкой „самостійництва“. Слово „украинецъ“ считалось здѣсь кровной обидой; обиженный сейчасъ отвѣчалъ: „ты самъ украдъ, ты самъ злодѣй“.

Турчанщина — это настоящая, подлинная Русь. Здѣсь сохранилось много старинныхъ обычаевъ и повѣрій съ временъ еще владѣнія великаго князя Владиміра. Русскій духъ сохранился здѣсь до послѣднихъ временъ — міровая война нашла здѣсь Русь!

Съ объявленіемъ войны меня призвали австрійскія власти въ ополченіе. Концентраціоннымъ пунктомъ ополченцевъ была деревня Ваневичи возлѣ Самбора. Уже нѣсколько дней подрядъ неисчислимая масса здоровыхъ людей безъ ряда и склада толпилась въ деревнѣ, ожидая, что будетъ. Приказы не приходили, а разнаго рода невровѣренныхъ нѣстей съ поля брани доходило множество. „Львовъ уже въ русскихъ рукахъ“... „Козаки были вчера подъ Самборомъ“... „Сегодня видѣли двухъ козаковъ на базарѣ въ Самборѣ“...

и проч. Бойки чувствовали, что козаки непременно скоро станут на Карпатах. Козакъ въ головѣ бойка рисовался великаномъ, богатыремъ, могущимъ въ сутки проскакать сотни верстъ, который въ состояніи быстрѣ буйнаго вѣтра очутиться на самой верхушкѣ ихъ родной земли, на Бескидахъ, Пикунхѣ, Магурахъ и другихъ вершинахъ Карпатъ. Подъ влияніемъ этихъ фантастическихъ думъ-чаяній всѣ и вѣрили, что австрійцы не успѣютъ ихъ даже одѣть въ форму, какъ козаки уже отпустятъ ихъ домой, къ роднымъ, къ женамъ, къ дѣтямъ. О томъ, чтобы русскіе брали въ плѣнъ, никто и не подумалъ. Въ того рода ожиданійхъ прошло нѣсколько дней.

Однажды — солнце спустилось уже на сонъ и была теплая, очаровательная, лунная ночь. По домамъ, по дворамъ, садамъ, лежали массы ополченцевъ, стараясь на силу уснуть, но не приходилъ въ ихъ головы желаемый сонъ. Маленькими кучками расположились всѣ и полуснепотомъ разсуждали, что это такое война. Кое-кто, тяжело вздохнувъ, начинать читать молитвы... Откуда-то слышенъ плачь, тихонькій, тихонькій... Кое-кто пробуетъ зашѣть „коломыйку“, но голосъ такъ въ горлѣ и замираетъ...

На все смотрѣла полнолунная луна и злобно улыбалась. Прошло за полночь, — многіе, утомленные шатаніемъ, а еще болѣе думами, уснули... Но не спитъ ополченцамъ согнаннымъ съ Карпатскихъ горъ. Тяжелыя сонныя видѣнія мучатъ и во снѣ ихъ души. Ночная тишина залегла, наконецъ, и надъ стенами спящихъ.

Тихо. Вдругъ со стороны Самбора долетѣлъ топотъ всадника. А черезъ нѣкоторое время раздался звукъ трубы, обвѣщающій тревогу. Проснулись всѣ.

Начали формировать эшелонъ. Живая, длинная масса скоро собралась на пути. Громкое „габъ-ахъ“ и рѣзкое „маршъ“ — и двинулась масса по направленію къ городу.

Шли. Шли тяжело, молча. Слышенъ только топотъ шаговъ. Жуткое молчаніе...

Вдругъ сорвался громъ! Изъ тысячъ здоровыхъ грудей грянуло величественное, могучее: „Пресвятая Дѣво, мати Русскаго Краю!“

Эта пѣснь изъ груди тысячи бойковъ произвела грандіозное впечатлѣніе... Ни одна пѣснь въ жизни не врѣзалась въ мою душу такъ глубоко, не сдѣлала такого потрясающаго впечатлѣнія, какъ именно эта русская пѣснь „Мати Русскаго Краю!“... Такую пѣснь въ предсмертную минуту могъ слыть только русскій народъ... и эта народная исповѣдь жителей Карпатъ на вѣки останется въ нѣдрахъ моей души! Эта пѣснь является протестомъ противъ же пророковъ „мазепо-украинцевъ“.

Въ то время, когда нашихъ русскихъ ополченцевъ распредѣляли по полкамъ, отрядамъ, а нѣкоторыхъ неспособныхъ отпускали домой, лихорадка войны продолжалась. „Каноненъ-футтеръ“ разбрасывали, арестовывали „руссофиловъ“, вѣшали и разстрѣливали „ферретеровъ“. Ежедневно польскія и „украинскія“ газеты — русскихъ уже не было, ибо были приостановлены австро-венгерскими властями, редактора же были арестованы; — приносили все новыя и новыя сообщенія о производимыхъ среди русскаго населенія обыскахъ, арестахъ, висѣлицахъ, разстрѣлахъ. Молча ожидалъ чего-то только турчанскій уѣздъ. Австрійскій чиновникъ, помякъ по національности, уѣзд-

ный староста не рѣшался арестовать никого, утверждая, что невиновныхъ нельзя въ тюрьму сажать, а арестовать виновныхъ всегда есть время. Впрочемъ, въ уѣздѣ опасности нѣтъ, мобилизація проведена повсюду безъ какихъ-либо препятствій или затрудненій.

Это человѣческое отношеніе къ населенію не понравилось львовскимъ властямъ, львовскому намѣстничеству, и отсюда выслали уполномоченныхъ для проведенія арестовъ въ турчанскомъ уѣздѣ. Прилетѣли исполнители воли австрійскаго кайзера съ комиссаромъ Губаттой во главѣ. И пошли аресты мирныхъ жителей города и селъ. Скоро наполнилась тюрьма цвѣтомъ народа. Собрали здѣсь священниковъ, учителей, студентовъ, мѣщанъ и доблестныхъ крестьянъ. Въ первый транспортъ арестованныхъ попали жители города Турки и слѣдующихъ селъ: Ясеница Замковая, Явора, Розлучъ, Яблонка Нижняя, Ботелка, Борыня, Высоцко, Гнида, Ильникъ, Ботия, Рипяна. На остальныхъ пришла очередь позже. Аресты производились съ большою хитростью, чтобы, не дай Богъ, не ввязъ кто съ собой рубашку для смѣны или деньги или что-нибудь другое. Все это, кажется, дѣлалось нарочно, чтобы арестованные тѣмъ болѣе почувствовали арестъ. Первые три дня были всѣ на правахъ узниковъ. Отняли часы, деньги, табакъ и проч. Но, когда начальникъ суда Пфицнеръ это узналъ, приказалъ всѣ отнятыя интернированнымъ вещи немедленно возвратить, заявивъ, что интернированный это еще не арестантъ, а только временно устраненный отъ общенія съ остальнымъ міромъ. Онъ разрѣшилъ открыть двери отдѣльныхъ камеръ, такъ что всѣ интернированные могли между собой сообщаться, не имѣя только

возможности выйти на вольную волюшку, такъ какъ входныя двери были закрыты. Онъ разрѣшилъ даже — это былъ единственный, кажется, случай въ цѣлой Галицкой Руси — читать газеты. Потому и не очень-то ужасной на первыхъ порахъ показалась тюрьма. Интернированные сходились на совместное чтеніе газетъ, на разговоры, на общую молитву „Параклисъ“, и такъ шли дни за днями. Никто не могъ опредѣлить, какъ долго продлится заключеніе; предполагали, что на время войны, конецъ которой угадывали не позже трехъ мѣсяцевъ; заключеніе въ Туркѣ было, благодаря одному благородному чело-вѣку, въ сравненіи съ другими городами, не такимъ страшнымъ. Правда, не было оно тѣмъ, что понимаемъ подъ словомъ „интернировать“, потому что и здѣсь не одна слеза горя потекла по лицу узника, котораго отъ поры до времени посѣщали родные.

Скоро жизнь узниковъ приняла отчасти опредѣленные формы. Утромъ и подвѣчеръ собирались всѣ въ большой камерѣ, гдѣ служили „Молебень“ или „Параклисъ“. Совершающимъ эту функцію былъ свящ. Михаилъ Вас Добрянскій, попавшій сюда въ первый день арестовъ съ двумя сыновьями Владиміромъ и Константиномъ, третьяго же сына Льва освободили въ старостѣ, какъ слишкомъ молоденькаго, 14-лѣтняго мальчика. Длинные вечера развеселяли интересными разсказами богато начитанный свящ. Яковъ Борковский, а шутками, прибаутками, по большей части изъ священнической и крестьянской жизни, свящ. Петръ Яневъ. Свящ. Діонисій Гичко тоже не разъ порадовалъ слушающихъ разсказами, но разсказы Янева были куда удачливѣе, хотя онъ ихъ рассказы-

валъ, повидимому, съ напряженіемъ всѣхъ чувствъ. Онъ старался самъ быть веселымъ, старался развеселить соузниковъ, что ему до нѣкоторой степени удавалось, хотя это сильно отражалось на его организмѣ, что мы замѣтили только позже, въ Терезинской крѣпости. Больше всѣхъ тоска по волѣ-свободѣ была замѣтна на лицѣ свящ. Николая Полянского, кажется, потому, что изъ окна тюрьмы было видно его родное село — Яблонку, на которую онъ могъ долго-долго смотрѣть, вздыхая по ней и повторяя полупрошептомъ слова: „Яблонка, Яблонка моя — увижу-ль я тебя?“ Часто и слеза покатилась по его лицу и терялась въ грязной пыли. Священники Іоаннъ Стояловскій, Діон. Гичко и Ил. Солтыкевичъ предпочитали скуку убивать игрой въ карты. Последній пришелъ однимъ изъ послѣднихъ перваго транспорта, когда „старые“ арестанты уже немного привыкли къ заключенію. Его приходъ возобудилъ въ арестъ минутный хохотъ. Арестованный не пожедалъ въ тюрьмѣ раздѣваться, не откладывалъ даже шляпы, заявляя, что ему сказали въ старостѣ, что задерживаютъ его только временно, значитъ, что его не за что держать. Но, когда уже стало вечерѣть и зажгли въ тюрьмѣ свѣтъ, онъ повѣрилъ намъ, что и насъ точь-въ-точь, какъ его, тоже только на время задержали. Изъ перваго транспорта помню еще фамиліи священниковъ Петровскаго, бывшаго вице-маршалка уѣзда, и Вѣласа, изъ мірской интеллигенціи учителя Діонисія Чайковскаго, чиновника суда Іосифа Гичка, канд. адвокат. Евгенія Сѣкала, студента Гадушку, а изъ мѣщанъ и крестьянъ: Ивана Туза, Ивана Фединича Ильницкаго, Костевича, Ивана Мартыча Яворскаго и еще нѣсколькихъ

человѣкъ, фамиліи коихъ послѣ девяти лѣтъ трудно вспомнить.

Въ Туркѣ просидѣли мы почти три недѣли. На третьей недѣлѣ, въ субботу послѣ обѣда, явился къ намъ начальникъ суда Пфицнеръ и заявилъ, что пришелъ приказъ куда-то насъ вывести, но куда, въ приказѣ не сказано. Черезъ часъ мы должны были уѣхать. Невольно по спинѣ прошелъ морозъ. Поблагодарили мы начальника суда за его человѣческое отношеніе къ намъ и начали собирать свое скудное арестантское имущество. Изъ нашихъ родныхъ никто и не предчувствовалъ, что творится съ нами, и не думалъ, что завтра уже насъ не увидятъ. — по воскресеніямъ были посѣщенія родныхъ, — что не найдутъ человѣка, который бы имъ сказалъ, куда дѣвались мужья, отцы, братья? Одно слово — „увезли“ — вотъ неразрѣшимая загадка для оставшихся дома родныхъ, загадка, разрѣшенія которой многимъ пришлось долго, долго ждать.

Не успѣли мы сложить еще, какъ слѣдуетъ, свои вещи, доставленные намъ въ тюрьму родными, какъ явились за нами солдаты. Насъ вывели въ коридоръ. Алчно заблестѣли солдатскіе штаны и страхъ обмякъ душу. На нашихъ глазахъ капралъ скомандовалъ „лядентъ“ — и нѣсколько солдатъ зарядили свои винтовки. Начали карманный обыскъ, отнимая что у кого было. Но здѣсь опять, послѣдній разъ, начальникъ Пфицнеръ сослужилъ намъ хорошую службу. Онъ объяснилъ солдатамъ, что мы и что мы, и они оставили насъ въ покоѣ.

— Что будетъ? — пролетѣло въ головахъ всѣхъ. Изъ газетъ мы уже знали кое-что изъ исторіи транспортовъ

интернированныхъ. Какъ отнесутся евреи, жители города?

— Марш! — скомандовалъ капралъ, и вывели насъ изъ тюрьмы на улицу. Смотримъ, а на городской площади, всѣ въ черное одѣтые, стоятъ толпами евреи. Стоять и молча смотреть на насъ.

— Ухъ! если такъ набросятся на насъ! Разорвутъ въ кусочки, — мелькнуло въ головахъ арестованныхъ. На лбу появился первый потъ.

Но евреи города Турки отнеслись къ поворному дѣлу ареста молча, никто не отовзался ни словомъ... Молча глазами провожали проходящихъ. Не знаю, какъ понять евреевъ? Почему они не поступили такъ, какъ ихъ братья по другимъ городамъ? Потому-ли, что боялись русскихъ коваковъ, потому-ли, что не желали рисковать на будущее собственными головами, или потому, что всѣ арестованные были люди знакомые, — нельзя опредѣлить. Но къ чести евреевъ города Турки будь сказано, — они отнеслись къ несчастнымъ по человѣчески. Какъ было съ слѣдующими транспортами — не знаю, но плохого слова я не слышалъ. Значитъ, за звѣрства и насилія не всѣхъ евреевъ можно обвинять, и между ними были люди съ душой и сердцемъ.

Траурнымъ ходомъ довели насъ къ вѣдучку, уже недалеко вокзала. Стоитъ кучка людей, не людей, а подростковъ и мальчиковъ. Среди нихъ какая-то женщина. Подходимъ ближе.

— „На какъ съ ними! На какъ съ кацапами!“ — заревѣло противное женское существо, стоявшее въ этой кучкѣ. Это была жена школьнаго инспектора, „украинца“ Середы. Ея дикій ревъ повторила безумная, безразсудная кучка мальчугановъ, подстрекаемыхъ „дамой“

изъ воспитаннаго, интеллигентнаго общества.

Въ душѣ арестованныхъ такъ и зародилась, врѣзалась въ самую глубину, ненависть, вѣчная ненависть противъ тѣхъ бездушныхъ, безхарактерныхъ народныхъ измѣнниковъ.

Здѣсь колоссальный контрастъ на лицо. Евреи, иновѣрцы, которыхъ нельзя подозревать въ доброжелательности къ намъ, молча встрѣтили нашъ транспортъ, а народный измѣнникъ, къ тому женщина, посмѣла изъ своихъ устъ выпустить слово „на какъ!“ Не женское вѣжное чувство въ ея сердцѣ, а мавепинская кровожадность, заслужившая всеобщее презрѣніе не только русскаго народа, но каждаго, кто сознаетъ себя человѣкомъ!

Получивъ первый привѣтъ, транспортъ пошелъ дальше, вошелъ на станцію, запряженную длинными поѣздами, везущими солдатъ-венгерцевъ на русскія позиціи. Какой-то офицеръ указалъ направление, куда насъ вести въ поѣздъ. Пришлось проходить мимо длиннаго поѣзда, напосаженного дикими монголо-венгерцами. Началась музыка. Ревѣли бесѣи въ сѣрыхъ формахъ, плевали, а одинъ изъ солдатъ снялъ фуражку и, оскаливъ бѣлые зубы, заворчалъ по собачьи: „грр.. грр..“ и рвалъ фуражку зубами, указывая, что такъ рвалъ-бы тѣла вѣдомыхъ.

Наконецъ, довели транспортъ къ предназначенному вагону.

— „Ауфштайген!“ — приказалъ капралъ. И очутились мы въ вонючемъ, грязномъ вагонѣ, въ которомъ только что везли лошадей. Не убранъ даже калъ, — нѣтъ соломы, не то скамейки, кромѣ двухъ маленькихъ для eskortирующихъ солдатъ. Отъ противнаго запаха скоро закружилась голова.

— Какъ разъ хорошій салонъ для тѣхъ собакъ, — замѣтилъ капралъ. И начался „пріятный“ разговоръ солдатъ, глухія, подлые выходки, которымъ не было конца. Пришлось молчать и ждать, пока двинулся поѣздъ, и надѣяться, что, быть можетъ, будетъ пересадка въ Самборѣ и мы выйдемъ изъ вонючаго вагона.

Стало уже клониться къ вечеру, когда, наконецъ, двинулся нашъ поѣздъ. Еще разъ увидѣли мы черезъ открытую дверь горы турчанскаго уѣзда... Сѣрымъ подумракомъ было уже окутано послѣднее село уѣзда Ясеница Замковая. На холмикѣ заблестѣли стѣны большой, красивой церкви. Тяжелый прощальный вздохъ вырвался изъ груди и мы простились съ роднымъ уѣздомъ и съ роднымъ селомъ и вѣхали въ старо-самборскій уѣздъ. Ночь не разрѣшала уже смотрѣть на пролетающія горы. По вокзаламъ приходило стоять по нѣскольку часовъ. Утомленіе сломало, наконецъ, физическія силы. Нечего дѣлать, пришлось лечь въ калъ и пробовать уснуть. Спалъ ли кто? — Наверное нѣтъ! Было физически невозможно.

Рано утромъ адскій ревъ заставилъ всѣхъ подняться. Смотримъ — станція Ваневичи; значитъ сейчасъ будемъ въ Самборѣ. Толпа солдатъ, собравшись вонизъ вагона, ревѣла:

— Повѣсите! Зачѣмъ возить! Подложить экравить и къ чорту съ ними! И проч. И не вспомнишь нсѣхъ солдатскихъ угрозъ, которыя сыпались по адресу интернированныхъ.

Черезъ нѣсколько часовъ нашъ поѣздъ остановился въ Самборѣ. Новая атака овѣрѣлой толпы, еще хуже первой. Посыпались уже камни. Солдаты закрыли дверь, а мы прислушивались къ противному реву, дрожа цѣлымъ

тѣломъ, что вотъ сейчасъ вылетимъ въ воздухъ или всѣхъ перестрѣляютъ.

Наши надежды на пересадку разсѣялись. Впрочемъ, къ чему пересадка? Не лучше-ли сидѣть въ закрытомъ вонючемъ вагонѣ въ жаркій день?

Какъ долго мы ждали, нельзя было учесть. Наконецъ, поѣздъ двинулся опять и мы поѣхали дальше; чтобы на каждой станціи встрѣчать привѣтствовавшихъ насъ жителей края, солдатъ и Богъ вѣсть кого.

Жара, голодъ невыносимо чувствуются. Не даютъ ѣсть, не разрѣшаютъ выпить капельки воды.

Около четырехъ часовъ пополудни, медленно, тяжело дыша, вѣхалъ нашъ поѣздъ на станцію Перемышль. Перемышль переживалъ лихорадку. Команда уже предчувствовала, что придется отступать, а Перемышль долженъ выдерживать осаду. Лихорадочная жизнь кипѣла во всѣхъ уголкахъ. Движеніе на вокзалѣ огромное. Глаза наши съ любопытствомъ и страхомъ смотрѣли на все творившееся.

Вдругъ — повѣшенные. Смотримъ, не вѣримъ глазамъ, протираемъ, — и видимъ трехъ или четырехъ человѣкъ, повѣшенныхъ на станціи, на фонаряхъ, среди толпы передвигающагося народа. Не описуемый ужасъ охватилъ всѣхъ. Какъ? Развѣ вѣшаютъ такъ, даже среди толпы, и тѣлѣ повѣшенныхъ не снимаютъ? Наверное для того, чтобы на жителей навести страхъ и ужасъ.

Не хотѣлось вѣрить, но повѣшенные колыхались передъ нашими глазами. Но, какъ только нашъ поѣздъ подкатился ближе къ повѣшеннымъ, мы убѣдились, что это были сдѣланные куклы, величиною въ человѣка, а на куклахъ красовались надписи: „царь батюшка“ — „москвофилъ“ и проч. Стало немного лег-

че, но непріятное впечатлѣніе осталось надолго въ душѣ.

Когда, наконецъ, нашъ поѣздъ пріостановился, скоро собралась вокругъ масса любопытныхъ солдатъ, жуликовъ и проч. сброда неисчислимое количество. Ругани, плеванію и угрозамъ не было конца. Чернь мы понимали, но никакъ не могли понять, откуда у интеллигентныхъ женщинъ Перемышля напелся такой удивительно богатый запасъ крайне вульгарныхъ ругательныхъ словъ и эпитетовъ, которыми осыпали насъ „дамы“ наравнѣ съ жуликами и проститутками. Одичаніе — больше ничего.

— „Вылазъце, москѣвскіе псы!“ — приказалъ подошедшій къ вагону молодой „кадетъ“, лично мнѣ знакомый товарищъ по гимназій, самборскій жидокъ, фамиліи котораго какъ на зло не могу вспомнить. Но его противная рожа въ эту минуту сильнѣе врѣзалась въ мою память, чѣмъ за все время нашей ежедневной встрѣчи въ гимназій въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ.

Насъ вывели, устали по четыре и — „маршъ“ — повели на нокзалъ. Не далеко было идти, но сколько побоевъ и ударовъ пришлось намъ перенести, одинъ Богъ посчитаетъ. Сколько только многочисленныя желѣзнодорожные служащіе подарили ударовъ красными флажками, которые имѣлись у нихъ въ рукахъ. Сколько наплевались — ужасъ! Больше всѣхъ пришлось вытерпѣть свящ. Иоанну Стояловскому, вѣроятно потому, что онъ чрезвычайно высокаго роста. Мимо него не проходилъ ни одинъ жуликъ спокойно. Или ударилъ, или плюнулъ въ лицо. Чтобы, по крайней мѣрѣ, отчасти спастись отъ многочисленныхъ побоевъ, онъ пошелъ на хитрость и сталъ горбиться и дѣлаться малымъ, чтобы по росту сравняться съ остальными и

не бросаться такъ въ глаза овѣрѣлой толпѣ. Какой-то высшій чиновникъ желѣзно-дорожной службы, на видъ очень почтенный, сѣдой, какъ голубь, съ золотымъ питьемъ на шеѣ, толкнулъ свящ. Михаила Добрянскаго такъ сильно, что если-бъ не сыновья, задержавшіе отца, Богъ вѣсть, чо случилось-бы, — какъ-разъ передвигался поѣздъ.

Завели насъ въ залу III класса, гдѣ встрѣтились мы съ транспортомъ интернированныхъ изъ Самбора, жителей самборскаго уѣзда. Насколько помнится, были тамъ: свящ. Василій Скобельскій изъ Пруссъ, котораго арестовали за то, что у него нашли цѣлую массу „тайнственныхъ писемъ“... Тайнственные письма оказались впоследствии ничѣмъ другимъ, какъ только нотами, которыхъ у свящ. Скобельскаго отняли большое количество. Дальше были тамъ священники: о. Киричинскій изъ Чапель, о. Перчинскій изъ Рейтаревичъ, о. Грушкевичъ изъ Раковой, кромѣ того: д-ръ Цюкъ съ сыномъ, Айвалъ Влашинъ, Владиміръ Киричинскій, судья Глѣбовицкій, Стрѣльбицкій, Мудрый, г-жа Ольга Байкова и еще нѣсколько чело-нѣкъ, которыхъ не могу уже вспомнить. Разставили насъ въ двухъ углахъ, приказавъ молчать — не разговаривать съ транспортомъ изъ Самбора.

Оба транспорта голодные — ѣсть не даютъ. На вокзалѣ буфетъ, — пробуемъ кое-что купить, яичекъ или чего-нибудь, сельтерской воды, — не разрѣшаютъ. Спрашиваемъ — почему?

И вотъ подходитъ къ намъ молодой офицеръ и, притворяясь очень вѣжливымъ и любезнымъ, на великолѣпномъ польскомъ языкѣ заявляетъ:

— Мои панове и панье! Съ удовольствіемъ разрѣшилъ-бы и вамъ купить, что вамъ нужно и угодно, но, по-

нѣрете мнѣ, опасаюсь за вашу жизнь. Вы видите, какъ толпа враждебно къ вамъ настроена... Вы купите яички, а вдругъ они окажутся отравленными... Я вамъ совѣтую ничего не покупать... Я не могу ручаться, что васъ не пожелаютъ отравить...

И запугалъ насъ. Многие, несмотря на голодъ, — больше сутокъ не ѣли, не выпили ни капельки воды. — предпочли голодать, послушавъ „доброжелательнаго“ человѣка, офицера. Мнѣ лично какъ-то не хотѣлось повѣрить словамъ офицера: откуда у буфетчика вдругъ ядъ и какъ подсыпалъ-бы онъ его въ яички и въ сельтерскую воду? Но пришлось голодать и переносить ругань проходящей постоянно толпы.

Не прошло полъ часа, какъ въ залу вошелъ „нашъ“ турчанскій жандармъ, почти всѣхъ насъ арестовавшій, а днемъ раньше отвозившій въ военный судъ одного священника, котораго, по доносу мѣстнаго еврея, обвиняли въ томъ, что онъ въ церкви будто-бы собиралъ отъ своихъ прихожанъ пожертвованія на русскій Красный Крестъ и посылалъ въ Россію.

— А съ вами что? Вы куда? — спросилъ удивленно жандармъ. Въ Туркѣ никто не вѣрилъ, чтобы насъ имѣли куда-нибудь вывести.

— Не внаемъ, — отвѣтило нѣсколько изъ насъ.

Завязался разговоръ. Жандармъ вынулъ табакъ и угостилъ насъ, у кого уже этого, на ввочованные нервы хорошо дѣйствующаго, средства совершенно не было. Это замѣтилъ нашъ капралъ. Начался споръ между жандармомъ и эскортирующимъ капраломъ; а когда жандармъ заявилъ, что онъ насъ арестовалъ, что мы всѣ не арестанты, а невинные люди, только

временно интернированные, — это настолько ввѣсило власть имѣющаго капрала, — къ сожалѣнію, русскаго мужика изъ подъ Самбора, — что онъ весь красный отъ злости побѣждалъ въ команду отпрапортовать, что какой-то жандармъ сговаривается съ „москалефилами“. Результатомъ доноса было то, что жандарма на мѣстѣ арестовали и отвели въ тюрьму, въ которой, какъ мы позже узнали, пока дѣло разъяснилось, посидѣлъ онъ нѣсколько сутокъ.

Стало уже вечерѣть, когда вывели насъ на перонъ. Значитъ, ѣдемъ дальше, Богъ вѣсть куда.

— Куда? — спросилъ капралъ знакомаго намъ жиденка-кадета.

— Куда? Вотъ тамъ свиной возъ. Туда ихъ, свиней, загнать! — приказалъ „герой“ іудина племени и, довольный своей „остроумной“ шуткой, разсыпался громкимъ смѣхомъ. Окружающая толпа, довольная этимъ предложениемъ, заревѣла неистово: „Въ свиной, пусть тамъ лежать, какъ свиньи!“

Наконецъ, завели насъ все-таки въ обыкновенный товарный вагонъ, съ тѣмъ только удобствомъ, что тамъ нашлись скамейки и солома. Подъ адскій крикъ толпы двинулся поѣздъ дальше. По станціямъ продолжалась извѣстная исторія. Мы поневолѣ привыкли къ этому и уже не обращали на это вниманія. Грозный моментъ послѣдовалъ только на слѣдующій день, на одной изъ станцій западной Галичины, гдѣ пришлось намъ встрѣтиться съ транспортомъ раненыхъ австро-венгерскихъ солдатъ и русскихъ военно-плѣнныхъ. Если-бы не усиленная охрана, навѣрное не миновала-бы насъ исторія, случившаяся съ транспортомъ 46 человѣкъ въ Бакунчинахъ волеѣ Перемышля, посѣченныхъ венгерцами въ кусочки.

Въ тотъ-же день, послѣ обѣда, очутились нашъ транспортъ гдѣ-то на Маурахахъ, на станціи, кажется, Циха. Прошло полныхъ двое сутокъ, а у насъ во рту еще ничего не было. Голодъ, жажда невыносимые, жара, — отнимали послѣднія силы. Кто покрѣпче, просилъ воды для обомлѣвающихъ. Отказали.

— Арсенику (мышьяку) имъ, а не воды, — кричала толпа.

Вдругъ случилось то, чего мы не ожидали. Къ возу подошла какая-то дама, полька, съ краснымъ крестомъ на рукѣ. Это былъ единственный человѣкъ на цѣломъ пути черезъ Галичину, отнесшійся къ намъ по человѣчески. Узнавъ, въ чемъ дѣло, она приказала сейчасъ подать намъ воды.

— Арсенику, арсенику! — кричала толпа и хотѣла помѣшать благородной женщинѣ въ исполненіи ея сестринскаго долга. Кто-то изъ услужливыхъ позвалъ коменданта станціи. Тотъ прибѣжалъ и грубымъ образомъ вытолкнулъ кружку съ водой, которую какъ-разъ подавали кому-то изъ транспорта. Но здѣсь послѣдовала неожиданность. Энергичная женщина посмотрѣла грозно на офицера, подняла величественно руку и рѣшительнымъ, повелѣвающимъ, а одновременно нѣжнымъ голосомъ, указывая пальцемъ на вокзалъ, приказала:

— Извините, господинъ! Тамъ вашъ долгъ! Здѣсь я. Здѣсь мое мѣсто! Здѣсь служба Краснаго Креста, который не знаетъ ни друга, ни врага, ни измѣнника, а только человѣка. — И, обратившись къ служащимъ Краснаго Креста, прибавила нѣжно: Дайте-же несчастнымъ воды!

Слова благородной женщины подействовали на офицера и толпу оглушающе, подавляюще. Первый замаялся, покраснѣлъ, что-то пробормоталъ въ

оправданіе своего нечеловѣческаго и неофицерскаго поступка, улетучился, толпа же скоро послѣдовала его примѣру. Мы напились воды, вдохнули, а черезъ нѣсколько минутъ поѣздъ увозилъ насъ дальше и дальше, а вмѣстѣ съ нами безграничную благодарность по отношенію къ женщинѣ-человѣку, о которой не суждено намъ было узнать, кто она такая?

Поздно ночью — Краковъ. Что будетъ? Слухи ходили уже раньше, что въ Краковѣ ведутъ транспорты съ вокзала въ арестъ „подъ телеграфъ“ почти черезъ цѣлый городъ и что этотъ путь — это настоящая Голгофа, что со стороны краковскихъ бандитовъ придется переносить ужасныя издѣвательства. При самой мысли объ этомъ мы дрожали.

Насъ вывели изъ вагоновъ и установили на перонѣ. По телефону спрашиваютъ, что съ нами дѣлать? Вокругъ насъ сильный кордонъ полиціи. Желѣзно-дорожные служащіе, какъ хищные волки, начали тоже собираться.

— Выржонцъ кабанувъ! — началъ одинъ.

— Пошелъ вонъ! Не твое дѣло! Смотри тамъ колесо! — загремѣлъ рѣшительно одинъ изъ полицейскихъ, навѣрное русскій галичанинъ, — вѣдь тамъ служили полицейскими и дѣти нашей Руси.

Его голосъ сразу обезкуражилъ мазурчиковъ, которые, что-то бормоча, разошлись. Мы молча ожидали рѣшенія и наблюдали за полицейскимъ, охранявшимъ насъ отъ побоевъ, плеванія, ругани и проч., и въ его добрыхъ чертахъ находили, что онъ непремѣнно — наша кровь, кровь русская. Молча, мы мысленно были ему благодарны.

Черезъ полчаса пришелъ приказъ отъ крѣпостной команды:

— „Айнвагониренъ — нахъ Терезиенштадъ“. — Мы очутились опять въ поѣздѣ, но, чудо, на этотъ разъ — глазамъ не хотѣлось вѣрить — въ пассажирскомъ.

Раннее солнце привѣтствовало насъ уже на землѣ родного брата-страдальца чеха. Въѣхали на чешскую землю.

Третьи сутки не ѣли, голодные, утомленные, но желаніе видѣть землю брата — чеха, въ то время несчаго одинокаго съ нами крестъ испытанія, и удобство пассажирскаго вагона прибавили намъ силъ. Мы смотрѣли на великолѣпныя поля, сады, веси, села, горы, долины этой красивой братской земли.

Скоро мы очутились въ какомъ-то большомъ городѣ. Великолѣпный, чистенькій, несмотря на военное время, вокзалъ сдѣлалъ очень пріятное впечатлѣніе. Не помню названія. На станціи большое движеніе, масса народа, масса поѣздовъ. Какой-то чешскій полкъ, въ австрійской, понятно, формѣ, ѣдетъ на позицію, противъ Россіи. Мы съ любопытствомъ наблюдаемъ все, а мысленно спрашиваемъ: Какъ будетъ здѣсь? Какъ отнесутся къ намъ братья чехи? Будутъ бить, плевать, ругать и камнями бросать, какъ поляки и измѣнники „мазепо-украинцы“?

Скоро возлѣ нашего поѣзда собралась кучка чеховъ въ штатскомъ и военномъ платьѣ.

— Вы что за люди? Откуда ѣдете? Куда везутъ? Вы плѣнные изъ Россіи? — спрашиваютъ.

— Нѣтъ, — отвѣчаемъ, — мы австрійскіе граждане, но виноваты въ томъ, что русскіе, что русскій языкъ наша родная рѣчь, — и вотъ за это везутъ

насъ, какъ интернированныхъ, куда-то въ Терезиенштадъ.

— Въ Терезинъ, — исправилъ какой-то солдатъ, — не бойтесь, тамъ живутъ тоже чехи. Тамъ вамъ будетъ хорошо.

Собралось скоро еще больше людей, интересуясь нами, разспрашивая обо всемъ. А когда узнали, что ѣдемъ мы уже третьи сутки не ѣвши, не пивши, — послышался громкій голосъ протеста и проклятій по адресу тѣхъ, кто виноватъ, и зашевелились всѣ. Скоро появились, въ красивыхъ національныхъ костюмахъ, дѣвушки съ корзинами въ рукахъ и накормили насъ. Мало того, намъ дали столько, что мы и въ тюрьму привезли. Давали не только здѣсь, но почти на каждой станціи, пока не доѣхали до Терезина.

Въ толпу въѣхалъ какой-то чехъ — солдатъ изъ транспорта, отправляемаго на позицію. Молодой человекъ былъ немного навеселѣ. Пробравшись къ самому вагону, онъ спросилъ: — Что это за люди, за что и куда ихъ везутъ?

— А, русские — наши братья! Здравствуйте! — закричалъ радостно, круто повернувшись и побѣждалъ на вокзалъ. Не прошло и пяти минутъ, сморимъ, а нашъ солдатъ, насколько могъ въ обѣ руки захватить, несетъ пиво и издали кричитъ:

— Братья русские! Пейте чешское пиво и не бойтесь ничего! Мы ѣдемъ на войну, на Россію! Не бойтесь! Войну выиграемъ — придемъ и освободимъ васъ изъ тюрьмы! — Молодой человекъ такъ разошелся, что все время, пока нашъ поѣздъ не тронулся дальше, носилъ намъ пиво. Наша стража молча смотрѣла на все, что происходило, не смѣла мѣшать. Что творилось въ ихъ душахъ и сердцахъ, когда сравнивали

„встрѣчи“ въ Галичинѣ съ встрѣчами въ Чехіи, не трудно угадать. Заговорили дружно съ арестантами, даже прослезились... Самъ капралъ сквозь слезы заявилъ: „Да, простите мнѣ, я согрѣшилъ, я тоже русскій, я членъ о-ва Качковского, „Русской Дружины“, но меня раньше взяли на службу. Простите мой грѣхъ!“ — просилъ кающійся капралъ.

— Богъ тебя проститъ, — отвѣтитъ кто-то изъ священниковъ. — Въ будущемъ не грѣши. Помни, что русскій ты воздухъ вдыхалъ, что русскій отецъ тебя качалъ, что русская мать вскормила... Сейчасъ время грознаго испытанія русскаго народа... ты на службѣ, но помни, что ты сынъ Руси!...

Тернистый путь Голгофы въ Галичинѣ превратился въ Чехіи въ триумфальный походъ для тѣхъ, кто шелъ за Русь въ тюрьму.

Насъ понять, намъ сочувствовать могли только братья-чехи. И имъ во время войны пришлось выпить не малую чашу горя, не мало сыновъ чешскаго народа отдало жизнь свою на поворныхъ

висѣлицахъ, не мало томилось по тюрьмамъ австро-венгерской имперіи.

На дальнѣйшемъ пути черезъ Чехію не было почти станцій, гдѣ-бы намъ не дали кое-чего, по крайней мѣрѣ, братскаго привѣта и добраго слова. Давали намъ и цвѣты, а въ Колинѣ, гдѣ имѣется извѣстная фабрика шоколада, красавицы колинскія шоколадомъ прямо насъ забросали; правда, львиная часть шоколада попала въ долю тѣхъ интернированныхъ, кто помоложе, кто покрасивѣе, и это понятно — молодымъ — молодымъ.

Черезъ Прагу, золотую чешскую Прагу, проѣхали мы мимоходомъ, почти не остановившись. Только верхамъ величавыхъ храмовъ поклонились мы привѣтственно, передавъ имъ братскій привѣтъ и поклонъ.

Солнце уже собиралось на сонъ, когда нашъ турчанскій и самборскій транспорты вошли въ крѣпость Терезинъ. Насъ помѣстили въ кавалерійской казармѣ. Началась жизнь заточенцевъ.

Глѣба Соколовичъ.
(„Русскій Голосъ“, 1924 г., н-рѣ 1—5.)

Яворовскій уѣздъ.

Въ яворовскомъ уѣздѣ были арестованы и вывезены въ глубь страны слѣдующія лица: священники Григорій Журавецкій изъ с. Дорогомышля съ двумя сыновьями, В. Ольшанскій изъ Завадова и Іоаннъ Подляпецкій изъ Кобыльницы Воломской, учитель Н. Плешкевичъ изъ Наконечнаго и крестьяне И. Рѣковчій, А. Музыка и М. Барандѣй изъ Стариска, Н. Химка и В. Флянъ изъ Стар. Яжева.

Священника Подляпецкаго арестовали мадьяры при слѣдующихъ обсто-

ятельствахъ: во время богослуженія вошелъ въ церковь мадьярскій солдатъ и съ револьверомъ въ рукѣ подошелъ черезъ царскія врата къ священнодѣйствующему со словами: „Abtreten, vorwärts marsch!“ Когда свящ. Подляпецкій пытался уговорить солдата подождать до окончанія обѣдни, тотъ закричалъ: „Marsch! Befehl ist Befehl!“ — и приказалъ слѣдовать немедленно за нимъ. Свящ. Подляпецкій повиновался и безъ шапки и верхней одежды былъ отправленъ въ яворовскую тюрьму.

Г. Яворовъ.

На основаніи доноса мазепинцевъ въ Яворовѣ были арестованы мѣщане П. Вербенецъ и И. Максимовичъ. Характерно, что при арестахъ русскихъ людей присутствовали почти всегда, кромѣ жандармовъ, также мазепинскіе „січовики“. При арестѣ указанныхъ мѣщанъ присутствовалъ „січовикъ“ Павала. Другой мазепинецъ, А. Волощакъ, донесъ мадярамъ на оставшагося на свободѣ студента А. П. Вербенца, что онъ „рус-

софистъ“, но тотъ, къ счастью, во время скрылся.

По почину мазепинцевъ была также разгромлена въ Яворовѣ русская бурса и арестованы священники: Подляпецкій изъ Кобыльницы, Крушинскій изъ Бунева и Головка изъ Нов. Яжева. Последняго посадили въ тюрьму, несмотря на тяжелую болѣзнь. Кромѣ того, было арестовано множество крестьянъ и мирской интеллигенціи, въ томъ числѣ студ. Подляпецкій и учитель Кульматичскій изъ Наконечнаго.

Ярославскій уѣздъ.

Судья П. Д—ій, успѣвшій побывать почти во всѣхъ селахъ на правомъ берегу Сяна и собравшій также нѣкоторыя свѣдѣнія о селахъ на лѣвомъ берегу рѣки, нарисовалъ печальную картину разоренія, какую представлялъ изъ себя въ началѣ войны ярославскій уѣздъ. Продолжительныя сраженія на рѣкѣ Сянѣ и звѣрское отношеніе австрійцевъ къ русскому населенію края оставили на немъ свой отпечатокъ. Чтобы представить себѣ положеніе этого уѣзда, достаточно будетъ указать на фактъ, что, по собраннымъ на мѣстахъ г. Д—имъ свѣдѣніямъ, въ 10 селахъ австрійцы сожгли умышленно 858 хозяйствъ въ селахъ Ветлинъ, Высоцко, Ниновичи, Святое, Задуброва, Сосница, Маковиско, Монастырь, Черв. Воля и Вязовница. Какъ и въ другихъ уѣздахъ, такъ и въ ярославскомъ производились массовые аресты, причемъ дѣятельное участіе въ нихъ принимали нѣкоторые изъ мѣстныхъ польскихъ ксендзовъ.

И такъ, въ с. Суроховѣ были арестованы 5 крестьянъ, въ с. Ветлинѣ священ. О. Дорикъ и 13 крестьянъ.

Въ послѣднемъ селѣ австрійцы сожгли умышленно значительное число крестьянскихъ усадебъ, по очереди поджигая ихъ соломенные крыши одну за другой. На всѣ просьбы крестьянъ они отвѣчали только: „ты москаль“. Такимъ-же образомъ были сожжены всѣ выше упомянутыя села, а кромѣ того с. Лавы и Грабовцы. Въ с. Высоцкѣ были арестованы священ. И. Станчакъ и 11 крестьянъ, изъ которыхъ четверо были освобождены впоследствии русскими войсками. Въ с. Лавкахъ было арестовано 70 крестьянъ и священ. И. Маковей, котораго потомъ освободили русскіе солдаты изъ тюрьмы въ Хировѣ.

Въ арестахъ крестьянъ въ с. Пяшкахъ принимали дѣятельное участіе мѣстные ксендзы Завиша и Новотарскій, а также жители П. Стадникъ, В. и К. Ребусы и Войтѣховскій. Аресты русскихъ крестьянъ являлись всегда результатомъ совѣщаній этихъ „дѣятелей на рубежахъ“ съ жандармами. Толпы русскихъ людей, опасаясь арестованія, являлись каждый день на латинскомъ приходствѣ, причемъ даже крестьянки рим.-кат. обряда

приходили просить о пощадѣ для своихъ мужей, русскихъ. Однако, они получали одинъ отвѣтъ: „Да, ты полька, но твой мужъ русскій“. И аресты продолжались дальше безъ всякой пощады.

Дальше были арестованы: въ с. Ниновичахъ священ. О. Пѣхъ и 10 крестьянъ, въ с. Грабовцахъ священ. Р. Копытянскій, въ с. Сосницѣ священ. И. Рудавскій и 20 крестьянъ. Въ послѣднемъ селѣ были, кромѣ того, казнены шесть крестьянъ: И. Якимецъ, И. Яворскій, И. Шостачко, И. Кошка, Н. Смигоровскій и А. Гардый. Казнили ихъ на основаніи доноса мѣстнаго еврея, будто-бы они имѣли у себя оружіе. Безъ допроса и суда, а даже безъ обыска, ихъ арестовали, затѣмъ привязали въ оградѣ церкви къ деревьямъ и казнили на глазахъ согнанныхъ изъ села крестьянъ, въ присутствіи ихъ женъ и дѣтей. Отступая подъ нажимомъ русскихъ войскъ, австрійцы подожгли также церковь, не позволяя даже прихожанамъ спасти церковную утварь.

Въ с. Брбровкѣ были арестованы двое крестьянъ, въ с. Сурмачевкѣ одна крестьянка, въ с. Рудавѣ — священ. И. Наклоновичъ и одинъ крестьянинъ, въ с. Молодичѣ — 11 крестьянъ, въ с. Маковискѣ — 18 крестьянъ, причемъ аресты производились по доносу мѣстнаго священника мазепинца Н. Крайчика, угрожавшаго крестьянамъ въ церкви смертною казнью за „руссофильство“. Въ с. Монастырѣ были арестованы священ. А. Рудавскій и четверо крестьянъ, въ с. Червоной Волѣ былъ казненъ крест. П. Куца за разговоръ съ русскимъ солдатомъ.

Въ с. Святомъ былъ арестованъ священ. А. Гайдукевичъ и 8 крестьянъ. Значительная часть этого села была сожжена и разграблена австрійцами,

четверо крестьянъ были убиты во время боя. Въ церкви стояла кавалерія въ продолженіи двухъ нѣдѣль, причемъ солдаты накрывали лошадей церковными ризами, рѣзали въ церкви коровъ, а изъ церковныхъ оконъ дѣлали въ окопахъ двери. Отступая изъ села, австрійцы, наконецъ, взорвали церковь.

(„Прикарп. Русъ“, 1914 г., № 1505).

С. Ветлинъ.

Въ 1914 г. въ с. Ветлинѣ были арестованы и сосланы въ Талергофъ слѣдующія лица:

1) Никита Блищакъ, 6) псаломщикъ въ Нижанковичахъ, 2) Иванъ Папѣрникъ, столяръ, 3) священ. Оедоръ Дорикъ, 4) д-ръ Романъ Дорикъ, врачъ (умеръ 2 февр. 1915 г. въ Талергофѣ), 5) Константинъ Осьмакъ, 6) Максимъ Головка, 7) Михаилъ Савула, 8) Иванъ Поповичъ, 9) Оедоръ Зубикъ (умеръ 4 ноября 1914 г. въ Талергофѣ), 10) Илья Блищакъ, 11) Федоръ Бартышко, 12) Оедоръ Макарь, 13) Григорій Шафрановичъ, 14) Иванъ Школьникъ (умеръ въ Талерг. 29 марта 1915 г.), 15) Алексѣй Блищакъ, 16) Кириллъ Столяръ, 17) Иванъ Чирка, 18) его жена Анна Чирка и 19) Иванъ Гусакъ.

Сообщеніе Никиты Блищака.

Во время мобилизаціи въ 1914 г. я пріѣхалъ изъ Нижанковичъ въ родную деревню. Въ виду возникшей въ то время въ Ветлинѣ эпидеміи дезинтерин, мнѣ запретили выѣзжать изъ села, однако, когда мѣстные жандармы стали обращать на меня слишкомъ большое вниманіе, я все-таки, несмотря на запрещеніе, уѣхалъ обратно въ Нижанковичи.

Но тутъ-то я попалъ изъ огня да въ полымя. Здѣсь у меня произвели обыскъ, причемъ нашли въ сундукѣ

письма отъ моего бывшего школьнаго товарища И. Славяка, служившаго хористомъ въ русскихъ императорскихъ театрахъ въ Петербургѣ, а въ одномъ изъ нихъ, писанномъ изъ Крыма, выловили даже подозрительную фразу: „я пребываю теперь съ Его Величествомъ въ Крыму“. Въ результатъ обыска меня арестовали и перевезли въ Перемышль, гдѣ помѣстили меня въ городской тюрьмѣ вмѣстѣ съ уголовными преступниками. Въ камерѣ помѣстили со мной также агента сыскаго отдѣленія Осмака, однако, послѣдній, не узнавъ отъ меня ничего интереснаго, оставилъ тюрьму черезъ два дня.

Военный судъ обвинялъ меня въ перепискѣ съ врагами Австріи, въ шпионствѣ, дезертирствѣ и получкѣ рублей, соотвѣтственный же доносъ былъ подписанъ украинофиломъ Иваномъ Жуковскимъ изъ Нижанковичъ. Судъ приговорилъ меня къ расстрѣлу, однако, благодаря наступленію русскихъ на Перемышль, меня вывели въ спѣшномъ порядкѣ въ Талергофъ, гдѣ, взаменъ смертной казни, опредѣлили меня на военную службу и отправили на повицію.

Н. Блищакъ.

Сообщеніе Ивана Папирника.

Въ первую очередь жандармы арестовали въ с. Ветлинѣ меня, Константина Осмака и Максима Головку и, продержавъ насъ трое сутокъ въ Ярославлѣ, отправили, вмѣстѣ съ 150-ю другими политическими арестованными изъ ярославскаго уѣзда, въ Нижнюю Австрію, — сначала въ Герцогенбургъ, а затѣмъ въ Талергофъ.

По дорогѣ били насъ на станціяхъ палками и камнями, въ особенности въ Тарновѣ, гдѣ чрезвычайно усердничали мѣстные мазуры, — и только благодаря

гуманности сопровождавшаго насъ жандарма-чеха, мы вышли изъ этихъ перидрягъ сравнительно цѣло. На жел.-дорожномъ вокзалѣ въ Вѣнѣ снова повторилось нападеніе на наши вагоны. Между прочимъ, одинъ изъ крестьянъ вынулъ голову черезъ окно и просилъ воды; тутъ подошедшій офицеръ съ ловкостью клоуна приложилъ къ головѣ наивнаго крестьянина тросточку и, обернувъ ее нѣсколько разъ, вырвалъ у него такимъ образомъ цѣлый клокъ волосъ.

Въ Талергофѣ пріѣхали мы 3 октября и уже на слѣдующій день я видѣлъ, какъ священникъ въ парѣ съ евреемъ тащили телѣжку съ водою...

С. Теплицы.

Въ с. Теплицахъ были арестованы и вывезены въ Талергофъ крестьяне: Иванъ П. Кроль, Михаилъ Федирко, Онуфрій Сквечесъ, Иванъ Сопилко, И. Кэрхутъ, Яковъ Нихъ и Иванъ Калининъ. Трое изъ нихъ умерли въ Талергофѣ.

Изъ кровавыхъ дней.

Сообщеніе о. Иннокентія Рудавскаго. *)

Это происходило въ с. Сосницѣ, ярославскаго уѣзда, осенью 1914 г. Еще не затерлись на грязныхъ дорогахъ слѣды отъ телѣгъ русскихъ орудій, еще въ ухахъ людей не заглухъ гулъ крѣпостной пальбы, а уже сама природа предвѣщала какое-то бѣдствіе. Съ дремучихъ полей надвигался на село хо-

*) Позволяемъ себѣ заимствовать изъ перемышльской газеты „Український Голосъ“ (за 1923 г. н-ра 50—51) ету потрясающую, основанную на достовѣрнѣйшихъ свѣдѣтельскихъ показаніяхъ, картину неистовыхъ австрійскихъ звѣрствъ, содѣянныхъ осенью 1914 г. по отношенію къ русскимъ жителямъ с. Сосницъ, ярославскаго уѣзда. (Примѣч. редакціи).

лодный туманъ. Непонятный ужасъ охватывалъ людей.

Только-что, послѣ трехнедѣльной осады, отступили русскіе отъ перемышльской крѣпости за р. Сянь, а уже встѣдъ за ними шли австрійскіе патрули. Изъ густого тумана подвигались за ними боевыя цѣпи, стрѣляя по мальчишкамъ, которые вышли на поле и собирали въ размокшихъ окопахъ разстрѣлянные патронныя гильзы.

Патрули искали русскихъ вездѣ. Перетрясали у людей всѣ кровати, шарили по сундукамъ и печамъ и спрашивали грозно: „гдѣ русскіе?“. Поразставляли караулы, никому не позволяли выйти ни въ поле, ни на дорогу, угрожая въ противномъ случаѣ смертью.

На другой день снѣгого пребыванія въ Сосницѣ, т. е. 13 октября 1914 г., занялись мадьяры выискиваніемъ подозрительныхъ лицъ, то-есть, „москвофиловъ“, или, какъ они говорили, „руссовъ“. Этотъ день 13 октября 1914 г. останется на вѣки памятнымъ для тѣхъ, родные которыхъ пали жертвой мадьярскаго звѣрства и злобы мѣстныхъ евреевъ.

По ложному доносу еврея Саула Рубинфельда и его семьи, мадьяры схватили тогда 6 крестьянъ: Ивана Шостачка, Илью Яворскаго, Илью Якимца, Ивана Кошку, Николая Смигоровскаго и Андрея Гардаго. Первыхъ четырехъ связали веревками по рукамъ и попривязывали къ вербамъ, гдѣ на дождѣ и холодѣ промучились они до 8 ч. вечера. На ихъ сдавленные веревками руки жутко было глядѣть. Веревки вѣзли въ тѣло такъ, что ихъ совсѣмъ не было видно, а только одно напухшее, черное тѣло. Съ нѣкоторыхъ рукъ стекала кровь.

Двоихъ изъ арестованныхъ крестьянъ — Андрея Гардаго и Николая Смигоровскаго привязали мадьяры за руки къ сѣдламъ своихъ лошадей, причемъ они должны были бѣжать-волочиться такъ съ ними въ сосѣднее село Задуброву и обратно, всего 4 километра. Очевидцы плакали и убѣгали, когда слышали ихъ крики и стоны. Теодоръ Савка, услышавъ этотъ плачъ, вышелъ на порогъ своего дома, и за это схватили его мадьяры тоже, говоря, что онъ шпионъ. Связали его съ Гардымъ у Станислава Шиманскаго, подъ крыльцомъ котораго, подъ водосточной трубой, онъ и пролежалъ, избитый и распухшій, всю ночь на дождѣ. На него, кромѣ того, по его рассказамъ, лили холодную воду, плевали и бросали кости, говоря: „Ты шпионъ, москвофилъ“. А онъ — бѣдный помѣщичій батракъ, неграмотный, на одинъ глазъ слѣпой.

Илью Якимца, передъ домомъ котораго привязали упомянутыхъ четырехъ крестьянъ, какой-то фельдфебель-еврей до крови билъ по лицу и копалъ ногами, когда-же онъ, потерявъ сознание, упалъ, привязали его тоже къ дереву, а затѣмъ уничтожили на глазахъ все его имущество: вывели весь его скотъ и забрали изъ клуны весь хлѣбъ. Его жену, дѣтей и старуху-мать заперли въ кладовой и продержали подъ стражей два дня, не давая имъ все время ничего ѣсть, такъ что 11-лѣтняя дочь его Анна отъ голода упала въ обморокъ. И при этомъ они не знали — гдѣ отецъ и что съ нимъ происходитъ? Очевидецъ Дмитрій Качоръ свидѣтельствуетъ, что Якимца избили до такой степени, что онъ весь распухъ и почернѣлъ, какъ уголь, — нельзя его было узнать. А били его будто-бы за то, что нашли у него какую-то еврейскую

книгу, которую, может быть, оставили у него во время бѣгства русскіе или занесли даже сами австрійскіе солдаты.

Каждому изъ арестованныхъ предъявляли какую-нибудь ничѣмъ неоправданную вину. Такъ, напр., Ивана Шостачка, 70-лѣтняго старика, обвиняли въ томъ, будто-бы онъ имѣлъ зарытое на своемъ полѣ, гдѣ за день до того стояла русская батарея, орудіе, изъ котораго стрѣляли по австрійскимъ войскамъ.

Илья Яворскій, бѣдный громадскій пастухъ, отецъ 5-ти маленькихъ дѣтей, имѣлъ одну корову. Еще въ августѣ 1914 г., во время похода австрійскихъ войскъ въ Россію, попросилъ онъ австрійскаго поручика замѣнить ему эту корову на лучшую. Поручикъ, при свидѣтелѣ Михаилѣ Кульчицкомъ, согласился на это, но потребовалъ доплаты 20 коронъ, которыя Яворскій и уплатилъ, занявъ ихъ у сосѣда Дмитрія Качора. А еврей Саулъ Рубинфельдъ въ октябрѣ воспользовался этимъ и заявилъ мадьярскимъ солдатамъ, что Яворскій укралъ австрійскую корову. „Это воръ, ихъ вѣдь есть еще больше“, — говорилъ Рубинфельдъ въ домѣ Ильи Якимца коменданту; слышали это жена, Ева Якимецъ, дѣти и Дмитрій Качоръ.

Когда схватили Ивана Копку, бѣднаго работника, который въ то время молился въ сараѣ хлѣбъ, жена его Елена побѣжала посмотреть — гдѣ онъ и что съ нимъ происходитъ? Увидѣвъ, что мужъ, привязанный къ дереву, еле дышетъ, она стала просить солдатъ, чтобы сняли съ него веревки. Но тутъ прибѣжалъ Рубинфельдъ. При видѣ Елены Копко онъ указалъ на нее пальцемъ и сказалъ: „Это воронка, жена того „москвофила“, берите ее!“ И ее

сейчасъ-же привязали вмѣстѣ съ мужчинами къ дереву, босую, въ легкой одеждѣ. Она рассказываетъ, что евреи Саулъ и Мехель Рубинфельды все время бѣгали передъ ея глазами между войскомъ туда и обратно, а еврейка, жена Саула Рубинфельда, сидѣла въ Якимцевомъ огородѣ и смотрѣла на все это съ улыбкой. Она же рассказываетъ дальше, что вечеромъ австрійскіе солдаты и евреи, держа въ рукахъ зажженные свѣчи, свѣтили ими каждому изъ привязанныхъ къ деревьямъ кресты въ глаза, какъ-бы намѣреваясь ихъ выжечь. У 70-лѣтняго старца Ивана Шостачка смѣшались слезы съ кровью, которая текла у него изъ глазъ. Этотъ послѣдній плакалъ больше всѣхъ и очень просилъ солдатъ, а евреи ходили вокругъ мучениковъ и издѣвались надъ ними.

Больше всѣхъ страдалъ Шостачко. Когда его дочь, Юлія Кульчицкая, пришла къ евреямъ съ просьбой освободить старика, подарить ему жизнь, послѣдніе начали ссориться между собою, а еврейка, жена Мехеля Рубинфельда, заплакавъ, сказала ей: „Кульчицкая, не плачьте, вашего отца отпустятъ, мы знаемъ, что онъ ни въ чемъ не виноватъ“.

Дмитрій Качоръ былъ тоже привязанъ къ дереву. Онъ зналъ нѣмекій языкъ и понималъ изъ разговора евреевъ съ солдатами, что его ждетъ. Онъ умолялъ ихъ отпустить его, и за то, что онъ понималъ по-нѣмецки, его дѣйствительно отвязали и, давъ 25 розогъ, отпустили домой.

Къ задержанной солдатами Еленѣ Копко прибѣжали съ плачемъ ея дѣти. Благодаря имъ, ей была подарена жизнь и ее освободили, но предварительно избили такъ, что она заболѣла и съ

тѣхъ поръ совсѣмъ потеряла здоровье. Она рассказываетъ, что поздно вечеромъ, кромѣ упомянутыхъ двухъ евреевъ, къ арестованнымъ пришелъ также войтъ Михаилъ Слюсаръ, а также Панько Василина, который въ полдень вмѣстѣ съ солдатами ходилъ за ея мужемъ Иваномъ Шостачкомъ. Послѣ прихода Слюсара и Василины ее избили и отпустили, а остальныхъ мучениковъ отвязали отъ деревьевъ и куда-то увели.

Очевидцы говорятъ, что по уходѣ Юліи Кульчицкой евреи, послѣ краткаго совѣщанія, просили коменданта, чтобы отпустилъ Шостачка, на что онъ, разсердившись, отвѣтилъ: „Раньше вы его обвиняли, а теперь просите за него? Хорошо, я его отпущу, но вмѣсто него повѣшу васъ!“

Юлія Кульчицкая, въ надеждѣ, что ея отца отпустятъ, послѣдно ушла домой и сообщила дѣтямъ, что скоро возвратится дѣдъ. Она велѣла имъ молиться за него и за отца, котораго раньше еще вывели куда-то далеко въ Талергофъ...

Вечеромъ въ 8 ч. привели всѣхъ 6 арестованныхъ въ штабъ, гдѣ надъ ними опять издѣвались и, между прочимъ, лили имъ за воротъ горячую воду. А ватѣмъ, связавъ ихъ снова по рукамъ, погнали ихъ для выслушанія несправедливаго, отъ имени австрійскаго цѣсаря, смертнаго приговора. Пригнали ихъ на площадь воевъ церкви, гдѣ уже собрался народъ, сгоняемый солдатскими штыками изъ ближайшихъ домовъ. Сгоняли всѣхъ, старыхъ и молодыхъ, идти къ церкви смотрѣть на людскія мучени. Нѣкоторыхъ людей повыгоняли таки босыхъ, со сна, другіе-же прибѣжали въ одѣхъ рубахахъ и въ страхѣ ожидали чего-то ужаснаго. Вдругъ блеснули

свѣтъ, изъ приходскаго дома появилась одна лампа, другая, а съ ними множество вооруженныхъ солдатъ, которые тотчасъ-же окружили народъ со всѣхъ сторонъ. Среди солдатъ увидѣлъ собравшійся народъ бѣдныхъ страдальцевъ, которые еще въ послѣднюю минуту искали спасенія. Просили, умоляли, — но все напрасно. Согласно расказу внучки Шостачка, Евы Кульчицкой, этотъ послѣдній, старшій церковный братчикъ, вновь обратился къ стоявшему тутъ-же Саулу Рубинфельду съ просьбой: „Польку, почему не даешь мнѣ умереть своею смертью? что я тебѣ сдѣлалъ? иди къ дѣтямъ, возьми все мое имущество, только подари мнѣ жизнь!“ Но Рубинфельдъ только улыбнулся и отвернулся. Старикъ опустилъ голову, слезы потекли у него изъ глазъ. Въ свою очередь, Яворскій и Якимецъ, увидѣвъ въ толпѣ Григорія Качора, хотѣли что-то сказать ему, но этого имъ не разрѣшили. Пришелъ какой-то фельдфебель и прочелъ приговоръ. Возлѣ него стоялъ генералъ 1-го мадьярскаго пѣх. полка. Приговоръ гласилъ: „При сужденіи къ смертной казни за то, что стрѣляли по австрійскимъ войскамъ“. Тутъ-же явились палачи и началась экзекуція...

Шостачко пошелъ на казнь первый. Шелъ съ молитвою къ Пречистой Дѣвѣ на устахъ. Къ нему подбѣжали палачи, забросили ему на шею веревку, подтянули, но... веревка порвалась и старикъ упалъ на землю, продолжая дальше шептать молитву. Схватили его второй разъ, но опять веревка порвалась. Присутствовавшія женщины теряли чувства, а испуганные мужчины бросились бѣжать. Солдаты стрѣляли по нимъ. Степанъ Качоръ, присутствовавшій при событіи, убожалъ дальше всѣхъ, а сол-

дать гнался за нимъ и стрѣлялъ; затѣмъ онъ спрятался въ погребъ, такъ что солдатъ не зналъ — куда онъ дѣвался? Въ погребъ онъ и просидѣлъ до утра. А между тѣмъ Шостачко сорвался еще третій разъ, послѣ чего разсвирѣпѣвшие палачи задушили его, наконецъ, колючей проволокой...

Второй подвергся кавни Иванъ Кошкя, подъ которымъ веревка тоже порвалась дважды. За нимъ шелъ Илья Яворскій, а остальные шептали молитву и въ послѣдній разъ смотрѣли на своихъ знакомыхъ. Послѣ Яворскаго повѣсили Якимца, затѣмъ Смигоровскаго и, наконецъ, Гардаго, а оставшіеся зрители, опасаясь подобной-же участи, начали разбѣгаться.

Еще ввдрагивали тѣла повѣшенныхъ въ смертныхъ судорогахъ, а палачи не дали имъ даже вастыть, только тутъ-же, въ одеждахъ, въ кожукахъ, побросали ихъ по-двое въ вырытыя ямы. Антонъ Ференцъ, Андрей Яворскій, Григорій Качоръ, Илья Кафтанъ и другіе рыли, по приказу мадьяръ, ямы и сносили въ нихъ тѣла казненныхъ.

Никто изъ ихъ семействъ не зналъ, куда дѣвались отцы и мужья? Старенькая жена Шостачка, ея дочь и внуки тѣтно ждали любимого дѣдушку, да такъ и не дождались его...

Рано утромъ его внуки, Григорій Кульчицкій и Анеля Крайцарская пошли въ деревню спросить у людей, гдѣ находится ихъ дѣдъ? На дорогѣ возлѣ корчмы встрѣтили они Саула Рубинфельда, который сказалъ имъ: „Вы должны поблагодарить меня, что вашего дѣда повѣсили, такъ какъ похороны не будутъ васъ ничего стоить“. И сейчасъ-же побѣжалъ въ корчму, гдѣ стояли драгуны. Черезъ минуту изъ

корчмы вышелъ вооруженный драгунъ и сталъ цѣлиться въ дѣтей, которые все еще стояли на мѣстѣ, пораженные словами еврея. Но тутъ они поняли, что имъ тоже угрожаетъ смерть, и пустились бѣжать. Бѣжали къ ближайшему дому Андрея Яворскаго. Только-что Анеля успѣла вбѣжать въ сѣни и захлопнуть за собой двери, какъ надъ головой мальчика, который, къ счастью, отъ испуга упалъ на землю, просвистѣла пуля.

Молніей пронеслось по деревнѣ страшное извѣстіе. Переуеганные люди прятались по ямамъ, по погребамъ. Никто не смѣлъ показаться на свѣтъ, такъ какъ сейчасъ хватили. Можно было ходить только „мужамъ довѣрія“, каковыхъ было четыре: войтъ Михаилъ Слюсаръ, Михаилъ Кушнѣръ, Панько Василина и вавѣдующій училищемъ Горощко.*) Эти „мужи довѣрія“ ходили вмѣстѣ съ солдатами, попеременно по 2 часа въ день и ночью, подъ домами казненныхъ и постоянно преслѣдовали ихъ семьи. Каждую минуту къ послѣднимъ приходили патрули съ „мужами довѣрія“ и запрещали имъ даже плакать, угрожая при этомъ тоже висѣлицей.

Эти „мужи довѣрія“ — по словамъ Елены Кошкы — послѣ втихъ звѣрскихъ казней и похоронъ справляли еще у еврея Герся Танцмана и поминки.

*) Не надо быть, конечно, слишкомъ догадливымъ и зоркимъ, чтобы раскрыть эту скромный, осторожно приведенный украинифиломъ-авторомъ, политическій псевдонимъ: по сплошной аналогіи, повторявшейся неизменно въ цѣлой нашей несчастной странѣ, можно смѣло сказать, что упомянутые здѣсь „мужи довѣрія“ — это просто — доморожденные „украинцы“, явившіеся вездѣ въ то жуткое время яркими австрійскими „патриотами“ и прихвостнями полицейскихъ и военныхъ властей. Примѣч. ред.

Пили до бѣла дня. А позже — согласно показаніямъ Маріи Рутельдъ и другихъ — допивали еще у Саула Рубинфельда...

Паранька Боруцкя, жена Лазари, свидѣтельствуешь, что сынъ Саула Рубинфельда, Берко, пришелъ къ ней утромъ послѣ казни и сказалъ: „Дайте 10 коронъ, то не будете повѣшены“. И она дала ему 10 коронъ. Вдова Анна Щеснюкъ рассказываетъ, въ свою очередь, что Мехель Рубинфельдъ говорилъ такъ: „Если-бы мы хотѣли, то повѣсили-бы цѣлую деревню“. Это все еще больше запугало людей. Никто изъ мужичинъ не выходилъ изъ дому. По дворамъ ходили только малыя дѣти и женщины.

Черезъ нѣсколько дней послѣ казни означенныхъ выше 6 крестьянъ увелъ изъ Сосницъ австрійскій жандармъ еще Михаила Зелева и студента-богослова Николая Гардаго, сына бѣдной вдовы. Обоихъ ихъ отравили въ сосѣднее село Задуброву, гдѣ, по разсказу солдата-чеха, бросили ихъ на господскомъ хуторѣ въ погребъ и держали тамъ безъ пищи и воды 3 дня. Затѣмъ привязали студента Гардаго за скрепченныя руки къ подвѣдѣ и такъ повезли ихъ обоихъ за Перемышль, въ приселокъ с. Дроздовичъ — Велюничъ, гдѣ безъ всякаго слѣдствія и доказательствъ какой-нибудь вины, приговорили ихъ къ смертной казни.

По словамъ очевидцевъ, жителей Велюничъ, поляка Фомы Буравика и Анны Заброварной, возлѣ огорода которой находится ихъ могила, болѣе всего издѣвались надъ студентомъ Гардымъ: его били розгами, а когда онъ на колѣняхъ умолялъ ихъ, были еще хуже, такъ что кровь брызгала во всѣ стороны. Несчастный обратился къ какому-то генералу, на колѣняхъ умолялъ его

подарить ему жизнь, цѣловать сапоги его, но культурный австрійскій генералъ въ отвѣтъ копнулъ его такъ сильно въ лицо, что у него вылетѣли всѣ зубы. Тогда онъ въ послѣднемъ отчаяніи вырвался отъ палачей и хотѣлъ броситься въ рѣку, но его схватили снова. Просилъ позволить ему исповѣдываться, но не разрѣшили. Наконецъ, послѣ прочтенія смертнаго приговора, онъ, по видимому, сошелъ съ ума.

Повѣсили несчастнаго на мосту надъ р. Вигоръ, гдѣ онъ висѣлъ 3 дня. Рядомъ съ нимъ былъ повѣшенъ также его товарищъ, крестьянинъ Михаилъ Зелезъ. Оба были погребены въ общей могилѣ, въ Велюничяхъ, внизу выгона, гдѣ сходитъ скотъ въ рѣку на водопой.

Бѣдная мать-вдова долго не знала, куда дѣвался ея сынъ, единственная ея отрада и надежда. Узнавъ впоследствии отъ мѣстныхъ жителей, какъ страдалъ и умеръ ея сынъ, она плакала, тосковала и вскорѣ умерла отъ горя и тоски.

Г. Радымно.

Въ 1914 г. жила въ г. Радымнѣ семья чиновника казенной палаты Лазора. 18 августа явились въ его домъ жандармы, по доносу учительницы мазепинки Бурды. При обыскѣ нашли нѣсколько номеровъ львовскаго еженедѣльника „Русское Слово“ и, усматривая въ этомъ опаснаго для Австріи злонамѣренія, арестовали почему-то не хозяина, а больную жену его, Ярославу Лазоръ. Не помогли просьбы мужа оставить его больную жену въ покоѣ; ее стащили съ постели и перевезли въ г. Ярославъ. Растерявшійся мужъ, оставивъ дѣтей на попеченіе сосѣдей, послѣдовалъ за больной женой, надѣясь выхлопотать ей освобожденіе. Однако, власти опредѣлен-

но заявили г. Лавору, что онъ свободенъ, но жена его, какъ ярая „руссо-филка“, должна посидѣть въ тюрьмѣ, будетъ ли она жить или умереть...

Изъ Ярославля вывели больную на западъ, въ Доберсбергъ, и помѣстили ее временно въ мѣстной больницѣ, а послѣ выздоровленія, вмѣстѣ съ мужемъ, препроводили въ Талергофъ, гдѣ уже находился въ числѣ интернированныхъ и отецъ арестованной, М. С. Квасникъ.

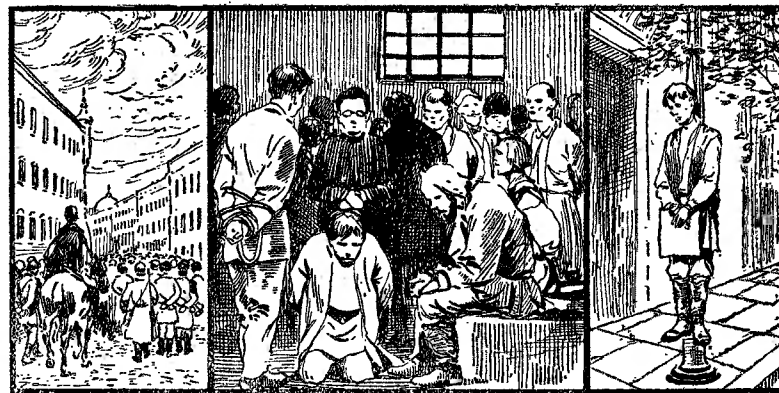
Корреспондентъ „Русскаго Слова“ В. Филатовъ сообщаетъ изъ ярославскаго уѣзда слѣдующее:

На противоположной сторонѣ Сяна — деревня Сосница. Въ ней мнѣ

пришлось видѣть очень поучительную картину, объясняющую, почему галичане убѣгаютъ вмѣстѣ съ нашими войсками. На мѣстѣ сосницкой церкви — пожарище; на немъ валяются обгорѣлые куски утвари и колоколовъ, а рядомъ — братская могила шести мѣстныхъ крестьянъ, повѣшенныхъ въ октябрѣ 1914 года, когда австрійцы вернулись сюда на нѣсколько дней, въ сочувствіе русскимъ, которое выражалось въ продажѣ имъ скота и т. п. вещей.

Въ Ярославлѣ разстрѣляли и повѣсили 26 человекъ устѣнъ ратуши, которыя стоятъ рядами отъ пуль, пробивавшихъ тѣла казненныхъ.

(„Прим. Русь“, 1915 г., н-ръ 1655.)

Лемковщина.*)

Горлицкій уѣздъ.

(Изъ записокъ о. Василія Ө. Курилла).

Обыски и аресты въ горлицкомъ уѣздѣ, благодаря особому усердію мѣстнаго старосты Митшки, были проведены весьма энергично и широко.

Прежде всего, еще 31 іюля 1914 г., былъ произведенъ обыскъ въ помѣщеніи горлицкой „Русской бursы“ и въ частной квартирѣ ея завѣдующаго, Дамяна Бубняка, причемъ были забраны нѣкоторыя русскія книги (сочиненія русскихъ классиковъ), а также нѣсколько флорбертовскихъ пульекъ, которыя были найдены среди оставленныхъ нѣкоей г-жеи Баницкой на храненіе въ бурсѣ вещей ея покойнаго мужа. Последнее обстоятельство дало сейчасъ-же толчокъ къ распространенію нелѣпныхъ слуховъ о томъ, что въ бурсѣ были

найжены бомбы и т. п. Кроме того, въ бурсѣ былъ произведенъ обыскъ еще два раза, а равно въ кредитномъ обществѣ „Лемковская касса“, гдѣ, однако, уже ничего „опаснаго“ найдено не было. Въ то-же время возлѣ дома бursы былъ поставленъ постоянный полицейскій надзоръ.

Завѣдующій бурсой Д. Бубнякъ былъ затѣмъ дважды вызываемъ въ староство для составленія протокола и объясненій по поводу бывшихъ обысковъ, послѣ чего ему было объявлено, что онъ не смѣетъ никуда отлучаться изъ своей квартиры. Когда-же онъ, возвращаясь изъ староства домой и встрѣтившись по пути со своими, отправляющимися въ армію, односельчанами, вступилъ съ ними въ бесѣду и проводилъ ихъ при этомъ на вокзалъ, то былъ

*) Въ виду значительныхъ этнографическихъ, бытовыхъ и даже административно-политическихъ особенностей жизни русскаго населенія Западной Галичины или т. наз. Лемковщины, также и свѣдѣнія о тяжелыхъ переживаніяхъ послѣдняго подъ австрійскимъ терроромъ въ началѣ всемірной войны выдѣлены здѣсь нами въ особую группу. *Примѣчаніе редакціи.*

тутъ-же уже настоящимъ образомъ арестованъ жандармомъ и отвeдeнъ въ тюрьму при окружномъ судѣ. Это произошло 1 августа и явилось первымъ случаемъ военно-тюремной „мобилизации“ въ горлицкомъ уѣздѣ.

Между тѣмъ, по городу стали распространяться все болѣе вадорные и сензационные слухи, имѣвшіе, очевидно, цѣлью подготовить и настроить соотвѣтственнымъ образомъ мирное до тѣхъ поръ общественное мнѣніе къ предстоящимъ арестамъ „русофиловъ“. И такъ, кромѣ нелѣпой исторіи съ бомбами въ бурсѣ, были одновременно распуценъ ложный слухъ, что въ сосѣднемъ грибовскомъ уѣздѣ были пойманы „русофилы“ о. В. Курилло изъ Флоринки (б. председатель той-же горлицкой „Р. бурсы“) и о. Г. Гнатышакъ изъ Крыницы въ минуту, когда пытались взорвать жел.-дорожный мостъ въ Мушинѣ, за что и были тутъ-же разстрѣляны на мѣстѣ. А въ то-же время въ горлицкxе староство поступило столь-же невѣрное донесеніе, будто о. Курилло пріѣхалъ въ Горлицы и остановился въ постояломъ дворѣ Байлы, въ виду чего сейчасъ-же ночью были наряжены туда за нимъ два жандарма, которые, однако, не нашли его тамъ, по той простой причинѣ, что онъ въ это время какъ-разъ находился по семейнымъ дѣламъ во Львовѣ.

Затѣмъ начались уже полнымъ ходомъ поголовные, массовые аресты, какъ въ самомъ городѣ, такъ и въ уѣздѣ. И такъ, 3 августа были арестованы въ городѣ помощникъ присяжнаго повѣреннаго д-ръ Дим. Собинъ, бухгалтеръ „Лемковской кассы“ и секретарь „Р. бурсы“ О. Слюзаръ и студентъ Ѳ. В. Курилло.

На слѣдующій день, 4 августа, при-

вели въ тюрьму двухъ бурсаковъ-гимназистовъ Ал. Телеха и Ник. Галю изъ с. Лосья, причемъ у нихъ при арестѣ забрали нѣсколько учебниковъ и табакъ. Затѣмъ изъ уѣзда того-же числа были приведены дальше: о. Ѳеодосій Дуркотъ изъ Ждыни, православный священникъ о. Максимъ Сандовичъ и его отецъ Тимофей, крестьянинъ изъ Ждыни же, и студенты Иванъ Ядловскій изъ Смерековца и Иванъ Вислоцкій изъ Гладышева. Тогда-же были арестованы въ городѣ старикъ-почтмейстеръ Байсса и студентъ Д. И. Качоръ, остановившійся здѣсь проездомъ изъ Львова въ свою родную деревню Бодаки.

6 августа были арестованы и доставлены въ Горлицы: служащій „Лемковской кассы“ и волостной писарь Юсафатъ Крылевскій и войтъ Петръ Корба изъ Лѣщинъ, бурсакъ-гимназистъ Ал. Дудка и Иванъ Лабовскій изъ Бѣлянки, окончившій гимназію Ѳеодосій Ядловскій (братъ студента) изъ Смерековца (у котораго забрали сочиненія Гоголя и нѣсколько номеровъ „Нов. Времени“) и крестьяне К. Дутканчъ изъ Боргнаго и Ѳ. Журавъ изъ Баницы в. Воловца. Тогда-же были арестованы здѣсь также по недоразумѣнію, вслѣдствіе отсутствія удостовѣренія, одинъ полякъ, преподаватель коммерч. училища въ Тарновѣ Юсифъ Копыстинскій, который, однако, черезъ нѣсколько часовъ, по поручительству, былъ отпущенъ.

8 августа были арестованы Ѳома Нецьо, крестьянинъ изъ Боргнаго, и народный учитель Титъ Богачикъ, котораго арестовали въ м. Бѣчѣ и держали въ тюрьмѣ въ Яслѣ.

10 августа утромъ привели въ тюрьму окончившаго юридическій факультетъ Андрея Карела изъ Лосья.

12 августа была арестована въ Ждынѣ жена о. Максима Сандовича — Пелагея Ивановна, которую, однако, почему-то не перевели въ Горлицы, а интернировали пока въ домѣ войта въ с. Ржепенникѣ в. Бѣча, гдѣ ее продержали 9 дней. Тогда-же были арестованы Михаилъ Собинъ, содержатель трактира въ Бортномъ, и крест. Вас. Куликъ изъ Русской Ропицы.

13 августа былъ арестованъ гимназистъ Ѳеодоръ Войтовичъ изъ Русскаго Устья, веселый и бойкій юноша, который своими остроумными шутками и пѣніемъ развлекалъ и ободрялъ всѣхъ узниковъ и котораго черезъ нѣкоторое время, безчеловѣчно закованнаго въ кандалы, забрали въ Новый Сантъ къ воинскому набору, а затѣмъ зачислили въ армію. Того-же числа были арестованы Ѳеодоръ и Косма Горбали изъ Бортнаго (оба вслѣдствіи умерли въ Талергофѣ).

20 августа былъ арестованъ Петръ Козакъ изъ Русской Ропицы.

21 августа П. И. Сандовичъ была переведена изъ Ржепенника въ горлицкую тюрьму, гдѣ ее сначала помѣстили въ нижнемъ этажѣ вмѣстѣ съ цыганами, а затѣмъ перевели въ маленькую, грязную камеру въ I этажѣ.

22 августа былъ приведенъ въ тюрьму Ѳеодоръ Бажосъ изъ Маластова и рядъ другихъ крестьянъ.

27 августа привели Юрія Дзямбу изъ Луга в. Ждыни и Андрея Васичка и Андрея Лукачика изъ Смерековца.

29 августа привели Якова Вислоцкаго (отца студента) и Михаила Сиротяка изъ Гладышева.

30 августа, находившійся въ тюрьмѣ уже около 4-хъ недѣль, студентъ Ѳ. В. Курилло, въ наказаніе за то, что въ письмѣ къ брату выразился неодоб-

рительно о тюремной пищѣ, былъ переведенъ въ сырую, темную и грязную камеру въ нижнемъ этажѣ, гдѣ сидѣло уже около 30 человѣкъ, главныхъ образомъ, уголовныхъ преступниковъ, а также нѣсколько русскихъ крестьянъ, такъ что негдѣ было даже повернуться. Кромѣ того, ужасная духота и вонь отъ человѣческихъ испареній, табачнаго дыма и неизмѣннаго и всегда открытаго отхожаго судна дѣлали пребываніе въ этой камерѣ просто невыносимымъ. Спали вповалку, на гнилой соломѣ, кипѣвшей блохами и вшами. Тутъ Ѳ. В. Курилло просидѣлъ три дня, послѣ чего былъ опять переведенъ въ прежнюю камеру въ I этажѣ.

3 сентября были приведены въ тюрьму окончившій гимназію бурсакъ Симеонъ Пыжъ и войтъ изъ Вапеннаго в. Мацины Вел. Василій Бубнякъ. Тогда-же были захвачены обѣжавшіе изъ Вост. Галичины два „украинскихъ“ священника съ семьями, которые, конечно, сильно негодовали на случившееся съ ними недоразумѣніе, говоря, что они вѣдь не какіе-нибудь „москвофилы“, а „ширые украинцы“. Того-же дня привезли жандармы закованнаго въ кандалы волостного писаря изъ Липной Ивана Пелеша, который при допросѣ смѣло заявилъ, что онъ русскій и православный.

5 сентября былъ приведенъ 77-лѣтній старикъ Матвѣй Цупура изъ Вел. Мацины. Того-же числа пополудни прибылъ въ Горлицы изъ Задыцбурга особый отрядъ нѣмецкихъ жандармовъ изъ 60 человѣкъ, предназначенный для карательныхъ экспедицій въ уѣздѣ.

6 сентября, въ 6 часовъ утра, былъ произвольно, безъ всякаго суда и слѣдствія, по единоличному распоряженію какого-то ротмистра Дитриха изъ Лин-

ца, разстрѣляя на площади передъ зданіемъ суда, на глазахъ смотрѣвшихъ изъ оконъ тюрьмы его отца и жены, а также другихъ русскихъ узниковъ, православный священникъ изъ Ждыни о. Максимъ Сандовичъ. *)

Того же числа былъ арестованъ въ Змигородѣ отставной нар. учитель изъ Ждыни Симеонъ Усцкій, который былъ препровожденъ сначала въ Ясло, затѣмъ въ Вадовицы, а оттуда уже прямо высланъ въ Талергофъ.

7 сентября привели въ горлицкую тюрьму Емилиана Гривну, народнаго учителя изъ Чорнаго.

12 сентября были приведены крест. Ѳеодоръ Гривна изъ Маластова (отецъ учителя), у котораго осталось дома безъ всякаго призора трое маленькихъ дѣтей (самъ онъ впоследствии умеръ отъ тифа въ Талергофѣ), затѣмъ гимназистъ Діонисій Потоцкій, нар. учитель Алекс. Вислоцкій и крестьяне Николай Сандовичъ (братъ о. Максима), Дмитрій и Кондратъ Спяки и Ѳеодоръ Шевчикъ — всѣ изъ Ждыни, Василий Бубнякъ, Конст. Бодакъ, Иванъ Ванца, Петръ Тылявскій, Юрій Драганъ, Конст. Копуръ и Андрей Пыжъ — всѣ изъ Раздѣлья в. Вел. Мадины, Данько Прокочакъ, Михаилъ Пыжъ, Алексѣй Тимоць, Ѳеодоръ Присташъ, Иванъ Бодакъ и Дмитрій Бубнякъ — всѣ изъ Вапеннаго в. Вел. Мадины, нар. учитель Иванъ Богачикъ изъ Бортнаго (три сына котораго служили въ австр. арміи), а вечеромъ, наконецъ, гимназистъ Николай Юрковскій изъ Радоцины. **)

*) О разстрѣлѣ о. Максима Сандовича см. ниже особое сообщеніе. *Примѣч. редакціи.*

**) Этотъ послѣдній прѣхалъ въ Горлицы къ воинскому набору, но былъ признанъ непригоднымъ къ строевой службѣ, причемъ ему, однако, было сдѣлано предложеніе поступить

13 сентября вечеромъ привели председателя горлицкой „Р. бурсы“ о. Владимира Калужняцкаго и трехъ крестьянъ изъ Бортнаго, а также о. Степана Волянскаго, Семена Станчака и нѣсколько другихъ крестьянъ изъ Смерковца.

Наконецъ, 14 сентября были приведены о. Григорій Калиновичъ, крестьяне Аеанасій Андрейчикъ и Андрей Цѣслякъ и двѣ женщины изъ Русскаго Устья (послѣднія, впрочемъ, были тотчасъ же отпущены судебнымъ слѣдователемъ Кальчинскимъ домой), Максимъ Карпакъ, Василий Базилевичъ, Дмитрій и Іосифъ Демчаки, Григорій Децьо, Кондратъ Хомякъ и Павелъ Барна изъ Климовки, А. Крайнякъ изъ Шквиртнаго, студентъ краковской академіи художествъ Михаилъ Федорко изъ Гладышева и, наконецъ, 30 крестьянъ изъ Лосья, а именно: Іосафатъ и Василий Кроли, Степанъ Павлякъ, Григорій Параничъ, Григорій Шлянта, Якимъ и Григорій Дудры, Александръ и Михаилъ Тележи, Павелъ Карель, Иванъ Фекула, Григорій, Николай и Иванъ Спольники, Иванъ Новакъ, Ѳеодоръ Малецкій, Иванъ, Григорій и Михаилъ Гали, Михаилъ Дудикъ, Павелъ и Николай Горники, Григорій Трембачъ, Симеонъ Дудка, Иванъ Олешневичъ, Иванъ Палюхъ, Иванъ Кондратикъ, Даниль Хома, Николай Евусякъ и цыганъ Яковъ Сивакъ.

Слѣдуетъ замѣтить, что перечисленныхъ выше крестьянъ изъ Лосья жандармы не арестовали по домамъ и не производили у нихъ никакого обыска.

добровольцемъ въ польскіе легіоны, когда же онъ, естественно, отъ этой чести отказался, то тутъ же былъ арестованъ и отправленъ въ тюрьму.

ка, а просто, для большаго удобства, призвали ихъ всѣхъ будто бы на какое-то совѣщаніе въ волостную канцелярію, откуда ихъ прямо посадили на подводы и отвезли въ тюрьму.

Вотъ всѣ важнѣйшія данныя, какія удалось установить и проверить относительно произведенныхъ австрійскими властями въ началѣ войны арестовъ русскихъ людей въ горлицкомъ уѣздѣ.

Какъ видимъ, хватили всѣхъ безъ разбора: въ первую очередь, конечно, поголовно всѣхъ интеллигентовъ — священниковъ, чиновниковъ, учителей, адвокатовъ, студентовъ, даже молоденькихъ гимназистовъ, затѣмъ болѣе сознательныхъ и дѣятельныхъ крестьянъ, не исключая волостныхъ старшинъ (войтовъ), писарей и дяковъ, а даже женщинъ и дѣтей.

Главнѣйшими нагонщиками на этихъ злополучныхъ „руссофиловъ“, кромѣ старосты Митшки, являлись жандармы (большая часть — русскаго же происхожденія) Когутъ, Грицакъ, Незгода, Гергелевичъ, Свободзянъ и другіе, а усердно помогали имъ въ этой Каиновой работѣ, посредствомъ самыхъ нелѣпыхъ и лживыхъ доносовъ и бѣшеной травли, нѣкоторые русскіе же отщепенцы „украинскаго“ толка, какъ то: народныя учителя Кобаній изъ Гладышева и Перейма изъ Русской Ропицы, священники Менцѣнскій изъ Маластова, Подляшевскій изъ Гладышева, Заяць изъ Вел. Мадины, Говда изъ Боднарки и другіе. Кромѣ того, весьма усердствовали въ этомъ отношеніи также и нѣкоторые евреи.

Въ тюрьмѣ обращались съ арестованными весьма плохо, иногда даже хуже, чѣмъ съ подслѣдственными цыганами или другими уголовными пре-

ступниками, хотя, впрочемъ, самъ тюремный надзиратель, старикъ Ножинскій, и велъ себя лично въ общемъ довольно вѣжливо и гуманно.

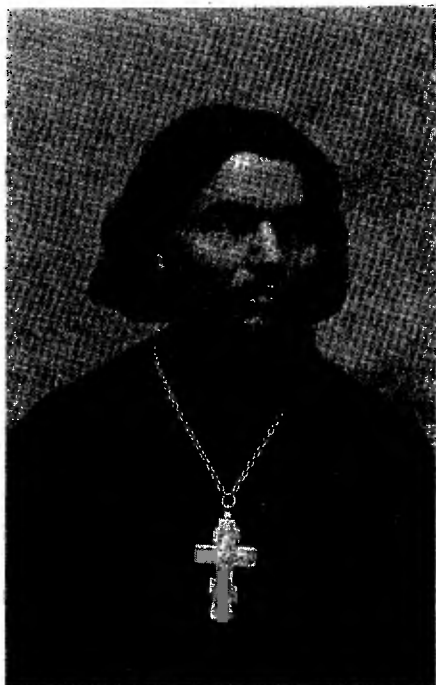
Крайне враждебно и грубо относились къ арестованнымъ русскимъ, имѣвшимъ ихъ въ своемъ вѣдѣніи, совѣтники суда Кальчинскій и тюремный врачъ д-ръ Пржесмыцкій, которые, кстати сказать, являлись вообще главными руководителями шовинистической польской политики въ уѣздѣ.

Кормили въ тюрьмѣ скверно. Водяной супъ былъ обыкновенно заправленъ разными насѣкомыми или волосами. Мясо давали всего одинъ разъ въ недѣлю. Всякія же жалобы на харчъ вызывали только дисциплинарныя наказанія, какъ отмѣчено выше уже относительно Ѳ. В. Курилла или какъ случилось съ однимъ подслѣдственнымъ цыганомъ изъ Моравіи, который за подобную жалобу былъ на недѣлю закованъ въ кандалы.

Спали на твердыхъ сѣнникахъ изъ древесныхъ стружекъ или гнилой соломы, въ которыхъ кишѣли всевозможные паразиты. Свѣта по вечерамъ не полагалось вовсе. Вода подавалась три раза въ день — вонючая, съ грязнымъ осадкомъ. Курить было совершенно запрещено.

Въ такихъ тяжелыхъ условіяхъ прожили арестованные русскіе страдальцы въ горлицкой тюрьмѣ до 14 сентября, когда ихъ оттуда, въ виду достаточно обнаружившейся уже неустойчивости австрійскаго фронта, вывезли дальше на западъ. Уже наканунѣ, 13 сентября, приказалъ имъ совѣтникъ Кальчинскій собираться въ дорогу, причемъ всѣхъ интеллигентовъ перевелъ въ одну большую камеру въ партерѣ. Но они тронулись въ путь только 14 сен-

тября вечером, причем до вокзала провожала их съ дикими ругательствами и угрозами огромная толпа мѣстных поляков и евреевъ. На вокзалѣ погрузили всѣхъ въ товарные, грязные вагоны изъ - подъ лошадей, только одну П. И. Сандовичъ, которая отказалась воспользоваться предложенной ей сов.

О. М. Т. Сандовичъ.

Кальчинскимъ послѣ убійства ея мужа свободой и предпочла послѣдовать за его земляками и родными въ ссылку, помѣстили особо, вмѣстѣ съ отцомъ и братомъ мужа, въ классномъ вагонѣ III класса.

Весь транспортъ былъ направленъ въ Талергофъ, только нѣсколько чело-

вѣкъ почему-то были отдѣльно отвезены жандармами передъ военный судъ въ Краковъ.

Черезъ 2 дня, 16 сентября, былъ составленъ изъ оставшихся еще въ горлицкой тюрьмѣ и вновь арестованныхъ лицъ второй транспортъ въ 120 человекъ, который того-же дня тоже былъ отправленъ въ Талергофъ.

Въ горлицкомъ уѣздѣ былъ арестованъ также заслуженный русскій дѣятель и организаторъ о. Михаилъ Юркаевичъ изъ Чорнаго, который затѣмъ былъ даже поставленъ передъ военный судъ по обвиненію въ государственной измѣнѣ, однако, къ сожалѣнію, болѣе подробныхъ свѣдѣній объ этомъ редакціей до сихъ поръ получено не было.

Разстрѣлъ о. М. Т. Сандовича. *)

Всѣмъ намъ хорошо памятенъ знаменательный, бывший наканунѣ войны, политическій процессъ С. Ю. Вендасюка и товарищей, однимъ изъ подсудимыхъ котораго являлся православный священникъ изъ с. Ждыни, горлицкаго уѣзда, о. Максимъ Тимофеевичъ Сандовичъ. Какъ извѣстно, послѣ окончанія процесса и единодушнаго оправдательнаго приговора со стороны присяжныхъ судей, создалось все-таки въ правительственныхъ кругахъ такое обостренное отношеніе къ участникамъ процесса, что стало ясно, что послѣднимъ, не только самимъ подсудимымъ, но также и защитникамъ и свидѣтелямъ дѣла, не остается ничего другого, какъ только спасаться отъ новыхъ административныхъ преслѣдованій немедленнымъ

*) Составлено на основаніи записокъ о. В. О. Курилла изъ Флоринки и другихъ источниковъ.

бѣгствомъ вѣхъ досягаемости австрійскихъ жандармовъ. Большинство изъ нихъ такъ и сдѣлало и, воспользовавшись первой растерянностью австр. властей послѣ процесса, уѣхало кто въ Швейцарію, а кто въ Россію.

Не догадался сдѣлать этого, однако, повидимому — слишкомъ довѣрившись оправдательной силѣ судебного приговора, о. М. Т. Сандовичъ, просидѣвшій въ подслѣдственной тюрьмѣ 2 1/2 года и поспѣшившій затѣмъ поскорѣ вернуться въ родную деревню, къ своей любимой семьѣ и паствѣ, гдѣ и захватила его вскорѣ объявленная въ іюль 1914 г. военная мобилизація и послѣдовавшая вслѣдъ за нею страшная волна австрійскаго насилія и террора, причемъ ему самому пришлось пасть одной изъ первыхъ жертвъ этой чудовищной, кровавой волны...

4 августа 1914 г. арестовали не только его, но и его отца, крестьянина изъ Ждыни, и помѣстили ихъ въ тюрьмѣ уѣзнаго суда въ Горлицахъ. Не прошло недѣли, какъ арестовали еще брата и супругу о. Максима, Пелагею Ивановну, но послѣднюю отправили не въ Горлицы, а въ с. Ржепенникъ возлѣ Бѣча, гдѣ ее помѣстили въ домѣ мѣстнаго войта и только по истеченіи 9 дней, 21 августа, перевели тоже въ горлицкую тюрьму.

Самъ о. Максимъ просидѣлъ въ тюрьмѣ безъ слѣдствія и допроса до 6 сентября, когда вдругъ, въ 5 часовъ утра, вошелъ въ его камеру тюремный надзиратель Ножинскій и велѣлъ ему тотчасъ-же собираться въ дорогу, а самъ между тѣмъ вывелъ изъ ихъ камеру жену и отца о. Максима яко-бы „на прогулку“, на самомъ же дѣлѣ отвелъ ихъ въ камеру, выходящую окна-

ми на площадь, и, заперевъ ихъ тамъ обоихъ, оставилъ однихъ.

Тѣмъ временемъ передъ камерой о. Максима стали собираться представители мѣстной власти, а именно ротмистръ Дитрихъ изъ Линца, совѣтникъ суда Кальчинскій, 4 жандарма и 2 солдата съ вахмистромъ, послѣ чего, въ 6 ч. утра, въ камеру опять вошелъ надзиратель Ножинскій и велѣлъ о. Максиму слѣдовать за собою, но, когда тотъ хотѣлъ взять съ собой и свои вещи, приказалъ оставить послѣднія на мѣстѣ. Затѣмъ, согласно сообщенію сидѣвшаго въ то время тоже въ тюрьмѣ гимназиста Ал. Телеха, о. Максиму связали сзади руки и завязали глаза полотенцемъ, послѣ чего двое солдатъ взяли его подъ руки, вывели на площадь передъ тюрьмой и поставили подъ каменной стѣной. Напротивъ его стали на разстояніи 4 шаговъ два жандарма съ заряженными ружьями, а въ сторонѣ ротмистръ Дитрихъ и начальникъ патруля Wachkommandant), вокругъ же на площади собралась большая толпа зрителей. Такъ какъ коменданту показалось, что о. Максимъ, наклонившійся немного влѣво, падаетъ, онъ крикнулъ на него: „Стой!“ О. Максимъ, зная уже, что будетъ разстрѣлянъ, выпрямился и сказалъ отчетливо: „Господи, благослови!“ Раздалась команда — и двѣ пули пронзили грудь о. Максима. Однако, онъ не упалъ, а только качнулся на стѣну. Ослабѣвшимъ уже голосомъ онъ произнесъ: „Да живетъ русскій народъ и святое православіе!“ Тогда подошелъ къ нему начальникъ патруля, вынулъ револьверъ и выстрѣлилъ въ него въ упоръ — въ голову. О. Максимъ упалъ. Тѣло взяли солдаты на простыню и унесли. А въ зданіи суда уже былъ приготовленъ обыкновен-

ный гробъ изъ досокъ. Въ стѣнахъ зданія остались отъ выстрѣловъ двѣ глубокия дыры, а въ нихъ виднѣлись пятна крови.

Въ нѣкоторыхъ подробностяхъ иначе представляетъ моментъ смерти о. Максима другой очевидецъ, гимназистъ К. Л. Ванько, находившійся среди зрителей: „Я пріѣхалъ—говорилъ онъ—въ Горлицы, чтобы передать деньги въ управленіе тюрьмы для моего арестованнаго отца. Въ воскресенье 6 сентября, въ 7 ч. утра, мнѣ бросилось въ глаза необыкновенное движеніе на улицахъ. Около суда и находящейся вблизи него тюрьмы собралась громадная толпа народа, которая чего-то ожидала. Кромѣ мужчинъ, были тоже женщины и подростки, всѣ очень взволнованные. Я прислушался къ разговорамъ и, къ моему величайшему удивленію и ужасу, узналъ, что сейчасъ будутъ казнить „московского попа за Ждыни“. У меня сжалось сердце отъ боли, но я рѣшилъ остаться, чтобы быть свидѣтелемъ мученической смерти о. Максима. Передъ зданіемъ суда стояла группа чиновниковъ и жандармовъ. Послѣ нѣсколькихъ минутъ томительнаго ожиданія, которое показалось мнѣ вѣчностью, вывели о. Максима изъ тюрьмы. Онъ шелъ съ достоинствомъ на мученическую смерть. Одѣтъ былъ въ ясу, только наперстный крестъ съ него сняли. Поставили его волѣ стѣны и уѣздный начальникъ Митшка прочелъ приговоръ, изъ котораго я запомнилъ только одно, что казнь происходитъ не по приговору суда, а по приказу военныхъ властей. Послѣ прочтенія этого своеобразнаго приговора одинъ изъ жандармовъ подошелъ къ о. Максиму, чтобы связать ему руки, но о. Максимъ просилъ не дѣлать этого. Тогда жандармъ закрылъ ему глаза и

сдѣлалъ мѣломъ бѣлый знакъ на груди. На разстояніи нѣсколькихъ метровъ отъ о. Максима сталъ жандармъ изъ тирольскихъ стрѣлковъ. Команда: разъ, два, три! Раздался выстрѣлъ. О. Максимъ задрожалъ и, собравъ послѣднія силы, слабымъ голосомъ произнесъ „Да живетъ русскій народъ и святое православіе!“ Голова склонилась на грудь, всѣмъ тѣломъ оперся онъ о стѣну и черезъ мгновеніе упалъ на землю. Изъ тюрьмы послышался неистовый, сграбный крикъ и раздирающія сердце рыданія. Это жена о. Максима, Пелагея Ивановна, видѣвшая изъ окна тюрьмы казнь мужа, упала безъ чувствъ и стѣны тюрьмы огласились воплями несчастной женщины. Слышно было еще чье-то рыданіе. Всѣ обратили вниманіе также на рослую фигуру сѣдобородаго старца въ другомъ тюремномъ окнѣ за рѣшеткой. Это былъ отецъ казеннаго, Тимофей Лукичъ Сандовичъ, находившійся тоже въ тюрьмѣ и бывший свидѣтелемъ мученической смерти своего сына. Между тѣмъ, всѣ чиновники, жандармы и нѣкоторые лица изъ толпы подошли къ упавшему. У меня не хватило силъ подойти и посмотрѣть, я хотѣлъ лишь поскорѣе бѣжать отъ этой страшной сцены. Вдругъ снова раздался выстрѣлъ. Это жандармъ еще разъ выстрѣлилъ изъ револьвера въ лежащаго уже на землѣ о. Максима, приложивъ дуло вплотную къ его головѣ. Послѣ казни я узналъ достоверно отъ одного чиновника, что о. Максима казнили безъ суда. Ночью съ 5-го на 6 сентября, въ 11 часовъ ночи, пришелъ приказъ изъ краковской корпусной команды(?) разстрѣлять его, о чемъ ему сейчасъ-же и объявили. Онъ просилъ разрѣшить ему написать письмо къ женѣ, которая находилась въ той-же тюрьмѣ,

въ сосѣдней камерѣ. Разрѣшили. Но, когда онъ попросилъ разрѣшить ему лично проститься съ женой и отцомъ, товѣ этому ему отказали“. („Прик. Русъ“, 1914 г., № 1499).

Объ увѣдомленіи о. Максима объ ожидающей его казни ничего не упоминаетъ ни о. Курилло, ни тюремный надзиратель Ножинскій, рассказывавшій потомъ узникамъ о подробностяхъ разстрѣла.

Раздавшіеся выстрѣлы заставили нѣкоторыхъ узниковъ подойти къ окнамъ.

„Od okien, bo każdy będzie zastrzelony!“ — крикнулъ жандармъ. Только, когда убрали тѣло покойника, раздался новый звичный окрикъ: „Proszę się nie bać (!), nie będziemy strzelać, chcemy tylko wyrok ogłosić“. Сразу въѣкторые, а послѣ всѣ узники явились у оконъ, а начальникъ патруля, въ качествѣ переводчика, объявилъ имъ „приговоръ“, вынесенный ротмистромъ Дитрихомъ: „Pan rotmistrz zażądał wydania Maksymowicza (вмѣсто Сандовича) i ten został zastrzelony na jego odpowiedzialność (!) Jeśli by kto coś podobnego zrobił, co on, to będzie zastrzelony.“ Что о. Максимъ былъ дѣйствительно разстрѣлянъ по произвольному и единоличному распоряженію ротмистра Дитриха, подтвердилъ также и надзиратель Ножинскій отцу убитаго, ска-

завъ ему съ волненіемъ послѣ казни: „Это все сдѣлалъ этотъ офицеръ; онъ такой, что на жизнь и на смерть“...

Понятно, что такая произвольная расправа произвела на болѣе впечатлительныхъ узниковъ ужасное впечатлѣніе. Нѣкоторые просто изнемогали отъ нервнаго расстройства, такъ что всякій шумъ или пороховъ вызывалъ у нихъ страхъ и дрожь; нѣкоторые не могли нѣсколько ночей подрядъ спать или срывались ночью съ постели, чтобы бѣжать.

Мѣсто экзекуціи долго еще привлекало праздное любопытство городской толпы, которая съ злорадными замѣчаніями и улыбками разсматривала слѣды отъ пуль и пятна крови на стѣнѣ или слушала рассказовъ и шутокъ очевидцевъ событія.

Нѣсколько дней спустя совѣтникъ Кальчинскій призвалъ къ себѣ въ канцелярію П. И. Сандовичъ и предложилъ отпустить ее на свободу, однако, изстрадавшаяся и измученная женщина предпочла остаться въ тюрьмѣ съ родными мужа, чѣмъ подвергаться новымъ опасностямъ и гоненіямъ на австрійской „свободѣ“, въ виду чего впоследствии, 14 сентября, и была отправлена вмѣстѣ съ отцомъ и братомъ мужа, въ составѣ перваго горлицкаго транспорта, въ Талергофъ.

Грибовскій уѣздъ.

(Изъ записокъ о. Василія Ѳ. Куриллы).

Кажется, ни въ одномъ уѣздѣ Галичины не имѣла погибающая Австрія столько званыхъ и незваныхъ доносчиковъ и провокаторовъ, какъ въ этомъ уѣздѣ. Отъ нихъ такъ и кипѣло здѣсь повсюду — и въ средѣ разныхъ дере-

венскихъ чиновъ и приспѣшниковъ, и среди народнаго, большей частью приплагаго изъ Вост. Галичины, учительства, и даже, къ сожалѣнію, среди самого духовенства. И хотя уѣздныя власти, относившіяся до тѣхъ поръ къ мѣст-

нымъ русскимъ дѣателямъ въ общемъ довольно корректно, причемъ съ нѣкоторыми изъ нихъ отдѣльные чиновники даже лично были хорошо знакомы, и не удѣляли сначала всеѣмъ этимъ, посылавшимся послѣ объявленія войны, многочисленнымъ доносамъ надлежащаго вниманія, а даже въ нѣкоторыхъ случаяхъ реагировали на нихъ взысканіями съ самихъ — же ихъ вдохновителей и авторовъ, — то со временемъ, когда вся власть естественно перешла въ руки военного командованія, послѣднія и возымѣли гѣмъ успѣшнѣе свое нечестивое дѣйствіе и явились причиной многихъ и тяжелыхъ страданій и кровавыхъ жертвъ среди мѣстнаго русскаго населенія.

Какъ уже было рассказано выше, въ описаніи событій, происшедшихъ въ горлицкимъ уѣздѣ, еще 31 іюля были въ Горлицахъ, гдѣ я былъ извѣстенъ, какъ бывшій предсѣдатель „Р. бурсъ“ и одинъ изъ мѣстныхъ народныхъ дѣателей вообще, распущены кѣмъ-то ложные слухи обо мнѣ, — то о послѣдовавшемъ будто бы моемъ и о. Г. Гнатышака изъ Крыницы арестѣ и разстрѣлѣ, за то, что мы, будто бы переодѣтые евреями, пытались взорвать желѣзно-дорожную мостъ въ Мушинѣ, то опять, что я тайкомъ прѣхалъ на агитацію въ Горлицы, въ виду чего меня въ ту же ночь даже разыскивали жандармы въ постояломъ дворѣ Байлы и другихъ мѣстахъ, но все это, конечно, являлось просто нелѣпнымъ и злобнымъ вадоромъ, такъ какъ я какъ-разъ въ это время отвозилъ дочь Александру для поступленія, въ качествѣ сестры милосердія, въ Красный Крестъ во Львовѣ, такъ что ни въ какіе подобные конфликты съ властями входить, очевидно, пока не могъ. Былъ арестованъ только въ Гор-

лицахъ 3 августа мой сынъ — студентъ Теофилъ, о чемъ мы узнали, впрочемъ, только изъ его открытки 2 недѣли спустя.

У меня дома, съ с. Флоринкѣ, явились жандармы только въ концѣ августа, причемъ на этотъ разъ ограничили только обыскомъ и составленіемъ протокола. Спрашивали тоже о моей дочери Владимірѣ, учительницѣ изъ с. Лосья, но ея не оказалось дома, такъ что жандармы ушли ни съ чѣмъ.

Затѣмъ, 31 августа, прѣхалъ въ нашу деревню, съ 6 жандармами, ново-назначенный военный комиссаръ при грибовскомъ старостѣ г. Инесъ, съ цѣлью разслѣдованія вопроса объ авторѣ и достовѣрности поданнаго въ военную команду въ Новомъ Санчѣ анонимнаго доноса о томъ, что я, о. Ѳ. Качмарчикъ изъ Бѣлпаревои, о. П. Сандовичъ изъ Врунаръ и о. Вл. Мохнацкій изъ Чирной — опасные для государства „москвофилы“. Какъ впоследствии выяснилось, этотъ доносъ, составленный на 3-хъ страницахъ большого листа и испещренный всевозможными нелѣпыми выдумками и обвиненіями, былъ поданъ мѣстнымъ жителемъ, полякомъ М. Пильхомъ, по порученію проживавшаго тоже во Флоринкѣ б. жандарма, „украинца“ Петра Ключника, въ виду чего комиссаръ Инесъ направился прежде всего къ П. Ключнику за разъясненіями, а затѣмъ, установивъ на мѣстѣ, что онъ дѣйствительно является авторомъ этого лживаго и злобнаго доноса, арестовалъ его и отправилъ въ грибовскую тюрьму. Однако, П. Ключникъ оставался подъ арестомъ недолго. По распоряженію военныхъ властей его отпустили уже 10 сентября на свободу, а вмѣсто того принялись тотчасъ же за аресты русскихъ людей

въ уѣздѣ, въ первую же голову — тѣхъ именно лицъ, на которыхъ указывалъ онъ въ своемъ доносѣ.

И такъ, того же 10 сентября былъ арестованъ о. Теофилъ Качмарчикъ изъ Бѣлпаревои, 11-го — я, а 14-го — о. Петръ Сандовичъ изъ Врунаръ и о. Владиміръ Мохнацкій изъ Чирной, а также цѣлый рядъ крестьянъ. Раньше еще, 5 сентября, прибыли во Флоринку, для производства слѣдствія и наблюденія, 23 жандарма, а въ Снѣтницу даже 60, причемъ они оставались здѣсь до 9 сентября.

Мой арестъ произошелъ слѣдующимъ образомъ: 11 сентября, въ 3 часа дня, явился ко мнѣ полицейскій комиссаръ изъ Львова Кручекъ съ агентомъ и жандармомъ и, послѣ пронаводства безрезультатнаго обыска въ домѣ и въ церкви, заявилъ мнѣ, что для объясненій по поводу какого-то письма староста проситъ меня явиться къ нему сейчасъ же лично. Повѣривъ этому сообщенію, я выбрался въ путь налегкѣ, не взявъ ничего изъ давно уже приготовленныхъ на случай ареста вещей, рассчитывая, что дѣйствительно, послѣ объясненія со старостой, возвращусь домой. Между тѣмъ, въ Грибовѣ комиссаръ отвезъ меня не въ староство, а прямо въ тюрьму, гдѣ и сдалъ меня надзирателю, извиняясь, что дома нельзя мнѣ было этого сказать.

Въ тюрьмѣ засталъ я уже о. Ѳ. Качмарчика и его сына, помощника нотариуса, Любомира Теофиловича, который находился подъ арестомъ уже 2 недѣли. Отъ послѣдняго я узналъ, что вмѣстѣ съ нимъ находились тутъ въ тюрьмѣ также о. Дмитрій Хылякъ изъ Избѣ и гимназистъ Михаилъ Максимчакъ изъ Флоринки, но затѣмъ ихъ, закованныхъ въ кандалы, вывезли въ Краковъ.

Каждый день въ тюрьму приводили новыхъ арестованныхъ, но ихъ сейчасъ же на слѣдующій день увозили жандармы дальше, только насъ тронхъ (о. Качмарчика съ сыномъ и меня) оставляли почему-то на мѣстѣ. Между прочимъ, 14 сентября, какъ уже было упомянуто выше, привели о. Вл. Мохнацкаго, о. П. Сандовича и многихъ крестьянъ, причемъ у входа въ тюрьму отняли у нихъ вещи и хлѣбъ, а на другой день повели ихъ парами на вокзалъ и отправили въ Новый Санчъ.

Но насталъ и нашъ чередъ. Въ виду приближенія русскихъ войскъ, которые, по слухамъ, подходили уже къ Тарнову, въ городѣ возникла паника и началась спѣшная эвакуація. Рано утромъ 23 сентября прибѣжалъ къ намъ въ тюрьму жандармъ и повелъ всѣхъ оставшихся еще въ ней арестованныхъ, всего 20 человекъ, на вокзалъ. Тутъ погрузили насъ впопыхахъ въ вагонъ III класса и повезли въ Новый Санчъ.

Не доѣзжая ст. Каміонка поѣздъ остановился въ полѣ, такъ какъ сама станція была забита другими поѣздами. Пассажиры, большей частью — бѣженцы, повысыпали изъ вагоновъ и, съ разрѣшенія жандарма, съ крикомъ и смѣхомъ обступили нашъ вагонъ, словно клѣтку въ звѣринцѣ. Впрочемъ, сначала они вели себя смирно. Только, когда подошли караулившіе возлѣ ту-нели солдаты и два изъ нихъ, учителя „украинцы“ Шведикъ и Мерена, крикнули: „А, москвофилы, на крюкъ съ ними!“, — толпа заволновалась и бросилась къ намъ съ такимъ грознымъ видомъ, что нашъ жандармъ долженъ былъ пригрозить ей ружьемъ. Тѣмъ не менѣе, грубая брань насмѣшки и даже грудки земли и камни посыпались на насъ со всѣхъ сторонъ и беспокоили

насъ цѣлыхъ 3 часа, пока поѣздъ не тронулся дальше.

Въ Новомъ Санчѣ поѣздъ тоже остановился далеко отъ станціи. Насъ повели пѣшкомъ подѣ сильвымъ кн-вомъ жандармовъ и въ сопровожденіи безчинствующей городской толпы въ окружной судъ, гдѣ заперли насъ во дворѣ, такъ какъ въ тюрьмѣ не было уже мѣста. Вечеромъ хотѣли перевести насъ въ жандармское управленіе на ночь, но мы трое (о. Качмарчикъ съ сыномъ и я) были такъ утомлены и обезсилены отъ волненія и голода, что не могли двигаться дальше, а потому упросили жандармовъ оставить насъ на мѣстѣ. Кое-какъ нашли для насъ мѣсто въ камерѣ во II этажѣ, куда и помѣстили насъ на ночь, отнявъ предварительно всѣ деньги и вещи, до часовъ и шляпъ включительно. Въ камерѣ застали мы, между прочимъ, о. д-ра Мастоха изъ Перемышля, который пріѣхалъ въ Н. Санчѣ замѣщать отсутствующаго настоятеля прихода, но былъ тотчасъ же, какъ подозреваемый, арестованъ, а также катехита изъ Тарнополья о. Коренца, бѣжавшаго съ цѣлой семьей передъ русскими войсками и задержаннаго на вокзалѣ въ Н. Санчѣ, причемъ семья его осталась безъ всякихъ средствъ на произволъ судьбы.

Утромъ повели насъ во дворъ „на прогулку“. Здѣсь мы встрѣтились съ о. Вл. Мохнацкимъ, о. П. Сандовичемъ и другими знакомыми, но говорить съ ними стража не разрѣшила. Затѣмъ повели насъ въ канцелярію, гдѣ возвратилъ намъ отнятыя вещи и деньги и велѣли собираться въ дальнѣйшій путь, причемъ было разрѣшено намъ взять на свой счетъ извозчиковъ. Въ сопровожденіи жандармовъ мы поѣхали на вокзалъ, но по пути жандармы велѣли

намъ вдругъ сойти съ извозчиковъ и повели насъ пѣшкомъ въ жандармское управленіе, причемъ наши вещи извозчики увезли съ собою на вокзалъ. Въ управленіи мы застали нашихъ грибовскихъ союзниковъ, которые просидѣли здѣсь всю ночь въ холодномъ погребѣ, по парно повязанные веревками.

Когда жандармскій комендантъ насъ увидѣлъ, приказалъ принести кандалы и сковать меня съ о. Качмарчикомъ за руки вмѣстѣ, остальныхъ же арестованныхъ привязать къ намъ попарно веревками, а въ самомъ концѣ Л. О. Качмарчика особо. Дочь коменданта всунула намъ подѣ мышку по четвертушкѣ хлѣба, послѣ чего насъ повели подѣ ругательства и угрозы толпы на вокзалъ.

При входѣ на вокзалъ встрѣтила насъ новая толпа криками и камнями, причемъ я тоже получилъ отъ какого-то еврея сильный ударъ камнемъ въ плечо. Возлѣ дверей мы увидѣли наши вещи, доставленныя сюда извозчиками, но сами мы, о. Качмарчикъ и я, будучи скованы кандалами, не могли ихъ взять, такъ что понесли ихъ намъ въ вагонъ наши товарищи по несчастью — владѣлецъ лѣсопилни Ставискій и цыганъ Бехтеровскій.

Но поѣзда для насъ сейчасъ не оказалось, такъ что насъ отвели въ какую-то конюшню, гдѣ мы въ цѣпяхъ простояли на навозѣ, измученные и голодные, до вечера. И опять начались издѣвательства и угрозы, какъ со стороны желѣзнодорожниковъ, такъ и солдатъ и офицеровъ, но мы уже къ этому привыкли и относились ко всему равнодушно. Даже нашъ комендантъ эскорта, возвратившись изъ города въ пьяномъ состояніи, позволилъ себѣ угрожать намъ и издѣваться надъ нами.

Поздно вечеромъ повели насъ обратно на вокзалъ и погрузили въ грязные товарные вагоны. На каждой станціи пьяный комендантъ рекомендовалъ насъ проѣзжей публикѣ, какъ „измѣнниковъ-москалей“, такъ что издѣвательствамъ и угрозамъ со стороны послѣдней не было конца. Но, къ счастью, черезъ нѣкоторое время его все-таки сморилъ сонъ и онъ тутъ же на полу завалился спать на подстеленныя солдатскія шинели.

Въ пути крестьяне сами исподволь посямали связывавшія ихъ веревки, послѣ чего уже и съ насъ обоихъ были сняты кандалы.

Такъ доѣхали мы до Бялой. Здѣсь велѣли намъ выходить и повели пѣшкомъ черезъ Бѣльскъ въ окружной судъ, гдѣ оставили въ тюрьмѣ 10 изъ насъ, въ томъ числѣ и меня и о. Качмарчика съ сыномъ, остальныхъ же 10 крестьянъ перевели на ночь на полицію. Этыхъ послѣднихъ, какъ потомъ рассказывалъ мой прихожанинъ Юстинъ Воргачъ, поодиночкѣ призывали ночью въ канцелярію и, подѣ угрозой немедленнаго разстрѣла, допрашивали относительно меня и о. Качмарчика, не получали ли мы и не раздавали ли крестьянамъ рублей, чтб мы говорили на проповѣдяхъ и т. п. Насъ же, оставшихся въ тюрьмѣ, помѣстили въ какую-то ужасно грязную камеру, но только-что мы уснули, какъ опять велѣли намъ собираться и отвели въ тюремную канцелярію, гдѣ жандармъ Бацъ (русскій по происхожденію) снова наложилъ намъ ручные кандалы и повелъ къ стоявшему на улицѣ автомобилю, причемъ вещи наши велѣлъ оставить. Когда стоявшіе возлѣ автомобиля люди спросили его — куда онъ везетъ насъ, онъ только показалъ на шею и под-

нялъ руку вверхъ, будто-бы везетъ насъ въ штабъ.

Поѣхали мы очень быстро, по 80 килом. въ часъ, и только частные патрули задерживали насъ по пути. Было очень холодно, такъ что я въ легкой одеждѣ чуть не замерзъ, тѣмъ болѣе, что даже рукъ, благодаря кандаламъ, нельзя было спрятать. Подѣ утро мы упросили жандарма снять съ насъ кандалы, такъ какъ мы вѣдь все-равно никакъ убѣжать не можемъ, но едва онъ это успѣлъ сдѣлать, какъ вдругъ раздался страшный трескъ и грохотъ, словно отъ орудійнаго выстрѣла; я почувствовалъ сильную боль въ вискѣ и потерялъ сознание. Когда я очнулся, надо мной стоялъ, наклонившись, жандармъ и изо всей силы трясъ мною, приводя меня такимъ образомъ въ чувство. Оказалось, что нашъ автомобиль на полномъ ходу разбился вдребезги и мы всѣ только чудомъ спаслись отъ смерти. Это случилось въ с. Грушовцѣ возлѣ Лимаховы, 26 сентября. Оставивъ разбитый автомобиль на попеченіе мѣстнаго войта, жандармъ сѣлъ съ нами на проѣзжавшую подводу и повезъ дальше. По пути встрѣтили мы отрядъ польскихъ легіонеровъ, чтб очень насъ встревожило, такъ какъ они пользовались нехорошей славой, но, къ счастью, все обошлось благополучно.

Въ Лимаховѣ насъ опять посадили на автомобиль и тотъ-же жандармъ Бацъ повезъ насъ въ Новый Санчѣ. Но здѣсь снова произошла задержка, а именно, лопнула шина, такъ что жандармъ отвелъ насъ въ тюрьму уже пѣшкомъ. Но тутъ насъ пока не хотѣли принять, въ виду чего жандармъ, оставивъ наши вещи въ корридорѣ, повелъ насъ въ зданіе суда — прямо въ залу, гдѣ какъ-разъ начался передѣ воен-

нымъ трибуналомъ разборъ дѣла о. П. Сандовича и его сына и о. Вл. Мохнацкаго, къ которому теперь присоеди-нили и насъ троихъ, т. е., о. О. Качмар-чика, его сына Любомира Теофиловича и меня. *)

Послѣ окончанія судебного разби-рательства, 27 сентября вечеромъ, насъ всѣхъ отвели обратно въ тюрьму, при-чемъ о. Качмарчика, его сына и меня помѣстили опять вмѣстѣ, присоединивъ къ намъ еще 8 человекъ арестованныхъ изъ. Ценжковичъ и Бобовой. Здѣсь про-вели мы нѣсколько томительныхъ дней, такъ какъ мы ничего не знали о при-говорѣ и терзались только случайными догадками и слухами.

Только 3 октября, когда насъ пе-ревели въ другую камеру, гдѣ находи-лись уже о. Вл. Мохнацкій, о. Ем. Вен-гриновичъ, о. Соболевскій, о. Діонисій Мохнацкій и другіе, узнали мы страш-ную вѣсть о разстрѣлѣ о. Петра Сан-довича и его молоденькаго сына...

Наконецъ, 6 октября велѣли намъ собираться въ путь и вывели всѣхъ, кромѣ 4 лицъ, на рынокъ, гдѣ соеди-нилась съ нами другая партія аресто-ванныхъ изъ полицейскихъ арестовъ. Затѣмъ погнали насъ четверками на вокзалъ, куда мы догадились только на разсвѣтѣ. Среди насъ было тоже нѣсколько женщинъ, въ томъ числѣ двѣ дочери о. Ем. Венгриновича и жена о. Соболевскаго. На вокзалѣ сестры изъ Краснаго Креста дали имъ по стакану чаю, мушны же не получили ничего.

Утромъ подали поѣздъ, въ кото-ромъ, однако, былъ только одинъ клас-

сый вагонъ III класса, остальные же — грязныя теплушки, безъ скамеекъ и всякой подстилки, такъ что громадное большинство изъ нашего транспорта, насчитывавшаго въ общемъ свыше 250 человекъ, должно было размѣщаться гдѣ и какъ попало. Къ тому же хва-тилъ изрядный холодъ, началъ падать снѣгъ, а большинство изъ насъ не имѣ-ло никакой теплой одежды, такъ что приходилось страдать теперь сугубо, и отъ усталости, и отъ голода, и отъ сту-жи. Въ добавокъ ко всему этому, съ первой-же станціи начались тяжелыя встрѣчи со стороны враждебной толпы и солдатъ, ругавшихъ насъ и издѣывав-шихся надъ нами на всякіе лады.

Только со ст. Мшаны, гдѣ смѣни-лась наша эскорта, стало немного лег-че. Тутъ позволили намъ внести нѣ-сколько скамеекъ, а впослѣдствіи даже жандармы купили для женщинъ, на ихъ деньги, немного соломы на подстилку. Начали тоже понемногу и кормить насъ, хотя большей частью только супами и чаемъ, и даже покупать намъ за наши деньги особую пищу.

Ѣхали мы черезъ Венгрію, на Ко-морно, Тренчинъ, Прешбургъ. На этой послѣдней станціи чуть не вахалъ на насъ курьерскій поѣздъ, но машинистъ во время двинулъ нашъ поѣздъ назадъ и такимъ образомъ спасъ его отъ не-минуемаго крушенія.

Изъ другихъ дорожныхъ приклю-ченій слѣдуетъ отмѣтить еще слѣдую-щихъ два характерныхъ эпизода:

Съ нами препровождался въ ссыл-ку также варшавскій раввинъ д-ръ Си-меонъ Брысъ. Такъ вотъ къ нему по-пути стали приставать конвоировавшіе насъ жандармы съ предложеніемъ ука-зать на кого-нибудь изъ нашихъ свя-

щенниковъ, какъ на извѣстнаго ему измѣнника и шпиона, за что обѣщали немедленно отпустить его на свободу. Но честный и въ то-же время хитрый еврей вывернулся изъ этого затрудне-нія такимъ образомъ, что сказалъ: „Изъ этихъ никого не знаю; зналъ одного, но его нѣтъ уже въ живыхъ“.

Другой случай произошел на ст. въ Грацѣ. Тутъ продержали насъ осо-бенно долго, такъ какъ, потомъ оказа-лось, какая-то мѣстная графиня поже-лала посмотрѣть на „измѣнниковъ“, а потому до ея пріѣзда изъ города и не отпускали нашего поѣзда дальше.

Много волненій и заботъ испыта-ли мы въ дорогѣ по поводу тяжелаго нервнаго разстройства одного изъ на-шихъ собратіи о. Д. М-го, который уже въ тюрьмѣ все время страшно волно-вался и плакалъ, а въ дорогѣ и со-всѣмъ уже потерялъ всякое самообла-даніе, такъ что мы довели его въ край-не тяжеломъ состояніи на мѣсто.

Наконецъ, 11 октября утромъ при-вели насъ въ Абтиссендорфъ, а отту-да уже, подгоняя отборной руганью и прикладами, погнали пѣшкомъ въ приснопамятное мѣсто нашего заточе-нія — страшный Талергофъ.

Селищ. Василій Курилло.

Кривавое судилище.

(По запискамъ о. В. О. Куриллы).

Въ субботу 26 сентября 1914 г. со-стоялся въ Новомъ Санчѣ, въ зданіи окружного суда, передъ военно-полевымъ судомъ мѣстной экспозитуры краков-ской военной команды (Expositur des Gerichtes des K. u. K. Militärkommandos in Krakau), разборъ кошмарнаго дѣла по обвиненію семи мѣстныхъ русскихъ дѣятелей въ государственной измѣнѣ.

Означенный военно-полевой судъ состо-ялъ изъ слѣдующихъ лицъ: 1) пред-сѣдателя майора Виктора Полли, 2) до-кладчика майора аудитора д-ра Мечи-слава Бѣльскаго, 3) обвинителя оберлей-тенанта-аудитора Іосифа Вондрача, 4) пи-сьмоводителя лейтенанта Іоанна Души и 5) защитника оберлейтенанта-аудито-ра Юліана Фуляйты.

Судилище происходило надъ слѣ-дующими народными дѣятелями Лем-ковской Руси:

1) о. Теофиломъ Томичемъ Качмарчикомъ, настоятелемъ при-хода въ Бѣлцаревой, грибовскаго у., 71 года;

2) его сыномъ Владиміромъ Теофиловичемъ, студентомъ уни-верситета, 22 лѣтъ;

3) его-же сыномъ Любомиромъ Теофиловичемъ, помощникомъ но-тариуса изъ Снятина, 36 лѣтъ.

4) о. Василиемъ Федорови-чемъ Курилломъ, настоятелемъ прихода въ Флоринкѣ, грибов. у., 53 лѣтъ.

5) о. Владиміромъ Осипо-вичемъ Мохнацкимъ, настояте-лемъ прихода въ Чирной, грибов. у., 44 лѣтъ.

6) о. Петромъ Васильеви-чемъ Сандовичемъ, настоятелемъ прихода въ Брунарахъ, грибов. у., 56 лѣтъ;

и 7) его сыномъ Антономъ Пе-тровичемъ, окончившимъ философ-скій факультетъ во Львовѣ, 27 лѣтъ.

Утренняя часть разбирательства, до 12 ч. дня, состоялась въ отсутствіи трехъ подсудимыхъ — о. О. О. Качмар-чика, Л. О. Качмарчика и о. В. О. Ку-риллы, такъ какъ отправившійся за ни-ми въ Грибовъ жандармъ не успѣлъ доставить ихъ во время на мѣсто суда.

*) О самомъ этомъ процессѣ и страш-номъ его результатѣ — разстрѣлѣ о. Петра Сандовича и его сына-студента см. дальше особую главу.

Они были доставлены въ судъ только въ 3 ч. пополудни, послѣ чего и начался только, въ свою очередь, ихъ допросъ.

Въ 9 ч. утра председатель открылъ засѣданіе суда, послѣ чего былъ прочитанъ обвинительный актъ, въ которомъ, между прочимъ, было сказано: „Es stehen hier die Angeklagten, lauter Russophilen, die Mitglieder dieser verräterischen Partei, durch welche Hunderte und Tausende von unserer Mannschaft in Ost-Galizien zu Grunde gegangen sind. Wie die Gesinnungsgenossen dieser Angeklagten durch die Agitation zwischen der ruthenischen Bevölkerung in Ost-Galizien Grund und Boden für den Überfall der Russen vorbereitet haben, so haben die Angeklagten dasselbe in west-galizischen Bezirken getan. Auf Grund dessen stelle ich den Antrag, diese Kreaturen standrechtlich zu behandeln.“*)

Кромѣ этого общаго и болѣе или менѣе отвлеченнаго обвиненія, вмѣнялись подсудимымъ, въ частности, еще слѣдующія конкретныя преступленія.

Всѣмъ имъ вѣстѣ вѣнялось въ вину, что они, принадлежа къ „русофильской“ партіи и составивъ „однѣмъ общій руссофильскій заговоръ“, возбуждали народъ противъ австрійскихъ властей и „украинской“ партіи, вели усиленную „русофильскую“ агитацію,

*) Въ переводѣ: „Тутъ ссылаются подсудимые, одни руссофилы, члены той измѣнительской партіи, благодаря которой погибли сотни и тысячи нашихъ солдатъ въ Восточной Галичинѣ. Подобно тому, какъ единомышленники этихъ подсудимыхъ своей агитаціей среди русскаго населенія Вост. Галичины подготовили почву для вторженія со стороны Россіи, такъ и подсудимые сдѣлали то-же самое въ западно-галицкихъ уѣздахъ. Въ силу этого предлагаю поступать съ этими тварями (!) согласно положенію о полевомъ судѣ“.

распространяли „цареславіе и православіе“ и вообще стремились къ отторженію Галичины отъ Австріи и къ соединенію ея съ Россіей, причемъ держали уже даже наготовѣ для встрѣчи „москалей“ русскій флагъ и т. п.

Въ частности, о Качмарчикѣ обвинялся въ томъ, что во время мобилизаціи подавалъ телефономъ (?) какіе-то знаки пролетавшимъ надъ Бѣлцаревой русскимъ аэропланамъ (!), принималъ публично въ церкви отъ крестьянъ присягу, что не будутъ стрѣлять въ русскихъ солдатъ, переписывался съ гр. В. А. Бобринскимъ въ Петербургѣ и участвовалъ въ какихъ-то тайныхъ „русофильскихъ“ совѣщаніяхъ въ Мшвинѣ.

О. Мохнацкому предъявлялось обвиненіе въ томъ, что говорилъ на повѣди въ церкви, будто нашъ царь не Фрацъ Іосифъ, а Николай II, собиралъ и посылалъ въ Россію деньги на военныя цѣли и переписывался съ д-ромъ Ю. А. Яворскимъ въ Кіевѣ.

О. Курилло обвинялся тоже въ томъ, что на исповѣди уговаривалъ мобилизованныхъ солдатъ — не стрѣлять въ „москалей“, публично въ церкви заприсягалъ людей на измѣну австрійскому императору, учредилъ „Русскую бурсу“ въ Горлицахъ и разсылалъ во время переписи циркуляры, чтобы всѣ записывались русскими „съ двумя с“.

О. Сандовичъ — въ томъ, что въ своемъ окружномъ письмѣ къ духовенству, по случаю назначенія его благочиннымъ (деканомъ), заявлялъ, что будетъ неуклонно трудиться въ пользу русскаго народа (опять же „съ двумя с“), въ письмѣ къ о. Д. Хиляку изъ Избѣ отказался вновь присягать на вѣрность австр. императору и, наконецъ, распространялъ лично и посредствомъ своего

сына какіе-то листки за подписью епископа Никона (?) съ освобожденіемъ отъ вѣрности австрійскому императору и уговаривалъ крестьянъ, чтобы не возвращали имѣющагося у нихъ оружія австр. властямъ, а только хранили его для русской арміи, въ чемъ обвинялся тоже и сынъ его, Антонъ Петровичъ.

Наконецъ, оба брата Качмарчика, В. Ѳ. и Л. Ѳ., кромѣ общихъ обвиненій въ „русофильской“ агитаціи и возбужденіи народа противъ „украинцевъ“, обвинялись тоже въ томъ, что во время мобилизаціи уговаривали какого-то крестьянина въ Устьянской Гутѣ къ шпионству въ пользу Россіи.

На чемъ-же основывались всѣ эти завѣдомо нелѣпыя и злостныя обвиненія? Конечно, не нужно и говорить, что всѣ они являлись просто только злобымъ, чудовищнымъ вымысломъ или искаженіемъ со стороны безсовѣстныхъ личныхъ и политическихъ враговъ. Не говоря уже о неопредѣленныхъ и неуловимыхъ общихъ обвиненіяхъ въ „русофильскихъ“ убѣжденіяхъ и устремленіяхъ, необходимо отмѣтить относительно остальныхъ, болѣе конкретныхъ пунктовъ обвиненія, что ни одинъ изъ нихъ не былъ хотя бы въ приближеніи установленъ и подтвержденъ въ слѣдствіи и на самомъ судѣ какими-нибудь фактически данными или достовѣрными свидѣтельскими показаніями, а выдвигали и поддерживали ихъ только со слѣпой и жестокой злобой ихъ безсовѣстные и безстыжіе доносчики-авторы, главнымъ образомъ, нахлынувшіе сюда въ послѣдніе годы изъ Восточной Галичины, „украинскіе“ священники, учителя и жандармы, безславныя имена которыхъ и слѣдуетъ привести здѣсь на вѣчную, позорную память.

И такъ, главнымъ основаніемъ для цѣлаго этого гнуснаго дѣла вообще послужили прежде всего письменные доносы учителей Михаила Гуцуляка изъ Избѣ и Стефана Сороки изъ Флоринки, съ одной стороны, а б. жандарма Петра Ключника изъ Флоринки же, съ другой, причемъ первый изъ нихъ, Михаилъ Гуцулякъ, выступая въ качествѣ свидѣтеля и на самомъ судѣ, своими упорно лживыми и наглыми показаніями всячески старался погубить подсудимыхъ, что ему въ отношеніи къ обомъ Сандовичамъ въ концѣ концовъ и удалось. Изъ другихъ „украинскихъ“ доносчиковъ и обвинителей-свидѣтелей по этому дѣлу слѣдуетъ назвать: священниковъ Михаила Дороцкаго изъ Злоцкаго, Іоанна Гринчука изъ Матіевой и въ особенности Василя Смолинскаго изъ Ростки Великой, учителей Антона Гуссакъ изъ Мохначки, Нищеты изъ Сиѣтницы, дальше трехъ достойныхъ родственницъ М. Гуцуляка — Димитчукъ, Вознякевичъ и Бастлей изъ Избѣ, крестьянъ М. Михальскаго и А. Нестерака изъ Тылича, Н. Дзядика и И. Причика изъ Чирной, А. Юрчака изъ Мушины, жандарма Григорія Баца и, наконецъ, двухъ евреевъ — Гольдштейна изъ Перунки и Штейна изъ Свѣтницы.

Слѣдуетъ замѣтить, наконецъ, что никакихъ свидѣтелей защиты на это злостное и несправедливое судилище допущено не было, даже въ такихъ, казалось-бы, важныхъ и естественныхъ случаяхъ, какъ, напр., грибовскаго уѣднаго старосту, на котораго ссылались подсудимые въ доказательство своей невиновности и политической лояльности вообще, или священниковъ, которые должны были удостовѣрить, что о. Сандовичъ, какъ благочинный, разослалъ имъ

только пастырское послание митр. Шептицкого съ предостережениемъ передъ провокаціонными листками и слухами, а не какіе-то мифическіе листки не существующаго еп. Никона, которыхъ никто, кромѣ доносчика Гуцуляка, въ дѣйствительности не видалъ и видагъ не могъ, или, наконецъ, уѣзднаго врача, который непосредственно передъ арестомъ лечилъ А. П. Сандовича и поэтому могъ бы засвидѣтельствовать, что тотъ все время мобилизації, вплоть до самого ареста, лежалъ больной въ постели отъ перелома руки, такъ что просто физически никоимъ образомъ не могъ, какъ это утверждалъ тотъ-же Гуцулякъ, ходить по селамъ и распространять какіе-нибудь листки, — хотя именно эти обстоятельства, какъ явствуетъ изъ мотивировки обвиненія, и легли въ основаніе смертнаго приговора по отношенію къ обомъ послѣднимъ подсудимымъ.

Въ такихъ тяжелыхъ и гнусныхъ условіяхъ производился этотъ тенденціозный и злоумышленный разборъ дѣла до самого вечера, когда, послѣ краткихъ рѣчей обвинителя и яко-бы защитника, судъ объявилъ, что приговоръ будетъ объявленъ на слѣдующій день, по утвержденіи его высшей властью.

Въ концѣ концовъ, однако, этотъ чудовищный приговоръ былъ объявленъ только на третій день, а именно, 28 сентября, въ 9½ ч. утра, причемъ для выслушанія его были вызваны не всѣ подсудимые, а только оба Сандовичи, которые почему-то одни только были признаны виновными и приговорены къ расстрѣлу.

Вотъ полный текстъ этого кошмарнаго приговора, являющагося одной изъ самыхъ позорныхъ страницъ политическаго правосудія отходящей въ

тѣмъ небитія тюрьмы народовъ — Австріи:

„Im Namen Seiner Majestät des Kaisers und Apostolischen Königs von Ungarn.

Das Gericht des K. u. K. Militärkommandos in Krakau, Expositur in Neu-Sandez, als Standgericht, hat nach der, unter dem Vorsitz des Majors Victor Polli und der Leitung des Majors Auditors Dr. Mieczysław Bielski, in Anwesenheit des Landsturmlieutnants Johann Dusza, als Schriftführer, des Oberleutnant-Auditors Josef Wondracz, als Ankläger, und Oberleutnant-Auditors Julian Fulajta, als Verteidiger durchgeführten Hauptverhandlung über die gegen Pfarrer Peter Sandomicz und dessen Sohn Anton Sandomicz wegen Verbrechens des Hochverrates nach §. 344 C. M.-St. G. erhobene Anklage zu Recht erkannt:

Peter Sandomicz, in Żegiestow, Bezirk Neu-Sandez, am 29 Juni 1858 geboren, griech.-kath., verheiratet, Vater von neun Kindern, Pfarrer in Brunary,

Anton Sandomicz, in Rostoka Wielka, Bez. Neu-Sandez, geboren, 27 Jahre alt, griech.-kath., ledig, Universitäts Hörer,

sind schuldig, dass sie im Monat September 1914 in Izby vom Episkopat eines gewissen Nykon verfasste Flugschriften, in welchen die Bevölkerung Galiziens von dem Untertaneneid befreit wird, unter der Bevölkerung verteilt, was geeignet war eine Gefahr für den Staat von aussen herbeizuführen. Hiedurch begingen sie das Verbrechen des Hochverrates gemäss §. 344 C. M.-St. G. und werden hierfür, gemäss §. 444 M.-St. P. O. und der Verordnung vom 5 August Res. Nr. 122, zum Tode durch Erschiessen verurteilt.

Gründe. Das Standgericht hat als erwiesen angenommen, und zwar auf Grund des Resultats des Beweisverfahrens, dass die beiden Verurteilten russophil gesinnt waren. Die allgemein bekannte Tendenz der Russophilen, Galizien von Österreich loszureissen und an Russland anzugliedern, wurde im Laufe der Verhandlung durch das zur Verlesung gelangte Protokoll mit dem Zeugen Peter Klucznyk bestätigt und als erwiesen angenommen. Durch eidliche Aussage des Zeugen Michael Huculak hat das Standgericht als erwiesen angenommen und ist zu der Überzeugung gekommen, dass die beiden Angeklagten Flugschriften, die vom Episkopat eines gewissen Nykon verfasst waren und in denen die Bevölkerung Galiziens von dem Untertaneneid befreit wird, unter der Bevölkerung von Izby verteilten, was geeignet war eine Gefahr für den Staat von aussen herbeizuführen.

Da in dieser Handlung die Merkmale des Verbrechens des Hochverrates enthalten sind, mussten die Angeklagten dieses Verbrechens schuldig erkannt und zur gesetzlichen Strafe verurteilt werden.

Neu-Sandez, 27 Sept. 1914.

Dr. Bielski mp., Major-Auditor.

Wird bestätigt und ist die Todesstrafe zu vollziehen

Grybów, 27 Sept. 1914.

Melion mp., Generalmajor.

Das Urteil wurde den Verurteilten am 28 Sept. 1914 um 9 Uhr 30 Minuten vormittags kundgemacht und um 12 Uhr Mittags vollzogen.

Neu-Sandez, 28 Sept. 1914.

Bielski mp., Major-Auditor.

Für die Richtigkeit der Abschrift. Mährisch-Osttau, 25 August 1915. Der Gerichtsbeisitzer: Durak, Major“.

То-же въ русскомъ переводѣ:

„По указу Его Императорскаго и Королевскаго Величества.

Судъ имп. и кор. военной команды въ Краковѣ, экспозитура въ Новомъ Санчѣ, какъ военно-полевой судъ, послѣ произведеннаго, подѣ председателемъ майора Виктора Полли и руководительствомъ майора-аудитора д-ра Мечислава Бѣльскаго, въ присутствіи лейтенанта ополченія Іоанна Души, какъ письмоводителя, оберлейтенанта-аудитора Іосифа Вондрача, какъ обвинителя, и оберлейтенанта-аудитора Юліана Фуляиты, какъ защитника, судебного разбирательства по обвиненію священника Петра Сандовича и его сына Антона Сандовича въ преступленіи государственной измѣны согласно §. 344 C. M.-St. G., признавъ, что:

Петръ Сандовичъ, род. 29 іюня 1858 г. въ Жегестовѣ, новосандецкаго у., гр.-кат., женатый, отецъ девяти дѣтей, настоятель прихода въ Брунарахъ,

Антонъ Сандовичъ, род. въ Ростокѣ Великой, новосандецкаго у., 27 лѣтъ, гр.-кат., холостой, студентъ университета,

виновны въ томъ, что въ м. сентябрѣ 1914 г. распространяли среди населенія въ с. Избахъ составленные епископатоми нѣкоего Никона лeutche листки, въ которыхъ населеніе Галичины освобождалось отъ вѣрно-подданнической присяги, что могло вызвать для государства опасность измѣны. Этимъ они совершили преступленіе государственной измѣны согласно §. 344 C. M.-St. G. и за это

приговариваются, согласно §. 444 M.-St.-P.-O. и распоряженію отъ 5 августа Rev. Nr. 122, къ смертной казни посредствомъ разстрѣла.

Основанія. Военный полевой судъ призналъ доказаннымъ, а именно, на основаніи результатовъ разбирательства, что оба осужденные были руссофильскихъ убѣжденій. Общезвѣстная тенденція руссофиловъ, отторгнуть Галичину отъ Австріи и присоединить ее къ Россіи, была въ теченіе разбирательства признана доказанной въ силу прочитаннаго протокола съ показаніями свидѣтеля Петра Ключника. Въ виду отданныхъ подъ присягой показаній свидѣтеля Михаила Гуцуляка, призналъ судъ доказаннымъ и пришелъ къ убѣжденію тоже относительно того, что оба подсудимые распространяли среди населенія въ Иссахъ летучіе листки, которые были составлены епископатомъ нѣкогда Никона и освобождали население Галичины отъ вѣрнопопданнической присяги, что могло вызвать извнѣ опасность для государства.

Такъ какъ въ этомъ дѣйствиіи заключаются признаки преступленія государственной измѣны, то подсудимые должны были быть признаны виновными и приговорены къ закону наказанію.

Новый Сантъ, 27 сент. 1914 г.

Д-ръ Вѣльскій ср., майоръ - аудиторъ.

Утверждается и слѣдуетъ исполнить смертную казнь.

Грибовъ, 27 сент. 1914.

Меліонъ ср., генераль-майоръ.

Приговоръ былъ объявленъ осужденнымъ 28 сент. 1914 въ 9:30 ч. утра и приведенъ въ исполненіе въ 12 ч. дня.

Новый Сантъ, 28 сент. 1914.

Вѣльскій, ср., майоръ-аудиторъ.

Съ подлиннымъ вѣрно:

Моравская Острава, 25 августа 1915.

Членъ суда: Дурракъ, майоръ“.

Совершенно справедливо замѣчаетъ по поводу этого чудовищнаго приговора „Arbeiter - Zeitung“:

„И такъ, полевой судъ „призналъ доказаннымъ“, что оба подсудимые „были руссофильскихъ убѣжденій“. Такимъ образомъ, сущность преступленія составляетъ убѣжденіе!.. И такъ, Петръ Ключникъ является свидѣтелемъ - экспертомъ относительно направленія цѣлаго движенія, а его мнѣніе о немъ служить доказательствомъ о дѣйствіяхъ подсудимыхъ! Летучки отъ „епископата нѣкогда Никона“: — что это можетъ быть такое?.. Мы хотѣли-бы видѣть ихъ воочию! Повидимому, и самъ судъ совершенно не видалъ этихъ летучекъ и просто на основаніи наговора одного единственнаго человѣка велѣлъ разстрѣлять людей, которые придерживались „руссофильскихъ убѣжденій“. Это было правосудіе полевыхъ судовъ!“

Оба осужденные выслушали приговоръ спокойно и, возвращаясь послѣ этого назадъ въ свою камеру, постучали къ о. Вл. Мохнацкому, причемъ А. П. Сандовичъ крикнулъ ему черезъ закрытыя двери:

— Дядя, мы съ отцомъ приговорены къ разстрѣлу — черезъ два часа!

Въ камерѣ о. Петръ потерялъ силы. По словамъ сидѣвшаго вмѣстѣ съ нимъ Авкс. Савчака, онъ все время находился въ большомъ волненіи и жаловался, что изъ-за людской злобы приходится умирать.

— Ничего мнѣ не жалъ, — говорилъ онъ, — такъ какъ я въ жизни все-равно испыталъ мало хорошаго,

а только что будетъ съ моей бѣдной семьей, а жена навѣрное не переживетъ этого!

Такъ какъ о. Петру не было разрешено даже проститься съ семьей, то онъ ваялъ отъ сидѣвшаго въ той-же камерѣ учителя Венона Ганкевича изъ Бучача обѣщаніе, что тотъ по освобожденіи заѣдетъ къ его женѣ и дѣтямъ и успокоитъ ихъ и увѣритъ, что оба они съ сыномъ совершенно невиновны, послѣ чего уже нѣсколько успокоился и сдался на Божью волю. О. Соболевскій читалъ въ слухъ молитвы, а онъ молился.

Идя на разстрѣлъ, въ 1/2 12 часовъ, осужденные опять постучали въ двери камеры о. Вл. Мохнацкаго и А. П. — что кричали:

— Прощайте, дядя, уже идемъ!

Черезъ тюремный дворъ провели офицеры осужденныхъ подъ-руки, впереди шли два священника. А. П. Сандовичъ еще оглянулся на окна тюрьмы, какъ-бы посылая сидящимъ въ ней знакомымъ послѣдній привѣтъ. Затѣмъ ихъ отвезли автомобилемъ въ городскую стрѣльницу и тамъ разстрѣляли. Похоронили обоихъ на мѣстѣ казни. Изъ частныхъ лицъ случайно присутствовалъ при разстрѣлѣ плотникъ Войцѣхъ Жмигродскій изъ Хелмца.

О произведенномъ разстрѣлѣ грибовскимъ уѣзднымъ старостомъ были разосланы по всѣмъ селамъ уѣзда особыя объявленія, текстъ которыхъ воспроизведенъ выше на стр. 32-ой.

Остальные подсудимые почему-то, по какому-то непостижимому капризу „совѣсти“ австрійскихъ судей-палачей, были оправданы, но, тѣмъ не менѣе, оставлены и дальше въ тюрьмѣ, а затѣмъ, 6 октября, вмѣстѣ съ остальной массой арестованныхъ въ Новомъ Сантѣ

русскихъ людей, административнымъ порядкомъ сосланы въ Талергофъ.

—

О. Петръ Васильевичъ Сандовичъ родился 29 іюня 1858 г. въ Жегестовѣ, новосандецкаго уѣзда, въ семьѣ мѣстнаго священника. Потерявъ въ дѣтствѣ отца и не имѣя возможности продолжать ученіе, поступилъ послѣ 2 класса гимназіи на службу къ одному помѣщику, которому въ теченіе 2 лѣтъ возилъ почту. Затѣмъ былъ принятъ въ бурсу Ставропигійскаго Института во Львовѣ, гдѣ и продолжалъ уже безпрепятственно курсъ гимназіи до конца, послѣ чего

О. Петръ Васильевичъ Сандовичъ.

поступилъ въ духовную семинарію, сначала во Львовѣ, а на послѣдній курсъ въ Перемышлѣ.

Окончивъ духовную семинарію и женившись на дочери священника Маріи Осиповнѣ Мохнацкой, былъ въ 1885 г. рукоположенъ въ священники, послѣ чего долго скитался по различнымъ приходамъ, пока, наконецъ, не получилъ штатнаго настоятельства прихода въ Брунарахъ, грибовскаго уѣзда, гдѣ оставался уже до самой своей тра-

гической смерти, состоя вмѣстѣ съ тѣмъ въ послѣдніе довоенные годы благочиннымъ (деканомъ) мушинскаго деканата.

14-го сентября 1914 г., по доносу мѣстныхъ „украинцевъ“ — учителя Мих. Гуцуляка изъ Избъ и б. жандарма Петра Ключника изъ Флоринки, былъ арестованъ, а 28 сентября, по приговору военно-полевого суда, и разстрѣляны вмѣстѣ съ сыномъ на городской стрѣльницѣ въ Новомъ Санчѣ, оставивъ вдову и 8 дѣтей, съ которыми ему даже не было разрѣшено проститься.

Антонъ Петровичъ Сандовичъ, сынъ отца Петра, родился 6 июня 1887 г. въ Ростокѣ Великой, новосандецкаго уѣзда. Гимназію окончилъ въ Бокнѣ въ 1907 г.,

А. П. Сандовичъ.

послѣ чего поступилъ на философскій факультетъ львовскаго университета, который окончилъ какъ-разъ наканунѣ войны, весной 1914 г.

По тому-же доносу, что и его отецъ, былъ 6 сентября 1914 г. арестованъ, а 28 сентября, вмѣстѣ съ отцомъ разстрѣляны въ Новомъ Санчѣ.

С. Избъ. Наше село получило во время свирѣпствовавшей въ началѣ войны австрійской расправы печальную извѣстность благодаря тому, что здѣсь жилъ и „дѣйствовалъ“ самый безсовѣстный и заядлый на весь уѣздъ „украинскій“ провокаторъ и доносчикъ — учитель Михаилъ Гуцулякъ, благодаря неусыпнымъ доносамъ и лжесвидѣтельству котораго и произошелъ, главнымъ образомъ, кошмарный новосандецкій процессъ, закончившійся, какъ извѣстно, разстрѣломъ двухъ совершенно безвинныхъ жертвъ — о. П. Сандовича и его сына. Этому же Гуцуляку, составившему вмѣстѣ съ аксъ-жандармомъ П. Ключникомъ изъ Флоринки и подавшему посредствомъ солдата М. Пильха въ военную команду въ Новомъ Санчѣ обширный анонимный доносъ на почти всѣхъ русскихъ дѣятелей уѣзда, обiazаны эти послѣдніе прежде всего своимъ арестомъ и продолжительными терзаніями и муками въ Талергофскомъ аду.

Не пощадили онъ, конечно, и своихъ односельчанъ, хотя сначала, въ своемъ первомъ доносѣ, почему-то и не упомянулъ о нихъ. Но затѣмъ, желая наверстать упущенное, онъ все-таки постарался о томъ, что и мѣстный настоятель прихода о. Димитрій Хилякъ, и много крестьянъ были тоже арестованы и отправлены въ Талергофъ.

С. Свѣтница. Въ Свѣтницѣ былъ 9 сентября 1914 г., въ числѣ другихъ, арестованъ и вывезенъ въ Краковъ владѣлецъ лѣсопильни Константинъ Ставискій. На слѣдующій же день пришелъ къ его сыну Захаріи мѣстный лавочникъ-еврей Самуилъ Ригельгауптъ и потребовалъ отъ него уплаты ка-

кого-то долга его отца, когда же онъ, ничего не зная объ этомъ, отказался, то еврей пригрозилъ ему, что донесетъ на него жандармеріи, будто онъ сказалъ, что „придетъ „москаль“ и не нужно будетъ ничего платить евреямъ.“

И дѣйствительно, Захарія Ставискій былъ черезъ нѣсколько дней тоже арестованъ и препровожденъ въ Грибовъ, послѣ чего къ нему, въ свою очередь, на слѣдующій же день пришелъ въ тюрьму другой мѣстный еврей, Іосифъ Хаймъ Штейнъ, и предложилъ продать ему лѣсопильню и хозяйство, такъ какъ неизвѣстно — возвратятся ли онъ и его отецъ еще когда-нибудь домой или нѣтъ?

Такъ, очевидно, евреи съ жандармами нарочно подстроили этотъ арестъ, чтобы, пользуясь растерянностью и страхомъ несчастнаго человѣка, выманить отъ него его имущество для себя.

Феофилъ Игн. Мохнацкій 18 января 1915 г., возвратившійся послѣ временнаго отступленія русскихъ войскъ, австрійцы повѣсили на рынкѣ въ Грибовѣ окончившаго курсъ гимназіи въ Яслѣ Феофила Игнатьевича Мохнацкаго, сестра котораго, Марія Игнатьевна, была, какъ уже отмѣчено выше, такъ звѣрски растерзана толпою солдатъ и другихъ австрійскихъ хулигановъ на улицѣ въ Перемышлѣ 15 сентября 1914 г. *)

Ф. И. Мохнацкій родился 10 января 1891 г. въ с. Куриловкѣ, ланьцутскаго уѣзда, гдѣ отецъ его былъ въ то время

*) См. стр. 108. Въ упомянутой замѣткѣ ошибочно сказано, что Ф. И. былъ разстрѣлянъ.

настоятелемъ прихода. Учился сначала въ Новомъ Санчѣ, затѣмъ въ Сянокѣ и, наконецъ, въ Яслѣ, гдѣ и окончилъ гимназію какъ-разъ наканунѣ войны.

Пріѣхавъ на каникулы къ отцу, въ с. Войткову, добромилскаго у., онъ не успѣлъ даже отдохнуть послѣ экзамена, какъ тутъ-же, съ объявленіемъ моби-

Феофилъ Игнатьевичъ Мохнацкій.

лизации, арестовали его отца, а затѣмъ и сестру, остальной же семьѣ приказали изъ деревни уѣхать. Тогда онъ вмѣстѣ съ оставшейся семьей переѣхалъ къ своему дѣдушкѣ по матери о. Ф. Качмарчику въ Бѣлцареву, грибовскаго у., гдѣ и постигла его неожиданная страшная судьба.

1 января 1915 г. выбрался Ф. И. въ Грибовъ за лекарствомъ для своей

младшей сестры. Въ городѣ задержали его два австрийскихъ сыщика — парикмахеръ Каминскій и рѣзникъ Нелѣпа, которые потребовали отъ него удостовѣренія, а когда такового при немъ не оказалось, отвели его въ жандармское отдѣленіе. Жандармы посадили его подъ арестъ, черезъ нѣсколько дней повели въ Бѣлцареву для наведенія справокъ, а затѣмъ обратно отвели въ

Грибовъ въ тюрьму, гдѣ онъ и просидѣлъ еще 2 недѣли. Наконецъ, поставили его передъ военный судъ по обвиненію въ шпионствѣ въ пользу Россіи и въ указываніи дороги русскимъ войскамъ, а на другой день, 18 января, повѣсили тутъ-же на рынкѣ, разрѣшивъ ему только письменно проститься съ семьей.

Лѣсскій уѣздъ.

Въ лѣсскомъ уѣздѣ были арестованы священники: Чертежинскій изъ Бобрки, Гукевичъ изъ Полянчика, Полопиновичъ изъ Середницы, Чайковский изъ Тарнавы, Генсіорскій изъ Кальницы, Кузьмакъ изъ Гичвы, Грабецъ изъ Лупкова, Коропасъ изъ Кривого, Копыстянскій изъ Береговъ, Щирба изъ Жерницы. Кромѣ того, были арестованы въ Угорцахъ-Минеральныхъ 2 студента, сыновья мѣстнаго настоятеля прихода Макара, а въ Кальницѣ—2 студента Генсіорскіе, братья арестованнаго священника, изъ которыхъ одинъ, Антонъ Ивановичъ, былъ домашнимъ репетиторомъ у графа Бобринскаго въ Петербургѣ и пріѣхалъ недавно въ Кальницу на вакаціи. Въ Тыравѣ-Сольной былъ арестованъ юристъ Шатинскій. Въ самомъ Лѣсскѣ, послѣ произведеннаго обыска въ магазинѣ „Нива“, были арестованы управляющій Шпаковский. Также были арестованы помѣщикъ изъ Стрвьяжева Левъ Чайковский. Изъ крестьянъ были арестованы: Алексѣй Иваниски съ женою изъ Лукового, Михаилъ Тимосъ изъ Середняго-Великаго, псаломщикъ Бурмичъ изъ Терки, Максимъ Нусъ и Іосифъ Мигдала изъ Камянокъ и многіе другіе. („Діло“, 1914 г., № 190.)

Изъ воспоминаній о. Гр. Макара.

Село Угорцы, въ которомъ я состою уже свыше 30 лѣтъ настоятелемъ прихода, имѣетъ смѣшанное населеніе (2 трети—около 700 чел.—русскихъ лемковъ, 1 треть латинниковъ-поляковъ и около 80 евреевъ), а потому въ немъ издавна уже замѣчалась внутренняя національная распря, доходившая въ нѣкоторыхъ случаяхъ, какъ, напр., во время всякихъ выборовъ и т. п., до настоящей, открытой вражды. Особенно усилилась и усложнилась эта внутренняя вражда послѣ того, какъ на мѣсто прежняго, спокойнаго и тактичнаго римо-католическаго священника, пришелъ въ село, смѣнившій его въ 1900 г., новый ксендзъ, принявшійся съ особой страстиостью и настойчивостью за латинизаторскую и полонизаторскую работу въ селѣ. Значительную распрю и смуту началъ поднимать одновременно также мѣстный крестьянинъ, прихвостень уѣзднаго старосты, Юрко Чернига, въ чемъ со временемъ напелъ усердную подмогу въ лицѣ одного „украинствующаго“ служащаго желѣзной дороги.

Тѣмъ не менѣе, однако, дѣло народной организации и просвѣтительная работа подвигались въ нашемъ селѣ весьма

успѣшно. Прежде всего было учреждено братство трезвости, которое со временемъ совершенно ликвидировало распространенный здѣсь раньше пьяный развратъ. Затѣмъ былъ построенъ большой общественный домъ, въ которомъ постепенно были открыты читальня, ссудо-сберегательная касса, кооперативъ для сбыта молочныхъ продуктовъ и яицъ, потребительское общество и „Русская дружина“. Въ связи съ этимъ усилились и утвердились въ селѣ и общее народное сознаніе, сплоченность и стойкость всѣхъ русскихъ жителей, такъ что всякіе выборы неизмѣнно кончались ихъ побѣдой.

Конечно, все это возбуждало тѣмъ большую зависть и злобу со стороны мѣстныхъ и уѣздныхъ „украинцевъ“, поляковъ и всѣхъ недоброжелателей русскаго народа вообще, но въ нормальныхъ правовыхъ условіяхъ они противъ этого ничего существеннаго подѣлать не могли. День вражеской мести и расправы наступилъ только въ исключительныхъ, кошмарныхъ условіяхъ военной мобилизаціи въ 1914 году.

Началось съ ареста двухъ моихъ старшихъ сыновей-студентовъ Романа и Евстахія, которыхъ 6 августа, по нелѣпому доносу, отправили сначала въ синоцкую тюрьму, а оттуда, вмѣстѣ съ цѣлымъ эшелономъ другихъ арестованныхъ русскихъ, вывезли 29 августа въ Терезинѣ.

Меня съ женой и остальными тремя дѣтьми уѣздное староство пока не трогало, а только оставило насъ подъ домашнимъ арестомъ. Это, конечно, не удовлетворило нашихъ недоброжелателей, которые стали еще съ большей настойчивостью и злобой сочинять всевозможные доносы и распространять

самые нелѣпыя слухи о моей „измѣнительской“ и „шпионской“ работѣ.

Когда же благочинный поручилъ мнѣ еще администрацію сосѣднаго прихода Бобрки, то это уже совсѣмъ вывело ихъ изъ равновѣсія, такъ что они явно уже стали обвинять меня въ ночныхъ разбѣдахъ и совѣщаніяхъ съ противогосударственной цѣлью, причемъ подговорили даже моего слугу къ лжесвидѣтельству въ такомъ-же направленіи.

31 августа явились ко мнѣ 2 жандарма въ сопровожденіи 4-хъ солдатъ и 4-хъ мѣстныхъ крестьянъ. Слѣдствие производили въ читальнѣ. Въ то время, какъ солдаты собирали народъ въ читальню для допроса, вахмистръ жандармеріи, послѣ продолжительнаго совѣщанія съ латинскимъ ксендзомъ у него въ домѣ, вернулся оттуда уже съ готовымъ спискомъ подлежащихъ арестованію лицъ. Послѣ допроса жандармы арестовали меня, четверыхъ крестьянъ и одну женщину, то есть, всѣхъ оказавшихся налицо, русскихъ членовъ мѣстнаго сельскаго правленія, которые больше всего являлись солью въ глазахъ польскаго ксендза и старостинскихъ прислужниковъ въ селѣ. Имена арестованныхъ, кромѣ меня, слѣдующія: войтъ Лешко Волкъ, Михаилъ Лемега, Михаилъ Грибъ, Іосифъ Лемчакъ и Розалія Скальчикъ. Подъ плачь дѣтей и женщинъ жандармъ отвѣсилъ пощечину женѣ войта. Испуганный народъ разбрелся по домамъ. Подѣхали двѣ телѣги, и насъ повезли въ городъ Лѣско.

Здѣсь, послѣ обычныхъ издѣвательствъ и надруганій со стороны уличной толпы и уѣзднаго начальства, насъ раздѣлили: меня заперли въ отдѣльную камеру, а моихъ прихожанъ вмѣ-

стѣ съ уголовными и бандой цыганъ.

На другой день въ тюрьму привели также остальныхъ пять членовъ нашего сельскаго правленія, а именно: Юсифа Лемегу, Василия Долгаго, Юсифа Устияновскаго, Ивана Биндаса и Порфирія Биндаса.

3 августа, по приказу тюремнаго начальства, мы насѣхъ собрались, послѣ чего были отведены на ст. Лѣско-Лукавица и посажены въ вагонъ, въ которомъ ѣхали польскіе стрѣлки.

Послѣ часовой стоянки, поѣздъ двинулся съ мѣста среди дикихъ криковъ собравшейся у нашего вагона толпы.

Ѣзда отъ ст. Лукавица - Лѣско до Хирова продолжалась цѣлую ночь, вмѣсто обычныхъ трехъ часовъ. Поѣздъ стоялъ передъ каждой станціей цѣлыми часами. Не доѣзжая Ольшаницы, увидѣлъ я на шоссе знакомую дѣвочку изъ нашего села и, съ разрѣшенія жандарма, бросилъ ей черезъ окно сто коронъ, прося передать моей женѣ, которая осталась съ дѣтьми безъ гроша. Впоследствии я узналъ, что прежде, чѣмъ дѣвочка пришла въ село, мѣстная жандармерія уже знала о моемъ порученіи; ее тутъ же арестовали, а деньги конфисковали. Кажется, этотъ инцидентъ и явился причиной послѣдовавшей позже ссылки упомянутой дѣвочки и ея матери въ Талергофъ.

Въ Хировъ прибыла наша партія въ 5 часовъ утра. Здѣсь предстояла пересадка.

Хотѣлось отдохнуть; я присѣлъ на скамеечкѣ за спинами своихъ прихожанъ, думая такимъ образомъ защитить себя отъ дурного глаза толпы. Но не тутъ-то было. Поѣздъ тянулся за поѣздомъ со свѣжими транспортами войскъ различной породы. Были тутъ мадьяры, преслѣдовавшіе насъ, какъ

кошмаръ, отъ начала до конца нашихъ страданій, были также и германцы. Увидѣвъ насъ, окруженныхъ конвоемъ, они подходили съ ругательствами, заглядывали въ глаза. Подошелъ какой-то лейтенантъ - тиролецъ и съ окрикомъ: — Das ist ein Phof, auf! — вырвалъ у меня изъ рукъ тросточку и ударилъ такъ сильно по рукѣ, что остался синій подтекъ, а затѣмъ схватилъ меня за шиворотъ и толкнулъ изо всей силы впередъ. Послѣ лейтенанта подскочили солдаты и стали плевать мнѣ въ лицо и ругать: — „Ты не священникъ, ты живо дерь, рубли тебѣ пахнутъ, повѣсить его!“ Тутъ опять подошелъ прежній лейтенантъ - тиролецъ, на этотъ разъ уже съ веревкой, которую и забросилъ мнѣ на шею. — Zu dünn, — раздался голоса солдатъ. Тогда палачъ - доброволецъ удалился на минутку и возвратился уже съ толстой веревкой, которую опять накиннулъ на меня. Догадываясь, что офицеръ только „шутитъ“ и пугаетъ меня, я сказалъ по-нѣмецки: „Не дѣлайте глупостей“, — что и подѣйствовало, наконецъ, на зазнававшегося нахала, такъ что онъ оставилъ меня уже въ покоѣ.

Между тѣмъ, на вокзалѣ стали сходиться все новые солдаты и просто всякій сбродъ. Тогда жандармы, видя, что толпа все увеличивается, теперь только начали разгонять ее, а насъ всѣхъ вывели въ вестибюль и, помѣстивъ въ углу, оставили для охраны четырехъ солдатъ. Однако, вся толпа послѣдовала тутъ же за нами. Были тутъ солдаты - мадьяры и нѣмцы, а также какіе-то „вольные“ люди, которые съ подводами тянулись за войсками. Въ то время собралось ихъ въ Хировѣ нѣсколько тысячъ. И всякій изъ нихъ старался выместить свою злобу на арестованныхъ „руссофилахъ“, считая насъ главными виновниками своихъ бѣдствій и скитаній. Такъ, напр., какой-то промотавшійся панокъ изъ Загорья подвелъ къ намъ вновь пріѣхавшихъ солдатъ и, указывая на насъ, обозвалъ насъ „измѣнниками“ и „шпіонами“, послѣ чего тѣ, въ свою очередь, стали осыпать насъ разными ругательствами и угрозами. Подошелъ старый пруссакъ съ лицомъ бульдога и ударилъ ножами прикорнувшего на полу крестьянина по сложенному къ молитвѣ рукамъ, у меня же вырвалъ изъ рукъ молитвенную книжку. Оборачиваясь къ окошку. Тутъ выбѣгаетъ одинъ изъ мадьяръ во дворъ и цѣлится въ меня черезъ окно изъ револьвера. Со мной дѣлается дурно. Обтираю солдатскую слюну изъ оплеванного лица и прощу воды у подошедшаго жандарма. — „Но что же я могу сдѣлать, не могу же я запретить имъ, въ противномъ случаѣ растерзаютъ меня,“ — отвѣтилъ жандармъ по польски и ушелъ за водой, но больше не показавшись.

Тѣмъ временемъ одинъ за другимъ стали отходить со станціи поѣзда, толпа уменьшилась. Наконецъ, остался только упомянутый панокъ изъ Загорья, который все еще, не унимаясь, ругалъ проклятыхъ „москалей“, лишившихъ его состоянія. Но въ концѣ концовъ и ему все это, повидимому, надоѣло, и онъ ушелъ тоже. Настала тишина.

Нѣсколько поѣздовъ стояло подъ парами. Велѣли и намъ выходить. Боясь идти позади партіи, я выдвинулся впередъ, но не успѣлъ ступить на порогъ, какъ получилъ отъ какого-то солдата ударъ по лицу. Тутъ я немного замѣшкался и отсталъ и тотчасъ же получилъ отъ солдата - мадьяра ударъ камнемъ въ лѣвую лопатку.

Поѣздъ тронулся съ мѣста. На всѣхъ станціяхъ повторялась та же исторія. Проѣзжіе и желѣзнодорожные служащіе заглядывали въ вагонъ, всѣмъ хотѣлось видѣть и чѣмъ-нибудь уязвить „измѣнниковъ - руссофиловъ“.

Въ Бакунчицахъ подѣ Перемышлемъ приказали намъ выйти изъ вагоновъ, а затѣмъ, соединивъ насъ съ находившейся уже тамъ партіей арестованныхъ русскихъ изъ Устрикъ, повели четверками въ крѣпость.

Не успѣли мы тронуться съ мѣста, какъ я получилъ опять ударъ камнемъ въ другую лопатку, отчего я потерялъ равновѣсіе и упалъ, а шляпа моя при этомъ покатила по вѣтру подѣ колеса локомотива. Во время нашего пути улицы наполнились толпою — штатскими и военными. Всѣ злобно сулятъ намъ веревку, прибавляя, что пули для измѣнниковъ жалко, или же совѣтуютъ содрать съ насъ живьемъ кожу и выпустить изъ насъ кишки.

Окруженные со всѣхъ сторонъ тѣснымъ кольцомъ враждебной толпы, подошли мы къ мосту, ведущему черезъ главный вокзалъ. Тутъ уже, къ счастью, толпы на мостъ не пустили, да и отъ другой толпы, собравшейся уже было навстрѣчу намъ по другой сторонѣ моста, Богъ миловалъ, такъ какъ насъ повели прямо въ тюремный корридоръ.

Навстрѣчу вышелъ военный чиновникъ, которому жандармъ передалъ тутъ же наши именныя списки.

— А гдѣ же доказательства вины, документы? — спросилъ чиновникъ.

— Это все! — сконфузился жандармъ.

Изъ корридора вывели насъ въ узкій дворъ, гдѣ мы простояли съ шести до девяти часовъ вечера, ожидая дальнейшей участи. Въ этотъ промежутокъ

времени наши ряды были пополнены свѣжимъ транспортомъ арестованныхъ, состоявшимъ изъ 20 человекъ изъ рудецкаго уѣзда. Всѣ они были скованы парами, а у нѣкоторыхъ изъ нихъ все лицо было въ крови. Между ними находилась также дряхлая старушка въ одномъ нижнемъ бѣльѣ, вся скорчившаяся отъ страха и стыда.

Наконецъ, мы дождались тутъ рѣшенія военного суда. Вышелъ офицеръ и прежде всего приказалъ снять кандалы съ арестованныхъ изъ рудецкаго уѣзда, послѣ чего поручилъ конвойному-мадяру отвести ихъ этапнымъ порядкомъ, какъ оправданныхъ, домой и защищать ихъ по дорогѣ отъ оскорбленій и побоевъ. Затѣмъ онъ обратился къ намъ и, кромѣ одного Михаила Гриба, всѣхъ остальныхъ тоже велѣлъ отпустить по домамъ.

Мы воспрянули духомъ, хотя и жалко было оставлять задержаннаго еще подъ арестомъ односельчанина Гриба, которому, какъ выяснилось впоследствии, кромѣ недоказанной измѣны и шпионства, вменялось еще въ вину, будто-бы онъ два года тому назадъ выразился, что всѣхъ евреевъ и поляковъ слѣдуетъ вырѣзать. Но въ концѣ концовъ Грибъ только выигралъ отъ этого недоразумѣнія: послѣ мѣсячнаго заключенія его совершенно освободили, послѣ чего онъ счастливо вернулся домой и оставался на свободѣ въ теченіи всей войны.

Такимъ образомъ, насъ вывели вновь на улицу. Подъ лозунгомъ: „unschuldig — невиновны“, мы благополучно прошли уже среди тысячной толпы обратно на вокзалъ. Затѣмъ сѣли въ вагонъ, изъ котораго только-что выгрузили уголь, и ложились прямо на пол. Утромъ мы поднялись, обмазанные,

какъ трубочисты, сажей и всякой другой благодатью. Я обратилъ вниманіе жандарма, что подъѣзжаемъ къ Угорцамъ, гдѣ намъ уже надо сходить, но жандармъ вдругъ объявилъ намъ, что конечная цѣль нашей ѣзды — г. Лѣско и что только тамъ могутъ отпустить насъ на свободу. На ст. Угорцы мы передали черезъ знакомыхъ извѣстіе домой, что мы освобождены и просимъ прислать за нами подводы.

Но на дѣлѣ вышло иначе. Въ Лѣско опять засадили насъ всѣхъ въ тюрьму.

Къ утру слѣдующаго дня пріѣхали наши подводы, а съ ними также родные нѣкоторыхъ арестантовъ.

Вотъ вижу черезъ окошко въ корридорѣ заплаканную лѣвочку изъ Угорець.

— Чего плачешь? — спрашиваю. Домой вѣдь ѣдемъ!

— Куда тамъ домой, — отвѣчаетъ дѣвочка, — васъ направляютъ въ Сянокъ.

Такимъ образомъ, послѣ напрасныхъ надеждъ и ожиданій, наступило новое разочарованіе. Наши подводы обступили любопытные евреи, а съ другого конца подкатили къ тюрьмѣ казенныя фуры. Скрѣпя сердце, мы заняли на послѣднихъ, съ карауломъ, указаннаго мѣста. Знакомый солдатикъ, еврей Тратнеръ изъ Угорець, подалъ мнѣ шпатель, послѣ чего мы въ полномъ уныніи тронулись въ путь — до новаго этапа.

Издѣвательства и терзанія, перенесенныя нами по пути въ Перемышль, показали даже вахтмейстеру жандармеріи черезчуръ жестокими, а потому теперь уже онъ попросилъ уѣзднаго старосту отправить насъ въ Сянокъ не по желѣзной дорогѣ, а на подводахъ и околнымъ путемъ.

6 сентября пріѣхали мы въ Сянокъ и остановились передъ зданіемъ уѣзднаго суда. Я соскочилъ съ подводы, чтобы поскорѣе скрыться въ корридорѣ суда отъ любопытныхъ глазъ. Но тюремный надзиратель, за неимѣніемъ свободныхъ мѣстъ въ тюрьмѣ, велѣлъ отвести насъ въ староство.

Закрывъ лицо шинелью, я пошелъ вмѣстѣ съ другими въ староство. Тутъ сверху по лѣстницѣ стали сбѣгать къ намъ чиновники, а какой-то ротмистръ такъ толкнулъ меня въ спину, что я упалъ. Но вскорѣ насъ позвали въ канцелярію для допроса, а тѣмъ временемъ полиція разогнала собравшуюся на улицѣ толпу.

Послѣ допроса отвели насъ въ какой-то пустой магазинъ по другой сторонѣ улицы, куда черезъ нѣкоторое время присоединили къ намъ также партію арестованныхъ изъ Устрикъ и изъ Зарочева, такъ что всего собралось тутъ насъ около 50 человекъ.

Около четырехъ часовъ дня мнѣ передали, что на улицѣ находится моя жена. Подозвавъ ее къ щели въ дверяхъ магазина, я просилъ ее, между прочимъ, выхлопотать въ старостѣ другое помѣщеніе, гдѣ можно бы отдохнуть послѣ тяжелаго пути. И дѣйствительно, минутъ черезъ пять вызвалъ меня комиссаръ и приказалъ отвести въ уѣздную тюрьму, гдѣ въ сравнительно удобной камерѣ я встрѣтилъ уже нѣсколько

знакомыхъ мѣстныхъ русскихъ людей. А когда насъ выпустили во дворъ пройтись, мнѣ просто не вѣрилось, когда увидѣлъ тутъ передъ собою почти всю сяноцкую и лѣсскую русскую интеллигенцію, свыше ста человекъ.

Переполненіе тюрьмы утѣрило насъ, что долго здѣсь мы не останемся. И дѣйствительно, на слѣдующій день намъ было приказано собираться. Уставили всѣхъ группами по 30 человекъ, привѣрили въ десятый разъ карманы и списки и приказали выходить со двора. Къ нашему удивленію, на улицѣ мы застали могильную тишину. Толпа въ ста шагахъ возлѣ костела молчитъ, всѣ перекрестные уличныя пункты обставлены стражей, шторы на окнахъ вездѣ опущены, — раздается только гулъ нашихъ шаговъ по мостовой. Для болѣшей торжественности момента не хватало еще только барабана...

Потомъ отвели насъ на вокзалъ. Здѣсь посадили насъ въ классные вагоны по 30 человекъ въ каждый, такъ что можно было размѣститься по скамьямъ.

Скоро переѣхали мы Карпаты и очутились на венгерской землѣ. Послѣ трехсуточной ѣзды, черезъ Будапештъ, Коморно и другіе пункты, прибыли мы, наконецъ, къ мѣсту назначенія — въ приснопамятный Талергофъ...

Свящ. Гр. Макарь.

Новосандецкій уѣздъ.

Въ новосандецкомъ уѣздѣ были арестованы сейчасъ въ началѣ войны, въ числѣ другихъ, слѣдующія лица: о. Гавріилъ Гнатышакъ изъ Крыницы съ тремя сыновьями, о. Емилианъ

Венгриновичъ изъ Тылича съ двумя дочерьми, о. Романъ Прислопскій изъ Жегестова, о. Владиміръ Козловскій изъ Поворозника, д-ръ С. С. Буликъ изъ Мушины, крестьянинъ Николай

Громясь изъ Крыницы и множество другихъ крестьянъ почти изъ всѣхъ русскихъ деревень уѣзда.

Всѣ они были затѣмъ сосланы въ Талергофъ или Терезинъ, за исключеніемъ д-ра С. С. Булика, заключеннаго въ „Чертовой башнѣ“ въ Вѣнѣ и приговореннаго военнымъ судомъ, вмѣстѣ съ другими, къ смертной казни, которая, однако, впослѣдствіи была отменена.

С. Верховля. Въ ноябрѣ 1914 г. пришли однажды ночью къ войту Андрею Богускому въ Верховль какіе-то два незнакомыхъ человека въ штатскомъ платьѣ, которые подпоили его,

а затѣмъ, сообщивъ ему по секрету, что они русскіе развѣдчики, стали спрашивать его о настроеніи въ деревнѣ, симпатіяхъ къ Россіи и т. д. Выпытавъ у опьянѣвшаго крестьянина все, что имъ было нужно, они ушли, но на слѣдующій день пришли опять, уже въ формѣ австрійскихъ жандармовъ, и арестовали и самого войта Андрея Богускаго, и еще пять другихъ мѣстныхъ крестьянъ, а именно: Федора Русиняка, Демка Фецьковского и Петра, Антона и Константина Мѣйскихъ. Всѣхъ ихъ отвели въ м. Пивничу и заперли тамъ въ зданіи школы, а на другой день повѣсили на холмѣ надъ рѣкой.

Сяноцкій уѣздъ.

Г. Сянокъ. Послѣ перваго временнаго отступленія русскихъ войскъ изъ Сянока австрійцы жестоко расправились съ однимъ изъ мѣстныхъ русскихъ жителей, учителемъ народной школы Д. Мохнацкимъ.

Къ приходу русскихъ войскъ въ городъ Д. Мохнацкій выбѣжалъ навстрѣчу русскимъ солдатамъ, восторженно привѣтствуя ихъ словами, что наша родина шесть слолѣтій ждала ихъ прибытія. Это, конечно, видѣли и слышали мѣстные жители изъ поляковъ и евреевъ, и когда затѣмъ австрійцы опять заняли Сянокъ, на Мохнацкаго былъ сдѣланъ доносъ въ „русофильствѣ“. Въ виду этого къ нему былъ посланъ австрійскій уланскій патруль. Солдаты вытащили немощнаго старика изъ дому, связали его по рукамъ и ногамъ, а затѣмъ привязали его за ноги къ лошади и погнали лошадь по улицѣ. Изуродованное тѣло несчастнаго было найдено далеко за городомъ въ такомъ

ужасномъ видѣ, что опознать его можно было только по остаткамъ одежды.

(«Прикарп. Русь», 1915 г., № 1548).

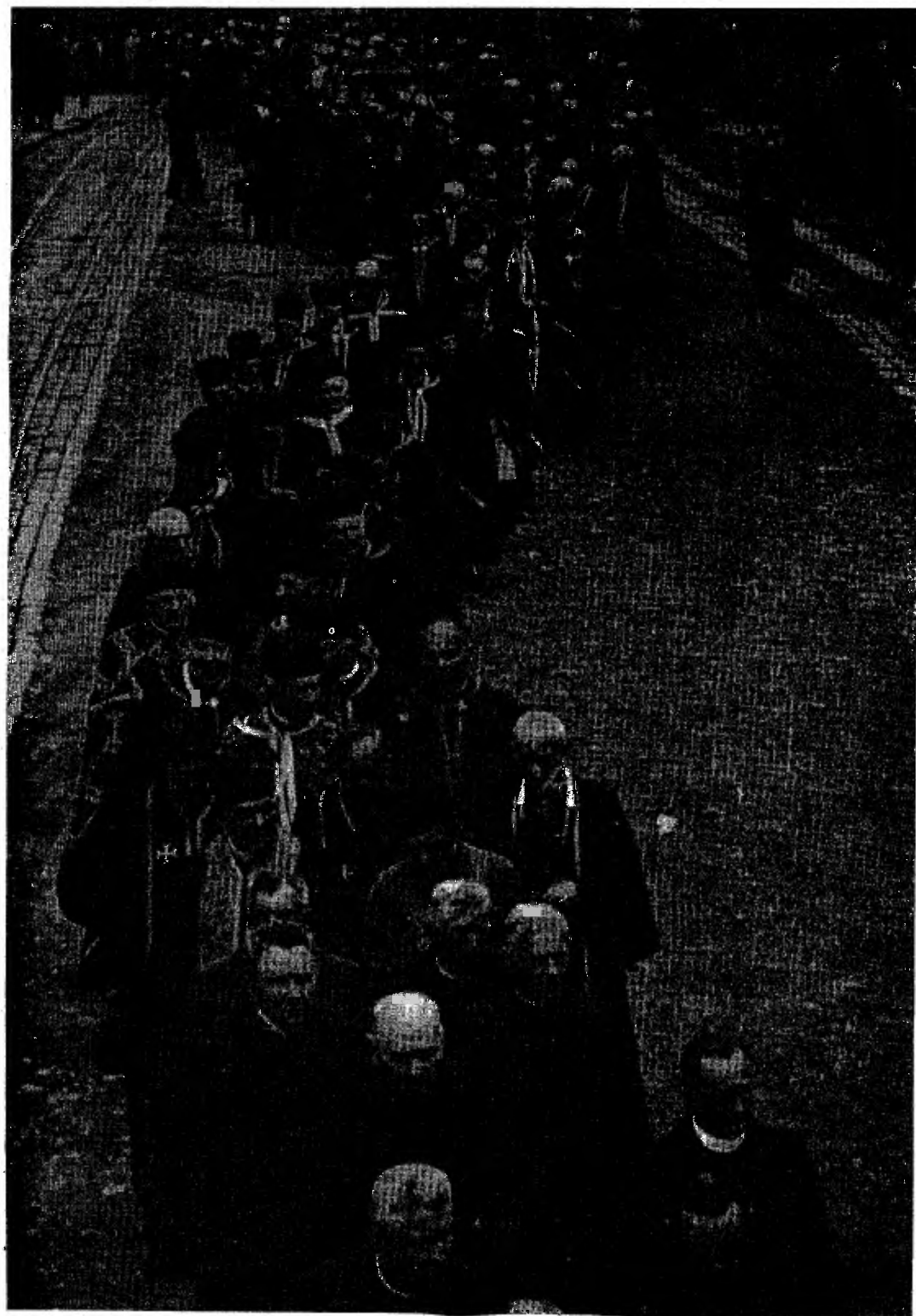
С. Улючъ.

(Сообщеніе Ив. Юхника).

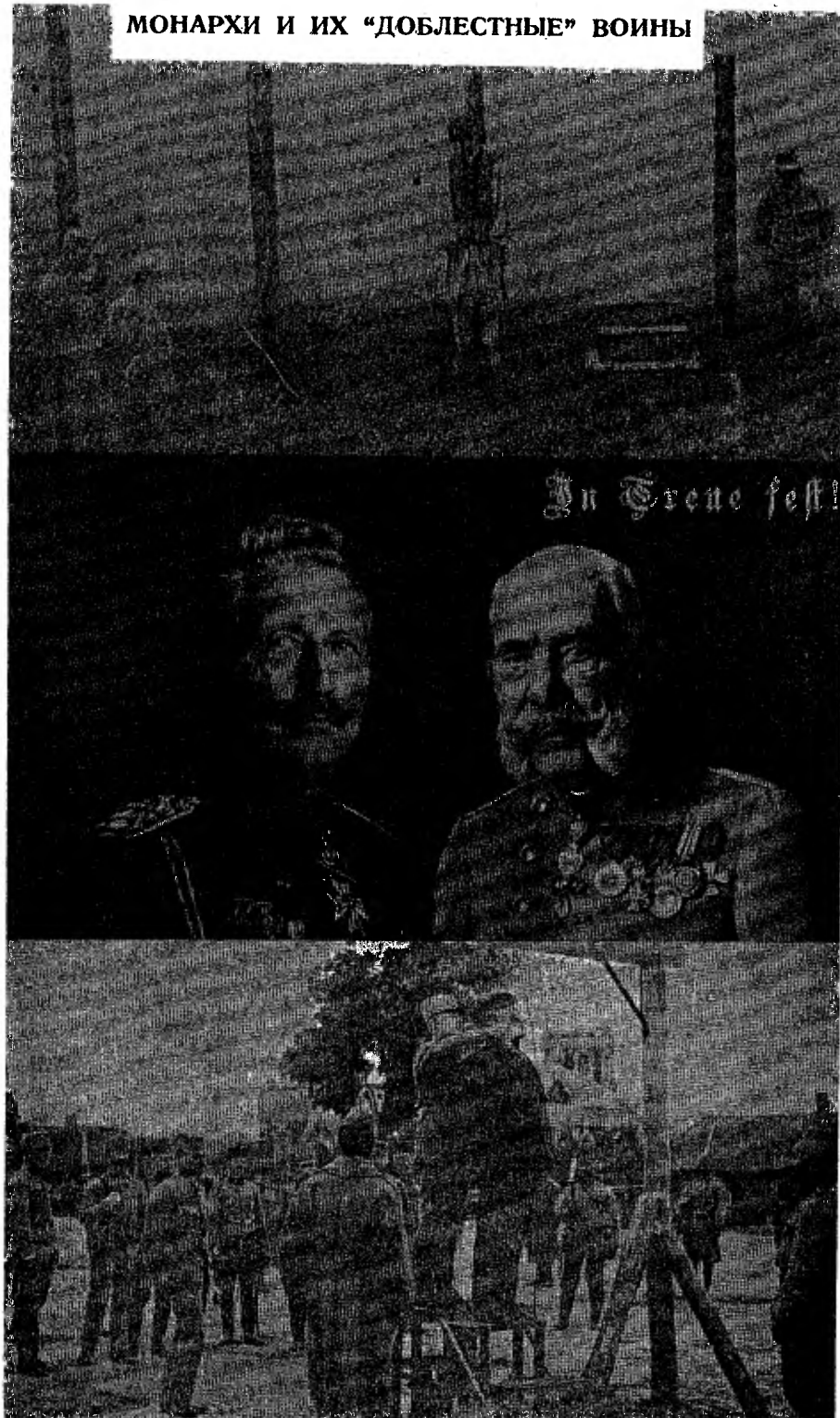
Не стану распространяться о подробностяхъ пережитаго времени; они общеизвѣстны и имѣютъ у насъ всеобщій народный характеръ. Единственно только желаніе оставить дѣтямъ памятку о страданіяхъ отца за русскую идею и дать этимъ хорошій примѣръ въ ихъ будущей самостоятельной жизни, заставляетъ меня сообщить тутъ свѣдѣнія о моихъ и отца моего страданіяхъ во время бывшаго австрійскаго военного террора.

Въ селѣ Улючѣ были арестованы и сосланы въ Талергофъ: Николай Кибала, мой отецъ Иванъ Юхникъ и я. Отецъ мой умеръ въ заключеніи, а я, послѣ тяжелой, 4-мѣсячной болѣзни, вернулся съ Н. Кибалой наканунѣ развала Австріи домой, причемъ здоровье мое утеряно навсегда. И. И. Юхникъ.

Конѣцъ I-й части.

МОНАРХИ И ИХ "ДОБЛЕСТНЫЕ" ВОИНЫ

В ПАМЯТЬ
ВОЕННЫХ МУЧЕНИКОВ

ТАЛЕРГОФСКИЙ ПАМЯТНИК
на Лычаковском кладбище во Львове, построен в 1934 г.

Рускій Народе!

О, Рускій Народе! Ти в горю-печали,
І в слезах і смутку жизнь свою проводиш,
Від виродних братів своїх — яничарів
Терпиш і страдаєш, в струях крови бродиш...

Преславний народе! Твердий і незломний!
Кругом Тебе лихо, роздор, переміна, —
Хочат ізмінити Тебе, православний,
Вмісто славной Руси кажуть „Україна“...

Страдальний народе! Не одне горе
Ще Тобі прийдеся тяжко пережити.
Але кріпко вірю в день Твоєї слави,
Знаю, що страдаєш, щоби в щастя жити!

Хочай пред Тобою терниста дорога,
Тяжкій колоди Тобі під ноги,
Але сильно вірю в славний день побіди,
Що шлях до свободи лежить перед нами!

Печальний Народе! Всього Ти страдаєш,
Ще не одну випиєш чашку горя.
Ще не одна капля Твоєї Рускої крови
Попливе ріками, як вода до моря...

Но з тої крови встане покоління славе
І як ясне сонце в славі засіяє,
Тоді підоймешся, отреш гіркі сльози,
Заклинеш, що слава Русь все побіждає!...

с. Рівне, 1934.

Grabstätte in Feldkirchen
für die im Flüchtlingslager Thalerhof Gestorbenen.

“Fern von der Heimat hier ruhen 1.767 Männer, Frauen und Kinder aus Galizien und Bukowina als Opfer des Weltkrieges 1914 — 1917”.

Талергофское кладбище “Под соснами” было ликвидировано в 1936 г. Кости мучеников перевезены были на кладбище в деревни Фельдкирхен в братскую могилу. Согласно международному соглашению по охране военных могил, на братской могиле построено часовня и внутри помещено надпись: “В дали от Родины здесь покоятся 1,767 мужчин, женщин и детей из Галичины и Буковины жертв мировой войны 1914 — 1917 гг.